

О-506
664068

А.П.ОКЛАДНИКОВ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БУРЯТИИ

УЛАН-УДЭ 1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БУРЯТИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ 1976

Редактор-составитель

д-р ист. наук *В. Е. Ларичев*

Редколлегия: *Д. Д. Лубсанов* (отв. редактор),
Е. М. Залкинд, П. Т. Хаптаев, Е. А. Хамзина,
П. Б. Коновалов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло ровно полвека с тех пор, как по поручению Б. Э. Петри, замечательного сибирского археолога и этнографа, воспитателя целой плеяды широко известных теперь в советской исторической науке исследователей, восемнадцатилетний студент педтехникума А. П. Окладников выехал в апреле 1926 г. в Бурятию и провел свою первую археологическую разведку в низовьях Селенги на территории Кабанского района. Дебют оказался на редкость удачным и вдохновляющим — в окрестностях Кабанска, около деревень Бильчир и Ньюки, а также на знаменитой Фофановой горе, расположенной в окрестностях д. Фофаново, ему посчастливилось обнаружить целую серию памятников, материалы которых позволили тогда лишь слегка приоткрыть завесу над седой стариной древней бурятской земли. А. П. Окладников, возвратившись в Иркутск, привез своему учителю Б. Э. Петри примитивные каменные орудия, возраст которых отстоял от современности по меньшей мере на десяток тысячелетий; изделия новокаменного века несравненно более изящные и совершенные — их выстругали из камня бродячие охотники и рыболовы долины Селенги 4—5 тысячелетий назад; разнообразные вещи, изготовленные из бронзы и железа в последующие эпохи культур металла горно-степной части Восточной Сибири. Б. Э. Петри порадовался открытиям могильников каменного и бронзового веков, сообщению о древних наскальных рисунках на Шаманском камне, а также сведениям о распространении в пределах восточных районов Бурятии следов культуры «курумчинских кузнецов», далеких предков бурят эпохи железа, изучению которых он уделял в то время особое внимание.

В последующие два года в популярных для конца 20-х годов научных изданиях — «Бурятоведческом сборнике» и журнале «Северная Азия» появились две первые статьи А. П. Окладникова, посвященные описанию материалов, обнаруженных при археологических разведках в Бурятии. Он провел тщательный

анализ их и высказал интересные соображения, связанные с возможным процессом формирования и эволюции культур неолита, бронзы и железа Забайкалья. Как бы ни были малочисленными собранные тогда коллекции, какой бы предельно конспективный и предварительный характер не носили резюмирующие части публикаций, они, что случается далеко не часто, определили на десятилетия вперед любовь А. П. Окладникова к археологическим поискам на территории Бурятии в том же необыкновенно широком культурно-хронологическом диапазоне, охватывающем громадные исторические эпохи — от далеких времен древнекаменного века и вплоть до XVII—XVIII вв., когда буряты вошли в состав Российского государства.

Статус академика представляет собой концентрированное и закономерное признание выдающегося значения его исследований в области истории и археологии Азии. Среди них работы по тематике, связанной с Бурятией, занимают почетное место. Они представляют собой, главным образом, результат многолетних полевых исследований Бурят-Монгольской археологической экспедиции, работы которой, неизменно возглавляемые А. П. Окладниковым, осуществлялись в самом тесном и дружеском сотрудничестве с Научно-исследовательским институтом культуры и экономики Бурятской АССР, предшественником Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР.

В сжатом изложении результаты их можно свести к следующему. Тысячекилометровые маршруты экспедиции в самых разных направлениях пересекли территорию республики, главным образом по долинам крупнейших рек Забайкалья — Селенги от границ с Монгольской Народной Республикой до берегов Байкала, а также Уды, Онона, Джиды, Чикоя, Хилка. Особенно интенсивные, напряженные работы велись в нижнем течении р. Селенги на обоих ее берегах от района г. Улан-Удэ до с. Кабанска и д. Фофаново. В результате удалось выявить новые поселения древнекаменного века, не развеянные ветром, и группу богатых по находкам неолитических стоянок, в том числе такую известную теперь среди археологов, как Нижняя Березовка. Материалы со стоянок эпохи неолита и бронзы нижней Селенги позволили ему установить отличия забайкальских культур этого времени от прибайкальских и проследить связи с южными ареалами культур. Несколько интереснейших древних погребений открыто было у сел Острог и Никольское, а также на Фофановском могильнике. Примечательно, что самое раннее для Бурятии неолитическое захоронение оказалось сходным по инвентарю с прибайкальскими того же времени.

В Фофаново, кроме того, раскопаны поздненеолитические и эпохи ранней бронзы погребения с классическим для Прибайкалья комплексом сопровождающего инвентаря. В то же время А. П. Окладников отметил, что по некоторым особенностям обряда захоронений эти ранние могилы Бурятии отличались от Прибайкалья. Удалось обнаружить также погребения поздней поры эпохи бронзы с первым для Бурятии карасукским кинжалом и остатки захоронения с сосудом, украшенным шахматным узором, что указывало на южные связи культуры поздней бронзы Забайкалья. Объектами работ экспедиции стали также палеолитические стоянки и поселения, особенно многочисленные в южных районах Бурятии по берегам Селенги, неолитические памятники, стоянки, поселения и могильники бронзового века, среди которых наибольшее внимание привлекают плиточные могилы, гуннские могильники и знаменитое Иволгинское городище, раннесредневековые херексуры и, в особенности, наскальные изображения, писаницы, великолепные образцы художественного творчества далеких предков бурят поздненеолитического времени и эпохи бронзы.

Если обратиться к отдельным, наиболее крупным этапам эволюции древних культур Бурятии, то впечатляющи исследования палеолитических памятников на ее территории и соседней Читинской области. Они изучены в долинах Селенги, Джиды, Уды, Хилка и Чикоя. Помимо сбора коллекций каменных орудий на известных ранее местонахождениях, он открыл около 40 новых пунктов. Среди наиболее интересных и важных памятников, обнаруженных на территории Бурятской АССР и Читинской области, следует прежде всего упомянуть такие ключевые по значению многослойные стоянки, как Ошурково (недалеко от Улан-Удэ), Санний мыс (долина р. Уды) и Титовская сопка (Чита). Первая из перечисленных выше стоянок двуслойная. Ее раскопки дали обильные остатки костей древних животных, на которых охотились первобытные люди, и многочисленный каменный инвентарь, который использовался ими в работе. Под погребенной почвой в слое лессовидного суглинка археологи вскрыли важные культурные комплексы, а около них расколотые гальки, грубые пластины, крупные овальные скребки, небольшие овальные скребочки и два больших плоских в сечении костяных наконечника с пролиненными сбоку лазами для вкладных лезвий. При раскопках Санного мыса удалось обнаружить очень древний культурный горизонт с развалинами жилища, а выше залежали слои с тонкими «микролитическими» по характеру орудиями с костными остатками архаических животных. На край-

нем востоке Забайкалья в бассейне среднего течения Шилки открыты памятники конца верхнего палеолита или, может быть, мезолита.

Большое количество неолитических стоянок изучалось по долинам Селенги, Уды, Онона и Джиды. В 1949 г. под его руководством начались исследования одного из интереснейших поселений Забайкалья, расположенного в устье р. Нижняя Березовка. Нижние культурные горизонты ее содержали архайческую керамику яйцевидной формы, каменные и костяные орудия, близкие прибайкальским. В тех же слоях удалось обнаружить очаги, слепленные из камней, и захоронения собак. Верхние культурные горизонты стоянок содержали обломки сосудов такого же типа, как найденные при раскопках фофановских погребений. В 50-е годы при разведочных работах в долинах Ингоды и Шилки открыты новые многочисленные памятники, материалы которых позволили прийти к заключению о своеобразных чертах культуры этой новой неолитической провинции на карте древних культур Сибири. Наибольшую близость она обнаруживала с памятниками лесостепного Забайкалья и Северо-Восточной Монголии. Поэтому-то и предложено было назвать ее даурско-монгольской. Вместе с тем, по его мнению, неолит бассейна Шилки обнаруживал черты сходства с древними культурами Прибайкалья, Якутии и Амура. Один из самых замечательных памятников этого района — Шилкинская пещера, где было обнаружено богатое неолитическое погребение, позволившее сделать вывод о том, что восточные окраины Забайкалья заселяли предки тунгусских племен. Особый интерес для культурно-этнических проблем представляло открытие в пещере остатков костей и черепа человека, единственного и, по-видимому, древнейшего из всех известных до сих пор в бассейне верхнего Амура и его притоков. После изучения особенностей черепа выяснилось, что он ближе к черепам современных тунгусов, чем материалы из неолитических погребений Ангары и Лены. Не исключено поэтому, что первоначальная родина тунгусов располагалась не в Прибайкалье, а в Забайкалье, в бассейне рек верхнего Амура.

Что касается бронзового века, то на территории Бурятской республики и Читинской области в течение ряда лет, в основном в конце 40-х — начале 50-х годов, раскопано большое количество могил эпохи бронзы и открыт ряд богатейших местонахождений наскальных изображений, датирующихся тем же временем, чему А. П. Окладников посвятил затем несколько крупных монографических работ. На Фофановском могиль-

нике в низовьях Селенги исследованы погребения, относящиеся к ранней поре бронзового века Забайкалья, синхронной глазковской эпохе Приангарья, и установлено сходство культур двух больших районов Восточной Сибири. Однако наиболее обширные по масштабам работы проведены по изучению заключительной поры бронзового века — грандиозных плиточных могил. Было раскопано около сотни погребальных памятников этого типа и, несмотря на то, что большинство их оказалось ограбленным, в целом материала было достаточно много, чтобы представить особенности культуры поздней бронзы Бурятии. Следы бронзового века, сходного в общих чертах с забайкальскими культурами, были открыты в глухих таежных районах бассейна Шилки. Здесь в 1954 г. около села Усть-Кара в местности Золотая Елань Окладников раскопал две могилы с каменными кладками — захоронения мужчины и женщины. Многочисленные украшения из камня, бронзовые и каменные наконечники стрел, шило, игла, бронзовая бляшка из Золотой Елани позволили установить район, откуда могли поступать на Шилку металл и украшения. Вероятнее всего, их изготавливали в Забайкальских степях. К бронзовому веку относились открытые в том же году писаницы в устье рек Кары, Джилниды, Ключевой и Шайкиной. Все они обнаружили неожиданно близкое родство по стилям и сюжетам якутским писаницам.

Экспедиции А. П. Окладникова исследовали в Забайкалье также памятники железного века — могильники, городища, писаницы. Раскопки плиточных могил и погребений железного века проводились им в районе Кяхты и Улан-Удэ, у с. Агинского и на Ононе. В 1949—1950 гг. велись раскопки замечательного памятника железного века Забайкалья — гуннского городища, расположенного вблизи устья р. Нижняя Иволга. Здесь были раскопаны многочисленные жилища типа землянок с отопительной системой типа канов, парадное здание и производственно-металлургический комплекс. Обильные находки керамики, железных и бронзовых изделий помогли достаточно детально представить характер культуры гуннского времени в Забайкалье. В с. Агинском Читинской области найдено первое в этом районе погребение гуннского времени с богатым инвентарем. Около гроба ребенка были положены части туш двух баранов. Вместе с погребением лежали наконечники стрел, золотое и железные колечки, железная и роговая пряжки, остатки пояса со сплошной лентой перламутровых нашивок, имитирующих раковины каури, железные удила, клинок, десять альчигов и кедровые орехи.

Гуинские могилы с богатым инвентарем исследованы также на р. Джиде (1949 г.). Здесь найдены различные металлические и каменные изделия, круглые халцедоновые кольца, большое число бус из полудрагоценных камней и стекла и сосудов. В одной из могил был захоронен, очевидно, гуинский старейшина. Вместе с погребением лежала большая пластина из богхеда (пайцза), инкрустированная камнями-самоцветами, и медная печать с надписью.

Одним из оригинальных и неизвестных до этого памятников позднего периода железного века являются могильники, исследованные в 1950—1958 гг. около Буудулана в местности Бурхотуй и около станции Оловянная в Читинской области. К этому же времени относится погребение, раскопанное в 1953 г. на Шилке в устье р. Урдокан. Несмотря на плохую сохранность многих погребений, изучение их дало достаточно обильный и разнообразный материал: целые сосуды необычного для Забайкалья типа, оригинальные, не похожие ни на гуинские, ни на тюркские, железные и костяные наконечники стрел, пластинки лат, украшения, пряжки, кольца, железные ножи. Необычным для степных кочевников было полное отсутствие костей домашних животных. Новую для Юго-Западного Забайкалья культуру железного века Окладников назвал бурхотуйской и установил неожиданное близкое ее сходство по керамике с амурско-приморскими культурами железного века. По времени эта культура заняла отсутствующее до сих пор звено в истории забайкальских племен послегуинской эпохи, предшественников памятников тюркского периода. А. П. Окладников высказал в связи с этим ряд соображений о возможности отнесения могильников бурхотуйцев к периодам «су-моалов» В. Рубрука — «водяных» или «речных» монголов.

Херексуры, раскопанные А. П. Окладниковым, относятся ко времени первых тюркских империй. При раскопках в них найдены обломки литых чугунных котлов, железных изделий, пластины от составных лат восточноазиатского типа и керамика, близкая к кыргызским вазам Енисея и сосудам из тюркских могил Северной Монголии. К более позднему времени относятся два погребения, обнаруженные на Ононе. Среди инвентаря здесь оказались пластинки от лука тюркско-монгольского типа, железные пластинки от лат центральноазиатской формы, костяные и железные наконечники стрел с шариками-свистунками, близкие амурским. Эти захоронения датированы временем, непосредственно предшествующим годам возвышения Чингисхана и образования его империи. Что

касается эпохи XVII—XVIII вв., то об этом говорится в «Очерках из истории западных бурят-монголов», изданных в Ленинграде в 1937 г. В книге рассматриваются основные факты освободительной борьбы ангарских бурят против царизма, история присоединения Бурятии к России и развития общественного строя западных бурят. В ней широко использованы неопубликованные архивные материалы, доклады, сведения об языкознании и археологии. А. П. Окладников являлся редактором I тома обобщающего труда «История Бурятской АССР».

Проблемы истории и культуры Бурятии, разрабатываемые в публикациях А. П. Окладникова, отличаются таким разнообразием тематики, что в сжатом до предела очерке его исследований упомянуть многое попросту невозможно. Рассматривая в совокупности написанное им в этой области, можно без опасения впасть в особое преувеличение, кратко охарактеризовать его как своего рода историческую энциклопедию древней Бурятии. В книгу, которая теперь предлагается вниманию читателей, естественно, включена лишь часть написанного А. П. Окладниковым о Бурятии. Некоторые статьи опущены совсем, отдельные — сокращены из-за ограниченности объема. Опубликованные статьи и фрагменты монографических изданий, собранные воедино, представляют значительный интерес для всех, кого волнует прошлое республики.

Д. Лубсанов, директор Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР.

В. Ларичев, зав. сектором истории и археологии стран зарубежного Востока ИИФФ СО АН СССР.

Р а з д е л I

ПРИБАЙКАЛЬЕ И ЗАБАЙКАЛЬЕ В VI-XVII вв.

КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТЮРКСКОГО ПРИБАЙКАЛЯ VI—X ВВ. С ЗАПАДОМ¹

(Орнамент венгерских платин для украшения сумок X в.
и манхайские гравированные плитки)

Вдоль древнего пути от берегов Ангары к верховьям Лены по просторной степной долине вьется река Куда, родина кудинских бурят.

Около старинного села Усть-Орды, или, по-бурятски, Харганая, над руслом Куды поднимается гора Манхай, уже издали бросающаяся в глаза своими лесистыми вершинами и крутыми склонами. Против самой высокой вершины Манхая лежит небольшой, но знаменитый в прошлом холм, священная гора кудинских бурят — Ухыр-Манхай, где на выходах красного песчаника были высечены древние рисунки. На самой же манхайской вершине, где снова выступают горизонтальные пласты красного песчаника, тоже видны многочисленные наскальные рисунки.

Непосредственно над писаницами располагаются остатки древнего укрепленного поселения — Манхайского городища. Городище было надежно защищено с трех сторон отвесными обрывами и крутыми склонами столовой возвышенности. Но этого обитателям Манхайского поселения показалось мало; они выкопали глубокие рвы и насыпали земляные валы со стороны узкого перешейка, соединяющего площадку городища с вершиной горы, и, кроме того, укрепили вал на перешейке подстилающей его мощной кладкой из плит песчаника. Изучая этот вал, мы неожиданно обнаружили в его основании ритуальное захоронение костей коня. Это были трубчатые кости ног, не расколотые для извлечения костного мозга, а целые, как это делается во времена шаманских жертвоприношений.

¹ «Исследования по археологии СССР». Сб. ст. в честь проф. М. Н. Артамонова. Л., 1961, стр. 167—173 с илл. (Ленинград. гос. ун-т им. Л. А. Жданова).

Нужно думать, что жертвенная лошадь была убита во время закладки укрепления, а кости ее захоронены после ритуальной трапезы. Еще неожиданнее оказалась другая находка: на одной из плит четкими уверенными линиями было вырезано изображение всадника. За первым камнем с изображениями последовали другие, всего более двух десятков.

Изображения на плитках, извлеченных из вала Манхайского городища, по стилю и содержанию ближайшим образом напоминают наскальные рисунки на писаницах той же Кудинской долины, например на Манхайских скалах или на горе Байтог. Эти изображения не вытерты, как наскальные рисунки на р. Лене, сплошным пятном, а вырезаны тонкими линиями. Главным сюжетом их являются изображения лошадей и всадников. Лошади часто украшены султанами и подшейнными кистями (рис. 1). На шеях лошадей видны острые зуб-

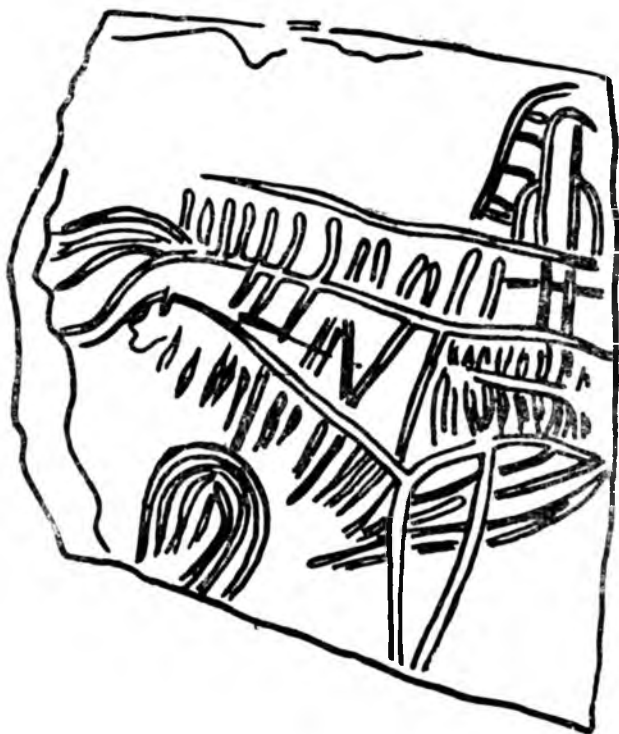

Рис. 1. Изображение всадника на плитке. Манхай.

Рис. 2. Изображение конного всадника на плитке. Манхай

Рис. 3. Косули. Изображение на плитке. Манхай.

цы подстриженной гривы (рис. 2). Лошади иногда одеты в специальную броню, которая, как и броня на фигурках всадников, передается поперечными линиями. У всадников видны в руках копыта с флажками. На плитах имеются также изображения диких животных. Такова, например, целая группа косуль, переданная очень живо, с большой экспрессией: косули прыгают одна за другой, широко раскидывая ноги и вытянув вперед головы (рис. 3).

Кроме изображений людей и животных, на плитах из вала Манхайского городища встречаются и условные, а также орнаментальные рисунки в виде сетки из перекрещивающихся косых линий, выполненные в той же технике. Такие схематические изображения в виде сеток часто встречаются в наскальных рисунках Прибайкалья, в особенности на реке Лене, например в классическом местонахождении около деревни Шишкино, между Качугом и Верхоленском. Судя по шишкинским и другим наскальным рисункам на Лене, они были связаны с охотой при помощи сетей или охотничьих изгородей и с охотничьей магией. В результате магических обрядов звери должны попадать в ловчие сети и в изгороди. О таких обрядах наглядно рассказывает рисунок на одной из ленских скал, где изображены сети и направляющиеся к ним олени, а также фигура божества — деятеля охотничьей добычи и руническая подпись — заклинание, или алгыс.

Среди условных рисунков, выгравированных на плитках из вала Манхайского городища, особое место принадлежит двум рисункам. Первый вырезан на довольно тонкой плитке песчаника размером 29x15 см и состоит из смело и размашисто вычерченных кривых линий, среди которых выделяется фигура, напоминающая своеобразно схематизированную пальметку или цветок с двумя боковыми округлыми лопастями и такими же двумя выступами вверху (рис. 4). Среди прихотливо извивающихся длинных кривых линий разбросаны также образные фигуры, похожие на лепестки цветов или листья. Второй рисунок на плитке размером 23x13 см, выполненный более детально и тщательно, отличается и более четко выраженной композицией (рис. 5). Сплошное орнаментальное поле рисунка отчетливо делится на три горизонтальных пояса, расположенных один над другим и вместе с тем соединенных друг с другом. В каждом поясе видна одна и та же фигура, напоминающая полумесяц с образно вогнутой серединой. Промежутки между такими тремя крупными фигурами, расчленяющими и организующими все орнаментальное поле, заполнены такими

Рис. 4. Орнаментированная плитка. Манхай.

же, но более сложными по форме мелкими фигурами, представляющими стилизованные цветы или части растений.

Оба этих рисунка совершенно необычны по своему стилю и содержанию не только среди других рисунков на плитках из вала Манхайского городища, но и среди всех остальных наскальных изображений Прибайкалья. Они вообще не имеют никаких аналогий в древнем искусстве Восточной Сибири.

Тем неожиданнее аналогии этим манхайским рисункам, находящиеся далеко от Ангары и Лены, на Западе — в Венгрии. Среди археологических памятников эпохи переселения предков венгров из Лебедии на Дунай в «особый культурный круг» выделяются погребения, характеризующиеся оригинальными орнаментированными пластинами от кожаных походных сумок для сабель (Säbeltaschenplatten).

Пластины эти изготовлялись из двух слоев металла, нижнего и верхнего. Верхний слой представлял собой серебряную

Рис. 5. Орнаментированная плитка. Манхай.

или медную позолоченную пластину. Нижняя пластина выделялась из меди или бронзы. Обе пластины соединялись металлическими гвоздями. Верхняя пластина обычно бывает покрыта богатым и своеобразным криволинейным орнаментом. Характерная особенность последнего — оригинальная сетка из переплетающихся выпуклых линий, образующих иногда как бы рамки, внутри которых заключены растительные узоры типа пальметок или цветов. Каждая такая рамка напоминает по форме ромб с округленными углами.

Достаточно сравнить этот узор с рисунками на манхайских плитках, чтобы убедиться в их сходстве. Узор манхайских плит является как бы упрощенной, «скоростной» копией того же изображения, те же медальоны из широких изгибающихся полос, те же растительные элементы, похожие на пальметки, цветы, листья, та же композиция в виде горизонтальных поясов.

Металлические орнаментированные пластины найдены в Венгрии в погребениях конных воинов, отличавшихся такой характерной чертой, как наличие при погребенном костяке человека костей лошади, причем не целой, а расчлененной (хоронили только череп и длинные кости, т. е. голову и ноги лошади). Именно таким же образом приносились в жертву шаманским духам и божествам у сибирских народов шкуры жертвенных животных вместе с головой и костями ног.

Следовательно, ритуал захоронений с металлическими пластинами для сумок типично степной, тюркский, связанный с древними шаманскими представлениями и культом. Вместе с пластинами в таких могилах встречались железные сабли, различные украшения конской сбруи, железные наконечники стрел, поясные бляшки, наконечники от поясов и другие предметы, образующие определенный выдержанный комплекс. Время этих погребений определяется найденными в них монетами, в первую очередь диргемами саманидского чекана начала X в. нашей эры.

Погребения с металлическими пластинами для сумок вне пределов Венгрии неизвестны, а сами пластины представляют собой действительно «изолированное художественное явление». Нужно считать вполне обоснованной мысль о принадлежности этих памятников конным кочевникам — предкам венгров, вышедшим в конце IX в. (896 г.) из Лебедии на Дунай².

В Лебедии, как полагают исследователи памятников древне-венгерской культуры, и возникли замечательные металлические

---

² См.: Handor Fettich. Die Metalkunst der Landnehmen den Ungarn.— «Archaeologia Hungarica», v. XXI. Budapest, 1937, S. 221—247. Табл. LXII, LV, LVIII.

пластины для сумок с их богатым орнаментом, представляющие подлинно выдающееся явление в средневековом ювелирном искусстве Восточной Европы.

Вполне возможно, что происхождение орнамента пластин для древневенгерских сумок связано с распространением восточных, т. е. иранских и среднеазиатских тканей, украшенных растительными в своей основе узорами.

Однако вывод о возникновении такой орнаментики и всего «искусства сумок для сабель» — *Söbeltaschen* именно в Лебедии, т. е. между Днестром и Доном в VIII—IX вв., а также о принадлежности его только предкам венгров не может быть принят в такой категорической формулировке. Действительная картина истории орнамента древневенгерских металлических пластин для сумок значительно сложнее.

Об этом свидетельствует совпадение между ними и рисунками на плитах из вала Манхайского городища.

Такое сходство орнамента на вещах, разделенных более чем пятью тысячами километров, можно объяснить в данном случае двумя гипотезами.

Если согласиться с предположениями, что орнамент, характерный для металлических накладок на сумки, действительно возник в Лебедии у древних венгров, то остается допустить, что древние тюркские обитатели Прибайкалья познакомились с этим орнаментом благодаря кыргызам или же арабским и среднеазиатским купцам, которые, судя по труду Гардизи «Украшение известий», написанному в царствование газневидского султана Абд-ар-Рашида (1050—1052 гг.), давно знали о племени кури, обитавшем на Ангаре, и хорошо представляли себе дорогу с Енисея к Байкалу.

За последнее время на Ангаре при раскопках поселения в устье р. Унги обнаружены новые находки, подтверждающие связи тюрков Прибайкалья с Западом. Об этом свидетельствуют обломки стеклянных сосудов, каменная печать с изображением быкоголового существа в короне и с крыльями, а также настоящие среднеазиатские светильники — чираги, впервые найденные между Таласом и Байкалом. Следует предположить, что оригинальная орнаментика *Säbeltaschen* возникла не на западе, в Лебедии, и не в VIII—IX вв, а раньше, и на Востоке — там, где складывались тюркские народности и их культуры. За такое решение вопроса свидетельствуют драгоценные по их значению для истории культуры Сибири находки в древнекыргызских чаатасах на Енисее. На роскошной золотой тарелке и на сосуде с птицами из Копенского чаатаса орнамент имеет вид такой же сетки из выпуклых линий, образующих фигуры в виде медальо-

нов-ромбов с округленными углами, а в них и в промежутках между ними размещены пальметки и фантастические фениксы китайской мифологии. С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова справедливо связывают орнамент золотой тарелки из Копен с орнаментом китайских тканей танского времени³.

Новая находка плит на Манхае, орнаментированных таким же узором, не только вновь подтверждает наличие живых связей тюрков Прибайкалья с Западом, но является дополнительным доказательством важного значения культурных элементов, зародившихся на Востоке, для сложения культур степных племен Восточной Европы первой половины первого тысячелетия н. э., в том числе культуры древних венгров в Лебедии и на Дунае.

О том же, кстати, свидетельствуют и сами условия, в которых оказались публикуемые здесь изображения с Манхая. Они были найдены в оборонительном валу городища. Точно так же на стенах нижнедонских городищ, принадлежащих хазарам, были найдены камни и кирпичи с изображениями животных и всадников, аналогичными по содержанию и стилю прибайкальским писаницам. Такие же изображения имеются на кирпичах из древнеболгарской столицы Преславы и среди наскальных рисунков Болгарии⁴.

---

³ См.: Л. Евтюхова, С. Киселев. Чаатас у села Копены. Сборник статей по археологии СССР.—«Тр. Гос. исторического музея», вып. XI. М., 1940, стр. 48.

⁴ См.: М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону.—«ИГАИМК», вып. 131, 1935, стр. 100—101, рис. 40—41; М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа.—«МИА», 62. (Тр. Волго-Донской археол. экспедиции, т. I), 1958, стр. 24, 46.

ДРЕВНЯЯ ТЮРКСКАЯ КУЛЬТУРА В ВЕРХОВЬЯХ ЛЕНЫ¹

Одной из главных задач Ленской историко-археологической экспедиции ИИМК АН СССР и НИИЯЛИ ЯАССР в 1940—1945 гг. было изучение вещественных памятников Верхней Лены, которые должны осветить историю возникновения якутской народности.

Такие памятники впервые были отмечены еще 200 лет назад участниками северных экспедиций XVIII в. Сотрудник Миллера и Гмеллина Линденау, автор замечательного описания якутов, датированного 1741—1745 гг., приводит совершенно неожиданные, с точки зрения существующих взглядов, указания, полученные им от самих якутов, на то, что события начальной саги якутского фольклора об Эллее и Омогой-Бае целиком разворачиваются в Прибайкалье, а вовсе не на Средней Лене, и что при Тыгыне, до прихода русских на Среднюю Лену, там смешалось всего два поколения вождей: внук Эллая Баджей — сын Аптатюнка и сын Баджея Мунджан, от которого родился Тыгын. Линденау прямо указывает, что именно при тойоне Баджее (Баджаайы) якуты под напором врагов покинули свою родную гору Кюбюлюр и ушли на север. Линденау тогда же обратил внимание на древние укрепления у Байкала, где, по его мнению, жили якуты. В 90-х годах прошлого века вопрос о местопребывании предков якутов в верховьях Лены и на Ангаре привлек внимание М. П. Овчинникова и других исследователей, остановившихся на тех же городищах и других памятниках, объединенных общим наименованием «курумчинской культуры».

В 1929 г. автору посчастливилось заново открыть новую группу памятников этой культуры, впервые отмеченных Миллером, а затем на 200 лет забытых — наскальные изображения «между Качегой и Верхоленском».

---

¹ «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», вып. 19, 1948, стр. 3—11.

Изучение этих разнообразных памятников подтвердило мнение, что они имеют отношение к предкам якутов и свидетельствуют, что курумчинская культура достигла в свое время на Верхней Лене достаточно высокого развития.

Границы распространения памятников курумчинской культуры в настоящее время определяются, примерно, так: низовья Селенги, долина Баргузина, Тункинский край, долина Ангары до Балаганска и несколько ниже — верховья Лены — до Жигалова. Отсюда видно, что она имеет своим географическим центром Байкал с его густо заселенными в то время берегами, а основной областью ее распространения является верхняя, т. е. южная часть Приангарья и Приленского края с заключенной между ними частью Байкальского побережья.

Стоянки курумчинского времени представляют собой характерную картину местообитания кузнецов. На них повсюду разбросаны шлаки, кузнечный нагар, обломки горнов, черепки от глиняных сопел — трубок, которые надевались на кузнечные меха, целые и битые плавильные тиглы. В одной из землянок на поселении курумчинцев в пади Уту-Елга оказались даже остатки небольшого горна, вделанного в ее стену на том месте, где у жилых землянок помещалась особая приступочка — «лежанка». Горн имел вид большого толстостенного сосуда с округлым дном. В горшке было два отверстия для сопел. В горн накладывали послойно руду и древесный уголь. Во время выплавки железа внутрь сосуда подавали мехами воздух через сопла, а сверху постепенно добавляли уголь и измельченную руду.

Сыродутное железо курумчинцев обладало высокими качествами: процент чистого металла в нем был исключительно высок и доходил до 99,43 %, поэтому оно было особенно ковким и прочным.

Курумчинцы сумели развить скотоводство даже и на ограниченных по размеру пастбищах Прибайкалья до весьма высокого уровня. О многочисленности принадлежавших им стад скота свидетельствуют находки на стоянках разбитых и расколотых костей животных, преимущественно лошадей, коров и овец.

Больше всего курумчинцы заботились, по-видимому, о размножении конских табунов, составляющих истинную гордость их владельцев. По крайней мере, именно лошади и всадники являются главным сюжетом наскальных изображений того времени, найденных вблизи дер. Шишкино и в других местах по Лене, а также на горе Хашхай по р. Унге, которые следует считать одновременными с остальными памятниками курумчинского типа и принадлежащими одному племени. Фигуры лошадей повторяются здесь постоянно в десятках вариантах, отличаясь

друг от друга только незначительными частными деталями в уборе, наличием или отсутствием всадников. Курумчинцы в основном народ конников, племя пастухов и наездников. Судя по писаницам, видное место в их хозяйственной жизни занимал также и двугорбый верблюд.

Наряду со скотоводством, немаловажное значение в хозяйстве курумчинцев должна была иметь охота на диких животных. Кости косули и лося встречаются на стоянках и городищах довольно часто, хотя и гораздо реже, чем кости домашних животных. На писаницах наблюдаются сцены, изображающие облавную охоту. Один такой рисунок состоит из трех фигур полужантастических зверей, вероятно кабанов, мчащихся в одном направлении. Их преследует конный загонщик, а навстречу кабанам скачет второй охотник: облага показана здесь, таким образом, в условной композиции сбоку, с размещением фигур по одной линии.

Кроме охоты и скотоводства, курумчинцы занимались также и земледелием, будучи, следовательно, первыми по времени земледельцами в Прибайкалье. Около их городищ местами встречаются следы древних пашен в виде длинных параллельных грядок. Подобные грядки имеются, например, около курумчинского городища на горе вблизи дер. Кулаково по р. Ангаре, причем здесь грядки вплотную примыкают к городищу и очень хорошо видны с соседней возвышенности, господствующей над городищем.

Широко применялось, должно быть, курумчинскими земледельцами-скотоводами искусственное орошение полей и сенокосных угодий, следами которого являются арыки в бурятских степях Прибайкалья.

Современные буряты считают сооружение таких арыков, как и остатки пашен, делом не своих предков, а более отдаленных предшественников. По некоторым легендам, строителями древних ирригационных сооружений являются здесь ута-монголы, хоро- и хара-монголы, жившие задолго до прихода бурят на Куду. Остатки этих сооружений приписывают в Бохане народу «бот» или «бод».

Поселения курумчинцев имели вполне постоянный, оседлый или полuosедлый характер. Культурный слой их часто бывает относительно мощным и густонасыщенным бытовыми остатками: черепками глиняной посуды, шлаками, костями животных.

В ряде мест известны поселения, состоящие из остатков прочных жилищ типа землянок или каких-то построек из прутьев или жердей, обмазанных сверху глиной с примесью соломы или травы.

На Ангаре — между Иркутском и Балаганском, но Куде — в кудинских степях, на Унге, Осе, Иде и Илге известны также остатки укрепленных поселений или убежищ, которые могут быть отнесены к курумчинскому времени и по своему распространению совпадают с расселением народности, оставившей курумчинские памятники вообще.

Они располагаются обычно целыми группами, своего рода «гнездами», в определенных пунктах, где, например, размещалось большое население — в местах, богатых лугами и пастбищами, по живописным возвышенностям, господствующим над просторами речных долин. Очень характерны с этой стороны, например, группа капсальских городищ на Куде или городища в дер. Кулаково на Ангаре. Керамика, найденная на городище у дер. Кулаково, как и на некоторых других, курумчинская.

Курумчинским поселениям и городищам с их культурными остатками соответствуют оригинальные могильники, найденные на о-ве Ольхон, крупнейшем центре этой культуры.

Первые раскопки ольхонских кладбищ, которые местное население приписывало легендарным хара-монголам, были произведены Н. Н. Агапитовым в 1881 г. в местности Абазаев Утук, или Име-Кутул, в 3 км от улуса Кутул. По своему внешнему виду могилы кладбища похожи на миниатюрные конические юрты типа чумов эвенкийских «джу» или бурятских «бухэков» далекого прошлого, ибо надмогильные сооружения из плит гнейса составлены таким образом, что получается пяти- или шестигранная пирамида, полая внутри. Есть большие пирамиды, до метра высотой, есть и маленькие. Сходство их с чумами увеличивается наличием бокового отверстия, обращенного к югу и соответствующего входу в юрту.

Наиболее характерные для курумчинской культуры и полнее изученные ольхонские могильники ценны не только тем, что рисуют представления курумчинцев о загробном мире как продолжении земной жизни (могилы в виде юрт — жилища мертвых), но и своим обилием, своей удивительной для Прибайкалья скученностью в их расположении. Подобные кладбища могли быть оставлены только длительно обитавшим здесь и относительно многочисленным населением. Значительный интерес представляют курумчинские писаницы, распространенные в резко ограниченных пределах на Лене — от с. Большие Голы до дер. Каринги; есть они, как будто, и на Унге, вблизи улуса Нукуты, на горе Хашхай. Зато в своей главной эйкумене они очень многочисленны и концентрируются весьма густо, особенно около дер. Шишкино, где и обнаружил их впервые И. Г. Миллер. Пи-

саницы шишкинской группы резко выделяются среди всех прочих писаниц Прибайкалья по своему содержанию, стилистическим чертам и технике, составляя строго выдержанное и единое в основе целое.

По содержанию в них выделяется группа изображений всадников с богатым конским убором. Всадники обычно изображаются без головного убора, с круглой или овальной головой, в узком костюме, напоминающем кафтан, перехваченный тугим поясом в талии. Руки их дугообразно свисают с обеих сторон и суживаются книзу.

Наряду с изображениями всадников, встречаются также рисунки пеших людей, которые по общестилистическим чертам и технике входят в эту же шишкинскую группу. В одном случае это воины в узких кафтанах и, как будто, высоких сапогах, или унтах. В других случаях изображены группы людей, стоящих фронтально, в ряд. Все они одеты в одинаковые по покрою платья, напоминающие длиннополый, до самых пят, халат или шубу, с перехватом в талии и длинными суживающимися книзу рукавами. На головах этих людей имеются высокие шапки с округлым верхом. На ногах иногда видна обувь в виде невысоких сапог. Покрой одежды, отмеченный для человеческих фигур на писаницах шишкинского стиля, полностью совпадает с покроем одежды турецких племен, описанным С. И. Руденко.

Для характеристики культурного уровня, достигнутого курумчинцами, особенно показательно наличие у них письменности. Внимание тюркологов недавно привлекли образцы древнетюркской рунической письменности: две надписи, найденные на ангаро-ленском водоразделе вблизи Байкала — в долине р. Мурина. Надписи эти начертаны руническим шрифтом и передают звуки древнетюркской речи: обе они не моложе остальных памятников древнетюркской рунической письменности в Сибири, т. е. не позже IX в. н. э.

Такова же и третья руническая надпись, обнаруженная летом 1941 г. на одной из ленских скал неподалеку от Верхоленска, вблизи с. Куртухай, в местности Никольский ручей.

Всего же в Западном Прибайкалье найдены четыре надписи на древнетюркском языке орхоно-енисейским руническим шрифтом, из них три бесспорные, уцелевшие и поддающиеся расшифровке и одна в Нукутах, не сохранившаяся полностью².

---

² В 1941—1944 гг. еще три надписи рунического характера обнаружены в сочетании с писаницами и севернее Верхоленска; они должны быть рассмотрены особо.

Они замечательны тем, что найдены в районах, где наиболее густо концентрируются памятники эпохи железа курумчинского типа: в бассейне Куды — по Мурину (в пределах Ольхонского края), на Лене у Верхоленска и в Аларской степи. «Новая, ранее неизвестная провинция распространения древнетюркских рунических писем», — как писал о ней Кай Доннер, — целиком совпадает, таким образом, с областью древней курумчинской культуры³.

Четыре новые рунические надписи являются, следовательно, бесспорным признаком пребывания здесь, в Западном Прибайкалье, в I тысячелетии н. э. древнетюркского племени, знакомого с орхоно-енисейской рунической письменностью. Они разъясняют тем самым этническую принадлежность заселявших в это время Прибайкалье загадочных курумчинов, оставивших после себя многочисленные стоянки, могильники, писаницы и городища, и показывают их культуру в наиболее высоком ее проявлении.

Следует полагать далее, что прибайкальские тюрки V—IX вв. н. э., пользовавшиеся общетюркской рунической письменностью, и по их общественному строю были близки к своим степным соседям. О том, что дело обстоит именно так, вполне отчетливо свидетельствуют те же наскальные изображения шишкинской группы.

Как мы видели, на писаницах имеются рисунки всадников, сидящих на богато украшенных конях. На головах лошадей роскошный расширенный кверху начельник — в виде султана из перьев или волос, а с узды обычно свисает столь же пышная подшейная кисть — пауз (ср. древнерусские кутазы). В некоторых случаях подобные кисти, свисающие с седла или чепрака, видны и под брюхом коня. Обращает на себя внимание тщательность, с которой нарисованы на лентских скалах фигуры самих лошадей, переданы их формы и движения, обрисованы детали их пышного убора, — все это заставляет вспомнить о тех боевых лошадях, имена которых сохранились до нашего времени на могильниках-памятниках древнетюркских князей и ханов в долине Орхона, или о семи боевых конях их современника, знаменитого танского императора Тайцзуна, портретно изображенных на его могиле с мельчайшими деталями сбруи и походного вооружения.

В особенности интересна такая характерная деталь некоторых шишкинских писаниц, как знамя, находящееся в руках

³ С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. Памятники с рунами из Прибайкалья. — «Язык и мышление», вып. VI—VII. М.-Л., 1936, стр. 275—278.

всадников. Знамя представляет собой четырехугольник, прикрепленный к длинному прямому древку. Сбоку от него отходят три поперечные линии, вероятно, изображающие три хвоста знамени, которые должны были развеиваться по воздуху; сами же знамена, несомненно, были изготовлены из прямоугольных полотнищ какой-то материи. Размер их, судя по соотношению отдельных частей рисунка, был относительно небольшим, не более полуметра. По своей форме ленские знамена входят в группу военных знамен Центральной и Средней Азии средневековой эпохи, обнаруживая при этом наиболее близкое сходство по форме со знаменами енисейских кыргызов.

Изображенные на писанках пешие люди в длинных кафтанах или шубах и высоких шапках, тоже, по-видимому, представляют не рядовых членов общины.

В руках этих людей бывают какие-то широкие полосы, поставленные вертикально и расширяющиеся кверху наподобие булавы. Очевидно, это и на самом деле были жезлы и булавы, служившие регалиями, знаками определенной власти и достоинства.

Можно, следовательно, с полной уверенностью полагать, что в курумчинское время на Лене существовало общество, разделенное, по крайней мере, на два основных слоя: массу, демос — внизу и аристократию — на верху общественной пирамиды.

Во всяком случае, курумчинцев Прибайкалья нельзя рассматривать вне связи с окружающими их обществами той поры и государственными образованиями, вне общих рамок политической истории и культурного развития народов Азии, обитавших как восточнее Байкала, так и западнее Енисея. Их страна вовсе не была глухим и диким захолустьем Сибири своего времени.

Было бы странным также, если бы существование этого народа, со столь высокой для своего времени и места культурой, не нашло хотя бы случайного и неполного отражения в письменных источниках того времени, в древнетюркских рунических надписях и особенно в китайских летописях, где постоянно упоминаются племена Монголии и Сибири. Действительно, несмотря на отдаленность Прибайкалья от Среднего государства, в летописях Танской династии сохранилось краткое, но вполне отчетливое описание одной древней народности, известной китайцам под именем «гулигань». Гулиганы китайских летописей (курыканы тюркских надписей) и близкие к ним племена имеют больше всего данных для сближения с курумчинцами Прибайкалья. Они и должны быть тем самым народом,

который оставил курумчинские памятники Прибайкалья, включая упоминавшиеся выше рунические надписи.

Гулиганы жили далеко севернее всех остальных тюркских племен. Как сообщают китайцы, «племя гулигань кочевало по северную сторону, а земли гулиганевы на север простирались до моря от столицы чрезвычайно удалены. По переправе за море «Байкал» (Байхай) на север дни долги, ночи короткие. По закате солнца только что селзенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет»⁴.

Судя по этому отрывку (в переводе И. Бичурнина), курыканы обитали не только севернее своих остальных родичей, но и чуть ли не у самого Ледовитого океана, у арктического моря, где заканчивается их земля. Картинный рассказ китайцев о длинных днях и коротких ночах действительно, должно быть, имеет в основе реальные описания короткого северного лета. Но сами курыканы, скорее всего, жили лишь по дороге на Крайний Север, в долине Ангары и на Верхней Лене.

В истории династии Юань находится прямое указание на проживание потомков гулиганей-курыканов — племени кули именно в долине Ангары. В ней упоминается округ Ангола, входивший в состав «области кыргызов», который называли так по протекавшей через него реке, т. е. Ангаре. Автор летописи поясняет при этом, что язык жителей данного округа существенно отличался от кыргызского, а прежде на территории Анголы обитали те самые кули (гулигань), о которых говорится в Тан-шу. Некоторые сведения о восточных соседях енисейских кыргызов, в которых можно вслед за В. В. Бартольдом видеть тех же кури-курыкан, имеются и у мусульманских историков, упоминающих кури, или фури, примерно там же.

Сравнивая все имеющиеся в нашем распоряжении письменные сведения об этих восточных соседях кыргызов с вещественными археологическими данными, можно констатировать, что территория, занятая в конце I тысячелетия н. э. гулиганами-курыканами, а позже — их потомками и родственными племенами, обитавшими к востоку от кыргызов, полностью совпадает с районами, где распространены курумчинские поселения, городища, могильники и того же времени писаницы.

Принадлежность этих памятников именно тюркам, а не какому-либо другому народу, как мы видели, подтверждается документами их собственной, прибайкальской, письменности рунического типа. Подобно курумчинцам, курыканы китайских ле-

---

⁴ Н. Я. Бичурнин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. I. М.-Л., 1950, стр. 348

всадников. Знамя представляет собой четырехугольник, прикрепленный к длинному прямому древку. Сбоку от него отходят три поперечные линии, вероятно, изображающие три хвоста знамени, которые должны были развеиваться по воздуху; сами же знамена, несомненно, были изготовлены из прямоугольных полотнищ какой-то материи. Размер их, судя по соотношению отдельных частей рисунка, был относительно небольшим, не более полуметра. По своей форме ленские знамена входят в группу военных знамен Центральной и Средней Азии средневековой эпохи, обнаруживая при этом наиболее близкое сходство по форме со знаменами енисейских кыргызов.

Изображенные на писанках пешие люди в длинных кафтанах или шубах и высоких шапках, тоже, по-видимому, представляют не рядовых членов общины.

В руках этих людей бывают какие-то широкие полосы, поставленные вертикально и расширяющиеся кверху наподобие булавы. Очевидно, это и на самом деле были жезлы и булавы, служившие регалиями, знаками определенной власти и достоинства.

Можно, следовательно, с полной уверенностью полагать, что в курумчинское время на Лене существовало общество, разделенное, по крайней мере, на два основных слоя: массу, demos — внизу и аристократию — на верху общественной пирамиды.

Во всяком случае, курумчинцев Прибайкалья нельзя рассматривать вне связи с окружающими их обществами той поры и государственными образованиями, вне общих рамок политической истории и культурного развития народов Азии, обитавших как восточнее Байкала, так и западнее Енисея. Их страна вовсе не была глухим и диким захолустьем Сибири своего времени.

Было бы странным также, если бы существование этого народа, со столь высокой для своего времени и места культурой, не нашло хотя бы случайного и неполного отражения в письменных источниках того времени, в древнетюркских рунических надписях и особенно в китайских летописях, где постоянно упоминаются племена Монголии и Сибири. Действительно, несмотря на отдаленность Прибайкалья от Среднего государства, в летописях Танской династии сохранилось краткое, но вполне отчетливое описание одной древней народности, известной китайцам под именем «гулигань». Гулиганы китайских летописей (курыканы тюркских надписей) и близкие к ним племена имеют больше всего данных для сближения с курумчинцами Прибайкалья. Они и должны быть тем самым народом,

который оставил курумчинские памятники Прибайкалья, включая упоминавшиеся выше рунические надписи.

Гулиганы жили далеко севернее всех остальных тюркских племен. Как сообщают китайцы, «племя гулигань кочевало по северную сторону, а земли гулиганевы на север простирались до моря от столицы чрезвычайно удалены. По переправе за море «Байкал» (Байхай) на север дни долги, ночи коротки. По закате солнца только что селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет»⁴.

Судя по этому отрывку (в переводе Н. Бичурина), курыканы обитали не только севернее своих остальных родичей, но и чуть ли не у самого Ледовитого океана, у арктического моря, где заканчивается их земля. Картинный рассказ китайцев о длинных днях и коротких ночах действительно, должно быть, имеет в основе реальные описания короткого северного лета. Но сами курыканы, скорее всего, жили лишь по дороге на Крайний Север, в долине Ангары и на Верхней Лене.

В истории династии Юань находится прямое указание на проживание потомков гулиганей-курыканов — племени кули именно в долине Ангары. В ней упоминается округ Ангкола, входивший в состав «области кыргызов», который называли так по протекавшей через него реке, т. е. Ангаре. Автор летописи поясняет при этом, что язык жителей данного округа существенно отличался от кыргызского, а прежде на территории Ангколы обитали те самые кули (гулигань), о которых говорится в Тан-шу. Некоторые сведения о восточных соседях енисейских кыргызов, в которых можно вслед за В. В. Бартольдом видеть тех же кури-курыкан, имеются и у мусульманских историков, упоминающих кури, или фури, примерно там же.

Сравнивая все имеющиеся в нашем распоряжении письменные сведения об этих восточных соседях кыргызов с вещественными археологическими данными, можно констатировать, что территория, занятая в конце I тысячелетия п. э. гулиганами-курыканами, а позже — их потомками и родственными племенами, обитавшими к востоку от кыргызов, полностью совпадает с районом, где распространены курумчинские поселения, городища, могильники и того же времени писаницы.

Принадлежность этих памятников именно тюркам, а не какому-либо другому народу, как мы видели, подтверждается документами их собственной, байкальской, письменности рунического типа. Подобно курумчинцам, курыканы китайских ле-

---

⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. I. М. Л., 1950, стр. 348.

всадников. Знамя представляет собой четырехугольник, прикрепленный к длинному прямому древку. Сбоку от него отходят три поперечные линии, вероятно, изображающие три хвоста знамени, которые должны были развеиваться по воздуху; сами же знамена, несомненно, были изготовлены из прямоугольных полотнищ какой-то материи. Размер их, судя по соотношению отдельных частей рисунка, был относительно небольшим, не более полуметра. По своей форме ленские знамена входят в группу военных знамен Центральной и Средней Азии средневековой эпохи, обнаруживая при этом наиболее близкое сходство по форме со знаменами енисейских кыргызов.

Изображенные на писаницах пешие люди в длинных кафтанах или шубах и высоких шапках, тоже, по-видимому, представляют не рядовых членов общины.

В руках этих людей бывают какие-то широкие полосы, поставленные вертикально и расширяющиеся кверху наподобие булавы. Очевидно, это и на самом деле были жезлы и булавы, служившие регалиями, знаками определенной власти и достоинства.

Можно, следовательно, с полной уверенностью полагать, что в курумчинское время на Лене существовало общество, разделенное, по крайней мере, на два основных слоя: массу, демос — внизу и аристократию — на верху общественной пирамиды.

Во всяком случае, курумчинцев Прибайкалья нельзя рассматривать вне связи с окружающими их обществами той поры и государственными образованиями, вне общих рамок политической истории и культурного развития народов Азии, обитавших как восточнее Байкала, так и западнее Енисея. Их страна вовсе не была глухим и диким захолустьем Сибири своего времени.

Было бы странным также, если бы существование этого народа, со столь высокой для своего времени и места культурой, не нашло хотя бы случайного и неполного отражения в письменных источниках того времени, в древнетюркских рунических надписях и особенно в китайских летописях, где постоянно упоминаются племена Монголии и Сибири. Действительно, несмотря на отдаленность Прибайкалья от Среднего государства, в летописях Танской династии сохранилось краткое, но вполне отчетливое описание одной древней народности, известной китайцам под именем «гулигань». Гулиганы китайских летописей (курыканы тюркских надписей) и близкие к ним племена имеют больше всего данных для сближения с курумчинцами Прибайкалья. Они и должны быть тем самым народом,

который оставил курумчинские памятники Прибайкалья, включая упоминавшиеся выше рунические надписи.

Гулиганы жили далеко севернее всех остальных тюркских племен. Как сообщают китайцы, «племя гулигань кочевало по северную сторону, а земли гулиганевы на север простирались до моря от столицы чрезвычайно удалены. По переправе за море «Байкал» (Байхай) на север дни долги, ночи короткие. По закате солнца только что селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет»⁴.

Судя по этому отрывку (в переводе Н. Бичурина), курыканы обитали не только севернее своих остальных родичей, но и чуть ли не у самого Ледовитого океана, у арктического моря, где заканчивается их земля. Картинный рассказ китайцев о длинных днях и коротких ночах действительно, должно быть, имеет в основе реальные описания короткого северного лета. Но сами курыканы, скорее всего, жили лишь по дороге на Крайний Север, в долине Ангары и на Верхней Лене.

В истории династии Юань находится прямое указание на проживание потомков гулиганей-курыканов — племени кули именно в долине Ангары. В ней упоминается округ Ангола, входивший в состав «области кыргызов», который называли так по протекавшей через него реке, т. е. Ангаре. Автор летописи поясняет при этом, что язык жителей данного округа существенно отличался от кыргызского, а прежде на территории Анголы обитали те самые кули (гулигань), о которых говорится в Тан-шу. Некоторые сведения о восточных соседях енисейских кыргызов, в которых можно вслед за В. В. Бартольдом видеть тех же кури-курыкан, имеются и у мусульманских историков, упоминающих кури, или фури, примерно там же.

Сравнивая все имеющиеся в нашем распоряжении письменные сведения об этих восточных соседях кыргызов с вещественными археологическими данными, можно констатировать, что территория, занятая в конце I тысячелетия н. э. гулиганами-курыканами, а позже — их потомками и родственными племенами, обитавшими к востоку от кыргызов, полностью совпадает с районами, где распространены курумчинские поселения, городища, могильники и того же времени писаницы.

Принадлежность этих памятников именно тюркам, а не какому-либо другому народу, как мы видели, подтверждается документами их собственной, байкальской, письменности рунического типа. Подобно курумчинцам, курыканы китайских ле-

---

⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. I М.-Л., 1950, стр. 348.

всадников. Знамя представляет собой четырехугольник, прикрепленный к длинному прямому древку. Сбоку от него отходят три поперечные линии, вероятно, изображающие три хвоста знамени, которые должны были развеиваться по воздуху; сами же знамена, несомненно, были изготовлены из прямоугольных полотнищ какой-то материи. Размер их, судя по соотношению отдельных частей рисунка, был относительно небольшим, не более полуметра. По своей форме ленские знамена входят в группу военных знамен Центральной и Средней Азии средневековой эпохи, обнаруживая при этом наиболее близкое сходство по форме со знаменами енисейских кыргызов.

Изображенные на писанищах пешие люди в длинных кафтанах или шубах и высоких шапках, тоже, по-видимому, представляют не рядовых членов общины.

В руках этих людей бывают какие-то широкие полосы, поставленные вертикально и расширяющиеся кверху наподобие булавы. Очевидно, это и на самом деле были жезлы и булавы, служившие регалиями, знаками определенной власти и достоинства.

Можно, следовательно, с полной уверенностью полагать, что в курумчинское время на Лене существовало общество, разделенное, по крайней мере, на два основных слоя: массу, демос — внизу и аристократию — на верху общественной пирамиды.

Во всяком случае, курумчинцев Прибайкалья нельзя рассматривать вне связи с окружающими их обществами той поры и государственными образованиями, вне общих рамок политической истории и культурного развития народов Азии, обитавших как восточнее Байкала, так и западнее Енисея. Их страна вовсе не была глухим и диким захолустьем Сибири своего времени.

Было бы странным также, если бы существование этого народа, со столь высокой для своего времени и места культурой, не нашло хотя бы случайного и неполного отражения в письменных источниках того времени, в древнетюркских рунических надписях и особенно в китайских летописях, где постоянно упоминаются племена Монголии и Сибири. Действительно, несмотря на отдаленность Прибайкалья от Среднего государства, в летописях Танской династии сохранилось краткое, но вполне отчетливое описание одной древней народности, известной китайцам под именем «гулигань». Гулиганы китайских летописей (курыканы тюркских надписей) и близкие к ним племена имеют больше всего данных для сближения с курумчинцами Прибайкалья. Они и должны быть тем самым народом,

который оставил курумчинские памятники Прибайкалья, включая упоминавшиеся выше рунические надписи.

Гулиганы жили далеке севернее всех остальных тюркских племен. Как сообщают китайцы, «племя гулигань кочевало по северную сторону, а земли гулиганевы на север простирались до моря от столицы чрезвычайно удалены. По переправе за море «Байкал» (Байхай) на север дни долги, ночи короткие. По закате солнца только что селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет»⁴.

Судя по этому отрывку (в переводе Н. Бичурина), курыканы обитали не только севернее своих остальных родичей, но и чуть ли не у самого Ледовитого океана, у арктического моря, где заканчивается их земля. Картинный рассказ китайцев о длинных днях и коротких ночах действительно, должно быть, имеет в основе реальные описания короткого северного лета. Но сами курыканы, скорее всего, жили лишь по дороге на Крайний Север, в долине Ангары и на Верхней Лене.

В истории династии Юань находится прямое указание на проживание потомков гулиганей-курыканов — племени кули именно в долине Ангары. В ней упоминается округ Ангкола, входивший в состав «области кыргызов», который называли так по протекавшей через него реке, т. е. Ангаре. Автор летописи поясняет при этом, что язык жителей данного округа существенно отличался от кыргызского, а прежде на территории Ангколы обитали те самые кули (гулигань), о которых говорится в Тан-шу. Некоторые сведения о восточных соседях енисейских кыргызов, в которых можно вслед за В. В. Бартольдом видеть тех же кури-курыкан, имеются и у мусульманских историков, упоминающих кури, или фури, примерно там же.

Сравнивая все имеющиеся в нашем распоряжении письменные сведения об этих восточных соседях кыргызов с вещественными археологическими данными, можно констатировать, что территория, занятая в конце I тысячелетия н. э. гулиганами-курыканами, а позже — их потомками и родственными племенами, обитавшими к востоку от кыргызов, полностью совпадает с районами, где распространены курумчинские поселения, городища, могильники и того же времени писаницы.

Принадлежность этих памятников именно тюркам, а не какому-либо другому народу, как мы видели, подтверждается документами их собственной, байкальской, письменности рунического типа. Подобно курумчинцам, курыканы китайских ле-

---

⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. I. М. Л., 1950, стр. 348.

тописей занимались скотоводством, были страстными коневодами.

Для характеристики быта и материальной культуры населения Верхней Лены в данную эпоху важен один обнаруженный в 1941 г. на шишкинских скалах древний рисунок, выполненный тонкими резными линиями и вытянутый в виде узкой полоски. На нем изображено передвижение древних кочевников со своим скотом, имуществом и домочадцами. Впереди на лошади едет всадник, который гонит перед собой животное, вероятно, условно изображающее целый табуи лошадей. За ним едет другой всадник. Позади них движутся длинной цепью кибитки, каждую из которых тянут животные, похожие на быков и подгоняемые сидящими на них людьми.

Происхождение изображенных на шишкинских скалах кибиток, очевидно, непосредственно связано с историей ленских тюрок-гулиганей и с их происхождением. Китайцы считали курыканов потомками уйгуров, последних же при династии Юань-Вэй называли общим именем «гаогюй» как раз за их обыкновенные ездить в повозках на «высоких колесах со множеством спиц»⁵.

Нет ничего удивительного в том, что скотоводы, потомки древних уйгуров, даже и заброшенные в долину Лены, надолго сохранили обычаи своих предков, элементы их исконной степной скотоводческой культуры.

Согласно китайским известиям, курыканы были небольшим, но самостоятельным народом, который мог выставить 5000 конного строевого войска. Независимое существование курыканов, политический суверенитет их внешне наглядно выражались в том, что они посылали послов и сами принимали посольства. О том же свидетельствуют древнетюркские рунические источники.

У курыканов был ряд старейшин-вождей (сыгней) и существовала иерархическая связь между ними, соответствовавшая связям, которые объединяли различные родовые группы в одно государственно-племенное целое — эль.

Средоточием общественно-политической жизни всех курыканов или, по крайней мере, их ленской группы, а вместе с тем величайшим культовым центром курыканской земли, очевидно, являлись священные скалы с писаницами на Лене, у дер. Шишкино. Шишкинские скалы до недавнего времени пользовались особым религиозным почитанием как местожительство могуще-

---

⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. I, стр. 251.

ственнейших владык здешней бурятской земли — хозяев реки Лены «Зуулхэ-Нойод».

Ленские тюрки-курыканы как политическое целое, несомненно, принимали участие и в социально-политической жизни своих соседей, находясь с ними в той или иной связи и прежде всего с соседними тюрками-тугю, основавшими могущественную державу на Орхоне. Из надписей на надгробных памятниках тюркских властителей, правивших в долине Орхона, известно, что послы курыканов в числе представителей других народов явились на погребальное торжество в честь родоначальника орхонских ханов Бумын Кагана, чтобы выразить соболезнование своего народа по поводу его смерти. Это событие относится к 552 или 553 г. н. э.

Позднее курыканы принимают активное участие в борьбе уйгурских племен и огузов с орхонскими тюрками.

Китайские и орхонские тюркские письменные источники ничего не говорят о взаимоотношениях северных племен с западом, с их ближайшими соседями на Енисее — кыргызами и более отдаленными западнотурецкими племенами — тюргешами. Известно лишь, что они были в дружбе с жившими в Саянах соседями кыргызов — тубой, так как их послы приезжали совместно к китайскому двору. Зато вещественные, археологические памятники не оставляют сомнений в тесной связи, существовавшей у них не только с лесными племенами Саяно-Алтайского нагорья и Красноярского края, но и с обитателями степной минусинской котловины и верховьев Енисея — кыргызами.

Находки в пещерах Красноярского края, исследованные Еленевым и другими археологами, материалы городищ ладейского типа и обычных открытых поселений, стоянок той же ладейской культуры имеют очень близкое сходство с курумчинскими. Одинаковы в основе керамика, сходен орнамент, много общего в хозяйстве и в бытовом укладе. Племена Саяно-Алтайского нагорья и Красноярского края, известные китайцам под именем дубо (туба), эцжи, мнлгэ, также разводили скот, жили иногда зимой в пещерах, строили аналогичные по характеру укрепления — городища, имели одинаковую с курумчинской домашнюю утварь. В свете этих фактов не удивительно и совместное путешествие в Китай посланника курыканов с представителем соседнего саянского племени дубо.

Показательно и то, что курыканское Прибайкалье по характеру местного искусства больше всего связано именно с кыргызским западом, с Алтаем, с тюргешами-тюрками запада и через них с далеким Ираном, а не соседним востоком — Монголией.

Оригинальное и по-своему богатое искусство курыканов, к сожалению, известное нам только отчасти, по одним лишь наскальным изображениям, по своему содержанию и стилю является как бы ответвлением того своеобразного искусства, которое пышно расцвело у кыргызов на Енисее, на Алтае и у других тюркских племен к западу от Енисея; оно выросло на общей с ними основе, имело один и тот же стиль, одинаковое содержание.

Монументальное по своей сущности и, должно быть, в большинстве случаев мемориальное по назначению искусство наскальных изображений, навсегда закрепленных на вечном камне, не было оторвано от иных видов древнего степного искусства. В первую очередь оно обнаруживает непосредственную близость к ювелирному искусству степей, в котором еще со скифской эпохи с наибольшей полнотой выявлялось техническое мастерство степных художников, их своеобразный стиль, их мировоззрение.

Наскальные рисунки на Верхней Лене и в Минусинской котловине иногда кажутся перенесенными на камень непосредственно с металлических изделий — с золотых и серебряных сосудов, из которых пили тюркские князья и ханы, с черепков, остатки которых найдены С. В. Киселевым в могилах кыргызских аристократов на Енисее, или с костяной луки седла из могильника Кудыргэ на Алтае, покрытой драгоценной, ювелирной по своему художественному качеству и технике резьбой (находка С. И. Руденко).

Ювелирные изделия древних тюрков Сибири позволяют полнее понять общие условия, в которых складывалось их искусство. Изображения на вещах из степных могил обнаруживают не только внешнее сходство, но и глубокую внутреннюю связь как по стилю, так и по содержанию с торевтикой раннесредневекового Ирана.

Как установлено С. В. Киселевым, найденные им замечательные образцы ювелирных изделий, принадлежавших кыргызским аристократам, тесно связаны не с одной только иранской художественной традицией сасанидской эпохи.

В них нашли отражение также и влияния другого художественного культурного центра. Искусство степных племен Сибири в I тысячелетии н. э., возникшее на основе звериного стиля их предков, гармонически сочетало с влияниями далекого иранского запада черты, свойственные и Дальнему Востоку, — произведениям китайских мастеров, продолжавших в своем творчестве лучшие реалистические традиции искусства эпохи, столь

близкие и по самой своей сущности степному миру, степной культуре.

На Алтае и в долине Енисея, на почве древней самобытной культуры кочевников, в I тысячелетии скрестились, таким образом, влияния передовых культур иранского запада и Дальнего Востока. То же самое, очевидно, относится и к тюркским памятникам того времени на Верхней Лене. Искусство курыканов выросло из одних корней с искусством тюрков Алтая и Минусинского края, развивалось на общей с ними почве. Оно было самым северным ответвлением этого западнотюркского, по своему пышному и красочному искусству.

Прямые и весьма глубокие связи курыканской культуры с культурой енисейских кыргызов очень отчетливо выражены затем и в ленской письменности, и в особенностях рунического шрифта местной эпиграфики. Несмотря на небольшое количество дошедших до нас надписей, они по шрифту определенно сближаются не столько с орхонскими, сколько с более архаическими — енисейскими. Так, например, в куртухайской надписи-эпитафии из восьми знаков, по крайней мере, два свойственны только енисейским надписям.

Подобное сопоставление может быть продолжено и дальше. Курыканские кони имели скорее всего не восточное, а западное происхождение. На западе же, в стране енисейских кыргызов, встречаются и наиболее близкие аналоги курыканскому земледельческому хозяйству с его оросительными сооружениями. Что касается общественного строя, то такая же, как у курыканов, иерархия вождей должна была существовать и у енисейских кыргызов, судя по аналогичным изображениям всадников и жрецов-старейшин с жезлами в руках.

В свете археологических и письменных источников, взаимно дополняющих друг друга, таким образом, раскрывается новая страница истории Прибайкалья, а вместе с тем и история якутского народа, поиски родины предков которого ведут нас в тюркское Прибайкалье I тысячелетия н. э.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ПРИБАЙКАЛЯ В ТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ¹

(Согдийская колония на р. Унге?)

Археологические исследования в долине р. Ангары, связанные со строительством гигантских гидроэнергетических сооружений, дали обширный материал, во многом по-новому раскрывающий прошлое Восточной Сибири. Это в полной мере относится и к тому времени, когда на Ангаре обитали тюркоязычные племена, в которых можно видеть, прежде всего, древних курыканов орхонских текстов, «фури» или «курн» мусульманских источников и гулиганей китайских летописей.

Среди новых таких археологических открытий особый интерес для истории древнетюркских племен Прибайкалья представляют находки на р. Унге.

В 1957 г., во время поездки по Ангаре, предпринятой в связи с выбором мест для раскопок в зоне затопления и строительства Братской ГЭС, наш небольшой разведочный отряд обследовал долину р. Унги — одного из левых притоков Ангары.

Унга, маленькая степная речка, всегда была одним из основных мест расселения скотоводов-бурят. Не случайно, именно здесь, в земле «Больших Братов», в Булагатской коренной земле, при впадении Унги в Ангару был построен в XVII в. Балаганский острог, позднее уездный город, а ныне районный центр².

В шести километрах от Балаганска над Унгой поднимается обрывистый склон высокой террасы, уже издали бросающийся в глаза своим ярким красным цветом.

Эта возвышенность и носит название Улан-Бор, т. е. «Красный мыс». С ней связаны древние бурятские легенды; в старину, рассказывают местные жители, здесь устраивались тайлаганы в честь шаманских духов — властителей долины Унги.

¹ «Туркологические исследования». (Отв. ред. А. К. Боровков). М.—Л., 1963, стр. 273—281. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз.).

² См.: А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937, стр. 90—91.

Возвышенность Улан-Бор выступает над Ангарой в виде высокого мыса; с ее высоты открывается широкий вид на окружающую местность вверх и вниз по Унге, на Ангару и соседние возвышенности. Внизу вьется прихотливыми излучинами Унга; расстилаются луга и покосы — превосходные места для расселения скотоводов.

Неудивительно, что когда мы впервые поднялись в 1957 г. на возвышенность, перед нашими глазами открылась столь знакомая по другим местам Прибайкалья картина: валы и рвы, поросшие пахучей степной травой, следовали одни за другим концентрическими полосами, ограждая небольшой участок, своего рода цитадель древнего поселения.

Долина Унги, в том числе описываемое место, не раз уже посещалась археологами. На Унге проводил исследования Н. И. Агапитов. В 1950 г. здесь работал специальный отряд Бурят-Монгольской археологической экспедиции³. Но городище Улан-Бор, как нередко бывает при археологических исследованиях, осталось неизвестным. Первые же наблюдения на городище и вокруг него показали, что этот археологический памятник заслуживает специального исследования. До сих пор шурфовка на территории унгинских городищ не давала почти никаких находок. Сложилось даже представление, что все это были не места настоящих поселений, а городища-убежища без культурного слоя.

В одной из ям на мысу, вырытых для добычи глины, в обрыве обнаружили обломки почти целого сосуда с отверстием внизу, а рядом железные шлаки, береста и кости животных — картина, аналогичная той, которую наблюдал Б. Э. Петри в долине р. Куды, на р. Мурине при раскопках землянок «курумчинских кузнецов» — курыканов в падах Шохтой и Уту-Елга. В таких сосудах курыканы плавил свое сыродутное железо, отличавшееся высоким качеством.

Раскопки, произведенные на городище отрядом Ангарской (Братской) археологической экспедиции под руководством Н. И. Забелиной, показали, что в том месте, где был обнаружен сосуд, находилась такая же, как на Куде, землянка кузнеца — плавильщика железа. Дальнейшими раскопками были обнаружены фрагменты типичной для курыканских поселений керамики — относительно толстостенной, ручной лепки, украшенной резным линейным узором в виде свисающих вдоль верхнего края сосуда и частично перекрещивающихся дуг. Были найдены

³ См.: Э. Р. Рыгдылон. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области.—«Сов. археол.», XXII, 1955, стр. 177—189.

также изделия из рога и кости и серебряная серьга, которая является датирующим предметом для всего комплекса находок. Серьга эта имеет форму овала с боковым отростком внизу. Такие серьги, распространенные от Енисея до Дуная в инвентаре могил и даже изображаемые на каменных статуях, прочно датируют городище VIII—IX веками н. э.

Совершенно неожиданно на городище были обнаружены и древние могилы. В них костяки лежали в неглубоких грунтовых ямах, перекрытых сверху настилом из уложенных поперек погребенного коротких досок или плах. При костяках никаких вещей, даже самых обычных украшений, не оказалось.

Детальное изучение окрестностей городища показало, что древние поселения располагались также и ниже, на примыкающем к древней высокой террасе более низком уступе первой подпойменной террасы.

Последнее поселение, край которого был частично срезан выемкой для полотна шоссе, сразу же поразило массой разбитых и расколотых костей животных. В этой массе костей были обнаружены рассеченные характерным образом — в продольном направлении — черепа лошадей. Вместе с костями животных здесь оказались фрагменты глиняных сосудов, а также металлические вещи и изделия из других материалов.

Нижнее Унгинское поселение, как показали раскопки, осуществленные в 1957—1959 гг. отрядом Ангарской экспедиции во главе с Е. Ф. Седякиной, оказалось при этом двухслойным. Керамика из верхнего слоя имела тот же характер, что и керамика из городища. Глубже залегала керамика иного рода. Ее главным отличительным признаком являются тонкие, иногда рубчатые, налепные валики, опоясывающие сосуд в верхней части параллельно венчику, а иногда расположенные вертикально. Эта керамика отчасти напоминает обломки сосудов конца бронзового и начала железного веков из поселений на островах р. Ангары выше г. Иркутска, исследованных Ангарской археологической экспедицией в 1951—1955 гг.

На фоне этой керамики особо выделяются два миниатюрных сосуда. Такие сосуды ранее нигде в Прибайкалье не встречались. По размерам и форме они представляют аналогию широко известным чирагам, т. е. светильникам Средней Азии. Чираги, как известно, представляют в археологических находках из Средней Азии, относящихся к средневековому времени, самый обычный предмет⁴.

⁴ См.: «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина». — «Мат-лы и исслед. по археол. СССР», № 14, 1950, табл. XXXII, рис. 1—10 (карлукские и караханидские чираги, X—XI вв.).

Судя по материалам, собранным, например, П. Н. Кожемяко, исследовавшим средневековые города и поселения Чуйской долины, там в IX—X вв. появляются жировые светильники в виде круглых резервуаров с плоским дном и сильно вытянутым носиком. Носик их часто по длине больше диаметра резервуара. С противоположной от носика стороны к резервуару прикреплена петлеобразная ручка, идущая от венчика к самому дну. Сходные по форме чираги существуют в последующее караханидское время, но на верхней части петлеобразной ручки у них появляются налепы в виде листа растения, служившие упором для большого пальца при переноске светильника⁵. Они были в употреблении у оседлых земледельцев Средней Азии, узбеков и таджиков до самого недавнего времени, в «этнографической современности» в XIX—начале XX вв. Вместе с глиняными светильниками на Унге найдены и металлические, из тонких листиков железа, четырехугольные, с вогнутыми сторонами. На каждом из четырех углов сосуда соответственно имеется по выступу — носику для фитиля; все фитили могли гореть одновременно, в отличие от одного фитиля, горевшего на чирагах обычного типа. Светильники такого рода также характерны для средневековых поселений Средней Азии.

Таким образом, светильники-чираги следует считать специфическим элементом древней земледельческой культуры Средней Азии на протяжении позднего средневековья.

Находка в Прибайкалье типичных для Средней Азии чирагов сама по себе представляет замечательный факт. До сих пор крайние восточные находки таких светильников отмечались только в Семиречье. Ни в Приуралье, ни в Западной Сибири ничего подобного археологи не встречали.

И вот теперь они неожиданно оказались на расстоянии тысяч километров от Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, на берегах Ангары, почти у Байкала!

О том, что унгинские чираги изготовлены по среднеазиатским образцам, помимо их формы, свидетельствуют и другие находки. Вместе с черепками обычных глиняных сосудов здесь найдены обломки стеклянных сосудов в виде ручек и горлышек. Судя по ним, сосуды имели узкое горло с растреском вверх. Были также сосуды с боковыми ручками около горловины. Цвет стекла — светлый голубовато-зеленый; стекло полупрозрачное, сильно эрозированное, что свидетельствует о его значительном возрасте.

⁵ См.: П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 52, 64.

Совершенно ясно, что в Прибайкалье такие сосуды, по тем временам не менее драгоценные, чем сосуды из серебра, были доставлены извне. Точно такие же стеклянные кувшины были в употреблении у оседлых жителей Средней Азии в средневековое время. Они найдены, например, при раскопках в Пянджикенте и на Афрасиабе в Самарканде.

Историко-культурное значение этих фактов для характеристики связей Средней Азии и Восточной Сибири еще более усиливается тем, что вместе с унгинскими чирагами найдены и другие предметы, которые столь же определенно имеют среднеазиатское происхождение. В культурном слое нижнего Унгинского поселения обнаружена миниатюрная печатка из халцедона, на которой вырезано изображение крылатого существа с туловищем быка и головой человека, увенчанной короной. Мифическое существо на этой печатке явно представляет собой древнеиранское божество — покровителя стад и пастухов Гопат-Шаха, образ которого пользовался широкой популярностью в Иране и у ираноязычного населения Средней Азии с весьма раннего времени⁶. Еще интереснее, что фигура того же божественного человека-быка вырезана на обломке глиняного сосуда из Унгинского поселения: она находится между двумя всадниками, которые мчатся во весь опор друг на друга. Конные воины — сюжет традиционный для искусства наскальных изображений Прибайкалья курыканского времени. В этом отношении черепок с Унгинского поселения представляет собой не что иное, как самую настоящую писаницу, только лишь вырезанную не на скале, а на первом попавшемся под руку обломке сосуда⁷.

Но поединок конных воинов является редким на писаницах сюжетом. И уже совсем необычно сочетание сражающихся воинов с фигурой мифического человека-быка Гопат-Шаха.

Таким образом, на Унгинском поселении обнаруживается своеобразный культурный синкретизм — сочетание двух культур. Одна из этих культур — исконно тюркская, корни которой уходят в тысячелетия исторического прошлого степных племен Азии и Восточной Европы, в культуру скифо-сакского и гунно-сарматского времени. Отсюда идут всадники, трактованные в манере, привычной для наскальных рисунков Шишкинских скал, Сулека и Копен. Отсюда же идет и другой замечательный образец искусства, принадлежавший обитателям долины Унги в

⁶ См.: К. В. Тревер. Гопат-Шах, пастух-царь. — «Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. II. Л., 1940, стр. 72.

⁷ См.: А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, стр. 151; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М. — Л., 1959, стр. 126—127.

это время — тонкая костяная пластина, украшавшая когда-то берестяной колчан древнего воина.

Пластина эта представляет собою превосходный образец звериного стиля и орнаментально-декоративного искусства поздних кочевников. На ней под широким орнаментальным поясом из чередующихся темных и светлых треугольников изображен олень с широкими рогами, закинутыми на спину. Олень показан отдыхающим в густом лесу или роще. Деревья рощи изображены условно, но вполне различимо. Они имеют вид заштрихованных ромбиков или треугольников со столь же условно изображенным стволом в виде прямой линии. На Унге найдена и вторая, аналогичная по стилю пластина от колчана, также изображающая оленя.

О тюркской этнической принадлежности тех, кто вырезал с таким искусством эту пластину из куска кости или лосяного рога, ясно свидетельствуют найденные на Унгинском поселении альчики, часто украшенные тонким геометрическим узором из резных линий в виде сетки или решетки. А на одном из альчиков уцелел даже знак рунического шрифта древних орхон-енисейских тюрков.

Наличие у жителей Унгинской долины — тюрков — среднеазиатских стеклянных сосудов, а также печати с изображением Гопат-Шаха можно было бы объяснить легко и просто даже не прямым культурным контактом с оседлым населением Средней Азии, а проникновением чужеземных вещей из рук в руки, от племени к племени, путем так называемого «этапного обмена». Однако тот факт, что на Унге оказались чисто среднеазиатские чираги, заставляет подумать о другой возможности объяснения того, как появились все эти вещи в Прибайкалье.

Чираги — настолько специфическая принадлежность быта оседлых земледельцев Средней Азии, что они сами по себе неразрывно, органически связаны с их культурой. Кроме того, грубые чираги, изготовленные из простой глины, не были доставлены на Унгу, подобно стеклянным кувшинам, из далеких стран, а явно выделялись здесь же, на месте.

Значит, на Ангаре должны были работать местные ремесленники, гончары, которые, однако, выделяли свои изделия по традиционным среднеазиатским образцам, чуждым тюркскому кочевому миру.

С деятельностью этих людей, стойко сохранявших традиции своей высокой земледельческой культуры даже и здесь, вдали от Средней Азии, следует связывать, очевидно, и следы земледельческого производства, обнаруженные при раскопках в долине Унги. Таковы, прежде всего, орудия земледельческого

труда. О наличии высокоразвитого плужного земледелия с применением тяговой силы рабочего скота свидетельствует обломок чугунного лемеха плуга. Зерно размалывалось на больших ручных жерновах. Целый такой жернов оказался на Унгинском поселении. Найдены были там, наконец, и сами зерна проса.

Последним и самым замечательным штрихом в этой неожиданной открывшейся картине жизни скотоводческо-земледельческого поселка, существовавшего на берегах р. Унги более тысячи лет назад, явились костяки и черепа людей, захороненных на высоком мысу городища Улан-Бор. Как установлено специальным антропологическим исследованием, в могилах на городище и по соседству с ним были захоронены не монголоиды, т. е. не тюрки, а европеоиды, притом обладавшие чертами определенно-го расово-этнического типа — таджикско-согдийского.

Отсюда следует вывод, что кроме тюрков-курыканов на Унге обитали и европеоиды, проникшие сюда, очевидно, компактной группой из Средней Азии.

Они, следовательно, принесли с собой на берега Ангары, в тюркский мир кочевников-скотоводов, халцедоновую печать, древний иранский миф о Гопат-Шахе, собственный образ жизни со светильниками — чирагами, а также свои навыки земледелия, свое оседло-земледельческое хозяйство.

Они, разумеется, принесли с собой и свой собственный обряд захоронения. Последний также резко отличен от обычного степного обряда. Степные кочевники хоронили покойников по издревле установившемуся обычаю, с различными предметами, необходимыми, по их воззрению, для продолжения жизни за гробом, — с оружием, в том числе луком и стрелами, иногда с орудиями труда и различными украшениями, принадлежавшими умершему. Здесь же в могилах нет буквально ни одной вещи, ни одного бытового предмета, даже бусин или каких-либо других самых простых и дешевых украшений.

Причина отсутствия вещей во всех раскопанных могилах, очевидно, заключается не в бедности погребенных: даже самые бедные кочевники имели в могиле хотя бы одну-две стрелы, а на их одежде обычно встречаются перержавевшие пряжки от поясов или что-нибудь в этом роде. Абсолютное отсутствие инвентаря, по-видимому, следует связывать с определенными религиозными воззрениями, с прямыми предписаниями погребального культа, в корне отличными от традиционных шаманистических верований и культа степных народов Сибири и Центральной Азии. В могилах на Унге, следовательно, погребены люди, исповедовавшие какую-то иную, не шаманскую, а более развитую религию, с иными этическими нормами, с другими,

более совершенными с точки зрения эволюции спиритуалистических идей представлениями о душе и загробной жизни, не столь примитивными, как у степняков-шаманистов.

В Средней Азии таких религий было четыре: зороастризм, буддизм, христианство и манихейство. Зороастризм с его специфической погребальной обрядностью исключается сразу, так как его последователи останки умерших хоронили в наусах и оссуариях в виде костей, очищенных от мягких частей на дахах. Манихейский обряд тоже отпадает. Манихейцы не предавали тело земле, а помещали его в особые сооружения⁸. Нет и явных признаков буддизма. Остается христианство с присущим ему обрядом захоронения тел умерших в земле. Правда, при умерших нет никаких признаков их религиозной принадлежности, например, крестиков, но это может зависеть от местных условий, от влияния туземных обычаев.

Наличие христианства в его несторианской разновидности тем вероятнее, что в стране енисейских кыргызов на каменных плитах уцелели изображения священнослужителей в длинных одеждах, с пышной длинной шевелюрой и с жезлами или кадуцеями в руках, которые С. Г. Кляшторный считает рапидами⁹. Там же, на Енисее, вместе с фигурами христианских клириков в ритуальных одеждах оказалось изображение алтаря со стоящим на нем потиром. Отражением своих сюжетов, возможно, являются фигуры людей в длинных одеждах с жезлами в руках на ленских скалах у д. Шишкино¹⁰.

На основании всего сказанного можно полагать, что в среде тюркских племен Прибайкалья оказалась целая группа вольных и невольных переселенцев из Средней Азии, судя по всей культуре, согдийцев. Уклад их жизни в Прибайкалье был, очевидно, в основе таким же, как у их единоплеменников, заселивших в свое время Семиречье, образ жизни и роль которых выразительно описал А. Н. Бернштам¹¹.

Согдийцы-колонисты оседло жили в устье р. Унги. Здесь они, как и в Семиречье, пахали землю, занимались ремеслами и, может быть, торговлей. Здесь же они хоронили своих умерших, вероятно, по христианскому, несторианскому, обряду.

⁸ См.: В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 46.

⁹ См.: С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи.—«Проблемы востоковедения», 1959, № 5, стр. 167. В этой статье указана литература вопроса.

¹⁰ См.: А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы, стр. 121—122.

¹¹ «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина», стр. 145—146.

Но как и когда появились на Ангаре эти переселенцы из Согда или ближайших согдийских колоний, находившихся за его пределами?

Датировка нижнего Унгинского поселения пока еще неясна. В ней не найдено, например, тех узких трехперых наконечников стрел, обычных для более ранних древнетюркских захоронений и ведущих свое начало от гуннских свистящих стрел, о которых рассказывают китайские источники, передающие легенду о захвате власти Модэ-Шаньюем и убийстве его отца Тумьяня. Наконечники стрел на Унге имеют более поздний облик. Форма чирагов со щитком тоже как будто по среднеазиатским аналогиям ведет нас скорее к IX—X вв. н. э., т. е. в позднекурыканское время. Этому заключению не противоречит и то, что «несторианский толк христианства», по мнению С. Г. Кляшторного, получил известное распространение среди кыргызской аристократии «к середине IX в. или несколько ранее»¹².

Дальнейшие исследования должны помочь решить эту проблему. Вопрос о датировке земледельческо-скотоводческого поселения на нижней террасе р. Унги, однако, не имеет решающего значения для связанных с ним общих историко-культурных проблем. Что же касается проникновения согдийцев, по-видимому, исповедовавших не только зороастрийскую религию, но и несторианство, далеко на восток от Семиречья, то оно по письменным источникам отмечается, как известно, уже в орхонское время, но могло быть и позже вплоть до XI—XIII вв. н. э.

О согдийском народе неоднократно упоминается в рунических текстах Монголии. Согдийцы с орхонскими тюрками-завоевателями сталкивались не только у себя на родине, в Средней Азии, но бывали и в самой Монголии, особенно в уйгурское время.

Г. И. Рамстедт отмечал в свое время, что при участии согдийцев в 758 г. для уйгурского хана на северном берегу р. Селенги был построен город Бай-Балык¹³. На развалинах его, по словам этого исследователя, ютился в XIX в. монастырь Бий-Булугийн-Хуре. «Упоминание согдов,— пишет Рамстедт,— в этих местах, на берегах Селенги, чрезвычайно интересно и объясняет, когда началась та религиозная пропаганда, которую эти согды потом вели за свою религию, манихейзм. Влияние согдов на уйгуров, должно быть, началось именно во времена этого уйгурского хагана Моюн-Чура... От согдов уйгуры полу-

¹² С. Г. Кляшторный. Указ. соч., стр. 167.

¹³ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 43.

чили и новый алфавит, который потом перешел к монголам и употребляется у них еще и в наши дни»¹⁴.

Интересно, далее, и то, что первые сведения в мусульманских источниках о дороге в «страну кури (фури)», т. е. курыканов, находятся в сочинении иранского автора Гардизи¹⁵.

Это живое и картинное описание влажной области в бассейне Ангары, где постоянно идут дожди, много воды и повсюду встречаются реки, лежавшие между землей енисейских кыргызов и «страной племени кури», вероятно, основано на рассказах купцов из Средней Азии или Семиречья. Ангарским путем, через многочисленные притоки Ангары, могли проникнуть на устье Унги и те среднеазиатские иммигранты, которые оставили там следы своего пребывания.

Связи населения Прибайкалья с оседлыми земледельцами Средней Азии — потомками согдийцев отмечаются, как известно, и много позже. О них свидетельствует, например, наличие в составе бурятского народа отдельных родов, носящих наименование сартул, т. е. «сарты». Что же касается роли среднеазиатских выходцев как основателей земледельческой культуры среди кочевых скотоводческих народов Сибири и Центральной Азии, то она нашла, как известно, отражение в образе мифологического героя — «сарта» — Сартактая, богатыря, который совершает подвиги космического масштаба: прорубает в скалах гигантские каналы и ворочает целыми горами¹⁶.

Так, в свете археологических исследований, раскрывается еще одна, не известная прежде, яркая страница средневековой истории Прибайкалья.

---

¹⁴ Г. И. Рамстедт. Как был найден «Селенгинский камень». — «Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. РГО», т. XV, вып. I. СПб., 1914, стр. 49.

¹⁵ См.: В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. — «Зап. АН по истор.-филол. отд.», т. I, 1897, № 4, стр. 110. Источники Гардизи частично восходят к более раннему периоду, чем время его жизни (X в.).

¹⁶ См.: Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. Материалы этнографические. СПб., 1881. Примечания, стр. 51.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПОЯВЛЕНИИ ПЕРВЫХ МОНГОЛОВ В ПРИБАЙКАЛЬЕ¹

У исследователей, занимающихся вопросом происхождения бурят, существуют по этой проблеме различные точки зрения. Одни видят в бурятах автохтонов, первоначальников Восточной Сибири, тех областей, которые лежат вокруг Байкала. Другие или считают бурят пришельцами с востока, смешавшимися с местным коренным населением, или рассматривают их как аборигенов, подвергшихся ассимиляции со стороны монгольских переселенцев.

В пользу последней точки зрения, как мне уже приходилось писать ранее, свидетельствуют прежде всего археологические материалы. Археологические исследования последних десятилетий показывают, что на территории Прибайкалья, в долинах Ангары и Лены, а также по берегам Байкала и на острове Ольхон в первом тысячелетии нашей эры обитали тюркоязычные племена, носители так называемой курумчинской культуры. Загадочные «курумчинцы», основой жизни которых было разведение домашнего скота, вместе с тем успешно занимались земледелием, плавили железо из местных руд, имели яркое и своеобразное по тем временам искусство, образцы которого сохранились на ленинских скалах в долине реки Куды. У них существовала также собственная руническая письменность орхоно-енисейского типа.

В XVII в. русские уже не застали здесь никаких представителей тюркоязычного населения. Они нашли только тунгусов и бурят, которые считали себя первоначальниками этих мест и, если не считать некоторых легенд, даже и не помнили о своих тюркоязычных предшественниках.

Но когда же произошла эта смена и как может раскрыть исследователь действительный ход этого процесса?

---

¹ «Филология и история монгольских народов». Памяти акад. Бориса Яковлевича Владимирцова. М., Изд-во вост. лит., 1958, стр. 200—213 с илл. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

В свое время Н. Н. Козьминим была высказана мысль о том, что первые монгольские переселенцы появились в Забайкалье и в Прибайкалье очень поздно, уже после распада монгольской империи.

Этот взгляд, однако, вряд ли можно признать правильным хотя бы по той причине, что сам по себе процесс возникновения монгольского государства неизбежно должен был сопровождаться разгромом местных племен, передвижением их, а также захватом монголами территорий, освоенных этими племенами, в том числе областей по Нижней Селенге и в Прибайкалье, где раньше обитали тюркоязычные народности.

Вместе с тем в нашем распоряжении имеются и такие факты, которые позволяют предполагать проникновение монголоязычных кочевников в глубь Прибайкалья еще раньше, т. е. до образования Монгольской империи. Проникнув в эти далекие места, часть монголов могла остаться там фактически независимой от Чингисхана и его преемников. Именно так и случилось, по-видимому, с предками ленских бурят, считавших себя аборигенами этого края, потомками мифических сыновей быка — первопредка Буха-Нойона, Эхирита и Булагата.

Одним из наиболее ранних и ярких вещественных памятников, которые могут бросить свет на историю проникновения первых монголоязычных переселенцев на территорию Прибайкалья, является древний могильник в местности Хабсагай, вблизи устья реки Манзурки, около улуса Сэгенут, в 12 км вверх по этой реке от села Качуг.

В 1929 году мне удалось раскопать здесь восемь погребений, расположенных неподалеку от обширного хабсагаевского могильника глазковского времени, но совершенно иного типа и периода. Погребения эти относятся к железному веку.

Прежде чем дать характеристику этой ранее неизвестной культуры железного века, остановимся на описании этих восьми погребений.

Погребение первое. На поверхности земли были обнаружены каменные плиты (ленский известняк серого цвета). Плиты наполовину вросли в землю и были покрыты растительностью. Располагались они в виде неправильного круга диаметром 2 м и залегли в почве одним нетолстым слоем. Торцовых плит не было.

На глубине 18 см были обнаружены обломки тонкостенного сосуда, в том числе фрагмент венчика. На глубине 50 см залегал костяк ребенка. Он лежал на спине в вытянутом положении, с руками, протянутыми вдоль тела. Голова его была повернута лицом налево, с ориентацией на северо-восток. В ногах нахо-

дились кости барана (кости ног). Вблизи костей ребенка найдены следы полусгнившего деревянного гроба-колоды.

Погребение второе. Могила, как и первая, отмечена скоплением плит в виде круга диаметром около 1,5 м. На глубине метра был найден детский костяк. Он лежал в колоде, от которой сохранились только следы рыхлого сгнившего дерева. Положение костяка было таким же, как в первой могиле. Никаких предметов в могильной яме и при костяке не обнаружено.

Погребение третье. Обозначение было на поверхности обычным кругом из камней. Сплошная выкладка плит диаметром около 2 м не шла глубже 20 см. Костяк, обнаруженный на глубине около метра, также оказался детским. Он лежал в разрушившейся корытообразной колоде, и положение его было такое же, как в двух описанных выше. Предметов никаких не обнаружено.

Погребение четвертое. На поверхности земли находилось скопление известняковых плит, вросших в землю. Их диаметр был равен 1,5 м. Детский костяк был расположен на глубине метра и находился в деревянном полусгнившем ящике, сделанном из тонких, по-видимому, сосновых досок толщиной около 10—12 см. Всего имелось четыре доски, по метру длиной — продольные и по 50 см — поперечные. Ширина досок (высота стенок гроба) — 43 см. Следов покрышки и нижней доски не было. Доски, по всей вероятности, были скреплены не гвоздями или шпунтами, а кожаными ремешками-связками, как у старинных бурятских ящиков, употреблявшихся не так давно приленскими бурятами для хранения семейной ценной утвари и одежды. О таком способе скрепления свидетельствуют отверстия, просверленные насквозь на каждом из четырех углов гроба-ящика. Пара отверстий, расположенных параллельно друг другу, на одной стенке ящика соответствовала такой же пара отверстий на другой, соседней стенке, соединенной с ней под прямым углом.

Скелет был ориентирован головой на северо-восток, лицо обращено налево, руки протянуты вдоль тела. Предметов при костяке не найдено.

Погребение пятое. На поверхности почвы погребение выделялось сплошной каменной кладкой в виде круга из лежащих толстых известняковых плит большого размера (диаметр скопления 2 м). На глубине метра находился детский костяк плохой сохранности, ориентированный головой на северо-запад, с руками, слегка согнутыми в локтях. Кисти рук были расположены между бедер, ниже таза. Следов колоды не было.

Погребение шестое. Известняковые плиты, расположенные сплошным овалом (в плане), уходили в землю на глубину 25 см. Диаметр скопления был 2,5 м. Костяк находился на глубине 1,45 м и, по-видимому, принадлежал женщине. Он лежал в колоде на спине в вытянутом положении и ориентирован был на северо-восток. Руки были протянуты вдоль тела и плотно прижаты к бедрам.

Около головы находились обломки тонкостенного круглодонного горшка, остальная часть этого же сосуда найдена была в ногах скелета. Положение обломков сосуда дает возможность предположить, что он в целом виде находился над головой костяка, быть может, на крышке гроба, а впоследствии был раздавлен тяжестью земли. У самого затылка, почти под затылочной костью, лежали большие железные ножницы (для стрижки овец). В ногах скелета находились кости барана (тазовая часть и кости ног).

Сосновая колода, в которой находился костяк, была длиной 1,75 м, шириной 0,5 м. Она имела лодкообразную форму, сбоку концы ее были сужены, а снизу срезаны корытообразно. В нижней части колоды, у самых ее концов, на расстоянии 25 см от срезов проходили две выемки в виде желобков.

Погребение седьмое. Могила обозначалась плитами неправильной эллипсоидной формы. Диаметр скопления плит — 2 м.

Костяк находился на глубине 45 см, он принадлежал ребенку и был ориентирован на северо-запад. Руки скелета были протянуты вдоль тела. В отличие от других, костяк лежал лицом вниз (ничком). Никаких предметов погребального инвентаря не найдено. Не было и остатков колоды.

Погребение восьмое. На расстоянии около 4 м от женского погребения, вблизи самого полотна проселочной дороги, особняком от остальных могил, расположено было большое скопление каменных плит, достигавшее в диаметре 2,5 м. Слой плит уходил, как и в других описанных могилах, на глубину 15—20 см. На глубине 60 см от поверхности, в центре скопления, обнаружен был череп лошади, а затем вскрыт и весь лошадиный костяк. Лошадь как бы сидела в узкой могильной яме, поднятая сначала всадником на дыбы, а затем круто осажженная назад и вниз. Передние и задние ноги лошади соединены были вместе, причем задние протянуты вперед, напоминая положение их при скачке галопом. Голова животного была слегка опущена вниз. Под челюстями коня найдены железные удила. Головой лошадь была обращена на северо-северо-запад. На черепе лошади, во лбу, имелось отверстие правильной круг-

лой формы, а внутри черепа был обнаружен круглый обломок черепной кости.

Во всех восьми погребениях найдено только четыре предмета. Но вещи эти настолько характерны, что в сочетании с погребальным ритуалом дают достаточно яркое представление о своеобразной культуре людей, оставивших этот небольшой могильник в устье р. Манзурки (Байн-Дзурхэн по-бурятски).

Первое, что обращает на себя внимание из этих вещей,— глиняные сосуды. Разбитый сосуд из женской могилы был склеен целиком и сразу же поразил необычностью своей формы.

Он не плоскодонный, как сосуды из поселений и могил железного века в Прибайкалье и за Байкалом, а круглодонный. Круглое брюшко сосуда отделено от венчика суженной шейкой. Венчик его столь же необычен. Он напоминает своего рода воротничок, круто выступающий снаружи в виде барьера. Стенки отличаются тонкостью — их толщина всего лишь 2—3 мм. Цвет черепков в изломе черный. Глина, из которой был изготовлен сосуд, тщательно приготовлена, с незначительной примесью кусочков дробленого камня.

Обломки горшка, найденные около другого костяка, не отличаются от обломков описанного сосуда. Лишь большой фрагмент венчика, найденный над костяком, не имеет столь резко выраженного выступа снаружи и несколько грубее по обработке. Сосуд этот, очевидно, был тоже круглодонным, так как никаких следов плоского дна не обнаружено. Оба сосуда изготовлены от руки, но не налепом, а каким-то иным способом. Судя по вдавлениям на внутренней стороне, они были сделаны скорее всего на болванке с помощью лопаточки, которой наколачивалась на болванку или подкладку глиняная масса, как это делалось недавно в примитивном гончарстве якутов².

Ножницы, найденные в шестом погребении, и удила — в восьмом были изготовлены из металла. Ножницы сильно пострадали от времени. По форме они близки к современным большим ножницам, употребляющимся для стрижки овец русским и бурятским населением в Прибайкалье. Лезвия их скреплены толстым железным шпильком.

Удила, найденные в конском погребении, сильно проржавели, но не потеряли первоначальной формы. Обе половинки их выкованы из мягкого, по-видимому, сыродутного железа и имеют ребристую поверхность с ярко выраженным изгибом. Они равносторонние и скреплены на своих, слегка утонченных, концах

---

² См.: В. И. Подгорбунский. Заметки о гончарстве у якутов. Иркутск, изд. Вост.-Сиб. отд. РГО, 1928, стр. 8.

петлеобразным изгибом. Петля одной половинки входит в такую же петлю второй и плотно охватывает ее. Удила имеют большие кольца на концах, резко отличающиеся величиной от маленьких колец современных удил. Диаметр колец на хабсагаевских удилах достигает 6 см.

Не походят эти удила и на древние удила железного века, обнаруженные в «хара-монгольских» могилах на острове Ольхон, так как последние асимметричны по своей форме: одна их половина обычно длиннее другой. Такие асимметричные удила были широко распространены в железном веке Прибайкалья.

Деревянные предметы представлены остатками погребальных колод и одного ящикообразного гроба. Судя по этим предметам, техника обработки дерева топорообразным орудием, долбления (желобки в нижней части колоды), сверления и отесывания (отесанные доски гроба-ящика) была хорошо знакома народности, хоронившей умерших в этих гробах. Характерно применение сверленных отверстий для связки досок и отсутствие железных и деревянных гвоздей при изготовлении ящиков.

Как ни малочисленны находки в описанных погребениях, они все же дают довольно ясную картину жизни оставивших их древних людей. Они были, несомненно, типичные скотоводы-кочевники, в жизни которых конь занимал первостепенное место. Характерно, например, что для коня была выкопана особая могила. Может быть, это был не ездовой конь, а особый, посвященный шаманским божествам, подобный тем, какие были у ленских и ангарских бурят-шаманистов еще в конце XIX в. и в первых десятилетиях XX в.

Наряду с лошадьми, древние жители Хабсагая разводили мелкий рогатый скот. Как все степные кочевники, они клали в могилу с покойником баранье мясо и при этом определенную часть туши: крестец или стегна, т. е. самые вкусные и мясистые части. Отпечаток кодового быта лежит на всем инвентаре погребений, начиная с удил, пожниц для стрижки овечьей шерсти и кончая устройством погребального ящика, скрепленного не гвоздями, а кожаными связками. Именно такие ящики и стрелохранилища (хэгэнэки), скрепленные кожаными связками, имели ленские буряты еще в недавнем прошлом.

При погребении исполнялся типичный для степных кочевников ритуал. Выкапывалась яма округленной в плане формы, глубиной до одного метра, диаметром около двух метров. На дно ямы опускалась массивная колода или ящик (для ребенка), в котором находился труп, положенный на спину, с руками, протянутыми вдоль тела. Покойник ориентировался головой на северо-восток. Сверху могилу засыпали землей и закладывали

сплошным кругом из каменных плит диаметром от двух до трех метров. Вместе с покойником в могилу опускали глиняные сосуды, очевидно, содержавшие пищу, а также мясо барана и некоторые предметы домашней утвари. Рядом хоронили также и лошадь вместе со сбруей. Лошадь убивали сильным ударом в лоб, наносимым каким-то острым орудием с закругленным концом. Как видно по черепу лошади, найденной при раскопках, удар был настолько силен, что череп оказался пробитым насквозь. Пролом имел правильную круглую форму, а выломленный кусок лобной кости в виде кружка провалился внутрь черепа. Лошадь, по-видимому, была убита чеканом или другим похожим орудием с узким рабочим концом.

Возникает вопрос, какое же место занимает эта древняя скотоводческая культура и ее носитель — народ железного века среди других древних народов Восточной Сибири?

В настоящее время нам хорошо известна та древняя культура, которая получила в свое время в археологической литературе наименование «культуры курумчинских кузнецов», представленная остатками многочисленных поселений, в том числе укрепленных городищ, а также характерными наскальными изображениями-писаницами.

Можно со значительной долей уверенности сказать, что ее посетителями были курыканы орхонских надписей, гулиганы китайских летописей, тюрки по языку, входившие в число уйгурских племен³.

Керамика курыканов не имеет ничего общего с керамикой, найденной в описанных выше могилах. Вся без исключения курыканская керамика плоскодонная, здесь же горшки круглодонные.

Столь же различны и погребальные обряды. Известные нам погребения курыканского времени на острове Ольхон имеют надмогильные сооружения в виде шатров или чумов, сложенных из наклонно поставленных плит гнейса. Внутри каменных юрточек на небольшой глубине встречаются обыкновенно или целые костяки, или следы трупосожжения в небольших глиняных плоскодонных сосудах баночной формы, типичных для курумчинских поселений, и с таким же орнаментом.

Погребения сэгенутского могильника имеют ныне внешние признаки. Здесь найдены лишь плоские каменные выкладки над могилами, а вместо трупосожжения характерно обычное трупоположение.

---

³ См.: А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству.—История Якутии», т. I. Якутск, 1949, стр. 299—336.

Следует сказать далее, что раскопки последних лет в зоне строительства Ангарской гидроэлектростанции у Иркутска, на Сосновом, Лесном и других островах помогли раскрыть своеобразный характер другой, более поздней, чем курумчинская, культуры железного века. Даты существования этой культуры на самом позднем ее этапе определяются китайскими монетами XI в. Сунской династии. Но и эта культура, тоже, по-видимому, принадлежавшая какому-то тюркоязычному племени (на ангарском острове Лесном найдены и тюркские рунические письменности), не имеет никаких точек соприкосновения с интересующей нас культурой сэгенутского могильника. В корне отлична здесь прежде всего керамика, характеризующаяся, как и курыканская, плоскими, а не круглыми днищами сосудов.

Очень близкими по погребальному ритуалу к сэгенутским являются захоронения XIII—XIV вв. около деревни Акининой, на Иркуте вблизи Иркутска, и в долине реки Тунки, где тоже имеются надмогильные каменные выкладки в виде плоских кругов и тоже есть захоронения в колодах (раскопки проф. Б. Э. Петри). Нет сомнений, что эти могилы принадлежали монголам уже эпохи Монгольской империи, а судя по остаткам шитых золотом одежд, серебряных сосудов, жемчуга, золотых украшений,— представителям монгольской знати того времени⁴. Культура же людей, захороненных в могилах сэгенутского могильника, несравненно грубее и проще, а вместе с тем явно древнее.

Сопоставив все эти данные, мы пришли к выводу, что из погребений железного века наиболее близкой аналогией сэгенутским являются погребения, раскопанные Г. Ф. Дебецом в долине р. Селенги у села Зарубино. Здесь найдены захоронения с плоскими надмогильными выкладками из камней. Подобно сэгенутским, они принадлежат кочевникам-скотоводам, заключавшим тела умерших в такие же деревянные колоды. В зарубинских могилах были обнаружены такие же железные погребельники⁵.

Г. Ф. Дебеч убедительно датирует свои находки XI—XII вв. и приписывает эти захоронения первым монгольским переселенцам, проникшим в долину Селенги с востока. Время и этническую принадлежность погребений, найденных около улуса Сэгенут, следует, очевидно, отнести к тому же периоду — это, должно быть, могилы самых ранних монгольских переселенцев,

⁴ См.: А. И. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937, стр. 283—285.

⁵ См.: Г. Ф. Дебеч. Могильник железного периода у с. Зарубино.— «Бурятияведение», 1926, № 2, стр. 15, 16.

проникших в XI—XII вв. с востока, из степей Забайкалья, в ленские и кудинские степи и являющихся прямыми предками бурятских племен на Лене и Ангаре.

Как уже сказано выше, находки в сэгенутском могильнике позволяют отнести его, по крайней мере, к XI—XII вв. н. э., т. е. на сто или даже на двести лет раньше возникновения монгольского государства, к тому времени, когда собственно монголы не играли сколько-нибудь значительной политической роли в Центральной Азии. Такой вывод может показаться неожиданным и непонятым. Тем не менее, если исходить из сэгенутских находок, именно тогда на Ангаре и Лене появились первые монголы, оттеснившие, вероятно, вниз по Лене первых ее тюркоязычных обитателей — потомков древнего курыканского населения Прибайкалья.

Эта гипотеза находит подтверждение в письменных источниках. Последние свидетельствуют, что этнические перемещения в странах, соседних с Байкалом, совершившиеся задолго до возвышения Чингиса, были результатом еще более обширных по масштабам и последствиям перемещений племен Центральной Азии, о которых сообщают писатели мусульманского средневековья.

Тахир Марвази, писатель начала XII в., а за ним Ауфи (XIII в.) рассказывают о том, как племя кун, обитавшее по соседству с киданями, к востоку от кыргызов, опасаясь киданьских властителей династии Ляо и нуждаясь в пастбищах, покинуло свои прежние земли. В дальнейшем оно подверглось преследованию со стороны более сильного племени кай и двинулось еще дальше на запад, на территорию племени шари, которое в свою очередь мигрировало в страну туркмен. Туркмены оттеснили турков-гузов, а те двинулись на территорию печенегов вблизи берегов Армянского моря⁶.

⁶ Sharaf al Zaman. Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa a. d. 1120) with an english translation and commentary by V. Minorsky. London, 1942.

Племя кун, судя по венгерским источникам, вошло в состав половцев-куманов, так как венгры называли их, кроме куман, еще кун (А. Пономарев. Куманы-половцы. — «Вестник древней истории», № 3—4 (12—13), 1940, стр. 306). Племя кай вместе с печенегами упоминается в XI в. Махмудом Кашгарским в числе северных тюркских племен. Но Махмуд Кашгарский указывает при этом, что в отличие от чистых турков — кыргызов, огузов и других пародов племени кай, а также ябаку и татар имели иной язык (В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 13). Племя кай играло важную роль в образовании туркмен и османского народа (В. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 44, 50; Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — «Живая старина», 1896, вып. III—IV, стр. 412).

Переселение племен, отмеченное Марвази, по мнению В. Минорского, происходило около 30-х годов XI столетия. Примерно к тому же времени, по археологическим данным, относится и первоначальное проникновение монгольских племен в Прибайкалье — на Нижнюю Селенгу, в Тунку и на Верхнюю Лену. Они могли занять освобожденные племенем кун самые северные районы их области и часть соседних территорий, где эти лесные монгольские племена уже жили в первые годы XIII столетия.

При определении этнического происхождения сэгенутских погребений встречается, однако, одно затруднение. В них, как мы видели, была обнаружена керамика, а насколько известно по этнографическим данным и бурятскому фольклору, у бурят глиняной посуды не было. Похоже, что ни они, ни их предки никогда не выделывали глиняных горшков и не варили в них пищу.

Но это представление не совсем верно или, точнее, верно только отчасти. Марко Поло отмечал, что татары во время своих поездок по степи, оказывается, не разлучались с глиняной посудой: «Когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья, да глиняный горшок, варить мясо»⁷. По рассказам другого известного путешественника, итальянца Плано Карпини, при погребении знатного лица перед покойником посреди его ставки ставили горшок, наполненный кобыльим молоком, и чашу с мясом⁸. Эти любопытные факты, до сих пор не замеченные археологами, занимавшимися изучением древнемонгольской культуры, представляют исключительный интерес. Они подтверждают наш вывод о появлении первых монголов в Прибайкалье. Глиняные сосуды, найденные в сэгенутском могильнике, являются, таким образом, первыми образцами сосудов древних монголов, ставших известными из археологических находок. Правда, на Лене они оказались и последними, поскольку позже буряты забыли даже факт существования глиняных горшков у их предков.

Следует остановиться также на такой характерной детали глиняного сосуда из сэгенутского могильника, как далеко выступающий наружу карниз на венчике. Такие карнизы совершенно чужды древней тюркской керамике Прибайкалья и Забайкалья. Не встречаются они и западнее Прибайкалья. Но зато они являются самой характерной чертой средневековой

⁷ См.: И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Перевод со старо-французского текста.—«Зап. РГО по отделению этнографии», СПб., 1902, стр. 90.

⁸ «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях». I. Плано Карпини. СПб., 1825, стр. 95.

керамики мохэского времени в бассейне Амура и в Приморье. Можно, следовательно, рассматривать это как свидетельство прихода первых монголоязычных племен на Лену не только из Забайкалья, но и из еще более отдаленных областей на востоке, расположенных в бассейне Амура (всего вероятнее, по правому его притокам, начиная с Онона). Это говорит также и о существовании каких-то глубоких и очень древних связей предков монгольских племен XI—XIII вв. с аборигенным населением Среднего Амура и соседних с ним районов Маньчжурии, которое китайцы объединяли под общим наименованием «мохэских племен». Именно для их керамики характерны были сосуды с кариизмами у венчика, хотя эти сосуды были не круглодонными, а плоскодонными.

Дополнением к сэгенутским погребениям могут служить некоторые оригинальные рисунки на Шишкинских скалах, которые сначала казались мне близкими к курумчинскому времени, но по стилю и содержанию их все-таки следует выделить особо.

Таков, например, один древний рисунок, выполненный тонкими резными линиями в виде узкой полоски, нанесенной на плоском ребре слоя песчаника, выступающего из скалы. Он изображает целую группу древних кочевников, передвигающихся куда-то со своим скотом, имуществом и домочадцами. Впереди всех на лошади скачет всадник, который гонит перед собой животное, вероятно, условно изображающее табун лошадей. За ним едет еще один всадник. Позади них длинной цепью движутся, одна за другой, пять кибиток. Каждую кибитку тянут быки, погоняемые сидящими на их спинах людьми.

Две передние повозки имеют необычный вид. Нижняя часть первой повозки напоминает треугольник, обращенный вершиной книзу, с углов которого свешиваются три длинные полосы, похожие на кисти. Над ним возвышается сооружение, представляющее, видимо, остов кибитки из палок-распорок, поддерживающих плоскую крышу. Средняя распорка стоит вертикально, другая — наклонно. Она обращена верхним концом паружу, нижним — к средней распорке.

Вторая повозка подобна первой, с той, однако, разницей, что верх у нее квадратный, а в боковой стенке изображены два симметрично размещенных и одинаковых по размеру квадратных окна.

Третья кибитка не похожа на первые. Она имеет вид прямоугольника со слегка выпуклым верхом. Сзади, у основания ее, имеется длинный выступ, подобный оглоблям волокуши. Такой же выступ, но несколько короче, виден спереди сверху. Над

ним вертикально помещается что-то вроде султана или бунчука-туга.

Следующая повозка устроена так же, но «султана» спереди у нее нет, а сзади вверху имеется какой-то кривой выступ, слегка напоминающий дымовую трубу.

Последняя повозка по очертаниям близка к обыкновенной войлочной юрте. Она куполовидная, а внутри намечены как бы два вертикальных столба с поперечной перекладиной над ними в виде буквы Т. Три первые повозки соединены друг с другом линиями, которые идут от морды везущих их животных и означают, очевидно, повод, которым каждое из них привязано к задней части предшествующей повозки. Эти кибитки двигаются, таким образом, не отдельно, а цугом.

Колеса на кибитках не изображены. У передних кибиток с их треугольным низом колеса могли быть закрыты сбоку ковром или войлоком, по углам которого и висели изображенные на рисунках длинные кисти. Остальные же кибитки могли быть поставлены на волокуши или на полозья.

Особенно интересно отметить, что из двух передних кибиток вывешены флаги на косо поставленных древках.

В ближайшую связь с описанными шишкинскими рисунками нужно поставить также один замечательный рисунок, обнаруженный П. П. Хороших на горе Манхай, неподалеку от села Усть-Орда в Кудинской степи⁹. Рисунок этот выполнен также резными глубокими линиями. Правда, он сильнее выветрился от времени, вследствие чего некоторые детали рисунка прослеживаются слабо, но общие контуры его видны вполне отчетливо.

В центре рисунка изображена юрта, но форме, несомненно, типично степная войлочная. Отчетливо выражены крутые уступы плечиков и суженная верхушка, имеющая вид выступа вроде печной трубы. Внутри юрты показано что-то вроде нар или, может быть, условно изображенной подстилки, на которой помещены четыре человеческие фигуры. Фигуры изображены схематично — видны головы, длинные туловища, руки и ноги. По обе стороны фигурок имеются изображения кибиток, близкие к шишкинским. Первая кибитка, нарисованная слева, имеет форму высокого прямоугольника, перекрещенного внутри по диагонали прямыми линиями. Это, вероятно, юрта с охватывающими ее снаружи ткаными полосами. Внизу изображено тщательно выполненное колесо в виде круга с радиальными

⁹ См.: П. П. Хороших. Наскальные рисунки на горе Манхай II.— «Краткие сообщ. ИИМК АН СССР», вып. XXXVI. М.—Л., 1951, стр. 191—195, рис. 59-2.

полосами-спицами и горизонтальной поперечной (последняя может означать ось или, скорее, перекладину телеги). Над кибиткой возвышается стержень, с которого наклонно свисают две полосы. Это, несомненно, туг. Сбоку видны еще две прямые линии, может быть, кисть. Между кибиткой и юртой имеется прямая линия с тремя развилками вверху и тремя — внизу. Это тоже, очевидно, туг на длинном шесте, имеющий внизу подпорки.

Кибитка, изображенная справа от юрты, несколько иного вида. Она тоже имеет прямоугольную форму, но ниже и шире первой. Внизу изображено такое же колесо со спицами. Кибитка лежит на телеге, изображенной в виде длинной горизонтальной линии. Спереди к этой линии примыкает, по-видимому, отлобля или веревка, от которой свисает вниз прямая полоса, заканчивающаяся тремя развилками (вероятно, кисть).

Сверху над кибиткой возвышается сначала прямая, а затем изогнутая полоса. Она, возможно, тоже означает туг, только изображенный условно.

Рисунки кибиток на Шишкунских скалах на горе Манхай вполне соответствуют письменным и этнографическим данным. Передвижные кибитки на колесах, служившие жилищами древних монголов, и волю, которые их везут, упоминаются уже в древнейшем литературно-эпическом памятнике монголов — «Сокровенном сказании»¹⁰.

В одном месте «Сказания» приведены, например, слова Оэлуи-Учжин, подчеркивающие, что кибитки были местопребыванием женщин и девушек: «Девушки в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся»¹¹.

В эпоху монгольской империи монголы-завоеватели жили в аналогичных по виду многочисленных колесных кибитках, которые производили впечатление целых кочевых городов. Такие кочующие «города», хозяйства отдельных монгольских вельмож, постоянно встречались, например, Рубруку и Плано Карпини.

«Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев, бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы», — писал Рубрук. По его словам, одну такую повозку тянули 22 быка: одиннадцать в один ряд вдоль ширины повозки и еще одиннадцать — перед ними: ее ось была величиной с мачту. У входа в повозку стоял чело-

¹⁰ См.: С. А. Козин. Сокровенное сказание, т. I. М.—Л., 1941, стр. 107

¹¹ Там же, стр. 85.

век, погонявший быков. Как и на рисунках Шишкинских скал, повозки монголов шли цугом. «Самая слабая из женщин (*muliercula*) может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами, одну за другой, и бабенка будет сидеть в передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом»¹².

То же самое рассказывал о татарах Марко Поло: «Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть целый день шел бы дождь, вода ничего не подмочит в телеге; впрягают в них волов и верблюдов и перевозят жен и детей»¹³.

Известны, наконец, примеры употребления передвижных юрт-кибиток кочевыми тюркскими и монгольскими народностями в XVII—XVIII вв. кундровскими, бессарабскими, астраханскими и погайскими татарами, а также караногайцами.

Наиболее тщательное описание передвижных юрт кундровских татар сделано таким внимательным к бытовым деталям путешественником, как П. С. Паллас. «...Для переносения сих кибиток с места на место,— пишет он,— ставят они их на высокую двухколую телегу, называемую (арба), так что они как спереди, так и сзади лежат на оси и наподобие зонтика покрывают всю телегу и с колесами. На телегу они кладут все их малое стяжание, сундуки, посуду и тому подобное, потом сажают жену и детей и со всем тем отъезжают. У богатых бывает таких кибиток по две и более, смотря по семье, сверх того еще телега с построенным на оном спальным чуланом, в коих они с женами своими покоятся». Останавливаясь на время, татары не снимают кибиток с колес, «но сидят под оными... и под тенью юрты отправляют свои работы». Подобно древним монгольским, татарские кочевья, по словам Палласа, кажутся подвижными деревнями или станами»¹⁴.

Нельзя не упомянуть особо и еще одного замечательного совпадения. В XVIII в. у бессарабских татар, которые тоже имели решетчатые юрты, часто перевозившиеся целиком, в разобранном виде, на телегах, запряженных верблюдами, существовал обычай вывешивать над юртой на шесте нечто вроде флага — белого или синего. Флаги бессарабских татар представляют, таким образом, близкую аналогию с флагами, изображенными на шишкинских скальных рисунках.

¹² В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, стр. 69, 71.

¹³ Н. П. Миняев. Путешествие Марко Поло, стр. 87.

¹⁴ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства. III, половина вторая. СПб., 1770, стр. 140.

Такие кибитки на колесах, однако, уцелели до XVIII в. только в степях Восточной Европы. Б. Я. Владимирцов говорит о колесной телеге с кибиткой, что ее современные монголы забыли совершенно. «Можно думать,— продолжает он,— что повозки у монголов исчезли с XV века», так как в «Истории Радлова» ордосские монголы отмечаются особо как «сохранившие телеги-арбы»¹⁵.

По словам Б. Я. Владимирцова, их существование было вызвано только своеобразными условиями беспокойного кочевого быта древности: «Необходимость телег, телег-кибиток у монголов XI—XII вв. вызывалась потребностью в быстром перемещении с места на место. При постоянных набегах, нападениях и войнах всякого рода телега-кибитка была полезнее вьючного животного, когда надо было как можно скорее уходить от врага: запрячь быка в повозку-кибитку и положить на нее скарб можно было сделать несравненно скорее, чем завьючить верблюдов или других животных; это требовало и меньшей затраты сил и меньшего количества рук. Стан из кибиток с поставленными на них юртами мог быть очень подвижен. Впоследствии, в XIII в. существование кибиток поддерживалось дальними походами и большими перекочевками, вызываемыми обилием стад, вообще расцветом кочевой жизни в дни мировой империи монголов»¹⁶.

Б. Я. Владимирцов отмечал далее, что юрта современных монголов несколько отличается от юрт, описанных Рубруком. Отличие это заключается в том, что они утратили шейку наподобие печной трубы. Он указывал также, что юрты с реликвиями Чингисхана в Ордосе отличаются от обычных монгольских юрт именно наличием таких выступов сверху в виде шейки. Б. Я. Владимирцов полагал, что можно представить последовательные этапы эволюции юрты кочевников: 1) шалаш лесного зверолова; 2) юрта, покрытая шкурами; 3) юрта войлочная с шейкой; 4) современная юрта¹⁷.

Следует отметить в связи с этим, что юрты старинного монгольского образца (с высокой конусовидной верхушкой и каркасом из двух рядов решеток, поставленных друг на друга) сохранились в Афганистане у кочевого племени хазара.

Хазара, по мнению В. В. Бартольда, являются потомками монгольских племен, входивших в состав войск династии чингизидов и оставшихся на территории современного Афганиста-

¹⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 128, прим. 4.

¹⁶ Там же, стр. 42.

¹⁷ Там же, стр. 41.

на после захвата ее монголами¹⁸. Монгольский язык был зарегистрирован у их потомков еще в 1838 г.¹⁹ За последние годы язык афганских монголов был исследован Л. Лигети²⁰, Ивamuрой и Г. Шурманом²¹.

Описывая приобретенную у одной из двух групп хазара, обитающей в северо-западном Афганистане, юрту древнемонгольского типа («ханан-хырга»), Э. Г. Гафферберг сравнивает ее с юртами ордосского Ихэ-эджен-хоро и справедливо делает вывод, что она представляет собой «пережиточную форму старинной богатой монгольской юрты VIII в., сохранившейся у богатых слоев хазара в условиях изоляции от своей монгольской родины, от своего народа, и совершенно исчезнувшей в быту современных народов»²².

Таким образом, юрта с шейкой, изображенная на скалах Манхая, соответствует древнемонгольской юрте, описанной Рубруком, и относится к третьему из этапов эволюции юрты, намеченных Б. Я. Владимирцовым.

Изображение войлочной юрты такого типа и колесных кибиток на лепских скалах ясно показывает, что их владельцы были настоящим кочевым племенем, как монголы XI—XIII вв., а не оседлым или полуоседлым народом, подобным тюркам-курыканам. Исчезновение подобных кибиток у собственно монголов в Халхе до XV в. дает право полагать, что и на Лене они относятся к весьма раннему времени (очевидно, к времени первоначального распространения там древних монгольских переселенцев).

Итак, мы видим, сэгенутский могильник железного века и описанные наскальные рисунки являются драгоценными памятниками древнейшей культуры монгольских племен.

До сих пор даже на территории самой Монголии не было обнаружено археологических памятников такого раннего возраста, принадлежащих монголам. Таких могильников мы не зна-

---

¹⁸ В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 55.

¹⁹ R. Leech. A vocabulary of the language of the moghal aimaks.—«Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. VII, part 2. Calcutta, 1838, p. 785—787.

²⁰ См.: Л. Лигети. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана.

²¹ Shinobu Iwamura and H. F. Schurmann. Notes on mongolian groups in Afghanistan.—«Silver jubilee volume of Zinbu-Kagakukenkynsyō Kyoto University». Kyoto, 1954, p. 480—515.

²² Э. Г. Гафферберг. Хазарейская юрта ханан хырга (к вопросу об истории кочевого жилища).—«Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIV, 1953, стр. 79—92.

ем, и нигде в других местах такие образцы древнемонгольского искусства, такие рисунки, на которых древние монголы изобразили бы себя, свои жилища и свой кочевой быт, не известны.

Наскальные рисунки в Шишкино и на Манхае — единственные в своем роде монгольские иллюстрации, подтверждающие сведения из древнейших монгольских литературных произведений и известия западноевропейских путешественников XIII—XIV вв. о кочевой жизни монгольских племен.

Описанные археологические памятники являются вместе с тем и вещественными следами древних этнических взаимоотношений на Лене — свидетельством о происшедшей здесь к XIII в. замене тюрков-курумчинов новыми племенами монгольского происхождения, родина которых находилась к востоку от Селенги, скорее всего в долине Онона и Керулена, а также около озера Буир-Нор. Этот вывод подкрепляется и письменными источниками.

В «Юань-чао-би-шп» упоминаются «нихилесунь», т. е. ихитры. В «Джангариаде» в связи с походом Джучи к лесным народам в 1207 г. отмечается даже и общеплеменное имя «буряты».

«Проводником поехал Буха. Прежде всего явился с выражением покорности ойратский Худаха-беки со своими тумен-ойратами. Явившись, он стал провожатым у Джочи. Проводил его к своим тумен-ойратам и ввел в Шихшит. Подчинив ойратов, бурятов, бархунов, урсупов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Джочи подступил к тумен-киргизам»²³.

По данным Рашид-ад-дина, предки позднейших бурят-монголов, лесные монгольские племена²⁴ хори, баргут, икирас, булагачи и кэрэмучи, уже существовали вблизи Байкала в эпоху возвышения монголов.

Однако этот вопрос еще требует дальнейшего глубокого изучения не только археологами, но и лингвистами, историками и этнографами.

---

²³ С. А. Козин. Джангариада. Героническая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. М.—Л., 1940, стр. 15.

²⁴ См.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 77, 78, 117, 121, 122.

БУРЯТЫ. РАССЕЛЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ. ХОЗЯЙСТВО ¹

Буряты были несравненно многочисленнее своих киштымов — тунгусов. Если на Верхней Лене в сороковых годах XVII в. насчитывается всего около 30 тунгусов, объясаченных известным управителем Верхоленинского острога Курбатом Ивановым, то бурят там же было полторы тысячи (речь идет об ясачных плательщиках, т. е. не о всех даже мужчинах, не считая вообще женщин). В Приангарье же бурят насчитывалось до 10—11 тысяч. Во время шерти (присяги) семнадцати булагатских родов в 1654 г. к ним принадлежало 1700 чел., а необъясаченных предполагалось около 10 000², не считая окинских бурят, где неясачных бурят, помимо старых ясачных, обнаружено было в 1654 г. 300 душ³. Тунгусы хорошо сознавали силу бурят; они угрожающе говорили русским завоевателям, что их «налягов — много, а братьев н того больше»⁴.

Вверх по Ангаре от Енисейска «Братская земля» начиналась в тридцатых годах XVII в. с Долгого порога за Вихоревкой⁵, а «большие братские улусы» располагались уже около Падуна, где находились кочевья князца Кодогона с братом его Котогором. По Оке и Ангаре располагались самые «большие братские люди», в частности, на Ие жили, как мы видели, корчуны, шарайты и икинаты. Икинаты жили и на самом устье Оки. Фактически этот район был продолжением и частью тех улусов, которые отошли в ведение Красноярского острога и находились в тесной связи с ними. Связь их была, впрочем, не всегда мирной, если вспомнить походы Баахая на Уду. Отсюда отдельные группы бурят передвигались на Уду; вероятно, что были случаи перехода бурят и с Уды на Оку⁶.

¹ «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.)». Л., Соцэкгиз, 1937, стр. 268—311.

² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 186, л. 88.

³ Там же, д. 23 (списки Енисейской архивы, ч. II, № 25).

⁴ Там же, д. 30 (списки Якутской архивы, ч. I, № 38).

⁵ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 12, л. 478.

Следующим крупным центром расселения бурят-монголов был Балаганский район. «Большие братские люди» жили на левом берегу Ангары по Унге, а на правом берегу — около устья Осы. В 1689 г. для Балаганского района упоминаются роды: 1) муруев, 2) онгоев, 3) быкотский, 4) кулеметский, 5) олзоев, 6) шарайтский, 7) болотский, 8) солегутский, 9) хангинский, 10) икинатский, 11) онготоев, 12) шаранутский, 13) хугуев, 14) иркинцев, 15) готольский, 16) холтуваев, 17) зунгарский, 18) ноетский и 19) янгутский. Кроме того, числилось 20) тунгусов 13 чел. борондоева рода и 21) 9 чел. харанутского рода и 22) мунгальские выходцы⁷. Среди последних указывается «Ирбанов улус» — хонгодоры. Возможно, что в это число 19 собственно бурятских родов входили целиком все 17 булагатских, давших шерть в 1654 г. Для более раннего времени упоминается на Унге род Куркут⁸, по-видимому, после шестидесятих годов продвинувшийся на Китою.

По Куленге жили в первой половине XVII в. буряты Готольского рода, занимавшие также и часть долины р. Иды⁹. В этих же районах находились кочевья Алконского или Алгунского рода¹⁰, хонгодоров и некоторых других¹¹.

На Лене упоминается два очень больших улуса эхиритов: первый — по реке Анге; второй — по реке Манзурке (Байнзурхэн)¹²; по соседству с ними в верховьях Лены жили сегенуты (или, передается название этого рода в отписках: «Цынгогарский, Цаганский, Цыганов улус»)¹³. Несколько дальше эхиритов, по Манзурке и Куде, расселились булагатские роды, в частности ашеабаты (асипугаты) и батулинцы — батлаевцы,

---

⁶ По Оке в 1727 г. числилось ясачных Удинского острога: 1) «Ашахадской улус» — 99 чел., 2) «Каранотцкой улус» — 30 чел., которые жили «близ нижнего устья той Оки реки», 3) «Иские корчюны» — 32 человека «близ нижнего устья», 4) «Кочемарской улус», в котором числилось 6 чел., 5) «Улегонской улус» — 11 чел., 6) «Баберской улус» — 9 чел. (архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, списки Енисейской архивы, ч. VI, № 11).

А. Мартос в начале XIX в. имел точные сведения о расположении улусов харанутского рода на Уде, а род ашеабатов, князец которых Илан или Ойлан враждовал в пятидесятых годах XVII века с князем усть-окинских икинатов Баахаем, по его сведениям, занимал уже «места, прилегающие к Оке, и берега сей реки, впадающей в славную Ангару». См.: А. Мартос. Письма из Восточной Сибири, 1827.

⁷ ГАФКЭ, Сибирский приказ, кн. 941, л. 394, 395.

⁸ «Дополнения к актам историческим», т. IV, № 64.

⁹ ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 402, л. 187.

¹⁰ Там же, столб. 402, л. 192.

¹¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 30, № 57.

¹² Там же, л. 23, № 133.

¹³ Там же, № 29. Вряд ли это был Саганский род нашего времени.

распространявшиеся к Байкалу и вниз по Ангаре, от устья Куды и т. д.¹⁴

Очевидно, для времени, предшествовавшего погрому 1658 г. и повальному бегству бурят из Прибайкалья, расселение отдельных родов на Ангаре и Лене было менее чересполосным, чем после событий 1658—1659 г., когда отдельные группы бурят вновь возвращаются на «породные земли», но с ними идут и монгольские эмигранты и обломки отдельных родов, обитавших прежде в других местах. Наибольшее смешение, само собою разумеется, имело место в Тунке и в Забайкалье, пограничных с собственно Монголией, с халхаскими владениями, куда стремились беглецы из Прибайкалья и откуда выходили подданные монгольских владельцев часто по случаю простого неурожая трав.

По Б. Б. Бамбаеву, которому принадлежит наиболее полная сводка современных данных о родах бурят-монголов, булагаты делятся на шесть коренных родов: алагуй, готол, харанут, хормши, шоно и шаранут. Эхириты расчленяются на роды: авозай, баяндай, бабай, хэнгэлдэр, олзон, шаралдай, абаганут и баян¹⁵.

Ответвлениями коренных эхирит-булагатских родов себя считают следующие:¹⁶

1) Адагуши	15) Долот	29) Онхотой
2) Аргасап	16) Дурбэт	30) Оута
3) Ашахай	17) Дуртум	31) Очеул
4) Ашита	18) Зумад	32) Солманхин
5) Бардам	19) Зунгар	33) Сэгэнут
6) Бодорхон	20) Ирхэт	или Олод
7) Болдой	21) Ирхидэй	34) Табязин
8) Боргой	22) Ихинат	35) Турлак
9) Борой	23) Муруй	36) Тутур
10) Борсой	24) Манхамуд	37) Тэртэй
11) Бузагат	25) Нойот	38) Улабат
12) Булут	26) Обондэй	39) Урянхай
13) Бухут	27) Обогон	40) Хангин
14) Бырбихэн	28) Онгой	41) Хамнай

¹⁴ См.: М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1927, стр. 78—80.

¹⁵ См.: Б. Б. Бамбаев. К вопросу о происхождении бурят-монгольской народности.—«Бурятияведение», 1929, № I—II (9—10), стр. 119.

¹⁶ Там же, стр. 132—133. Ср. перечисления родов бурятской народности в «Сказаниях бурят, записанных разными собирателями» («Зап. ВСОРО по этнографии», т. I, в. II. Иркутск, 1890).

42) Хара-монгол	51) Хотогойт	60) Саган
43) Хармяган	52) Хулдат	61) Чечол
44) Хасамак	53) Хурдут	62) Чегодэр
45) Хартул	54) Хурхут	63) Читут
46) Хахта	55) Хухтэ	64) Шарад
47) Хогой	56) Хухуйт	65) Шолот
48) Холтубай	57) Хэнгут	66) Шошолок
49) Хонют	58) Хэрбнт	67) Эмхэнут
50) Хорчит	59) Хэрмэшин	68) Янгут.

Из коренных булагатских родов в XVII в. выше мы видели на Иде род Алагуй, а также Готол. Шарануты жили на Унге, где в конце XVII в. кочевали и буряты рода Готол. Мы встречаем также на тех же местах представителей отдельных их ответвлений, упоминаемых выше.

Эхириты не распространялись, видимо, в середине XVII в. на Ангару, тогда как булагаты занимали Ангару и долину реки Куды на территории современного Эхирит-Булагатского аймака Бурят-Монгольской АССР. Значительная часть ответвлений как булагатских, так и эхиритских родов, несомненно, уже существовала в половине XVII в. на местах их нынешнего обитания по Ангаре и Лене, как это видно из сличения списка Б. Б. Бамбаева с указаниями русских документов той поры.

При учете исторических фактов и этнографических данных специальная разработка историко-географических вопросов, касающихся бурят и их соседей, представляется нам в будущем далеко не безнадежным вообще делом, важность которого вполне понятна.

Работы по исторической географии Прибайкалья в XVII в., особенно первой половины этого столетия, могли бы в первую очередь дать драгоценные указания для решения проблемы происхождения бурят-монгольской народности и всей ее истории. К сожалению, мы еще далеки от возможности составления исторических карт, отмечающих расселение бурятских родов и границы племенных объединений в прошлом на основании архивных данных и фольклорных сведений, карт и сводок, показывающих судьбы этих родов и племен, их смешения и переселения на территории Прибайкалья. Этнические черты, происхождение и судьбы отдельных компонентов, составивших в ходе сложного этногонического процесса бурят-монгольскую народность, также еще подлежат выяснению¹⁷, и это следует сделать

¹⁷ Нельзя не согласиться с выводами А. И. Балдуникова в его статье «К вопросу о задачах историко-этнографического исследования бурят», где он пишет: «Вопрос о взаимоотношениях бурят с соседними племенами в до-

ранее, чем принимать те или иные гипотезы происхождения бурятского народа, основанные на случайном и часто тенденциозно подобранном материале, выбор которого облегчается очевидной пестротой наличных данных.

К числу таких построений относится старая гипотеза об отрыве бурят от ядра монгольского народа и занятия ими Прибайкалья после насильственного вытеснения оттуда древнего — турецкого по языку и происхождению народа, в свою очередь занявшего здесь когда-то место тунгусов¹⁸.

Повторяемая в разных вариантах со времен авторов XVIII столетия, эта теория о бурятском нашествии и бегстве предков якутов на Лену, при учете различных фактов, значительно осложнявших столь простую картину смены этнических волн и последовательных изменений расового состава, языка и культуры населения Прибайкалья, вызываемых каждой новой этнически-чистой волной, приняла позднее, однако, уже несколько иные формы. В изложении такого внимательного наблюдателя, как Г. Н. Потанин, значительно изменилась даже общая постановка проблемы взаимоотношений древних турецких насельников Прибайкалья с позднейшими, определяющихся, по его мнению, уже не катастрофически быстрым завоеванием и разгромом сопротивляющихся турецких племен монголами, а медленным и постепенным проникновением монгольских переселенцев отдельными ручейками по степным долинам:

русское время остается для нас еще мало выясненным. Исследователи бурятской народности склонны считать бурят выходцами из Баргу-Монголии. Точно ли это установлено? Сказать трудно. Для того, чтобы воссоздать далекое прошлое бурят-монгольской народности, необходимо до основания перерыть народный эпос, изучать материальную культуру и все это сравнить с историческими фактами из жизни соседних племен» («Бурятияведение», № I—III (V—VII). Верхнеудинск, 1928).

¹⁸ Н. Н. Козьмин указывает на курыканов орхонских надписей, как вероятных предков якутов. В VII—VIII вв. курыканы — небольшой народ; они могли выставить не более 5 тысяч бойцов, хотя имели «много превосходных лошадей». В момент возникновения Монгольской империи курыканы, по его мнению, жили в границах Б. Иркутской губернии. Здесь они испытали отраженное влияние катастрофы, разразившейся над их соплеменниками, керантами и меркитами. Под давлением монгольских переселенцев, предков бурят, курыканы отошли вниз по Лене, а их места в Приангарье и в верховьях реки Лены заняли монгольские группы. По мнению же Г. В. Ксенофонтова, якуты представляют северную ветвь общей волны «турецкого беженчества из степной Монголии, протолкнутую в эпоху монгольского нашествия во времена Чингиса в долину реки Лены. (См.: Г. В. Ксенофонов. Хрестес. Иркутск, 1929, стр. 121—125; Н. Н. Козьмин. К вопросу о времени водворения бурят около Байкала.—«Сибирская живая старина», 1925, вып. III—IV).

в новые области, до того занятые «тюркским морем». При такой постановке вопроса исследования уже направлялись в сторону конкретного анализа фактов, показывающих не механическое столкновение, а взаимодействие народных масс.

Н. Н. Козьмин, придерживающийся теории о вытеснении турецких насельников Прибайкалья бурятами в эпоху возвышения Чингиса, в последней работе, посвященной турецко-монгольскому феодализму, сделал попытку нового объяснения вопроса о составе и происхождении бурят-монгольского народа. Н. Н. Козьмин притом, в отличие от предшественников и вполне справедливо, сделал шаг вперед тем, что поставил решение проблемы в зависимость от истории общественного быта, предполагая, впрочем, что ключ к истории образования бурятской «смешанной» народности следует искать только в истории «турецко-монгольского феодализма».

Поскольку в такой постановке этногенетическая проблема приобретает особую сложность и важное значение для нашей темы, мы вынуждены остановиться на положениях Н. Н. Козьмина для того, чтобы путем их разбора перейти к выяснению впервые поставленной им задачи, конечно, только в тех пределах, какие ставит тема данной работы.

Задача эта может быть формулирована так:

1. Из каких — автохтонных или пришлых — элементов возникла бурятская народность?

2. Имел этот процесс в своей основе внутреннюю закономерность в развитии хозяйства и общества в Прибайкалье или был только следствием внешнеполитических катастроф?

3. Какова была эта закономерность и в чем сказалось влияние внешней среды, общих исторических условий?

Правильная постановка данной задачи должна, естественно, способствовать и верной оценке тех противоположных взглядов на строй и историю бурятского общества до русского завоевания, которые выше сведены нами в два параллельных столбца.

Общие взгляды Н. Н. Козьмина, оформившиеся к 1934 г., уже были сформулированы [См. «Очерки из истории...». — *Ред.*] Остается перейти к его аргументации. Она оставляет несколько странное впечатление и осадок неудовлетворенности предлагаемыми доводами. Учет некоторых данных об этническом составе бурятского народа действительно позволил Н. Н. Козьмину отметить сложность этого состава, сочетание в нем групп монгольского, турецкого, тунгусского и даже «туркестанского» (?) происхождения. Казалось бы, сами факты,

вызвавшие эти, отличные от старых, новые обобщения, указывали на необходимость осторожного подхода к этногонической проблеме и тщательного анализа всех сведений во избежание одностороннего и узко формального описания явлений. Тем не менее Н. Н. Козьмин этого не сделал. Увязывая, например, для доказательства своего взгляда предков рода Сартагул (Сартул-Гартул — у Баторова) с предполагаемыми невольными переселенцами, пленниками-сартами из Туркестана, урянхитов с известными урянхитами Рашид-ад-дина, бодонгутов с меркитами и т. д. и т. п., Н. Н. Козьмин не сделал даже попытки разобратся в семантике и возможных изменениях этих этнических терминов, в родословных и фольклоре каждого из тех родов, которые им были перечислены.

Если бы эта работа была проделана, то Н. Н. Козьмин смог бы, очевидно, убедиться в поспешности сравнений и отождествлений, допускаемых им на основе одного лишь созвучия слов. Вместе с этим он мог бы увидеть в признаках, сближающих те или иные этнические группы, в ряде случаев доказательства не кровного их родства по происхождению, а, наоборот, лишь стадильного единства. Имена и этнические термины, равно и мифы, как показал Н. Я. Марр, требуют одинаково умелого предварительного палеонтологического анализа для того, чтобы быть введенными в оборот исторического исследования нелингвистами.

Н. Н. Козьмин предпочел даже указания фактов на сложность этногенеза и разнообразие входивших в бурятскую народность этнических и культурно-хозяйственных элементов тенденциозно использовать только для подтверждения своих общих методологических взглядов об исконности феодальной отношений в этой части Сибири и вместо анализа сложной действительности ограничился простым утверждением, что именно воля феодалов, деятельность мелкопоместных нойонов механически определила процесс сложения бурятской народности из разношерстных компонентов. Мы узнаем от него только то, что в Прибайкалье якобы прочно обосновались «мелкопоместные нойоны», а это, по словам Н. Н. Козьмина, «не были какие-то родоначальники-патриархи, соединенные со своими улусными людьми узами кровного родства. Их люди были пестрого происхождения. Одних они получили в дар от Чингисхана и его преемников, с землями или на «выход», других сами приобрели тем или иным способом, третьи добровольно закрепились за ними. Одни были монголы, другие турки, третьи тунгусы, иные — выходцы из Туркестана и других земель. Ничего похожего на большие кровные союзы, на роды, разросшиеся в пле-

мена, ничего похожего на «патриарха»¹⁹, — категорически заявляет Н. Н. Козьмин.

Несколькими же страницами ниже Н. Н. Козьмин в той же работе тем не менее пишет: «Бурят-монгольская народность сложилась в Прибайкалье. Все ее национальные предания и традиции приурочиваются к Байкалу, как центру, около которого развивалась ее история. Значительная часть бурято-монголов и в хозяйственном отношении как бы прикреплена к Байкалу. Историческое предание их не знает почти ничего определенного о предшествующих этапах жизни и странах, где они обитали до прихода в Прибайкалье. Их можно считать за автохтонов последнего, т. е. исконных аборигенов края... Но это не так»²⁰, — вдруг столь же неожиданно заключает свой обзор автор и переходит, используя исторические сведения письменных документов, к истории разгрома монголами меркитов и татар, к предполагаемому захвату опустевших земель монгольскими колонистами, составившими ядро бурятской народности вместе с остатками разгромленных турок. Иными словами, ссылка на бурятские предания о их прошлом, явно противоречившая основной, заранее оформленной, мысли автора, была сделана, видимо, лишь с целью подчеркнуть полный и намеренный отказ от признания этого источника — как ненадежного и «неисторического», на том основании, что якобы он противоречит письменным источникам, т. е., в конечном счете, лишь выводам Н. Н. Козьмина. Попыток же объяснения самих причин такого противоречия источников Н. Н. Козьмин не делает, а поэтому уже само по себе противопоставление эпоса и письменных источников, сделанное исследователем, возбуждает сомнения в правильности его метода и справедливости его положений.

Н. Н. Козьмин использовал письменные источники формально полностью, но односторонне, в отрыве от других источников, явно желая доказать, что без насилия монголов над турками, без разгрома и гибели их основного массива не было бы и бурят как народности, состоящей из механической смеси обломков народов и племен, и потому он неизбежно и полностью возвращается к старым предположениям о катастрофическом столкновении монголов и турецких племен Прибайкалья. Между тем отношения между монголами и турками эпохи Чингиса в это время, согласно тем же источникам, были значительно сложнее и шли глубже, — насколько мы можем, конечно, их теперь пред-

¹⁹ См.: Н. Н. Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934, стр. 90.

²⁰ Там же.

ставлять. Сам же Н. Н. Козьмин, вслед за Бартольдом, склонен был думать, что, например, Джучи и Чагатай стали во главе главным образом турецких племен, опираясь лишь на монгольскую гвардию и монгольскую феодальную верхушку. Подобные факты подчинения, а не вытеснения тукок монголами неизбежно должны были иметь место в той части Прибайкалья, которая безусловно входила в границы собственно монгольского государства, и, следовательно, когда речь идет об истреблении тукок в Прибайкалье, то в большинстве случаев следует понимать это как указание на уничтожение их общественной верхушки, а не масс»²¹. Наконец, и не все Прибайкалье в равной мере было охвачено влиянием монгольской государственности в XIII—XIV вв., процессом ее становления. Сохранились еще во многих местах старые социальные отношения и местные политические объединения, по-видимому, если и подчинившиеся монгольскому центру, то не больше, чем ленские буряты Сайчхану в XVII в. И тем более там сохранялось древнее население.

При этом особенно существенно, что низовьями Селенги (меркиты), а тем более ее верховьями, Орхоном и долиной реки Толы (керенты), входившими в коренные земли Чингисова государства, не определяется вся территория, с которой так или иначе было связано становление бурят-монгольской народности. Забайкалье — область лишь восточных бурят, преимущественно хоринов. вообще значительно более близких к монголам и по сравнению с Западной Бурятией, под влиянием древних связей с Халхой, имеющих в быту более резко выраженные черты позднейшей феодально-монгольской культуры. По существу, описанная Н. Н. Козьминым для XIII—XIV вв. история образования смешанного населения с монгольским ядром из завоевателей только и может быть приурочена к этой области, позднее запятой восточными бурятами.

На основании эпической традиции и опираясь на работы большинства исследователей прошлого бурятского народа, на письменные и прочие источники, можно предполагать, что коренными абorigенами Прибайкалья, меньше всего задетыми событиями той поры, оказываются обитатели Ленско-Байкальского и Ангара-Байкальского районов. Наиболее захолустной

---

²¹ Рашид-ад-дин совершенно четко пишет, что Джучи во время похода на киргизов покорил, подчинил их и возвратился обратно. Даже керенты отделались тем, что «стали пленниками» и рабами Чингисхана». (См.: «Сборник летописей». — «Труды ВОРАО», ч. V, стр. 95).

Положение же рабов ханских было, по мнению Б. Я. Владимирцова, «формой крепостного вассалитета» (см. его: «Общественный строй монголов», стр. 65).

частью далекой окраины монгольской империи, Баргуджин-Тукума, где, по словам Рашид-ад-дина, случались безмерные морозы, бывали страшные грозы и рождалось «без числа шаманов знаменитых», и были эти области Ангаро-Ленского края — Кудинская и Окинская степи, долины Ангары и Уды²². Здесь, действительно, — на краю места и земель, занимаемых монголами, — в Прибайкальских горах и долинах, на грани тайги, естественно ожидать сохранения древнего населения, его быта и социальных отношений. К этому лесному населению и его потомкам собственно и относится — вполне приемлемое в данной части — замечание Н. Н. Козьмина, подтверждаемое и мнением остальных исследователей, что все национальные предания и традиции бурят-монголов концентрируются вокруг Байкала, в таежном Прибайкалье.

Учитывая все это, а также то обстоятельство, что Н. Н. Козьмин вообще не привел точных доказательств своим основным положениям:

1) о неавтохтонном происхождении и целиком механически «смешанном» составе всей бурятской народности;

2) о возникновении ее, как следствии разгрома монголами турок в степях Монголии в XII—XIII вв.;

3) об отсутствии родового быта и объединений, основанных на кровных связях;

4) а также не указал имен и лиц, которые могли быть признаны мелкопоместными нойонами, и не доказал наличия феодального строя в древней Бурятини;

5) не объяснил причин «расхождения» письменных источников с устными и т. д., остается только одно: обратиться по данному вопросу к источникам, начиная с фольклора, как устной литературы, принадлежавшей самим бурятам, не имевшим собственной письменности

Как известно, при наибольшей сохранности пережитков родовых отношений у западной группы бурятской народности, особенно у северных бурят — эхиритов и булагатов, выступающих в XVII в. с чертами цельного, хотя и сложного по составу родо-племенного массива, полнее всего сохранилось шаманство и весьма четко выраженные различные идеологические пережитки древнейших стадий первобытнокоммунистического быта, представляющие огромный исторический интерес, поскольку по

---

²² См.: «Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-ад-дина», — «Труды ВОРАО», ч. V (Введение. О турецких и монгольских племенах), стр. 142.

ним можно палеонтологически восстановить глубочайшее прошлое.

Именно у них были записаны наиболее полные и красочные варианты чрезвычайно характерного центрального генеалогического мифа или комплекса мифов бурятской народности о Буха-Нойоне, Эхирите и Булагате, шаманках Асуйхэн и Хусухэн, действия которых разворачиваются на берегу Байкала и в байкальских волнах²³. На этом мифе и в вариациях последнего отразились сложные исторические судьбы создавших его этнических групп; в нем видны различные по времени стадийные напластования, представляющие значительный интерес хотя бы потому, что из мифа о Буха-Нойоне, Эхирите и Булагате берут начало все родословные и, следовательно, время его возникновения уходит глубже обычных 10—15 поколений любой генеалогической таблицы бурятского рода.

Из двух комплексов, обычно слагающих предание о прародителях бурятского народа, один содержит историю двух мальчиков и девочки, «водяных детей», выходивших из воды Байкала для игры на берегу, а затем хитростью, во время сна захваченных и усыновленных шаманками Асуйхэн и Хусухэн. Характерна такая деталь: проснувшиеся дети закричали: «Возьми нас, Молочное море — мать и Недоступные горы — отец». Поднялись волны и чуть не унесли в море шаманок. Девочка обратилась в нерпу и ушла в море, один мальчик обратился в черную белку и скрылся в горах. Второй мальчик остался у шаманки Хусухэн и получил имя Эхирит. О нем говорили: «В яру найденный Эхирит», а также, что у него береговая щель — мать, пестрый налим — отец», так как его воспитал пестрый налим, а матерью была щель в берегу. Культ белых тотемов: белки (белка — «хэрэ», не отсюда ли и керенты, и керемучины, и курумчины, как отмечали некоторые исследователи?), нерпы и налима — на фоне общих космических представлений о Байкале, как первоизданном Океане — матери и отце прародителей всего народа, явно матриархальный удвоенный образ шаманок Асуйхэн и Хусухэн и тому подобные черты, — все они указывают на очень отдаленное время и, что важнее всего, они в этом комплексе

²³ Варианты мифов о происхождении бурят-монголов неоднократно приводились в разных изданиях. Особенно интересны материалы в сборнике «Сказания бурят, записанные разными собирателями». («Зап. ВСОРО по этнографии», т. I, вып. 2. Иркутск, 1890) и в трудах Г. Н. Потанина («Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению РГО»; Материалы этнографические, СПб., 1883). Там же даны и обширные комментарии к текстам, не утратившие своей ценности до настоящего времени. См. также: А. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен и другие работы.

являются идеологическим наследием материнского рода древних охотников и рыболовов, быть может, еще построенного в форме дуально-родовой организации.

Миф о Буха-Нойоне переплетается с элементами более позднего быта скотоводов. Сам Буха-Нойон представляется в виде быка, культ которого связан с развитием скотоводства, конкретно — с разведением рогатого скота; этот культ отражает также и строй отцовского рода.

К Буха-Нойону, как отцу и прародителю, обращались аларские шаманы с призыванием, полным поразительной эпической мощи:

Буха-Ное-отец! Будан-Хатан-мать!
Развилыстыми рогами небесный свод чертил ты,
Висящим бойноком²⁴ всю землю покрыл,
Грозною силой древней тайгой завладел,
Могучею силой черной тайгой завладел.
От помета твоего непреходимая тайга распространилась,
От мочи твоей священные кедры и пихты выросли²⁵.

Так возглашали шаманы на тайлаганах, рисуя облик священного быка, своего первопредка.

Приведенный отрывок входит в молитвенное призывание на тайлагане, обращенное к Баруни хадам. Специальное же обращение к Буха-Нойону содержит следующие слова (в переводе Баторова): «Сэгк! воспрянь, вознесись! Достигни назначения мною вознесенная жертва выше, ото всех, и моление мое за всех: от земель, начиная, от страны выдвигая, вызываю! 9-круговой месяц отец! 8-круговое солнце мать! Золотое солнце-светило, алмазный месяц-сияние зеркальное, маслянолицый тэнгери-небо, шелковотканно-ясная земля, беспредельно высокое небо, бесконечно широкая земля! С широкоразвилыстыми великими рогами, с отвисающим большим бойноком Буха-Ное-баабай-отец! Будан-Хатан-мать! Великими рогами широкую землю задевая, спустились вы, от избытка милости вашей сделались создателем бурятского народа и покровителем булагатского рода!

По величеству ноздрей ваших, всю землю обнюхав, завладели ею, по обилию милости вашей сделались творцами всех людей, от вечной Удай-Тэнгэри притянув (или приняв) принесли сюда родительскую утробу (вернее — семя людское), от вечного голубого неба притянули вы пуповину людскую на землю. Кукушкина гора — седалище ваше, бурый камень монолит — изображение (двойник) ваше!

²⁴ Бойнок — подшейная свисающая кожа у быка.

²⁵ Этот текст был записан П. П. Баторовым и находится в бумагах покойного исследователя (архив ВСКО).

Всех проверяющая и над всеми надзирающая попечительная власть ваша велика и славна! Где вы останавливались и оставляли свой помет,— тут выросла глухая тайга, где вы мочились,— оттуда потекли светлые ручьи, по извилистой тропке вашей кедр и пихты выросли, из ноздрей выпустив и свеса шелковые хадаки (шелковые ритуальные платки.— А. О.), стоящий величественный вид ваш славен!

Когда злонамеренные наступали, вы оттеснили их, при приближении вредоносных врагов заранее отгоняли прочь, из-за высоких гор и широких дол ревностно охраняли нас, от всяких бед и напастей спасали нас. Такое ваше могущество прославляю!

Дальние люди слышали, близкие люди видели, как даруете нам ваши милости и благоволение. В лихолетие защиты просим у вас, в жестокие месяцы о пощаде умоляем вас! В добрый день вспомнив, меткий день выбрав, как снежным бураном заполнившим нашу землю милостью и как обильным бурлящим источником воды, насытившим страну пашу благодарностью, Буха-Ноем-Бабаю, Будаи-Хатун-Иби белоснежную, молочную пищую делаю сасали (брызганье), чистою чашкою подношу вам из большого котла сильную первинку крепкого напитка (тарасун). Принося жертву вам, прошу и умоляю милости и благоволения ваши изволить на просящих» (текст датирован П. П. Баторовым 26. XI 1925 г.).

Отношение шаманистов к Буха-Нойону настолько ярко обрисовано здесь, что не нуждается в комментариях.

Происхождение этого мифа теряется во мраке времен. Возможно, что еще замечательные бляхи «скифо-сибирской» эпохи, изображающие двух быков, стоящих друг против друга, близки по семантике к мифу о соперниках Буха-Нойоне и быке Тайжи-хана.

В преданиях о Буха-Нойоне упоминается Тайжи-хан и дочь его царевна; в связи с этим излагается архаический вариант легенд о сверхъестественном «непорочном зачатии» от божественного быка этой девицей предка бурят Булагата, или Булган-Хара, найденного в кочках («Бутага олгон хубун Булган-Хара тургун саган»). Этого типа легенды окружали небесным ореолом и земных владык Азин.

Таким образом, один этот миф о предках бурятского народа, действие которого пространственно локализовано Байкалом и его берегами, взятый за исходный пункт анализа и в качестве наглядного примера имеющихся возможностей, раскрывает уже контуры довольно сложной истории развития бурятского общества.

Следуя показаниям эпоса и мифов самого бурятского народа, нужно, очевидно, также констатировать необходимость пересмотра старых вульгарно-миграционистических построений, так как нет никаких оснований прибегать к ним для объяснения истории всех бурятских родов, хотя и следует учитывать отдельные переселения и церемонии, чаще всего происходившие в позднее историческое время. Именно только стремление остаться на позициях старых теорий, очевидно, и заставило Н. Н. Козьмина отказаться от столь невыгодного для его апрприорных построений источника.

Фольклорные данные позволяют переместить центр тяжести в вопросах образования бурятской народности внутрь, в область развития экономики и общественных отношений, которые в конечном счете определяют ход развития языка и всей культуры, характерной для отдельных этнических групп, для тех же турок, монголов, эвенков и т. д., т. е. их важнейшие этнические признаки.

Родословные, имеющие стержнем последовательную схему родоначальников по отцовской линии, не могли возникнуть до становления отцовского рода; мифы же о близнецах и двойниках Эхирите и Булагате, удвоенный образ Буха-Нойона и быка Тайжи-хана должны были оформиться значительно раньше, во времена материнского рода, о котором свидетельствует также и термин «утха». Значение этого термина буряты объясняли Г. Н. Потанину именем предка или матери, или бабушки, или же говорили, что утха есть «родство по шаманству». Характерно, по указанию Потанина, что во время камлания только материнское — «утха» — имеет значение, кость же, т. е. отцовский род, или «яган», вовсе не упоминается.

Родословные отцовских родов, «яган», вряд ли могут быть отделены от мифов о быке Буха-Нойоне, а также от легенд о коне-прародителе, следы которых обнаруживаются у бурят разных родов и тем самым, следовательно, дают право увязывать время отцовского рода с эпохой развития скотоводства, тогда как элементы звероловного и рыболовного быта в мифах должны уходить, по преимуществу, ко времени материнского рода. Эти пестрые идеологические пережитки прошлого, притом часто чрезвычайно архаичные, не только могут быть расчленены путем тщательного их анализа на группы фольклорных мотивов, обрядовых действий и т. п., но относящиеся к эпохе материнского рода и к эпохе отцовского рода, но и неизбежно должны обнаружить закономерное сходство с идеологическими реликтами тех же стадий и у других народов (миф о водяных детях у племен Кавказа, мотив женитьбы охотников на не-

бесной девице-лебедю или гусю, и т. д. и т. п.). Чистота и сохранность стадиальных напластований прошлого в фольклоре бурят как раз и служат доказательством автохтонного происхождения основного массива бурятской народности, как прямых потомков «лесных людей» Рашид-ад-дина.

На фольклорных данных, являющихся одним из ценнейших исторических источников, мы можем убедиться, что прошлое бурят сложнее и богаче, чем это казалось сторонникам изложенных выше теорий о богатстве якутов и нашествии бурят.

Фольклор убеждает нас, что предки бурят были охотниками, рыболовами и собирателями и жили в условиях материнского рода, что позднее они стали скотоводами и перешли на ступень отцовского рода.

Легенды указывают на Байкал, как на естественный центр древней родины большинства бурят-монголов, этого Бургуджин-Тукума классической истории монголов. Родословные датируют расцвет отцовского рода у бурят эпохой скотоводства и показывают, как складывалась будущая бурятская народность из преодолевавших изолированность эпохи дикости родовых разнородных групп. Но последнее слово здесь не за фольклором.

Палеонтологический анализ мифов и тому подобных идеологических остатков в культуре бурятского народа может быть в его результатах признан полностью доказательным лишь в сочетании с изучением вещественных памятников той территории, где бытуют или бытовали изучаемые нами фольклорные мотивы. Переходя к ним, мы видим, что археологические работы на территории Прибайкалья раскрывают уже очень интересную с этой точки зрения, хотя и далеко еще не полную картину последовательной смены этапов развития материнской культуры и форм быта, отчасти идеологии, на основе которой постепенно начинают вырисовываться более общие контуры социологической периодизации.

Верхний палеолит представлен классическими находками в Мальте, Бурети и более поздними памятниками типа «Верхотенской горы». Развитой неолит, во многом близкий к позднему палеолиту, расчленяется на отдельные звенья, завершающиеся памятниками так называемого китойского типа. Охотники и рыболовы эпохи развитого неолита, несомненно, знали только материнский род. В китойское и более позднее время можно предполагать, с одной стороны, зарождение культуры лесных оленеводов и охотников, а с другой стороны, — оседлых рыболовов и земледельцев-собирателей в плодородных речных долинах.

Для нас в данном случае особо важны судьбы второй, последней, ветви древнего населения Прибайкалья. Медленный, длившийся века, переход от энеолита к железу отражен своеобразными памятниками раннего железа около начала нашей эры, принадлежавшими оседлым обитателям долины Ангары. Эти памятники еще «скифского» облика постепенно переходят в иные, обозначавшиеся прежними исследователями как «курумчинские», «ладейские», «хара-монгольские» и т. п.

Перед нами культура, носители которой знали искусство выплавки железа и кузнечное дело, жили в прочных жилищах типа землянок небольшими поселками и заимками. Часто встречаются на горах и мысах у рек укрепленные поселения — городища небольшого размера, обнесенные валом и рвом. В культурных слоях городищ и поселений много остатков своеобразной грубой керамики, костей коровы, лошади и диких животных, особенно косули. Около городищ располагаются следы старинных пашен, своеобразные земляные гряды. Б. Э. Петри относит к этой культуре находки пряслиц из богхеда с вырезанными на них руническими орхоно-енисейскими надписями. Его датировке не противоречат и наблюдения В. Г. Карцева на Енисее, относившего городища ладейского типа к концу первого тысячелетия нашей эры. На Енисее и в Минусинском крае памятники подобного рода могут быть приурочены к народу «хагас» — хакасам китайских летописей, в Прибайкалье их пытались сблизить с так называемыми курыканами-турками, с предками якутов и т. д. Распространены они в Прибайкалье исключительно в степях и лесостепных долинах, по притокам больших рек иногда вдаются в тайгу. По Лене эти памятники доходят до Жигалово и очень распространены в ленско-кудинских степях; на Ангаре идут до таежной зоны, спускаясь несколько ниже деревни Метляево, на Оке и Уде смыкаются с красноярско-минусинскими находками. В Забайкалье они найдены около дельты Селенги и близ Кабанска, а также хорошо известны в области долины Баргузина, где местное население приурочивает их к древним баргутам (у Кабанска есть и более древние «гуннского» типа находки).

В Прибайкалье эти памятники почти совпадают по распространению с областью, занятой в XVII в. бурятами.

Замечательно, что в районе верхней Лены, близ устья реки Манзурки, в области эхирит-булагатов, на территории рода Сэгенут, обнаружен могильник с признаками более поздней переходной культуры. По наличию керамики она еще связана с «курумчинцами», а все остальные признаки (погребение под камнем, погребение коня, колодовые гробы, кости барана и, в

инвентаре, монгольские пожницы и удила с симметричными половинками) указывают на прямую связь с позднейшими памятниками XII—XIV вв.

Последние обнаружены в ряде пунктов Прибайкалья, имеют аналогии в Минусинском районе и т. д. Это, по большей части, могилы, расположенные группами и очень резко разделяющиеся по инвентарю на бедные и богатые. Комплекс богатых погребений, раскопанный Б. Э. Петри, содержал погребения в колодах с костями барана при покойниках. В могилах, сверху обозначенных площадками из булыжника, выложенного в виде правильного круга, найдены китайские бронзовые зеркала, остатки седел, крытых лаком, жемчуг, серебряные и золотые украшения, остатки конской сбруи с богатыми бронзовыми накладками, стремяна и удила, остатки сложного монгольского лука, наконечники стрел со свистунками и т. д., шелковые ткани и серебряная чаша на высокой ножке. Комплекс бедных погребений из долины речки Обусы (Приангарье) дал остатки грубой шерстяной одежды, унтов (обуви), пряслица, берестяные женские коробки, наконечники стрел и, что особенно важно, зерна проса. В могилах сходного облика близ села Зарубино на Селенге найдены зерна гречихи («курлыч»).

Перед нами встает очень яркая картина быта двух слоев населения. Масса занималась земледелием, скотоводством и домашней промышленностью (ткачество и обработка продуктов скотоводства). Верх же этого общества явно состоял из богатых скотоводов, чьей гордостью являлись любимые кони, а занятием — охота, перемежающаяся с пирами, как у витязей, сподвижников Чингиса, по Юань-чао-би-ши.

Памятники этого общества генетически связаны с курумчинскими (могильник в устье реки Манзурки), а позднейшими звеньями доходят до момента русского завоевания, т. е. могут охватывать и всю первую половину второго тысячелетия нашей эры, иными словами — эпоху становления бурят-монгольской народности.

Археологические памятники дают, следовательно, общие вехи единого последовательного процесса смены хозяйственных форм и бытовых укладов, показывают развитие производства и, совпадая с фольклорными данными, намечают некоторые контуры развития производственных отношений. Как-либо географические перемещения этнических групп на одном этом материале пока еще не могут быть уловлены и описаны.

Исключительный интерес для вопроса о составе, общественно-бытовом укладе и происхождении бурятской народности в связи с намечающимися по археологическим данным общими

контурами развития культуры населения Прибайкалья представляют также частично изложенные выше данные из письменных источников о соседях бурят Прибайкалья — эвенках, тюркских и так называемых палеоазиатских племен Уды и Енисея.

У эвенков мы констатировали пестроту их хозяйственного быта, причем наиболее архаичными по укладу представляются, по нашему мнению, «пешные» тунгусы, близко напоминающие энеолитических рыболовов и людей раннего железного века — предков «курумчинцев». «Скотные тунгусы» — мучуги и др. — в отношении наличия скотоводства могут быть сближены с племенами, обитавшими по среднему Енисею, тоже скотоводами. О последних, живших близ Красноярска (Качинского острожка) в первой половине XVII в., казаки писали, что «в Качинской землице люди кочевали, летом пашню пашут, сеют ячмень, да курлак, а зимою кочуют в крепких местах, оберегаячись от колмакских и от братских и от иных землиц»²⁶. Эти «качинцы» XVII в., как и «курумчинцы» Прибайкалья, занимались одновременно земледелием и скотоводством; летом они держали, по видимому, скот на заимках. Их общественный строй при бедности, слабости хозяйства вряд ли мог быть особенно развит, едва ли могла сложиться такая резко выраженная социальная верхушка, как у киргизов и даже у носителей «культуры позднего железа» XIII—XIV вв. в Тушке. Учитывая небольшие размеры городищ «курумчинцев» глубокого прошлого и немногочисленность групп всех этих «качинцев» XVII в., мы вправе предполагать для них быт небольших (типа славянской задруги или русской большой семьи) семейных общин, чей коллективный труд и оставил нам земляные гряды и валы городищ²⁷.

Буряты по наличию резко выраженной общественной верхушки близки к людям, оставившим памятники типа «позднего железа».

---

²⁶ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4. Списки Томской архивы, ч. I, № 199

²⁷ О количестве людей (ясачных плательщиков, т. е. мужчин) и, следовательно, о мощности волостей собирателей-земледельцев и скотоводов из Енисея и в соседних областях дают представление следующие данные начала XVII в.:

1) В Мелесской волости у князя Курдака числилось всего людей 36 человек; там же, у Кошенбайки — 38 человек;

2) волость Кимская Байгорова, а в ней князец Кузачик «с товарищи» — 7 человек;

3) Керексуская — князец Акчорок «с товарищи» — 3 человека;

4) Кызильская — князец Татыбайко — 8 человек;

5) Ачинская — князец Бестина — 4 человека;

Различия в общественном строе, хозяйстве и быте этих народов в XVII в. вполне естественны, ибо живая действительность постоянно дает яркие и убедительные факты одновременного бытования различных укладов. Соотношение этих укладов по археологическим и историко-этнографическим данным в Прибайкалье таково:

Социально-экономический уклад	Археологический материал	Историко-этнографические данные
<p>1. Таежные звероловы и олсеноводы, пешие рыболовы и собиратели (зачатки мотыжного земледелия). Разложение материнского рода, становление отцовского. Развивающийся обмен.</p> <p>2. Оседлые скотоводы-земледельцы. Большая семья — отцовский род.</p> <p>3. Отделение скотоводства от земледелия, оформление табунного скотоводства и на этой основе некоторых элементов классового строя в условиях господства родоплеменного патриархального быта.</p>	<p>1. Энеолитические памятники Прибайкалья до начала н. э. и «раннес железзо» в тайге, одновременно с гуннскими памятниками.</p> <p>2. «Курумчинские» стоянки и городища VI—X вв. н. э. Культура «баргутов» в Забайкалье.</p> <p>3. Памятники XIII—XVII вв. отчасти и более ранние (X—XII вв.)</p>	<p>1. Тунгусы оленные и пешие «киштымы» бурят. (На Алтае — шорцы⁶⁾)</p> <p>2. «Качинцы», мучюги и другие «скотные тунгусы» долины Тены. «Киштымы» бурят.</p> <p>3. Буряты ангаро-ленского района.</p>

В данной сводке намечаются, конечно, лишь основные линии развития экономики и социального строя коренного населения Прибайкалья. Неравномерность же темпов развития отдельных групп и условий их быта привела к такому положению, что археологическими памятниками дана как бы единственная целостная картина процесса, а этнические группы XVII в. кажутся одновременно, по меньшей мере, три ступени приближения к самому переловому укладу, три стадии развития. На деле все эти уклады были еще пестрее, а связи их более сложными, но такая гипотеза, по-видимому, ближе к действительности.

6) Басагарская — князец Кулгора — 7 человек.

В противоположность бурятам или киргизам такие «волости» могли быть большими семьями, в лучшем случае — двумя — тремя семьями. (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4. Списки Томской архивы, ч. I, № 199.)

сти, чем построения, например, Н. Н. Козьмина. Она, как нам кажется, дает возможность ближе подойти к специфике социально-экономического строя бурят перед завоеванием русскими, к конкретной истории их хозяйства и общественного строя, к их этногенезу, так как показывает место бурят среди прочих обитателей Прибайкалья и связи, которые их объединяют.

В нашей сводке есть, впрочем, один момент, вызывающий некоторые сомнения и позволяющий высказывать, на первый взгляд, мысль об упадке культуры и общем ее регрессе, а не движении вперед и на высшую ступень в позднейшее время. Он заключается в предполагаемой здесь смене земледельческого хозяйства, как ведущего начала, скотоводческим.

Не подтверждает ли это общие положения Н. Н. Козьмина об упадке старых торговых путей, распадении мощных политических объединений и одичании входивших в их состав частей Прибайкалья, а поэтому и вторичном «восстановлении» родового быта у насельников последнего и т. д. и т. п.?

Не значит ли это, что на смену земледелию, как высшей стадии хозяйства, явилось скотоводство, как более экстенсивная форма хозяйства, и лишь позднее снова начинается переход к земледелию; восстановление последнего завершается уже в условиях русского господства и под воздействием «просвещенных» администраторов XIX в.?

Эта проблема не могла полностью встать перед археологами в то время, когда «курумчинская культура» описывалась как кочевническая, с единственным занятием — скотоводством, при небольшой роли охоты, а поселения и оседлый быт приписывались ремесленникам, остававшимся на одном месте для изготовления своих изделий и выплавки железа. Бесспорные следы древнего земледелия, оросительные сооружения — вещественные доказательства оседлого быта древних жителей Прибайкалья — обязывают нас теперь особо остановиться на соотношении земледелия и скотоводства в бурятском хозяйстве, с одной стороны, на общей характеристике взаимоотношений курумчинского уклада и бурятского — с другой.

Перед нами стоят, таким образом, два вопроса: 1) почему земледельческо-скотоводческий оседлый быт сменяется «примитивным» кочевым и скотоводческим по преимуществу? 2) почему в XVII в. кочевники-скотоводы буряты господствовали над земледельцами и скотоводами енисейской долины, как будто стоявшими на более высоком хозяйственном уровне? Ключом к правильной постановке вопроса может быть только изучение самого земледельческого хозяйства курумчинцев или близких к

ним по хозяйственному укладу мелких племен Саяно-Алтайской области, Приенисейского края, в частности минусинских турок в позднейшее время. Техника земледельческого производства и в древности, и до революции имела там одинаково низкий уровень. Основным орудием земледельца был абыл, или озуп, т. е. прямая палка с копьевидным железным наконечником или такая же палка с сучком на конце для прикрепления мотыги. Поля преимущественно обрабатывались вручную, в лучшем случае — с помощью быка или коня, тянувшего грубый плуг с примитивным сошником — вариацией наконечника мотыги. Техника земледельца, вооруженного землекопалкой, непосредственно граничила с техникой собирателя. Земледелие было и по его удельному весу менее важным занятием, чем собирательство. Календарь этих племен, в котором летние месяцы обозначаются как месяцы сбора кандыка (бесс-ай), желтой сараны (сары-шеп), белой сараны, сибирской гречихи — кырлыка и т. д., имеет собирательский, а не земледельческий облик.

Земледелие в таких условиях само по себе не могло быть признаком высокого хозяйственного развития и безусловно уступало экстенсивному скотоводству в возможности извлечения излишнего продукта, товарного сырья и накопления пищевых запасов.

Хозяйство оседлых или полукочевых (с сезонным кочеванием) земледельцев и скотоводов имело противоречивый характер, ибо при дальнейшем развитии производительных сил рост земледелия наталкивался на невозможность совмещения больших посевов с крупными стадами скота в рамках одного оседлого общинного хозяйства. Намечался путь взрыва этой синтетической формы изнутри и, в первую очередь, путем выделения «богатых хлебопашцев» (И. Бичурин), водивших по несколько тысяч голов скота, которые постепенно превращались в скотовладельцев по преимуществу, забрасывая земледелие, имевшее лишь подсобное значение. Земледелие же оставалось уделом небоеспособных и маломощных слоев общества, оказывавшихся в зависимости от богатевшей верхушки родов и отдававших ей львиную долю урожая. Некоторые общие тенденции развития земледельческо-скотоводческого хозяйства в Хакасии именно в этом направлении отмечал Н. Н. Козьмин и для XIX—XX вв. Он говорит, что «из середняцких скотоводческих хозяйств имело наибольшую запашку именно то, которое имело от 6 до 25 лошадей на хозяйство и общую обеспеченность скотом (в переводе на крупный) от 6 до 8 голов; в зажиточных хозяйствах запашка постепенно уменьшалась, и у крупных скотоводов она опускалась до уровня запашки у безлошадных и малолошад-

ных (в масштабе, конечно, скотоводческого хозяйства 1—2 лошади)»²⁸.

Само собой разумеется, развитие хозяйства в сторону выделения скотоводства в особую ведущую его отрасль неизбежно влекло на данной ступени и в этих конкретных условиях к распаду примитивного синтетического хозяйства, к дальнейшему разложению общинно-коммунистического строя и усилению имущественного неравенства. Кроме того, оно могло сопровождаться не только подчиненным положением, но и упадком земледелия.

Так должно было быть и у бурят или их предков, кем бы то ни были они в прошлом.

Обычное сочетание земледелия и скотоводства, т. е. следы былого синтетического хозяйства, мы находим в наших материалах у бурят и в XVII в. «Сидячие» буряты, действительно, имеют сенные покосы, просовые посевы в 1658 г. на Унге, про которую, кстати, тот же Н. Н. Козьмин сказал, что «в районах полупустынных степей... земледелие отсутствовало. Так было в агинских, хоринских, унгинских степях»²⁹. Просо сеяли буряты на Лене, на Оке и по Осе в степных местностях. Но наряду с просовыми посевами, у бурят имелись дальние кочевые угодья, куда они уходили, как Баяракан в тридцатых годах XVII вв., на зиму. Современные летники и зимники являются только пережитком эпохи постоянного сочетания земледелия со скотоводством, когда люди кочевали в летниках, чтобы кормить скот свежей травой, а в зимниках косили сено и собирали просо, гречиху и ячмень.

Это сочетание элементов хозяйственного быта носило, как мы видели, не абсолютно постоянный характер, а тоже имело известную внутреннюю тенденцию к перерастанию в чисто табунное скотоводство с преобладанием в стаде конного скота над рогаемым у богатых семейств еще до прихода русских. За счет развития именно табунного скотоводства с разведением лошадей, верблюдов, овец и коров следует отнести факт наличия кочевых войлочных юрт и «арб» на Унге и Осе в первой половине XVII вв. Войлочные юрты были на Лене, на Унге и Осе, где их застал Иван Похабов (точнее — он видел их «решотки»); существование войлочных кочевых юрт отмечено в долине Ангары

---

²⁸ Н. Н. Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме, стр. 98.

²⁹ Там же.

также и дорожным дневником Ник. Спафария³⁰. Он видел эти юрты вместе с большими зимними юртами, по-видимому, деревянные. Нельзя не вспомнить в этой связи также и сообщения казаков, постоянно подчеркивающих особый характер расселения бурят. Отписки служилых людей указывают на бурятские улусы только в степных местах; например, на Ангаре около Балаганска степной левый берег был занят бурятами, а гористое правобережье принадлежало тунгусам-звероловам³¹. Заслуживает внимания и распределение в XVII в. бурят около Иркутского острога по степям — на пойменной заливной долине, удобной для пастбищ³², а русских земледельцев — «по горам» (древние городища с пашнями тоже часто гнездились по увалам гор, а иногда и теперь такие места предпочитают для пашни). Буряты, судя по всему, как бы осваивают пойму, занимая степные площади долин и водоразделов, переходя на чисто скотоводческий вариант хозяйства, хотя их предки жили на городищах и распахивали увалы для гречи, проса и, может быть, ячменя.

Прочное освоение степей бурятами-скотоводами с их табунами коней и рогатого скота стало возможным лишь в результате длительного развития более древнего синтетического хозяйства. Сочетание земледелия и скотоводства оказалось, таким образом, в этих конкретных условиях источником дальнейшего продвижения общества даже в географическом смысле: осваиваются степи вплоть до полупустынных участков, леса теряют прежнее значение.

«Наоборот, после того как эти варвары, находящиеся на средней ступени, привыкли к пастушеской жизни, им никак не могло прийти в голову добровольно вернуться из травянистых речных долин в лесные области, в которых обигали их предки»³³, — можем мы отчасти сказать словами Энгельса и о далеких предках бурят, ставших на путь дифференциации усложнения хозяйства, на путь выделения скотоводства как специфического и самостоятельного производства.

³⁰ «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Иерчнска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1673 г.» — «Зап. РГО по отделению этнографии», т. X, вып. 1, 1882, стр. 111.

³¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22, № 186 и др. Характеристика расселения эхирит-булагатов по степным районам Прибайкалья дана в работе М. Н. Забанова «Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов». Верхнеудинск, 1929, стр. 7—10.

³² ИАИ АН СССР, Иркутские дела № 1, без обозначения года, с пометкой: «Весьма любопытный акт в географическом отношении (описание Иркутского уезда около 1680—1690 гг.)».

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 32.

Такое направление дальнейшего развития производительных сил естественно и неизбежно подталкивало рост новых общественных отношений, а вместе с тем было в своем развитии до некоторой степени и их следствием.

В степных местах Бурятии табунное скотоводство давно уже представляло более выгодное занятие, чем земледелие, позднее оно давало гораздо более крупный доход при наличии установившейся торговли³⁴. В первую очередь, естественно, табуны растут у экономически сильной семейной верхушки полусоседских племен, а дальнейший рост табунного скотоводства, само собой разумеется, усиливает влияние и силу этой зачаточной родоплеменной аристократии. На этой экономической почве постепенно усиливается удельный вес в обществе владельца табуна, и он поднимается над родом, выделяется среди сородичей. Как это происходило, мы узнаем из эпоса.

В бурятской легенде о богаче Донэ-Баяне рассказывается, например, что на левом берегу Алары жил Донэ-Баян, обладавший несметным имуществом. «Сам Донэ-Баян не знал, сколько у него голов разного скота, а у Донэа каждый день выкуривали столько тарасуна, что всякий желающий напивался допьяна, до упаду».

Легендарный Донэ-Баян аларской легенды — только предшественник позднейших князцов бурятских; он еще не возвысился над родом-племенем настолько, чтобы управлять им и угнетать его. Наоборот, Донэ-Баян вынужден оказывать сородичам самое широкое гостеприимство, он как и вожди тлинкитов, славится первоначально своим радушием и готовностью из богача «стать бедным» для народа³⁵. Если вожди тлинкитов устраивали потлечи для того, чтобы каждый сородич мог воспользоваться богатством, которое было в руках вождей, то Донэ-Баян также обязан был не отказывать каждому охотнику до тарасуна.

И вот, рассказывает легенда, повадились ходить к Донэ-Баяну для запойного пьянства на его счет семь соседей-родовичей, одноулусников. Это были старики — представители родовых традиций, прямое олицетворение рода. В полном соответствии

³⁴ Заслуживает внимания количественное преобладание бурят над тунгусами, отражающее их экономический перевес. (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 46; ГАФКЭ, Сибирский приказ, столб. 402, л. 195).

³⁵ В работе «К критике гегелевской философии права» К. Маркс писал, что «частная собственность в целом проявляет себя по отношению к толпе в качестве общественной собственности: либо, как в хорошие времена, в виде затрат на поддержание внешнего блеска республики, либо в виде учреждений, имеющих характер роскоши и служащих всеобщему благу (бань, и т. д.)» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I. Изд. второе, стр. 347—348).

с обычаями родового быта старики пили тарасун Донэ-Баяна настолько усердно, что свалились замертво в юрте у богача. Жене богача все это очень не нравилось, она, наконец, решила прекратить такое безмерное пьянство за счет Донэ-Баяна и встала против законов родового быта, против пережитков общности имущества сородичей. И произошло невиданное дотоле событие: она «обругала семь стариков бесстыдными пьяницами и другими нецензурными словами, выволокла за косы из своей юрты на улицу и бросила там, а курунгу (молочный продукт) вылила на степь». Родовые боги не потерпели такого неслыханного нарушения древних законов, обязывавших смотреть на частную собственность почти как на воровство от рода и приписывавших делиться с родовичами в первую очередь пищей. Они лишили людей изобилия молочных продуктов (так выглядел первоначально вариант легенды). Из вылитой курунги в Аларской степи образовалось озеро Саган-Нур. Боги наказали самого Донэ-Баяна за его жадность и любовь к частной собственности. Он стал выдавать замуж собственную дочь и вслед за последним наданом (играми и плясками) для корма сородичам из-за скупости заколол только одну-единственную козу. Тогда дочь с рыданием вынула мутовку из-под курунги и стала с проклятием бить по задам овец и коз. Козы Донэ-Баяна превратились в диких коз (поэтому у них и белые зады), лошади и коровы стали изюбрами и сохатыми (по рукописи Баторова) ³⁵.

В этой замечательной легенде древняя родовая традиция обрушивается с проклятием на частную собственность, на узурпаторов общинной собственности и прав рода. Но узурпаторы на деле уже приобрели такую власть, что кое-где полностью оправдывают слова поэта: «Не страшны ему громы небесные, а земные он держит в руках».

Бурятский эпос почти не упоминает о прежней общности скота и прочего имущества рода ³⁷. Это тем более характерно, что Б. Я. Владимирцов указал уже на «одно из важных противоречий кочевой жизни вообще», заключающееся в несудобствах совместного кочевания крупных скотовладельцев с массой мелких. Богатые кочевники ищут «бóлее привольного существова-

---

³⁶ Записки П. П. Баторова хранятся в архиве Восточно-Сибирского краевого общества (б. ВОРГО), членом которого был собиратель.

³⁷ В бурятских обычаях исследователями отмечаются любопытные черты, указывающие на глубочайшую древность частной собственности на скот и продукты скотоводства. Например, как отмечает проф. Петри, если за зиму запас курунги истощится совсем, то для восстановления ее нельзя было добыть хотя бы каплю чужой, ибо последнюю «грех» давать даже родственникам.

ния отдельным аилом», вдали от сородичей, но ввиду постоянных грабежей, набегов и войн это было не всегда безопасно. «Приходилось поэтому искать выхода: разбивали большие курени на малые, сами владельцы жили и кочевали куренями, а стада свои, главным образом табуны, держали аилами». Для монголов XI—XII вв., говорит Б. Я. Владимирцов, сочетание куренного хозяйства с аильным представлялось, видимо, «самым идеальным»³⁸. В связи с этим можно предполагать, что отдельные группы войлочных юрт, разбросанных по берегам Ангары еще во времена Спафария, могли принадлежать именно богатым, сильным скотоводам, Донэ-Баянам бурятской легенды. В то же время, казаки во время войны 1629—1650 гг. обратили внимание на то, что буряты Приангарья держатся «в скопе». Кочевые объединения и в Монголии передвигались часто тоже общим табором и останавливались вместе стойбищами в сотни юрт. О характере такого кочевания и стойбищах-курeneaх Б. Я. Владимирцов говорит словами очевидцев — даосского монаха Чань-Чуя и Рашид-ад-дина. По словам последнего, «значение куреня есть кольцо. В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца, а старший из них был подобен точке в середине круга, это называли курень. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель»³⁹. Собравшиеся «в скопе» буряты во время похода Бекетова и в других подобных случаях, очевидно, представляли такой «курень», сохранившийся в обычное время с аильным кочеванием.

По-видимому, и у бурят того времени выделение частной семейной собственности из общеродового коллективного достояния шло в виде усиления аильных тенденций у богачей, при сохранении куренной формы бедняками, скот которых долго еще в условиях совместного кочевания⁴⁰ мог представлять,

---

³⁸ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, 1934, стр. 36, 37.

³⁹ «Сборник летописей. История монголов. Соч. Рашид-ад-дина». — «Труды ВОИРАО», ч. V, 1858, 110 стр. (по Владимирцову).

⁴⁰ По материалам фольклора, М. Н. Хангалов также констатировал не только рост скотоводства у древних бурят, но и разделение больших общин на мелкие, т. е. аильные, группы ввиду «невозможности пасти громадные массы скота вместе»; у каждого отдельного домохозяина завелось свое личное или семейное скотоводство» (Д. Клеменц и М. Хангалов. Общинные охоты у северных бурят. — «Мат-лы по этногр. России», т. I. СПб., 1910, стр. 152, 153). Стремление скотоводов-богачей выделить и захватить побольше земли под утуги (поливные сенокосы) и т. п. отмечает для своего времени и А. В. Потанина в очерке «Буряты» (Из путешествий по Востоку).

быть может, полуобщинное или родовое достояние. Общество монгольских кочевников до XII в., изучаемое Б. Я. Владимирцовым, представляло, однако, по его хозяйственной базе более или менее чистый тип общества скотоводов. Наоборот, лесные люди, буряты, только вставали до прихода русских на этот путь, и притом лишь в лице своей верхушки, быстрее размножавшей стада.

У скотоводов по преимуществу само владение скотом, как основным средством производства, означает и владение землей, осуществляемое через выпас. У земледельцев, наоборот, большую роль приобретает сам вещественный акт захвата земли как средства производства. У бурят, чье скотоводство и по форме связывалось через поливные сенокосы, реальное значение и для скотоводства имел место именно прямой захват земли, как покосной территории. Тем более важно было обеспечение частного семейного владения земледельческими участками, в которые вкладывалось большое количество труда (искусственное орошение и т. д.). Расслоение рода и выделение частной собственности шло поэтому не только по линии оформления аила и частной собственности на скот с отдельным кочеванием в противоположность родовой общине («курению»), но и дополнялось закреплением обрабатываемых участков земли за определенными семьями, т. е. реализацией земельной собственности в ее чистом виде.

Одним из первых актов обладателей частной собственности на основное средство производства в бурятском обществе XVII в.—на рогатый и конный скот, неизбежно являлся захват как пашенных, так и сенокосных угодий, частнособственническое, захватное по форме, владение, огораживание этих захватнических угодий, прежде принадлежавших роду в целом. В одном документе из родового архива известного собирателя образцов народной словесности бурят П. П. Баторова, датированном 1688 г., есть прямое указание на огораживание засеянных просом полей и сенокосов в отличие от выгона, составлявшего общую собственность улуса. Будущие тайшинские «роды» тщательно берегли в своих «архивах» подобные документы, обеспечивавшие им права на владение захваченными земельными участками, ибо частная собственность на огороженную покосную землю была к концу XVII в. уже прочно сложившимся общественным институтом. По крайней мере, даже по возвра-

---

ной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю,—«Сб. ст. А. В. Потаниной». М., 1895, стр. 35); Н. Харузин. История жилищ у тюркских и монгольских народностей.—«Этнографическое обозрение», I, 1896, стр. 21—49.

щении из Монголии после бегства 1658—1661 гг. один из балаганских бурят в тяжбе из-за покосов, происходившей в 1714 г., ссылается на слова соседей и родовичей о давности владения землей: «...о которых де сенных покосах бьет челом он, Будорей, и называет своими,— и теми де сенными покосами владели деды и отцы их, и они (свидетели.— А. О.) и по них владеют и сена косят». Другие же сказали: «...о которых де он, Будорей, сенных покосах по пади Закулею бьет челом великому государю, и тем де сенным покосам в давных летах владели дед и отец Нахуевы, а после их косил и владеет он, Будорей, а как из мунгал вышли, преж его, Бударея, Нахуй не кашивал». Очевидно, и до бегства в Монголию частная собственность на огороженные участки покосов была бесспорной, раз ссылались на положение, имевшее место в то время⁴¹.

Огораживание частей общинных земель производилось, видимо, довольно часто. Так, в одном из тяжбных дел 1718 г. сказано: «Сенные покосы явились умерших иноземцев Олзоева роду, Хомотая и Хадура Лелиных з братьи и с сродники». Эти «Хомотаевский и Хадуровские с сродники сенные покосы» в то время «лежали впусе и вытапывали табуны, будет их сот с пять копен и больше. А когда годом бывает табуи не вытопчет, и те Хомотаевские покосы кашивали безотвозно сродники Хомотасвы, Баин Ноенгуйев да Дагатка Цаганилов с сродники, а у них же, Банна и у Дагатки с сродники, есть свои покосы подле Унги-ж в городьбах и не в городьбе и по двух Зукулеям падыам»⁴².

Термин «с сродники» не должен заслонять наличия частной собственности на землю, ибо внутри родового земельного массива, если такой и существовал, земля принадлежала отдельным семьям. Около «Хара-Нора» по Унге, например, «косит покос Олзосва роду братской мужик Губзап»⁴³, земля отводится «для де с племянниками», а не всему обширному Икинатскому роду. Отводит землю казна, признаваемая новым социальным элементом бурятского общества верховным собственником земли и поддерживающая эти социальные элементы всей мощью государственного аппарата⁴⁴, причем верховная собственность

---

⁴¹ Текст этого документа хранится в Иркутском музее.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Обычное право балаганских бурят в XVIII—XIX вв. прочно фиксировало положение о наследственности (по отцовской линии) утругов, являвшихся объектом частносемейной собственности (см.: М. Н. Хангалов. Юридические обычаи у бурят.— «Этнографическое обозрение», 1894, № 2, стр. 141).

государства на землю была в условиях вечного бессрочного владения условной и только прикрывала частновладельческие права бурятских шуленг и богачей.

Интереснее всего для характеристики классовой роли «огораживания» и тому подобных захватнических мер, что наряду с людьми, обеспеченными лишними угодьями, были и такие, которые «с прошлых давних лет под Иркутским под Балаганску в ясашином платеже, а под юртенные летняя и зимняя кочевья земли и сенных покосов и скодского выпуску нигде не отведено, а в зимнее время за бескормицею конное табунишко и рогатой скот и овцы помирают з голоду». Не имеющие сенокосных собственных угодий вынуждены были косить траву на чужих местах «ис кортому», т. е. за определенную плату⁴⁵.

Отмеченное старинными путешественниками развитие чисто скотоводческого хозяйства бурят-монголов очень усиливало именно тогда, в XVIII в., эту борьбу из-за приобретения сенокосных угодий в частную собственность и, следовательно, имущественное неравенство; судя по фольклору, вместе с укреплением скотоводческого варианта в хозяйстве бурят-монголов, несомненно, имела место частная собственность на покосы и землю, а тем более на скот, еще задолго до русского завоевания. Прочие виды земельной неогораживаемой собственности тем не менее вряд ли могли стать предметом частной собственности.

Нельзя не отметить также, что хотя в стремлении «уничтожить» общинно-родовой строй в Прибайкалье Н. Н. Козьмин не допускает даже и мысли о существовании общинной земельной собственности рядом с собственностью открытых им мелкопоместных феодалов, такая общинная собственность все же имела место рядом с княжеской и т. п. везде, где существовали феодальные отношения.

Пашни и огороженные участки покосов в древней Бурятии были в значительной мере вещественным нарушением именно такой общинно-родовой земельной собственности. Относительно «собственности» на выгон надо помнить, что здесь в законной частной собственности нужды не было; богатый землевладелец осуществлял свои интересы посредством частного скотовладения, через свои табуны скота, т. е. опять-таки в порядке захвата угодий, бывших прежде общеродовыми и считавшихся общими. Объявляя землю «божьей» — родовой и племенной

---

⁴⁵ М. Н. Хангалов. Юридические обычаи у бурят.—«Этнографическое обозрение», 1894, № 2

собственностью,— богач мог преспокойно пользоваться ею как выгоном в ущерб остальным членам рода и племени. Наконец, скот в кочевом обществе — основное средство производства, и наделение непосредственного производителя средствами производства с целью эксплуатации его в условиях бурятского улуса и якутского наслега даже XIX—XX вв. одинаково выражалось в отдаче ему скота на выпас (у якутов — «хасас») с обязательством платить за то натуральный оброк продуктами скотоводства или отрабатывать в хозяйстве крупного скотовладельца, какого-нибудь бурятского Донэ-Баяна, «Тыгиновых детей» и тому подобных тойонов или лучших людей у якутов. Этот скот тоже кормился травой родовых пастбищ, на которую у богача юридических прав не было.

С экономической точки зрения в хозяйстве бурят-монголов XVII в., скотоводов по преимуществу, были, следовательно, уже налицо элементы, на основе которых кристаллизировались основы нового, эксплуататорского общественного строя, существовали некоторые зачатки и феодальных отношений.

Естественно, что при сходном направлении развития экономики в сторону преобладания кочевого табунного скотоводства над остальными занятиями (в данном случае земледелием и охотой) бурятское общество перед приходом русских во многом напоминало не только в хозяйственном отношении, но и по социальной структуре монгольское общество дачингисовой эпохи. Приведенный выше, по Владимирицову, пример с анимом и куренем, существовавшими еще в условиях родового быта древних монголов и выражавшими там процесс вызревания классов, имеет большой интерес, как мы видели, и для истории бурятского общества, ибо в нем раскрываются конкретные формы процесса классовобразования у поздних кочевников Центральной Азии. Только имея в виду этот пример, мы можем дальше в нашем последующем изложении перейти от анализа производства древнего бурятского общества к его политической структуре, к взаимоотношениям различных его слоев.

Возвращаясь теперь к проблеме конкретных исторических взаимоотношений скотоводческой культуры бурят и земледельческой культуры курумчинцев, мы должны считать отмечавшееся выше кажущееся противоречие археологической схемы полностью снятым уже самой новой постановкой вопроса. Археологические, собственно исторические, т. е. письменные, и, наконец, этнографические данные позволяют считать бурятское хозяйство и общество XVII в. преемниками очень сложного и длительного исторического процесса, исходным пунктом которого и явилась так называемая «курумчинская стадия».

Общая характеристика бурятского хозяйства XVII в., данная еще М. Перфильевым в 1626 г. на основании тунгусских сведений, очень ярка и по-своему показательна для метода, которому следовали и позднейшие историки: с точки зрения русского человека — хлебопашца XVII в. — нет ничего выше земледельческой пашенной жизни и культуры. Перфильев услышал, что бурятская земля — пашенная, а братья — люди сидячие, и «хлеб пашут, и ячмень, и гречю». Очевидно, под гречей подразумевается «курлыч» (позднейшие же наблюдатели, вплоть до Похабова, отмечают посевы проса). Это обстоятельство очень повысило уважение Перфильева к бурятам по сравнению с таежными звероловами и бродячими скотоводами. Так рассуждают и все историки, изучавшие прошлое бурятского хозяйства.

Однако, как мы видели выше, было бы ошибкой вслед за Перфильевым, очень толковым человеком своего времени, поражаться древним бурятским земледелием и видеть именно в нем прогрессивный элемент. Теперь мы можем уверенно сказать, что, наоборот, бурятское земледелие XVII в. является пережиточным и устарелым, а не возникающим вновь. Перед нами земледелие не ранних земледельцев, а ранних кочевников, в быту которых просовые посевы являются еще показателем слабости собственно скотоводческого хозяйства, как такового, показателем недостаточного полного развития тех тенденций, которые заложены в кочевом скотоводстве, а не доказательством «начала земледелия». Согласно археологическим данным, типичными ранними земледельцами в Прибайкалье являются совсем не буряты, а те «курумчинцы» и «баргуты»⁴⁶, о которых шла речь выше и которые якобы исчезли бесследно и полностью с занимаемой ими когда-то территории от Кабанска до Усть-Кута и Киренска, от Иркутска до Красноярска и минусинской котловины.

Стадиальным обломком этих «курумчинцев», знавших, по-видимому, в ряде случаев и плуг, являются в XVII в. качинцы и другие скотоводческо-земледельческие племена Приенисейского края, пользующиеся наречиями того же турецкого языка, на котором были написаны тексты «пряслиц» из бывшего Курумчинского ведомства, изученные Г. В. Ксенофонтовым⁴⁷, а до

---

⁴⁶ Еще в первой половине XIX в. Словцов в статье о горах Иркутской губернии отмечал по археологическим памятникам добурятскую земледельческую культуру в Прибайкалье и Забайкалье.

⁴⁷ См.: Г. В. Ксенофонтов. Расшифровка двух памятников Орхонской письменности из Западного Прибайкалья М. Рэзененом. — «Язык и мышление», 1933, 1.

него лингвистом Рэзененом⁴⁸. Часть турок могла быть отнесена в горы (Саяны).

Что касается социального строя, то большие семейные общины с патриархальным укладом, объединенные в патриархально-родовые мелкие группы, оставившие на территории Прибайкалья свои небольшие городища со следами земледелия около них, — вот, очевидно, какими были по своему социальному укладу загадочные древние «турки-курумчинцы» в Прибайкалье и «баргуты» в Забайкалье, по Баргузину и на Селенге.

Эти древние земледельцы и скотоводы были еще очень раздроблены, экономически слабы и бедны, вооружение их являлось еще крайне недостаточным, ибо для покорения себе подобных еще не было сколько-нибудь значительных экономических предпосылок, а внутри патриархальной семьи гнездилися в виде известного патриархального рабства только зачаток грядущих форм эксплуатации. Поэтому кочевцы и вынуждены были кочевать в крепких местах, строить особые убежища-городища⁴⁹, убегать от лукавого и сильного врага, норовившего взять ясак или албан с патриархальной общины, забрать ясырь — рабов — и угнать скот. Наконец, именно эти черты общественного строя заставляли людей семейной общины уходить на зиму, когда снят с пашен хлеб, под защиту хотя бы и чужеплеменного феодала⁵⁰.

Новые черты наблюдаются в общественном быту и хозяйстве бурят XVII в. Намеченная М. Н. Богдановым «лестница патриархально-родовых связей»⁵¹ существовала в действительности, и хотя не всегда одинаково прочно, но все же объединяла бурят, начиная с низовой единицы общества — патриархальной большой семьи и рода, кончая племенем и союзом племен. Медленно продвигающийся процесс племенного объединения, правда, далеко еще не кончился в XVII в. Межродовой союз булагатов, например, определенно противопоставлял себя остальным; в его фольклоре настойчиво повторяется сочетание терминов «булагаты» и «буряты», хотя позднее эти термины сопоставлялись в порядке соподчинения булагатского рода бурятскому на-

---

⁴⁸ Рэзенену материалы доставил Б. Э. Петри (см. его работу «Далекое прошлое Бурятского края». Изд. 2-е. Иркутск, 1928).

⁴⁹ См.: «Собрание государственных грамот и договоров», ч. III, № 78, стр. 299.

⁵⁰ По словам казаков, например, «сагалские люди живут летом на пашнях на верх Толы реки от ясашных волостей в 3 днищах, а зимою сходят со всем своим кочевьем в киргизы». (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4. Списки Томской архивы, I, № 252.)

⁵¹ М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1927, стр. 40.

роду. Но этот процесс племенного объединения неуклонно шел вперед, и именно он обеспечивал возможность тех или иных временных совместных выступлений племенных групп бурят, как этнического целого, по отношению к внешнему окружению.

С другой стороны, рост скотоводства, размножение конного и рогатого скота, в особенности мелкого, и увеличение удельного веса скотоводческих занятий в быту содействовали вызреванию в недрах родо-племенного общества элементов нового социального строя, оформлению не только частносемейной собственности, но и все увеличивавшегося с ростом частного скотовладения имущественного, а следовательно, и социального неравенства. «Донэ-Баяны» приобретали все больший и больший вес в обществе и были уже ведущим фактором политической жизни. Из богача-баяна рождался «князец», намечался крупнейший социальный перелом.

Изменения в социально-экономическом строе не могли не отразиться и на соотношении этнических групп, на их бытовом укладе, на языке и материальной культуре, т. е. на всем, что составляет облик «этноса», определяет характер племени и народности как в плане внутренних сдвигов в роду, так и в плане взаимоотношений отдельных этнических групп, т. е. как по линии стадияльных изменений, так и по линии «аккультурации», «ассимиляции», и «культурных заимствований». При учете закономерностей развития базиса проясняются конкретные судьбы надстроек, сложный этногонический процесс также должен как будто стать более ясным в своих главных чертах и предпосылках, и допустимо поэтому предположение, что с исторической точки зрения бурят-монголы в процессе своего сложения в народность закономерно явились как бы результатом дальнейшего развития и объединения всего этого конгломерата более дробных и разнородных этнических групп, стоявших на стадии патриархально-родового общества с характерной для него «большой семьей», прошедших перед тем длительное развитие здесь же в Приангарье и на Лене, причем монгольские группы оказались гегемоном. Подобное утверждение, конечно, не выходит за пределы вероятной гипотезы, которая должна быть подтверждена новыми (старых мало) документальными свидетельствами, будь то фольклорные, археологические данные или свидетельства письменных источников.

Еще не поздно развернуть собирание материалов по этнографии бурят в масштабе целой народности, вполне реально перспектива развертывания широких археологических и историко-географических исследований по архивным материалам, а поэтому следует надеяться, что вскоре станет более ясным так-

же и «частный», но весьма существенный вопрос о соотношении «монгольского», «турецкого» и т. д. населения, эвенков и других этнических групп в ходе многообразного по формам этногенетического процесса в областях, лежащих вокруг Байкала.

Пока же нельзя не вспомнить в данной связи, что, углубляясь в этногонию — эту наиболее темную область истории народов Сибири, еще Г. Н. Потанин писал когда-то, что «в противоположность тюркскому, монгольское племя занимает в Северо-Западной Монголии места наиболее низкие, как будто оно вторгалось в тюркское море вдоль степных долин, оттесняя тюрков к горам», точно так же и в «Восточной Сибири», писал он дальше, «бурятское племя распространялось вдоль степных долин Селенги и Ангары, оттесняя тюркское племя (сойотов и карагасов) на юг в Саяны; вероятно, и тункинская долина была занята бурятским нашествием с севера, от Ангары, а не с юга, из Дархатской земли. Спускаясь вдоль Ангары, бурятский народ еще на памяти сибирских исторических актов доходил до г. Красноярска»⁵².

Соотношение племенных «расово-этнических» групп со специфическим бытом и хозяйством (а кроме турок, надо учитывать тунгусов и «палеоазиатов») определяется у Г. Н. Потанина закономерным сочетанием физико-географических условий горной тайги и степных открытых пространств, т. е. естественной средой, вне которой и не могло развиваться хозяйство и которая была естественным базисом последнего. Г. Н. Потанин здесь уже почти подошел, хотя и стихийно, к вопросу о связи кочевого скотоводства со степями, как к главной предпосылке «бурятского нашествия», т. е. распространения в прибайкальских степных долинах и лесостепях⁵³ бурятского языка и форм быта, хотя и не мог осознать всего значения своих выводов. Так было с хозяйством и, следовательно, с культурой. Что касается языка, то водворились ли в таежном и лесостепном Прибайкалье «чистые монголы», или процесс шел сложнее, — решая дальнейшие специальные исследования...

---

⁵² Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, 1883, стр. 654, 655.

⁵³ Б. Я. Владимирцов. (см.: «Общественный строй монголов», стр. 45) указывает, что «в XIII в., в эпоху образования монгольской державы, лесные народы уступают место степным». Район «леса» отодвигается, в некоторых «лесных» областях водворяются кочевники, часть лесных эсеров переходит на скотоводческое кочевое хозяйство.

Сходные процессы разворачивались к эпохе русского завоевания и в Прибайкалье в очень сложной и далеко еще не выясненной в деталях обстановке.

В. И. Сосновский рассматривает ряд этнических наименований и имен вождей-эпонимов из родословной Чингиса в Юань-чао-би-ши, как искаженные китайской транскрипцией отзвуки имен хоринцев, баргутов и племени урянхитов, «имевшего с бурятами много общего»⁵⁴.

Со своей стороны, Б. Б. Барадийн полагает, что булагаты и хоринцы в древности объединялись общим племенным термином баргу, а слово булагат есть лишь вариант слова баргут, которым в эпоху Чингиса обозначались лесные народы, в отличие от коренных степных монголов⁵⁵.

Названные исследователи, как мы видим, чужды вульгарно-миграционистским взглядам Н. Н. Козьмина, упоминавшимся выше. Они разделяют мнение автохтонности для Прибайкалья в пределах второго тысячелетия нашей эры, во всяком случае ядра бурят-монголов, их основных трех племен.

Были ли эти племена или их предки обитателями Прибайкалья в более далекое время, в первом тысячелетии нашей эры, — вопрос, естественно, остается открытым, хотя некоторые исследователи (и не без основания) решают его в положительном смысле.

Весьма существенным основанием может быть для этого и свидетельство археологического материала, который вполне определенно ставит, как мы видели, проблему «культурного наследства», преемственности форм быта и хозяйственно-общественной жизни. Не были ли преемники древних курумчинцев и наследники их земледелия — буряты в какой-то своей части наследниками их по крови, по языку, т. е. были ли они прямыми потомками людей, пользовавшихся знаменитыми пряслицами с тюркоязычными надписями, начертанными орхоно-енисейскими знаками, — решить может только лингвист, хотя в свете общих исторических данных и памятников материальной культуры положительный ответ как будто неизбежен. И тем более существенно, что в пользу предположения о кровной связи «курумчинской культуры» с позднейшей бурятской, т. е. бурят с их предшественниками, тюркоязычными племенами, кроме археологии, свидетельствуют как будто и данные языка. <...>.

---

⁵⁴ В. И. Сосновский. К вопросу об образовании бурятской народности. — «Бурятиеведение», 1928, № IV, стр. 98.

⁵⁵ См.: Б. Б. Барадийн. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности. Верхнеудинск, 1927. обстоятельный разбор фактов, относящихся к этническому составу бурятской народности, и сводка теорий об их происхождении даны в статье Б. Б. Бамбасва. «К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа». — «Бурятиеведение», 1929, № I—II; Ему же принадлежит новейшая попытка определения состава предков бурят-монголов, в частности эхирит-булагатов, связываемых с байырку-баргутами — ответвлением ойратов; см.: там же, стр. 131—132.

«Турецкий» этнический пласт в истории Приангарья был, судя по археологическим данным и топонимике, древнее эпохи Чингиса. Разнообразные связи с ним в культуре бурят-монголов неизбежно уводят исследователя в попытке определения этнических корней бурят-монгольской народности, поскольку речь идет о западной ее части, к этому пласту, отложившемуся в современном бурятском языке, и ко времени его преобладания в Прибайкалье, т. е. хронологически к эпохе до возвышения монголов в Центральной Азии. С этим «турецким» пластом, пережиточно вскрывающимся и в культуре бурят-монголов, и в топонимике занятой ими территории, и в эпических преданиях, очевидно, ближайшим образом связана проблема генезиса бурятского земледелия, насчитывавшего многовековую давность, которая измеряется пока только масштабами относительно археологической хронологии. В виде потомков древних земледельцев «курумчинской стадии» мы можем представлять себе древнейший компонент бурят-монгольской народности; к нему могли принадлежать многие роды, предки которых не помещаются в общих родословных таблицах эхирит-булагатов и оказываются «чужаками», причем судьба последних, как указывал в свое время Г. В. Ксенофонтов, сильно напоминает судьбу мифического культурного героя якутов Эллея (легенды о Сэгэнгуге, Обондэ, Сэгэндэ, Борто и т. д.). В связи с этим приобретают значительный интерес и определенную историческую ценность упорные указания бурятского фольклора на широкое распространение предков бурят в глубоком прошлом от байкальского побережья и до Минусинского края.

Историческая география бурятского фольклора в данном случае совпадает с показаниями археологических источников, регистрирующих на той же самой территории памятники, принадлежавшие «курумчинской культуре». Само же племя эхирит-булагатов, и тем более хори, явно испытало сложные исторические судьбы, прежде чем стать ядром бурят-монголов XVII в. в Приангарье. Не исключена возможность того, что их объединению предшествовало раздельное существование булагатов и тех же «нихиритов», тоже являвшихся каждое, быть может, прежде самостоятельным племенем, построенным на основе дуально-родового строя. <...> Что касается булагатов, то сам по себе главный этногонимический миф бурят указывает на обилие первоначальных тотемов и, следовательно, родов, образовавших в совокупности мелкие племенные группы, и на резкие различия последних.

Наиболее интересно то обстоятельство, что если сложение бурят-монгольской народности шло под сильнейшим влиянием

общего экономического развития в сторону преобладания скотоводства кочевого типа, как это отмечают также Б. Б. Барадийн и другие авторы, то именно ядро народности все же сохранило сильнейшие переживания охотничье-звероловного быта в быту, религии и преданиях, сближающие их с таежными охотниками от алтае-саянских турок до исконных таежников-эвенков (поразительно, в частности, совпадение сюжета мифа о налме — отце Эхирита — с эвенкийскими легендами, «бухэка» эпохи Зэгэтэ-Аба — с юртами лесных звероловов, и т. д.).

Не исключена в связи с этим возможность усиления роли охоты вследствие перехода от преимущественного занятия земледелием в сочетании со скотоводством к табунному скотоводству. Обращает на себя внимание выдающаяся роль охоты и в быту коренных монголов эпохи Чингиса, хозяйственное значение олав и проч. Вполне могло быть, что соседство лесных звероловов, говоривших по-монгольски, и оседлых земледельцев-турок в таких условиях имело следствием возвышение именно первых и превращение их в ядро возникающей новой этнической группы, будущей народности. С таким предположением согласуются и выводы Б. Б. Барадийна о хозяйственном развитии ядра бурятской народности, начавшегося с охотничьего хозяйства в сочетании со скотоводством⁵⁶.

Относительно родины и происхождения древнейшего собственно-монгольского ядра бурятской народности существуют противоречивые мнения. Ряд исследователей, опираясь на упоминания шаманами Алтая и тому подобные факты, на близость их языка и быта к племенам Алтая, находят вероятным алтайское происхождение бурят.

Б. Б. Барадийн изложил в своей оригинальной работе «Бурято-монголы. Краткий исторический очерк» гипотезу, предполагающую, наоборот, родину коренных бурят-монгольских родов в северо-западной части Забайкалья, где они составляли особую «ветвь монгольской национальности», лишь номинально входившую в состав государства Чингисхана вследствие своей первобытности и недоступности местообитания. «Основными поколениями, из которых слагалась нынешняя бурят-монгольская народность, являются, — по его словам, — булагаты, икириты и родственное им племя хори. Эти племена, за исключением икиритов, в древности входили в состав племенного образования баргу, в отличие от коренных монголов, и назывались в старину, кроме своих родовых названий, баргутами. Из них только

---

⁵⁶ См.: Б. Б. Барадийн. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк. — «Бурятведение», 1927, № 3—4, стр. 46.

булагаты могут быть этнически «чистыми» бурятами, и самое слово булагат есть древний китаизированный вариант слова «баргут»⁵⁷.

Судьбы эхирит-булагатов XVII в.— монголов по языку, проблема их этнической принадлежности и происхождения должны, конечно, рассматриваться в единой связи с судьбами монголов, как таковых (западных в особенности), настолько неясными, к сожалению, для эпохи более ранней, чем время возвышения Чингиса, что, по мнению Б. Я. Владимирцова, нельзя доказать их этнографического существования в то время. Тот же авторитетный исследователь писал относительно самого языка монголов: «Уже теперь можно поставить вопрос: не является ли монгольский язык языком мешаным»⁵⁸. Тем более неясны судьбы эхирит-булагатов, как таковых.

Во всяком случае, ясно одно: эхирит-булагаты, носители собственно-монгольской культуры, нивелировавшей различия в культуре всего комплекса лесных племен Прибайкалья, ставшие ядром позднейшей бурятской народности, принадлежали, как сказано выше, к числу древнейших собственно монгольских племен и известны как монголы, если не во времена байырку, то при возникновении государства Чингиса, притом на своих коренных местах в Баргуджин-Тукуме, Прибайкалье, когда уже и следует предполагать наличие возникающей бурятской народности — племенного союза⁵⁹. Здесь они были соседями турецких племен. Здесь в результате этого соседства и возникает бурят-монгольский народ.

Значительно более поздними наслоениями являются уже те монгольские элементы, которые внедрялись в среду коренных обитателей Прибайкалья во время происходивших на Западе и на Востоке бурных политических событий. Это были появлявшиеся среди лесных племен пришельцы в виде отдельных групп и обломков различных родов из числа ойратских племен, связи с которыми были уже предметом изучения историков и линг-

---

⁵⁷ Б. Б. Барадийн. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк — «Бурятияведение», 1927, № 3—4, стр. 45.

⁵⁸ Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке — «Зап. ВОРАО», XX, вып. II и III, стр. 181.

⁵⁹ Общеизвестно указание Рашид-ад-дина о племенах булагачин и кермучин: они обитали в пределах Баргуджин-Тукума «и на краю страны кыргызов: близко один к другим. В этом государстве никто из них неизвестен, а также нет ведомых и славных мужей из этих племен». Соседи их были тоже «подобны монголам», распадалась на «множество племен» и заселяли «Баргуджин-Тукум» (см.: «Сборник летописей. История монголов. Введение: о турских и монгольских племенах». — «Тр. ВОРАО», ч. V, 1858, стр. 85—88, 88—90).

вистов, а также и наиболее новые внедрения с Востока, из Халхи, в XVII столетии, когда в Прибайкалье шли новые «мунгалские выходцы» и постоянно появлялись коренные монголы на Ангаре и Лене.

Заканчивая наш обзор, следует вспомнить, однако, что М. Н. Забанов после попытки сведения в общую картину всех фактов, касающихся истории сложения бурят, эхирит-булагатов, в народность, писал: «Оторвались ли они от западных монголов — ойратов и переселились в пределы Прибайкалья, или же они являются древнейшими обитателями Прибайкалья. Когда и как переселение происходило. Все это скрыто во мраке прошедших времен»⁶⁰.

К сожалению, и теперь положение остается прежним и до сих пор в науке нет фактических данных, достаточных для решения этой проблемы. Чтобы увереннее разбираться в именах и фактах, в былых событиях и найти верную дорогу «в мраке прошедших времен», необходимо, следуя примеру М. Н. Забанова и М. Н. Хангалова, заняться восстановлением во всей совокупности источников общих исторических условий и хода развития той социальной среды, в которой разворачивалось становление бурятской народности. Взятые в целом, они позволяют увидеть и раскрыть в столь сложном этногоническом процессе существенные стороны и закономерности, объясняющие нам многое в позднейшей истории бурят, в их отношениях с соседями в особенности.

В свете изложенных данных о развитии бурятского хозяйства и культуры и в связи со всеми высказанными предположениями о прошлом предков бурят-монголов до момента прихода русских для нас должны также стать значительно яснее и контуры социальных связей и политический строй Бурятии в XVII в., представляющие, таким образом, продукт длительного исторического развития в сложной исторической обстановке, кратко охарактеризованной выше, и определявшие, в ходе тех же восстаний XVII в., формы и характер борьбы, являющейся предметом нашего исследования.

Пока же следует сказать, что в широком историко-географическом плане развитие бурятской народности и ее культуры представляется нам как своеобразная история «лесных племен» эпохи монгольской феодальной государственности и несколько более раннего времени, не утрачивавших самостоятельности и составлявших особую группу разнородного этнического состава,

---

⁶⁰ М. Н. Забанов. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск, 1929, стр. 40.

окруженную еще более, чем она сама, отсталыми племенами, с которыми ее связывали не только экономические, но и чисто этнические связи. Эта своеобразная и чрезвычайно сложная обстановка в значительной мере определила темп и ход общественного развития бурят-монголов, их культуру и быт в эпоху перед приходом русских. Такие выводы намечаются по данным археологии, фольклора, письменных источников и <...> лингвистики.

Оставляя в стороне все еще спорные попытки выяснения конкретного состава, этнической принадлежности и времени происхождения тех или иных групп древних бурят, по-разному определявшегося по письменным памятникам и фольклору и в связи с крупными историческими событиями в Центральной Азии, мы можем лишь, учитывая все сказанное, остановиться на наиболее вероятном предположении об автохтонности основных компонентов позднейшего бурятского народа в Прибайкалье (понимаемом, как и Баргуджин-Тукум эпохи Чингисхана, в широком смысле — со включением в него Приангарья и низовьев Селенги).

В процессе смены хозяйственных форм и быта, содействовавшем ускоренному по сравнению с обитателями тайги развитию их общества, коренные жители степных равнин и лесостепей Прибайкалья, находившиеся в постоянной культурной связи со степными племенами Центральной Азии, воспринимавшие некоторые элементы их культуры, конечно, испытывали значительные перемены, а в момент образования империи Чингиса они стояли уже сравнительно очень высоко, хотя и были с точки зрения монголов Халхи лишь грубыми лесными народами, дикарями — «баргутами», «ойнуряхами» и т. п.

Оседлые земледельцы-скотоводы «курумчинского облика», с одной стороны, с другой — таежные охотники, звероловы и скотоводы, они были уже связаны друг с другом весьма крепко и переживали сообща усиленный процесс изменения быта, хозяйства и общественного строя, о котором и дают нам общее представление археологические памятники.

Это были очень пестрые еще этнические группы, переходившие к преимущественному занятию скотоводством и находившиеся на пути к образованию, в силу общности быта, несколько языковых племенных групп под общим мощным влиянием монгольского языка и культуры, нивелировавших хозяйственно-культурные и языковые различия — наследие былой изолированности отдельных родов и племен. К XVII в. сложение племенных языков, — четырех наречий бурятского языка, в основном уже закончилось, а этногонимический процесс получил свое

завершение в виде создавшихся основных племенных групп бурятского населения, ибо была давно уже достигнута общность хозяйственных и социальных условий внутри будущей бурятской народности, определившая этот путь.

Буряты с их монгольским ядром в то время оказались наиболее передовыми по культуре и экономике обитателями всего Прибайкалья, чем и обусловлено было господствующее положение бурятской народности среди прочих местных, более отсталых, — этнических групп.

Этногонический процесс, изменение состава этнических групп не остановились здесь, они шли и дальше, по линии скрепления дробившихся родовых массивов, выходивших все более и более из прежней изоляции, в связи с перемещением и смешениями родов, ассимиляцией ранее «чуждых» групп на базе перехода их к скотоводческому быту и хозяйству, а следовательно, и некоторой дальнейшей унификацией культуры, языка и бытового уклада. Тем самым была обеспечена не только военная, но и своего рода мирная «экспансия» бурят и бурят-монгольской культуры среди соседних племен и народов.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОКАХ ДРУЖБЫ РУССКОГО И БУРЯТСКОГО НАРОДОВ (XVII в.)¹

✓ Годами, десятилетиями, веками меняется историческая перспектива, а ее углубление углубляет и понимание исторического прошлого, выявляя подлинную значительность и истинное значение явлений.

А. Е. Пресняков. *Обзоры пережитого.*
«Дела и дни», кн. 1. Пг., 1920, стр. 346.

Слова выдающегося русского историка А. Е. Преснякова, поставленные в эпиграфе настоящей статьи, выразительно рисуют логику развития исторической науки вообще и путь, пройденный самим автором этих строк,— в частности. На самом деле, наука история не есть нечто застывшее, неизменное, что-то мертвое, чуждое живым запросам современности. Она дышит дыханием современности, наполняется ее животворными соками, идет в ногу со временем и оттого близка и созвучна ему. И оттого наука история абсолютно необходима каждому человеку, а тем более человеку нашего времени, нашего социалистического общества.

Речь идет именно о том, что А. Е. Пресняков определил кратко как углубление понимания исторического прошлого. Для него это было восприятие того нового, что принесла ему величайшая из революций, Октябрьская социалистическая революция. Ведь он писал под непосредственным и свежим впечатлением великого переворота в умах ученых, вызванного Октябрем.

С тех пор перед нами прошли 56 лет, насыщенных великими событиями, борьбой советского народа за осуществление идеалов, провозглашенных перед всем миром в октябре 1917 года.

В свете этих событий перед историками все полнее и глубже раскрывается глубинное содержание и далекого прошлого

---

¹ «В братской семье народов». Улан-Удэ, Бурят кн. изд-во, 1974, стр. 23—45

или, говоря словами А. Е. Преснякова, «истинное значение явлений». И хотя эти события отделены от нас завесой веков или даже тысячелетий, самое непосредственное, актуальное, как мы привыкли говорить, значение приобретают многие явления и факты, которые нередко оставались в тени, заслонялись массой других фактов и событий.

В истории Сибири, как это следует, в частности, из опыта анализа исторического прошлого сибирских народов в пятитомной «Истории Сибири», в том числе русского народа, имеются сюжеты, по праву имеющие особый интерес не только для историков, но и для той широкой, поистине массовой аудитории, к которой направлены мысли и выводы ученых.

Следует напомнить хотя бы, что в первом томе «Истории Сибири» особенно выпукло выступает центральная для дорусского прошлого Северной Азии идея о глубоких корнях и самобытности культур аборигенного населения этих колоссальных пространств, а вместе с тем и мысль о широких связях этих культур и народов, их создавших, с другими народами и странами, в первую очередь — с народами Средней Азии и Восточной Европы. В этом мы видим далекие и глубинные истоки великой исторической общности, которую представляет советский народ, многонациональная советская государственность.

Что касается непосредственно следующего за первым вторым тома «Истории Сибири», то он начинается событиями XVI—XVII вв., когда происходит присоединение Сибири к Русскому государству. В это время сделаны были великие географические открытия: мир впервые узнал о том, что такое Северная Азия. Всего лишь за половину столетия русские землепроходцы дошли до Иртыша и Урала. А затем от Иртыша, в волнах которого под тяжестью царского дара — кольчуги — потонул Ермак, они дошли до Байкала и еще дальше — до низовьев Амура и до берегов Тихого океана.

Но все, что происходило к востоку от Урала в XVI—XVII вв., замечательно не только по территориальным масштабам географических открытий, но и по глубине влияния этих событий на русскую и мировую историю, на экономику, политику и культуру того и последующего времени. Что касается масштабов этого влияния, то оно определялось прежде всего тем, что имело место освоение Русским государством и народом огромных восточных пространств или, по образному выражению А. Н. Радищева, — «приобретение Сибири». В ходе освоения Сибири с самого начала, а с течением времени все сильнее, в возрастающих масштабах, обнаруживалось его ог-

ромное прогрессивное значение для экономического развития России, для укрепления политической мощи и международного влияния Русского государства. Недаром же М. В. Ломоносов писал, что могущество России прирастать будет Сибирью!

Само же по себе присоединение колоссальных пространств на востоке протекало не как завоевание вновь обнаруженных далеких заморских стран, а как естественное продолжение и завершение грандиозного по хронологическим и территориальным масштабам складывания многонационального Русского государства и, соответственно, главная особенность этого процесса заключалась в том, что он шел в самой своей основе, по своему характеру, принципиально иначе, чем колонизация европейцами американского континента или Австралии. Достаточно сказать, что в то время, как европейские колонизаторы — конкистадоры не только полностью разрушили складывавшиеся тысячелетиями оригинальные и высокие культуры ацтеков и майя, но и физически, варварскими способами, уничтожали миллионы индейцев, народы Сибири даже и под гнетом царизма устояли, сохранили свои самобытные культуры. Более того, присоединение Северной Азии к Русскому государству, вхождение в его состав народов Сибири явились мощным фактором прогрессивного развития и этих народов. Отныне у них быстрее развивалась экономика, общественные отношения, а также и культура, где также наглядно сказывалось прогрессивное влияние передовой культуры русского народа.

Пытаясь объяснить этот фундаментальный по его значению и для всемирной истории факт, некоторые историки полагают, что причина лежит в особенностях социально-экономического фона, на котором происходило присоединение Сибири. Согласно их мнению, социально-экономическое развитие в России того времени, а следовательно и в Сибири, шло не по капиталистическому пути, что господствующее место занимала не капиталистическая система общественных отношений, а феодальная, что речь идет о своего рода «государственном феодализме» Московской Руси. Этот взгляд в какой-то мере имеет свои основания, поскольку феодально-крепостническое правительство и его администрация были заинтересованы в сборе «мягкой рухляди» — ясака с жителей Сибири, а для этого нужно было всемерно использовать в трудных условиях тайги и тундры коренное население, его производственный опыт, сложившийся в ходе тысячелетий, и трудовые ресурсы. Нужно было, следовательно, охранять это население от насилий и вымогательств, от авантюризма частных предпринимателей, действовать «лаской, а не жесточью».

Однако, как отчетливо показали блестящие исследования С. В. Бахрушина по экономике Сибири XVI—XVII вв., реальная ситуация была значительно сложнее и не укладывалась целиком в простую схему «государственного феодализма». И, кроме того, истинная сущность изучаемых историками событий того времени лежит глубже.

За всей мозаичной пестротой и сложностью конкретной исторической картины следует видеть основные закономерности исторического процесса. Иначе говоря, поскольку речь идет о классовом обществе, нужно исходить из основного марксистского понятия о классах и классовой борьбе, о их роли в историческом процессе. С этой принципиальной, марксистской точки зрения выявляется определяющая закономерность, от которой зависели истинное содержание исторических событий, их качественная специфика и ход, та закономерность, в свете которой выявляется решающая сила, обнаруживается кто — какой класс — был главным деятелем этого процесса. И в этом плане должна быть отмечена центральная, по существу, идея второго тома «Истории Сибири» о том, что решающая роль в присоединении Сибири, понимаемом именно в широком смысле, как ее освоение, принадлежала не царской администрации и не купеческому капиталу, а основному классу непосредственных производителей феодальной эпохи — крестьянину. Именно крестьянам, их инициативе и труду, принадлежит эта ведущая роль, на их плечи пала вся тяжесть борьбы за освоение Сибири².

Вместе с тем у русских крестьян, заселявших и осваивавших сибирские пространства, переносивших в них свой трудовой опыт и традиции, переживших тяжелый гнет эксплуатации со стороны государства и его аппарата, не было и не могло быть антагонизма по отношению к коренному населению Сибири, еще более угнетенному и бесправному.

В свою очередь, разумеется, социальная верхушка коренных народов и русские эксплуататоры, царизм, всегда, в конечном счете, находили общий язык во всем, что касалось эксплуатации подвластных им русских и туземных народных масс. Об этом свидетельствует вся история Сибири.

Само собой понятно, что это был процесс далеко не простой, противоречивый, в полном смысле слова диалектический, уже по той причине, что он протекал в условиях классового общества, под воздействием гнета эксплуататорских классов, царизма.

² Здесь следует особо отметить заслугу В. И. Шункова. См.: А. П. Окладников. В. И. Шунков — историк Сибири. — «Русское население Поморья и Сибири (период феодализма)». Сб. ст. памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова». М., 1973, стр. 1—6.

Но основная его тенденция, определявшаяся реальным соотношением классовых сил, той особой ролью, которую играло крестьянство феодальной эпохи в освоении Сибири, выявляется, как сказано выше, с полной определенностью в отмеченной противоположности между событиями, происходившими по ту и по другую сторону Тихого океана, т. е. на американском континенте — с одной стороны, в Северной Азии — с другой, и между результатами этих событий в дальнейшем. Таковы исторические документы, относящиеся к начальным контактам русских и бурят Приангарья³.

Начнем с событий, непосредственно предшествовавших первой встрече русских с бурятами, происшедшей неподалеку от устья реки Оки, там где позже возник Братский острог (Нижний, как его называли в семнадцатом столетии).

«И будет та Лена река — вторая Мангазея», — патетически восклицал мангазейский воевода А. Ф. Палицын, которого С. В. Бахрушин называл русским интеллигентом XVII века, в своей записке о плане присоединения Ангарского и Ленского краев. План Палицына обещал не только горы «мягкой рухляди». Ходили слухи о наличии там золотой и серебряной руды, узорчатых камней и дорогих товаров. В сообщениях того же Палицына, а также иностранцев, собиравших сведения о Сибири, упоминается и некая «великая река», где имеются каменные города, слышен колокольный звон и пушечная стрельба, плавают большие суда.

По сведениям, исходившим от тунгусов, речь шла, как видно, об Амуре и Сунгари. Каково бы ни было реальное ядро этих сообщений, полусказочный, легендарный их облик хорошо отражает настроение, чаяния и надежды эпохи.

Но первые же попытки достичь некоторой ясности в вопросе о возможностях продвижения в глубь Восточной Сибири принесли царской администрации в Сибири значительные неожиданности. Они выражались в сведениях о существовании среди прочих степных племен и народностей воинственных киргизов, а также бурят-монголов, или «братов», как их называли в документах того времени. Самые ранние документы, где встречаются упоминания имени бурят-монголов («братов»), датиро-

³ Далее используются без специальных ссылок на страницы материалы, опубликованные в старой моей книге: «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.)». М.—Л., 1937. В книге, изданной 36 лет тому назад, разумеется, нашли отражение распространенные в то время в нашей литературе общие тенденции «школы Покровского», употребляются и соответствующие термины. Но в ней определенным образом с классовых позиций впервые освещался на свежем фактическом материале факт совместной борьбы трудящихся русских и бурят в XVII в. против царизма, характеризовались истоки дружбы русского и бурятского народов.

ванные 1609 г., отражают, быть может, очень преувеличенные представления томских воевод о силе этой народности и об опасности, угрожавшей Томску с ее стороны.

«Браты» изображаются здесь как многочисленная народность, как воинственная и хорошо вооруженная сила. Они выступают в роли серьезного конкурента и соперника в деле подчинения обитателей Восточной Сибири, ставят те же самые цели, что и служилые люди: сбор ясака со своих киштымов-данников. Как и киргизы, братья по этим признакам резко выделялись из большинства остальных племен и родовых групп Сибири, особенно отличаясь, конечно, от раздробленных таежников и племен Приенисейского края.

Однако до прямых столкновений с бурятами у русских отрядов дело не доходило, а с 1623—1624 гг. совсем исчезают и всякие сообщения о сборах на войну по Енисею со стороны бурят.

Спустя два года, в 1626 г., енисейский воевода А. Ошанин уже пишет докладную записку о присоединении бурятской земли! Он указывает на возможность сбора богатого ясака «не токмо что с малых земель, но и з братьев». Если бы служилые люди привели под царскую руку и братскую землю, то тогда бы «твое государское великое в дальней Украине во многих ордах и землях имя славилось», прельщал воевода царя славой и соболями из братской земли.

Затем от П. Фирсова и В. Тюменца были получены более точные данные о состоянии бурятской земли в то время и о путях к ней. Бурятская земля, по этим данным, «сошлась рубежом с кигайским государством». Людей в ней больше двадцати тысяч «на конь садитца». У бурят «с китайскими людьми бой живет мало не по вся годы». Буряты по хозяйственной базе их быта — «люди пашенные».

В 1626 году Максим Перфильев дополняет эти данные новыми сведениями. По «сказке» Перфильева, буряты были «люди сидячие». Имели «коней, коров и верблюдов безчисленно». Сеяли ячмень и гречиху. В бурятской земле водилось много дорогих товаров: соболей, лисиц и бобров, бухарских тканей — дорогов, зенденей, индяков, шелков и «белья», а «серебра-де добре много». Буряты не ограничивались торговлей с соседями, но и брали «ясак со многих с малых земель».

Самое же важное известие из бурятской земли, полученное от тунгусов, было совсем неожиданным. Тунгусы уверяли Перфильева, будто «ждут брацкие люди к себе тех государевых служилых людей, а хотят тебе, великому государю, брацкие люди поклониться и ясак платить и с служилыми людьми торговаться».

Так и случилось: в 1628—1629 гг. идет Бекетов с тридцатью казаками на Ангару. В результате этого похода бекетовский отряд получил «с новые землицы под Братским порогом с князем Кулзуза и Саада с товарищи на 137 год вновь 60 соболей да 27 недособолей с пупками и хвостами, одну лисью пластину, красную».

На устье Оки, по сообщению М. Перфильева, Бекетову дали ясак тамошние бурятские князцы, а затем русский отряд впервые отправился и еще дальше вверх по Ангаре, до верхних бурятских улусов», т. е. судя по всему вплоть до тех мест при устье реки Унги, где позднее был поставлен Верхний Братский острог — Балаганский.

Поход Бекетова состоялся при воеводе Василии Аргамакове. Аргамаков призвал к себе Бекетова, только что вернувшегося из братской земли, вместе с участвовавшими в походе служилыми людьми, за их службу — «обедать».

Приглашенные к воеводе на обед казаки поднесли ему роскошный подарок: «беличью шубу под зеленой камкой», «мелкотравную — пробирана золотом», ожерелье у шубы было соболье, и вся шуба тоже опущена была «кругом соболями».

Таким необычным торжеством в Енисейске ознаменовалось добровольное подчинение усть-окинских и ангарских бурят во главе с Баяракапом, Кулзузом, Саадаем и другими князцами, которые согласно точному указанию более поздних документов дали в 137 году (1628—1629 гг.) ясак П. Бекетову добровольно, «без войны».

Дать ясак казакам — означало, по понятиям того времени, признание верховной власти московского царя, или иначе говоря — добровольное вхождение в Русское государство.

Помимо ясака, вручен был и другой драгоценный подарок — роскошная шуба, наглядное свидетельство дружбы бурят с русскими, готовность их закрепить таким образом завязавшиеся добрые отношения.

В распоряжении историков, к сожалению, нет других, более подробных сведений о конкретных обстоятельствах, при которых произошло добровольное вхождение бурят в Русское государство в 1628—1629 гг. Интересно, однако, свидетельство П. Фирсова и В. Тюменца о том, что у бурят «с китайскими людьми бой живет мало не по вся годы».

Речь шла, конечно, не о «китайских людях», а о соседних монгольских и ойратских феодалах, которые, как известно по письменным и фольклорным источникам, неоднократно стремились завладеть бурятами и обложить их данью. Бурятские воины, в свою очередь, о чем тоже говорят легенды (например,

о подвигах легендарного богатыря и шаманского божества — властителя реки Лены — Хара-Ажирая), записанные С. П. Балдаевым, совершали смелые походы в кочевья монголо-ойратских князей.

Но, нужно думать, буряты и на самом деле искали помощь и защиту от внешнего врага у могущественного «Белого царя», рассказы о котором доходили до них еще задолго до 1629 г. через тех же бурятских киштымов — ангарских тунгусов. Буряты были заинтересованы в контактах с русскими и в экономическом смысле. Они нуждались в русских товарах, а также в товарах среднеазиатского происхождения. Такие товары проникали из Средней Азии с бухарскими купцами по караванным путям через Чжунгарию. Но пути эти были опасны, караванам бухарцев нередко грозило разграбление кочующими по степям шайками. И было удобнее получать те же товары через русских купцов, находившихся под защитой своего правительства.

Во всяком случае, из документов, о которых шла речь, ясно, что мирное, в полном смысле слова, добровольное, присоединение бурят в 1629 г. — реальность. В этой связи нельзя не вспомнить один фольклорный сюжет, зафиксированный в свое время известным бурятским историком П. Т. Хаптаевым во время его исследований на Верхней Лене. Сюжет связан с именем одного из знаменитых бурятских шаманов и общественных деятелей начала XVII в. Хойленго Бордоевым, чей прах был погребен на высокой горе Орголи в долине реки Манзурки (Байнзурхэн), где еще недавно была прекрасная заповедная роща.

Как говорится в предании, на суглане — собрании своих родовичей — этот шаман, пользовавшийся непререкаемым авторитетом, призвал их не оказывать сопротивления русским казакам и добровольно дать ясак — подчиниться царю. Он выразил свою мысль о бесполезности и вредности сопротивления в поэтической форме: «Черную тайгу топором не вырубить, русских людей из лука не перестрелять». И ленско-кудинские буряты поступили по его дальновидному мудрому совету, добровольно вошли в Русское государство. 10116

Не меньший интерес представляет и еще один фольклорный сюжет, записанный в начале XVIII в. Гмелиным и Миллером от мангазейских казаков. Это рассказ о замечательном путешествии смелого русского путешественника Пенды.

Мангазейские казаки восхищались и гордились своим героем. Подвиг Пенды поражал воображение мангазейцев на протяжении многих десятилетий. Он удивил даже всегда сдержанного в своих суждениях Гмелина.

Миллер писал о Пенде: «Пенда, или Поянда, промышленный человек из России, отправился в старые времена из Туруханска водою вверх по Нижней Тунгуске с собранными из разных мест 40 человеками, желая открыть новые земли. Первое лето он дошел до речки Нижней Кочомы, где тунгусы загородили реку, навалив в нее множество деревьев. Так как он не мог пройти дальше на своих судах, он построил там зимовье, которое до сих пор известно еще под названием Нижне-Пендинского зимовья. Зиму он провел за собольиной охотой, а когда тунгусы делали попытки напасть на него, он без труда прогонял их огненным боем. Следующей весною, когда полоя вода снесла сделанную тунгусами преграду, он снова двинулся в путь на своих судах, но встретил такое сильное сопротивление, что это лето и всю зиму ему пришлось прозести в тамошних местах. Свидетельством этому якобы служит построенное им, в расстоянии всего ста верст от предыдущего, недалеко от устья речки Средней Кочомы, Верхне-Пендинское зимовье. Наконец, третий год был для него настолько благоприятным, что он достиг той части речки Тунгуски, где от нее шел небольшой волок на реку Лену, который назывался «Чечуйским волоком», по реке Чечу, впадающей в Лену. Несмотря на это, Пенда не решался сразу же перейти волок, так как думал, что на Лене его караулят тунгусы, собравшиеся в большом числе. Действительно, он имел с ними несколько столкновений. Возможно, однако, что третье зимовье он построил на этом волоке для собольиного промысла и прожил в нем до открытия водного пути. В четвертый год он проехал по Лене до тех мест, где после был построен Якутск. Тою же осенью или же следующей весною он возвратился обратно и пошел затем вверх по Лене до реки Куленги, откуда степью перешел на реку Ангара и далее через Енисейск снова вернулся в Туруханск»⁴.

О том, что Пенда действительно побывал в центре якутской земли, свидетельствует и якутский исторический фольклор. В некоторых вариантах преданий о знаменитом канталасском вожде Тыгыне говорится о том, что в последние годы его жизни во владениях Тыгына появились никому не ведомые пришельцы — первые русские. Эти новые люди, поразившие бесхитростного якутского вождя своим искусством работать и мудростью, появились неожиданно и так же неожиданно исчезли⁵.

⁴ А. П. Окладников. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. — «Летопись Севера», вып. 1, 1949, стр. 94—102.

⁵ См.: Э. К. Пекарский. Из преданий о жизни якутов до встречи с русскими. — «Зап. РГО по отд. этногр.», т. 34, 1909, стр. 151—152; И. А. Худяков. Верхоянский сборник. Иркутск, 1890, стр. 50.

Отсюда следует, далее, поистине ошеломляющий вывод, что Пенда не только дошел до самой якутской земли, но и прошел через наиболее заселенные бурятские кочевья, через землю «Больших братьев» в верховьях Лены и на Ангаре, на глазах у окинских бурят проплыл мимо местонахождения позднейшего Братского острога⁶.

Существенно при этом и то обстоятельство, что в якутском предании явно и определенно говорится о мирном характере первой встречи русских пришельцев с якутами Тыгына. В устной повести мангазейских казаков о приключениях Пенды очень подробно излагается затяжная борьба с тунгусами, но нет ни одного слова о каких-либо стычках с якутами или бурятами.

Перед нами, следовательно, еще одно авторитетное свидетельство о мирных, можно сказать, дружеских отношениях первых русских землепроходцев, проникших в Восточную Сибирь, с коренным ее населением, о готовности последних встретить русских миром, а не войной.

А потом настали черные дни — и не только для бурят, но и для русских. Время правления грозного «Багаба-хана» бурятских преданий.

Но и здесь обнаруживается новый факт, существенным образом дополняющий и разъясняющий общую картину взаимоотношений русских людей и бурятского населения. Как известно, Похабов прославился своими насилиями над местным русским населением, и, в первую очередь, над крестьянами Братского острога.

В результате похабовского управления государевы крепостные, пашенные крестьяне, писали царю, что они «от его, Иванова, озорничества и изгони и от ево ушников» вконец погибают и помирают голодною смертью, «стали наги и босы и на нове месте до конца раззорены». По словам крестьян, «от их, приказных людей, великие изгони многие, государь, наша братья, покиня твое государево пашню и свое домишко, розно разбрелися, видя над собою погибель и жестокое мученье».

---

⁶ С. А. Токарев полагает, что это, возможно, был В. Бугор с его спутниками. «Не эти ли спутники Бугра, — пишет он, — попали первыми в якутскую землю и не о них ли сохранила память приведенное выше якутское предание, как о первых русских, пробравшихся во владения Тыгына?».

Но Бугор, как пишет здесь С. А. Токарев, спустился по Лене только до устья реки Чай несколько ниже Киренги и, конечно, не мог встретиться с якутами Тыгына. Другое дело — Пенда. По словам Гмелина, он побывал на том самом месте, где позднее возникает Якутский острог, то есть в коренных землях Тыгына.

И в то же самое время ненавистный «Багаба-хан» обрушился на окрестных бурят.

О насилиях Похабова с помощниками над бурятским населением рассказывает сходная по характеру с крестьянской челобитная бурят. Эта челобитная, явно написанная теми же русскими грамотеями, которые составили крестьянскую жалобу на Ивана Похабова, в тех же самых выражениях, с такой же горечью, рассказывает о невыносимом положении бурят, терпевших такие же муки и беды, как и русские крестьяне. Прикомандированные к казакам для розыска бежавших бурят «верхоленские ясачные люди брацкие князцы Багуй, Седуй, Камкай» и другие «лутчие люди» сказали позже в расспросных речах «по своей вере, в правду» приказному человеку, енисейскому сыну боярскому Я. Турчанинову: «проводывали де мы беглых брацких ясачных людей допряма и допрашивали де у них накрепко, для чего они государю изменили и от какова насильства от государева Балаганского острогу отехали в мунгалы и за что не стали государю ясак платить. И они де нам сказывают, а сами плачут горькими слезами — рады бы де мы жить под государскою высокою рукою и ясак платить, да великая де смертная обида от приказных людей, от Ивана Похабова, что де тот Иван Похабов чинил нам великие насильства — жен и детей наших имал к себе на почтелю и блудом позорил и наругался. А иных де ясачных людей бил и мучил, и скот: кони и коровы и овцы сильно поимал».

Авторами текста бурятской челобитной были, несомненно, русские толмачи, непосредственно связанные с бурятами по роду их службы, постоянно бывавшие в улусах на Ангаре и Унге.

В делах есть и прямые указания на такую роль толмачей. В них говорится, что в острог съезжались «иноземчискія люди лутчія» и спрашивали служилых людей, недовольных Похабовым: «Так ли де у вас на Руси великія люди и приказные делают, что жены чюжіе к себе на постелю берут ли и чюжіе животы отнимают ли сильно?».

Казакам не оставалось ничего другого, как сказать, что это по московским законам тоже называется «воровством». «И толмачи твои государевы сказали им, иноземцам, что на Руси де за такое воровство ждет от государя жестокое наказание, а вы де о управе тож бейте челом от насильства праведному государю». Таким образом, толмачи прямо советовали бурятам писать челобитную в Москву на Ивана Похабова. Кое-кто из толмачей даже пострадал за такие советы и юридическую помощь братским людям. Один из казаков, расспрошенных во время

сыска о делах Ивана Похабова, заявил, что Иван Похабов на толмача Петра Мироманова «государево великое слово сказал» и посадил его в тюрьму со словами: «для чего дети, Мироманко, едешь к брацким людям в улусы и велишь брацким людям на меня, Ивана, писать челобитье».

Пашенные крестьяне тоже открыто сочувствовали бурятам. Именно к ним, пашенным, обращался князец Дахай со своим вопросом: «...Так ли на Руси делают великие приказные и начальные люди?». «У Вас, пашенных крестьян, емлет ли Иван Похабов к себе жен?» — спрашивал он Шумку Фомина.

Еще интереснее характеризует отношения бурят с русскими случай с попыткой Похабова противопоставить бурят казакам и использовать их как орудие против казаков.

В 1658 г., когда разыгралось столкновение казачества с людьми Ивана Похабова, последний послал, как рассказывают документы, толмача и наемщика к Дахаю в улус с приказанием «со всеми своими улусными людьми в кукях и в шишаках приехать, и служилых им бить велел», но буряты не поддались на провокацию и отказались помогать Ивану Похабову в борьбе с служилыми людьми. Как говорится в документе, «Брацкой князец Дахай ему, Ивану, в том отказывал и он, Иван, изыды ево, Дахая, за то вон выбил, и толмача за то, что ево в том брацкие улусные люди не послушали, бранил». Более того — неслыханное дело! — контакты бурят с русскими выразились даже в составлении совместной челобитной царю против Похабова. И, что особенно важно, это была челобитная, где вместе с бурятами выступали против несправедливого управления наемщика даже не толмачи и не казаки, не служилые люди, а именно крестьяне, угнетенные и эксплуатируемые социальные низы русского общества в Сибири. Мирское челобитье на насилие Ивана Похабова 2 июня 1658 г. подписали пашенные крестьяне староста Тимошка да целовальник Игнашка Дементьев «да Нижнего Брацкого острога твои государевы ясачные брацкие люди князец Бахайко с своими улусами». Служилые же писали свои жалобы — челобитные — отдельно от бурят и от пашенных, неделей позже, 14 июня 1658 г. Как мы знаем, не выдержав насилий Похабова, буряты, жившие в то время на Ангаре и ее притоках еще в легких войлочных юртах, попытались спастись от него бегством во владения монгольских феодалов.

Но ушли далеко не все ангарские буряты, а жившие на Лене бурятские роды вообще оставались на своих породных местах, так как Багаба-хан не был властен над ними. На Лену его

юрисдикция не распространялась, там правили приказчики Верхоленского острога.

И здесь заслуживает внимания один поистине потрясающий факт. Во время бегства ангарских бурят в Монголию видный и влиятельный в то время бурят Инкей, живший на Ангаре, решительно воспротивился насильственным попыткам принудить его к бегству. Инкею принадлежат замечательные слова, зафиксированные в казачьем донесении: «Не иду, де, я в мунгалы. А умру, де, я на своей земле».

Затем следует целая волна обратных переселений ангарских бурят на родину. Так, зимой 1667 г. под Иркутский острог пришли из Монголии двое беглых бурят Болотского рода. В своих расспросных речах беглецы показали, что шло их из монгольских улусов сто человек, но по дороге монгольские люди их гнали и погромили, причем многих убили, а остальных воротили с дороги обратно.

«Русские цари — чистые бодисатвы, разумно святые и милосердные существа, а русский народ при ангельской доброте его сердца так богат, что лошадей своих привязывает к серебряным коновязям. Сам ест из золотых, а собак своих кормит из серебряных сосудов; соболей меха подстилает вместо войлоков, а коровьим маслом разжигает печи, даже мальчишкам, табунщикам рогатого скота, разрешается употреблять в игре овечьи курдюки вместо обыкновенных монгольских мячиков». Так гласили слухи, разносившиеся по монгольским степям среди бурят, поработанных монгольскими ханами и их слугами.

И на самом деле, как ни тяжел был крепостнический гнет царизма на Руси, как ни свирепствовали такие администраторы царизма, как Иван Похабов, жить под властью монгольских нойонов и ханов, в условиях азиатского деспотизма и варварской отсталости было несравненно тяжелее, чем в Сибири.

И, что самое главное, рядом с ясным бурятом, бок о бок с ним, жил и трудился, как мы видим, задавленный тем же гнетом царизма русский крестьянин, брат и верный друг бурятского народа. Не менее интересны события 1696 г. в том же Братске, связанные с деятельностью такого же лихоимца и насильника, каким был Иван Похабов, на этот раз — Христофора Кафтырева. Кое в чем Кафтырев даже превзошел по изощренности самого Похабова!

Жители Братского острога, посадские и казаки, жаловались енисейскому воеводе на Кафтырева, что он «емлет с них сильно нападками своими, из-за гроз и из-за мученья животы, берет конями и денгами и рогатым скотом и хлебом». Изощряясь в искусстве грабежа подвластных «людишек», Кафтырев доду-

мался и до провокации: его доверенные люди подбрасывали ко дворам жителей заповедный табак, а затем хватали хозяев этих дворов и волокли к Кафтыреву на расправу, от которой те должны были откупаться деньгами, скотом или хлебом. Кафтырев забил насмерть двух человек. Первого из них, бывшего подьячего Ф. Семенова, вкладчика Спасского монастыря, он бил «своими руками». От тех побоев Семенов лежал три дня и умер без исповеди. Второго, гулящего человека Петрушку Гульму Кафтырев держал у себя для винного курения и приказал бить его плетью: «И от тех де ево, Христофоровых, побой тот Петрушка лежал восемь дней и, исповедовавшись и святых тайн причащен, в девятый день умре».

Не довольствуясь грабежом пожитков, Кафтырев требует к себе «на постелю женишек и детишек» братских жителей и бурят. «Насилует их блудным воровством», причем за неподчинение воле управителя с виновных опять-таки полагался денежный штраф.

Лихоимство, грабежи и насилие Кафтырева, а в особенности усиление крепостнического гнета его административно-хозяйственными мероприятиями, обусловили возникновение всеобщего недовольства. Произошло, наконец, настоящее, открытое восстание!

Не выдержав насилий Кафтырева, жители Братского острога собрались в день богоявления, в свой престольный праздник, и всем миром, в количестве 150 человек, «отказали» ему от управления острогом и уездом. Это было уже настоящее восстание, участники мирского совета грозили, что хоромы, в которых живет приказчик, «они, братские жители, разбросают и размечут по бревнышку, а ему, де, Христофору, пролуб готова».

Чем дальше, тем активнее становились братские жители, тем яснее обнаруживалась политическая по ее сущности направленность движения, связь его по своему характеру с антифеодальной борьбой на Руси. Как писал в своей отписке сам Кафтырев, «все пашенные крестьяне и всяких чинов люди ходят в Братском остроге и по улицам и становятся кругами и кличут друг друга атаманами-молодцами, а собираютца в трапезе неведомо для чего и заводят бунт».

Это был, по понятиям того времени, и на самом деле — бунт, то есть народное восстание.

Когда Х. Кафтырев вышел на рундук унимать от бунта жителей Братского острога, явившихся с оружием к приказной избе, «и в то де время вышел из них братских жителей один Гришка Безсонов и говорил де ему, Христофору, непристойные

слова: «Как де мир встанет, так де и царь ужаснет, а ты де Христофор, говоришь с нами».

Костка же Борисов потом сказал (на пытке!), что эта фраза звучала так: «Как де мир голкнет, так де царь и умолкнет». Таким образом, возмутительные речи Григория Безсонова представлены в двух вариантах. Отсюда следует, что существовала крылатая фольклорная фраза, популярная в народе и открыто выражавшая оппозиционные настроения, направленные уже не против балаганского управителя, а против самого царя! И не случайно же восставшие против Кафтырева братские жители величали друг друга атаманами-молодцами. Не случайно они собирались «кругами» — по старому донскому обычаю, как это было во времена восстания Степана Разина, направленного против самих основ феодального гнета. Это и на самом деле были отзвуки великого крестьянского движения XVII в., ожившие в далекой Сибири, куда шли в ссылку с рваными ноздрями и поротыми ушами бунтари Разина и участники «Медного бунта» в Москве.

Такие отзвуки слышатся в Сибири в XVII в. повсеместно: на Лене, у восставших крестьян, один из руководителей которых носил прозвище «Стенька, что прозываетца Разиным», и на Амуре. Известно, что память о Разине нашла свое отражение в песнях, записанных среди сибирского крестьянства еще в XVIII в. и связывающих судьбу сподвижников мятежного атамана после разгрома движения с Амуром, куда так сильно была тяга с Лены, Илама и Ангары во второй половине XVII в. Тем замечательнее, что одновременно с «бунташными» событиями, развертывавшимися среди русского населения Братского уезда, происходило в то же самое время аналогичное движение среди бурят, притом не параллельно, а во взаимодействии с движением русских жителей Братского острога, служилых людей — казаков и пашенных крестьян.

Уже в самом начале Братского восстания против Кафтырева на мирском совете в богоявленьев день проявилась связь русских «бунтовщиков» с бурятами. Оказывается, на мирской совет прибыли не только пашенные крестьяне из слобод, заимок и деревень Братского уезда, но и ясачные люди — буряты. «А братские ясачные иноземцы, для челобитья в обидах своих и разоренье, по своему умыслу в Братский острог приезжали, слыша их, братских жителей, на Христофора Кафтырева челобитье, а не по их, братских жителей, совету и зову», — сообщил один из участников восстания при расспросе.

Один из руководителей движения, Дмитрий Кириллов, сообщал далее: «А как де братские жители ему, Христофору, от дел

отказали, и его де, Митьку, выбрали те братские жители и иноземцы в выборные, а неволю, да с ним братского служилого человека Данилки Терентьева и выбор им братские служилые люди и иноземцы дали».

Текст «выбора» не оставляет никаких сомнений относительно факта совместного выступления русских и бурят и его политического характера. «А в выборе 9 казаков, 3 посадских, 4 пашенных, 10 человек ясачных иноземцев и все Братского острогу посадские люди и пашенные крестьяне и ясачные иноземцы: дали они выбор казачьему десятнику М. Кириллову да казачьему десятнику Д. Терентьеву в том, что в прошлом в 204 году Братского острога приказному Христофору Кафтыреву от дел великого государя они отказали в ево, Христофоровых, к ним налогах и обидях и в раззореньях, и чтоб ему, Христофору, служилых и посадских людей и пашенных крестьян и ясачных людей судом и расправою не ведать, а на ево, Христофорово, место выбрали для всяких государевых дел в Братском остроге казачьего десятника М. Кириллова, рядового казака Д. Терентьева. И им, Митьке и Данилке, быть в Братском остроге у всяких великого государя дел, и судом и расправою их, служилых и посадских и пашенных и ясачных людей ведать и смотря по вине бить батоги. А им, выборным людям, их, Митьку и Данилку, во всяких государевых и челобитчиковых делах во всем слушать, а ослушникам чинить наказание, а им, выборным людям, за ослушников не стоять, и в том им, Митьке и Данилку против того их выбору оберегать и челобитчиков на него, Христофора, послать».

Сам Кафтырев писал, что «они, воры и бунтовщики, к воровскому своему собранию и к бунтовству многих братских ясачных иноземцев к себе призывали... одолжа своим воровским заповедным шаром и табаком, по неволе на меня, Христофора, к затейному и ложному своему напрасному и поклепному челобитью призвали и руки и знамена прикладывать им по неволе велели». Что же касается этого «затейного» и «поклепного» челобитья, то в нем ясачные люди писали: «И теми своими, он, Христофор, нападками и мученьем раззорил нас, холопей ваших, в конец, впредь нам, холопом вашим, вашего великих государей ясаку промышлять будет не на чем и купить нечем».

Кафтырев, по словам челобитчиков, брал силой у бурят подводы для своих торговых дел, гонял по своим же делам людей, забирал у бурят скот, у кого сколько мог. Отбирал сенные покосы, заставлял косить и метать для него сено.

Характерно при этом, что о том же самом, но уже по отношению к пашенным крестьянам, рассказывается в крестьянских

челобитных: Кафтырев заставляет их насильно работать на себя, грабит пожитки, отнимает скот и хлеб.

Из документов становится ясно, таким образом, что «иноземцы» не только вместе с прочими бунтовщиками Братского уезда жаловались на приказчика, но и вместе с ними же отказали управителю в повиновении. Иначе говоря, отказались повиноваться власти, поставленной центральной администрацией, и совершили тем самым, по терминологии Кафтырева, «воровское дело».

Кто такие были челобитчики, от имени всех бурят жаловавшиеся на приказного, отказавшие ему и выбравшие вместе с русскими жителями Братска «воровское» правительство, мы знаем. Это — Асихибайко Дерднев с товарищами, люди незнатные, в роду у которых отсутствовали имена владельцев киштымов и многочисленных табунов — бурятских князцов Букуев, Баяраканов, Омонгуев. В их лице к восстанию 1696 г. в Братском остроге присоединился именно улусный народ, т. е. в буквальном переводе на русский язык «харахуны», «черные люди», эксплуатируемые царем, приказными, купцами и своими князцами.

Не менее замечательно и то обстоятельство, что аналогичные события происходили в том же 1696 г. не только на Ангаре — в Братском Балаганском остроге, но и далеко от него, за Байкалом, в Баргузинском остроге. В Баргузине народное недовольство было направлено против приказного Герасима Турчанинова. Служилые люди разгромили дом Турчанинова, конфисковали имущество приказчика и, что весьма показательно для характеристики деятельности последнего как эксплуататора-ростовщика, уничтожили различные кабальные записи на весьма большую по тем временам сумму в 333 рубля. Существенно при этом то, что речь идет не об изолированном и не случайном факте, а об определенной цепи явлений.

Как показал в своем исследовании о народных движениях в Восточной Сибири в XVII в. В. А. Александров, баргузинские события 1696 года были связаны с восстаниями служилых людей в Удинске и Селенгинске, в Кабанском и Ильинском острогах. И в этих событиях снова обнаруживается определенное единство действий русского населения с ясачными, на этот раз — тунгусами.

По словам В. А. Александрова, «баргузинский тунгусский толмач Д. Журавлев с двумя товарищами ездил в восставшие Кабанский и Ильинский остроги на «бунт и совет». Вернувшись в Баргузинский острог, он возглавил восстание, к которому примкнуло окрестное тунгусское население. Складывается впе-

чатление, что непосредственным поводом к выступлению послужила передача баргузинским казакам от местных тунгусских ясачных людей челобитной с перечислением «насильств» приказчика. Выступление ясачных людей было единодушным и возглавлялось шуленгами»⁷.

Историческое значение отмеченных явлений — объединенных выступлений русского и туземного населения, ясачных людей, против тех или иных конкретных носителей феодально-крепостнического гнета царизма, местных управителей, Похабовых, Турчаниновых, Кафтыревых — становится еще яснее в свете аналогичных событий, происходивших одновременно и к западу от Байкала, от Братска и Балаганска.

В том же самом 1696 г. запылало пламя народного волнения в таком крупном административном и хозяйственном центре Восточной Сибири, каким был Красноярский острог.

14 ноября 1696 г. по набату с Покровской церкви в Красноярске стали собираться служилые люди, а вместе с ними подгородные крестьяне и посадские. Затем все это «многолюдство с ружьем, с копыями и со знаменами», как в настоящей войне, двинулось на приступ к городской цитадели («малому городу»), в которой засел «лихой воевода». И, что особенно примечательно, в Красноярске снова, как в Балаганском остроге и в Баргузине, принимают активное участие в движении против воеводы местные ясачные люди. По словам Н. Н. Оглоблина, «...в красноярском бунте участвовали преимущественно служилые люди, но шаткость была и между жителями города и уезда, между посадскими, крестьянами и ясачными людьми»⁸. Ясачные принимали участие и в самом драматическом эпизоде красноярского восстания 1696 г. — в штурме «малого города».

К таким же выводам пришел С. В. Бахрушин. По его данным, в конце XVI в. восставшие вогуличи действовали против Строгоновых, «сговорясь с воры», «стакався с Максимовыми крестьянами». По словам исследователя, «мы имеем дело здесь с совместными выступлениями вогуличей и русских крестьян против общего классового врага».

Таким образом, уже в те далекие от нас времена обнаруживается факт огромного принципиального значения: общность классовых интересов угнетенного царизмом русского, бурятского и вообще туземного сибирского населения, в первую же

⁷ В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири в XVII век. — «Исторические записки», вып. 59. М., 1957, стр. 303.

⁸ Н. Н. Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 гг. (Очерк из истории народных движений в Восточной Сибири). Томск, 1902, стр. 3, 9, 16, 30, 37.

очередь — русского крестьянина и ясачного человека. Устанавливается факт их совместной борьбы против феодально-крепостнического гнета царизма.

Как уже отмечалось ранее в «Очерках из истории западных бурят-монголов», история показывает, что общая ненависть к царизму в лице представлявшей его на местах администрации — лихонимцам-приказным, вымогателям-дьякам и насильникам-воеводам, столь ярко отраженная в документах, в моменты, когда движение угнетенных достигло апогея, стихийно ломала бесчисленные преграды и отчасти преодолевала национальную ограниченность.

Движения эти замечательны тем, что при всей их противоречивости это не локальные сибирские вспышки и не только общесибирские движения (1695—1696 гг.), а отражение глубоких процессов, происходивших в русском обществе того времени, тех широких антифеодальных народных движений, которые происходили во всем русском народе и государстве.

Так, уже тогда проявлялась неразрывная связь Сибири с Россией, общность их судеб, общность демократической борьбы народа за его права, его единство.

В этом мы можем совершенно справедливо видеть первые, слабые, но вполне реальные, осязаемые истоки великой дружбы наших народов, окрепшей и выкованной в ходе дальнейшей совместной борьбы трудящихся против эксплуататоров, против царизма.

Не могут не привлечь внимания исследователей и другие факты, в том числе относящиеся уже к области не внутренних, а международных отношений. Таковы уже не раз отмечавшиеся в исторической литературе факты участия бурят, в том числе бурят-казаков, в охране государственных границ нашего государства.

Из множества таких примеров хотелось бы остановиться на событиях, связанных с именем легендарного тунгусского героя — витязя Гантимура.

В 1904 г. была издана небольшая книжка известного русского историка, архивиста Арсентьева. Она посвящена роду Гантимуровых. Книга эта начинается так: «Сей Гантимур,— говорится в архивном известии, служил прежде Богдойскому царю четвертным боярином, был владетель, получал в Китайском государстве ежегодно жалованья по 1200 лан серебра и по три коробки золота, имел под собой воинов и от Богдойского царя с братом царским послан был на службу красным воеводою, особым полком под Коморский острог на русских людей вой-

ною. Будучи под оным острогом и видя русских людей житие доброе, поревновал оному, возжелал и сам великому Государю служить и под Коморским острогом с русскими людьми бою не дал. А как отступили полки, то он, оставя Богдойское государство, пришел в Нерчинск с детьми своими и со всем родом и поклонился великому Государю больше нежели с пятьсот человеками. И хотя многие за ним, Гантимуром, от Богдойского царя погони были, но он от них отбилсЯ и многие раны принял. Находясь же в Нерчинске, служил великому Государю со всем родом своим со всякою верностью, и из Нерчинска с русскими людьми во многих походах мунгалов и тунгусов под Российскую державу боем и призывом в ясашный платеж умножил, и письмом призвал под самодержавную Государеву руку сродника своего, начального человека Зайсана Бокоя со всеми его сродниками с р. Науну, которых род платить Государю ясак в Аргунском остроге».

И далее у Арсентьева следует хорошо известная историкам выписка из статейного списка знаменитого писателя и путешественника Николая Спафария, главы первого официального посольства к двору китайского богдыхана. Спафарий виделся с князем Гантимуром при своем проезде через Нерчинск, и он так описывает это свидание: «Тот Гантимур человек старой, и в Нерчинском был у меня и сказал мне, что ведает он, что писал Бугдыхан к тебе, великому Государю, об нем, однакоже хотя ты, великий Государь, изволишь его отдать, а он жив в Китай не пойдет и сам себя убьет, для того, что он и прародители сво родились на Нерче. И я, холоп твой, ему сказал, чтоб он не опасался, потому что ты, великий Государь, отдать его не изволишь. А тот Гантимур лутчи всех твоих, великого Государя, ясачных тунгусов: муж великий, храбрый, будто исполин; девять жен у него, а детей больши тридцати, все вооружены, опричь дщерей. А племя соберетца больши трехсот человек, все вооружены, в куюках с копиями».

Я намеренно цитирую все эти сведения о Гаптимуре по книге Арсентьева, потому что в ней далее говорится о подвиге одного из многочисленных потомков этого богатыря-исполина.

«Телеграф принес нам на днях известие,— пишет Арсентьев,— о лихом подвиге поручика 25-го стрелкового полка, князя Гантимурова, который вместе с хорунжим Забайкальского войска Мациевским и 12-ю казаками прибыл в Ляоян из Порт-Артура, сделав 90 верст карьером и проскочив под носом у неприятеля, причем эти храбрецы привезли добрые вести от осажденных товарищей.

Небезынтересно будет вспомнить, что лихой поручик князь Гантимуров — прямой потомок того тунгусского владетельного князя-богатыря Гантимура, который в 1667 году, освободившись от ига маньчжуров, перешел с детьми, братьями и всем своим улусом на русский берег р. Амура и бил челом царю Алексею Михайловичу о принятии его под Государеву высокую руку».

К этому сообщению можно добавить еще одно известие, относящееся к деятельности потомков Гантимура, на этот раз из газеты «Ленинец» за 7 января 1972 г., где лейтенанту Владиславу Гантимурову посвящена целая страница-плакат.

«Выпускник Высшего Военно-политического училища Владислав Гантимуров, — говорится в этом плакате, — прочно занял свое место в строю, как образцовый замполит, как авторитетный воспитатель и вдохновитель бойцов, их старший товарищ».

Таковы факты, свидетельствующие о важных явлениях из прошлого, из далекого XVII века о том, как зарождалась дружба русского и бурятского народов, о первой мирной встрече на берегах Ангары и добровольном вхождении бурят в Русское государство, о совместной борьбе бурятского, тунгусского и русского крестьянства против царизма, об участии бурят и тунгусов в защите и охране государственных границ на востоке.

Эти факты наглядно показывают, что сама по себе историческая необходимость, вся историческая обстановка XVI—XVII вв. с самого начала были таковы, что в них заключалась прогрессивность и неизбежность вхождения Бурятии в Русское государство.

Присоединение Бурятии и бурятского народа к России означало ликвидацию прежней изолированности и застоя в экономике, общественном строе, политической жизни и культуре, а также прогрессивное воздействие русской культуры на бурят, взаимодействие русского и бурятского народов.

И не менее важно, что бурятский народ нашел правильный выход международной, военно-политической альтернативы того времени, безоговорочно, без колебаний выбрав Россию. Он нашел в ней поддержку против маньчжуро-китайской агрессии, грозившей народам Азии усилением феодального гнета, застою, такой горькой судьбой, которую в результате предательства монгольских феодалов испытал народ Монголии.

Все это нашло свое выражение и в конкретной исторической действительности XVII века — в таких замечательных фактах, как добровольное присоединение бурят в 20—30-х гг. к России, как смелый поход Пенды в Якутию и Бурятию, как

мудрые советы Хойленго Бордоева. Это нашло выражение и в возврате бурят из Монголии при Похабове, в их участии в стихийном народном движении в том же XVII в. против того же Похабова и Кафтырева, в совместной защите государственных границ России казаками-бурятами и во многих других фактах.

Собрать бережно, обобщить этот огромный и ценнейший материал — большая задача, стоящая перед историками Сибири, исследователями прошлого бурятского народа.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-БУРЯТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVII ВЕКЕ¹

(Первый контакт бурят с русскими.
Вопрос о присоединении Бурятии к России)

В нашей исторической литературе тема о русско-бурятских отношениях разрабатывается уже более двухсот лет, начиная с трудов И. Г. Миллера и И. Э. Фишера. Собирали и опубликован большой документальный материал по этой теме. Этому же вопросу посвящена была, в частности, и моя монография, изданная в 1937 году, где был приведен ранее неизвестный архивный материал².

Тем не менее есть потребность в более широком, обобщающем рассмотрении всей этой сложной проблемы, и в первую очередь такого важного ее аспекта, как факты, свидетельствующие о добровольном присоединении бурят к России и о их контакте с русскими.

Именно этой стороне бурятско-русских отношений в XVII в. и посвящается настоящая небольшая статья, являющаяся как бы общими выводами и дополнением к ранее изданной монографии в свете всего продуманного и пережитого за 20 лет, прошедшие с того времени, как она увидела свет в Ленинграде.

В начале XVII века до Москвы впервые дошли известия о бурятах и бурятской земле. В 1609 г., спустя пять лет после освоения Томского острога, тамошний воевода отправил служивых людей, которые должны были привести в подданство есаров, т. е. джесаров³.

---

¹ «Записки Бурятского научно-исследовательского института культуры», вып. 25, 1958, стр. 19—27.

² См. А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937, стр. 425.

³ Здесь и дальше использованы материалы, собранные в указанном моем исследовании. Следует иметь в виду, что, как видно из всего изложенного ниже, ту главу, где об этом говорится, правильнее бы назвать «Мирное присоединение бурят к России (1609—1630 гг.)».

Джесары согласились принять русское подданство, но ясака не дали. Они заявили: «...не чаяли приходу государевых людей, а до государевых людей ясак с них взяли брацкие люди».

Джесары — в переводе значит «дальние люди», обитатели окраин⁴. Так называли киргизы и их ближайшие соседи обитателей восточной окраины Минусинской котловины, которые жили по водоразделам Кизира, Казыра, Амыла, Кана, Бирюсы и Уды⁵.

В 1613 г. пошли в поход по Енисею кетские служилые люди. Они узнали там, что аринов «повоевали братские люди и что де было у них ясаку в зборе и тот де ясак у них отгромили брацкие люди». В 1617 г. томские служилые люди снова вспомнили о братах в своей мирской челобитной, указывая на свою трудную жизнь и тяжелые службы: «А орды великие многие к Томскому городу прилегли» — писали они, в том числе «маты и братья». О том, что «маты и братья» хотят идти войной с чжунгарами воевать к Томскому острогу, шли тревожные слухи в 1621 г. и в 1622 г. А в 1623 г. перепуганный аринский князец с Енисея, Татауш, извещал, что «подлинно де идут воевать брацкие люди аринцов». Он даже послал в подтверждение полученное им «знамя брацкое», т. е. должно быть условный знак, скорее всего — стрелу, означавшую объявление войны.

В поход на Енисей и дальше на запад (к мелесским людям) собиралось, по словам Татауша, три тысячи бурят, «окроме киштымов», т. е. по тем временам сильное войско. Эти сообщения вызвали посылку в 1623 г. на восток служилых людей Ждана Козлова, В. Лодыгина, А. Иванова, которые должны были собрать и доставить в Енисейск точные сведения о бурятской земле.

В 1625—1626 гг. впервые встала задача вступить в контакт с бурятами и даже объяснить их.

Первая такая попытка была сделана еще в 1625 г., когда Яков Хрипунов послал атамана Поздея Фирсова и Василия Тюменца вверх по Ангаре для ясачного сбора с тунгусов. Им велено было идти в «брацкую землю». Экспедиция Фирсова и Тюменца в бурятскую землю не попала, но она, должно

---

⁴ См.: М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. С дополнительными статьями Б. Б. Барадийна и Н. Н. Козьмина. Под редакцией проф. Н. Н. Козьмина. Верхнеудинск, 1926, стр. 28.

⁵ Л. П. Потанов полагает, что название «джесары» соответствует «езерцам». Термин «езерцы», по его словам, в русских документах употребляется только применительно к части енисейских киргизов, входящей в состав Езерского улуса. См.: Л. П. Потанов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 13, 84

быть, привезла первые точные сведения о бурятах. Согласно этим сведениям, бурятская земля «сошлась рубежом с Китайским государством»; людей в ней более 20 тыс. «на конь садится»; буряты — люди пашенные, а что особенно интересно, у бурят «с китайскими людьми бой живет мало не по вся годы».

В 1626 г. к тунгусам на Ангару пошел Максим Перфильев, который снова должен был узнать «про новые земли и братскую землю проведать».

Перфильев привез новые ценные данные, еще более детально изображавшие жизнь бурят. Буряты были, по его словам, людьми «сидячими», сеяли ячмень и гречу, разводили «коней, коров и верблюдов бесчисленно». У них было много дорогих товаров, серебра. Они брали ясак «со многих с малых землиц».

Но самое интересное известие о бурятской земле заключалось в том, что, по словам тунгусов, буряты сами, добровольно, выразили желание вступить в контакт с русскими и даже платить ясак. Тунгусы так и сказали Перфильеву: «Ждут брацкие люди к себе тех государевых служилых людей, а хотят тебе, великому государю, брацкие люди поклониться и ясак платить и с служилыми торговаться».

О том, что тунгусы сказали правду, свидетельствуют дальнейшие события 1628—1629 гг., когда на Ангару пошел Петр Бекетов. Бекетов первым проник в бурятские улусы. Он не только побывал у бурят, но и впервые получил ясак с бурят, с «новые землицы над Братским порогом с князцов Кулзуза и Саадая с товарищи на 137 год вновь 60 соболей да 27 недособолей с пупками и хвостами, одну лисью платину красную». Ясак получен был Бекетовым, следовательно, с окинских бурят. Однако, П. Бекетов прошел, по-видимому, еще дальше — до верхних братских улусов, т. е. не ближе, чем до Усть-Уды, а может быть, даже до Унги и Осы, до земли «Больших братьев».

Вернувшись в Енисейск, Бекетов привез ясак, полученный им добровольно, «без войны», а воевода получил посланный бурятами роскошный подарок. Это была беличья шуба под зеленой камкой, мелкотравной, пробиранной золотом. Ожерелье у шубы было соболье и вся шуба была кругом опушена соболями.

Подчинение бурят, еще так недавно наводивших страх на своих западных соседей и собиравших ясак с ряда племен — киштымов, было неожиданным. Оно объясняется, однако, тем, о чем говорили казакам тунгусы — желанием бурят вести торговлю с русскими. Была и еще одна причина, способствовавшая добровольному подчинению бурят русскому царю. О ней рассказали канские князцы Соит и Тымак. По их словам, целых

три года, с 1626 г. по 1629 г., у бурят была «война промеж собою». Кроме того, буряты потерпели поражение от этих канских князцов, был убит главный князец бурятской земли. В свою очередь, еще Василий Тюменец сообщал, что у бурят «с китайскими людьми бой живет мало не по вся годы».

Следует вспомнить в связи с этим, что в бурятском фольклоре сохранились предания о беспокойных временах, предшествовавших появлению русских, когда бурят убивали, грабили и притесняли военные отряды халхаских и ойратских ханов. Таковы, например, предания о Сухэр-нойоне и Гэнэн-Худакте.

Буряты, говорится в преданиях, делали набеги в Монголию и угоняли у монголов скот, которого у бурят было мало, а также приобретали в монгольских кочевьях различные украшения, выменивали их на пушнину. Узнав о существовании никому не подвластных бурят, монгольские ханы захотели подчинить их и заставить платить дань. С этой целью в землю бурят был послан лама Гэнэн-Худакта, из племени элетов — калмыков. Однако буряты прятались в лесах, «не желая подчиниться монгольскому хану и рассчитывая жить по-прежнему, не завися ни от кого и никому не платя дани». Второй посланец монгольского хана, Сухэр-нойон, явился позже. Он имел задачей покорить бурят, обратить в буддийскую веру и заставить их платить дань дорогой пушниной. Во время своего путешествия Сухэр-нойон «совершал над бурятами различные жестокости», а буряты разбегались от него в тайгу⁶.

Некоторые исследователи хотели видеть в Гэнэн-Худакте бурятских легенд Галдан Бошокто-хана и, таким образом, относили его деятельность и деятельность Сухэр-нойона к концу XVII столетия. Однако с таким объяснением согласиться нельзя, так как в этих легендах не упоминаются русские.

В преданиях даже прямо указывается, что Гэнэн-Худакта «приезжал в землю бурят задолго до прихода русских». Учитывая количество поколений, прошедших с времен Сухэр-нойона, М. Н. Хангалов считал, что это должен быть самый конец XV века. Кроме того, Галдан вел по отношению к русским и Прибайкалью не враждебную, а дружественную политику; он был заинтересован, по крайней мере, в дружественном нейтралитете Русского государства. Такой дружественный нейтралитет был крайне необходим Галдану в условиях тяжелой борьбы, которую он вел с халхаскими ханами и с маньчжурами.

⁶ См.: «Сказания бурят, записанные разными собирателями». — «Зап. ВСОИРГО по отделению этнографии», т. I, вып. 2. Иркутск, 1899, стр. 108—112.

Естественно, что он не мог пойти на какие-либо авантюрные вторжения в бурятские земли, находившиеся в составе Русского государства.

Остается, таким образом, предположить, что легенды о Гэн-нэн-Худакте и Сухэр-нойоне относятся не к Галдану и, может быть, даже к более раннему, дорусскому, времени в истории Прибайкалья. В таком случае они могут быть связаны с сохранившимся в русских документах начала XVII века известием о том, что у бурят и китайских людей «бой живет мало не по вся годы». Во всяком случае ясно, что отношения между бурятскими племенами и степными феодалами — «китайскими людьми», о которых сообщают эти русские документы и бурятские исторические предания, сложились давно, может быть, еще со времен Чингисхана и его потомков, когда предки бурят находились на периферии мировой монгольской державы и фактически вне власти монгольских ханов. В таких условиях, когда буряты находились в постоянной вражде с монгольско-ойратскими феодалами, стремившимися поработить их и лишить независимости, вполне естественно было желание бурят опереться на новую могущественную державу, которая могла остановить агрессию степных феодалов. Следует при этом, однако, отметить и еще одно важное обстоятельство. В легендах ленских бурят, записанных С. П. Балдаевым, много говорится об удали и храбрости бурятских воинов, о их смелых набегах на соседние халхаские и даже маньчжурские земли с целью угона скота. С такими походами в легендах связан и рассказ о гибели хозяев Лены, ленских эжинов, Хара-Ажирая и Харамцаймэргэна. После удачного набега на монгольские кочевья эти два богатыря с их соратниками были окружены и разбиты, а затем бежали через урянхайскую степь в верховьях Лены вниз по Лене, где и были убиты.

В своих песнях буряты восхваляли воинственных героев-баторов, от одного вида которых впадали будто бы в ужас враги. Таким образом, независимые бурятские племена перед приходом русских на Ангара, Лену и Селенгу занимали по отношению к своим степным соседям примерно такое же положение, как казаки к крымскому ханству и Турции. Но в любом случае при этом они одинаково были заинтересованы в помощи со стороны русских и Русского государства.

О том, что буряты и в дальнейшем стремились путем подчинения русским властям приобрести в них опору против монгольских и ойратских степных феодалов, свидетельствует и другой факт. В 1647 г. князец удинских бурят Ойланко (или Иланко) послал в Красноярск своих послов, которые от его

имени и от имени всех улусных людей «шертовали» (присягали) в подданстве царю. Затем князец Ойланко, по словам томского воеводы, «и со всем своим улусом приехал сам к твоему царскому величеству в холопство в Красноярский острог, да с ними улусных людей пять человек». Ойланко выразил желание, чтобы в его земле был построен острог для защиты от нападения монгольских войск.

В 1652 г. «Больших братьев булагацкие земли князны и улусные люди», которые «преж сего государева ясаку ни в которой острог не давали», сообщили, что «ныне де со всех улусных людей учнут они государев ясак платить ежегодно в Брацкой острог на р. Уде». Четыре князца бурятских Ботак, Абакан, Архон, Буксуй прислали даже с другим бурятским князем Узуном четырех лошадей в дар царю. Тогда же шарайтский князец Хори прислал в Братский (Удинский) острог лошадь, которую он «ударил челом» царю.

Только благодаря стремлению бурят опереться на русских, малочисленные, хотя и храбрые, отряды служилых людей могли в 40—50 гг. XVII века укрепиться в булагатских улусах, в стране «Больших братьев» и поставить там свои крепости-остроги. Это стремление, правда, встретило серьезное испытание, когда различные хищники-авантюристы, начиная с отряда Якова Хрипунова и кончая знаменитым Иваном Похабовым, стали громить бурятские улусы, грабить и притеснять бурят. Дело кончилось тем, что, не выдержав злодеяний страшного «Багаба-хана», ангарские буряты снялись с места и укочевали в Монголию.

Но даже и в такие времена, когда разгоралась вооруженная борьба и лилась кровь с обеих сторон, в конечном счете буряты приходили к выводу о необходимости подчинения русскому правительству и его властям: такова была логика событий.

Так, на Верхней Лене влиятельный шаман Хойленго Бордоев предложил принять подданство русскому царю. Это было важным событием в жизни верхоленских бурят, оно до последнего времени сохранилось в устном творчестве бурят, на что ссылается П. Т. Хаптаев⁷.

Как рассказывают легенды, Хойленго Бордоев был большим черным шаманом — зарином. Когда буряты по его настоянию приняли русское подданство, казаки спросили их: «Кого вы больше всего боитесь?», они отвечали: «Черных своих ша-

⁷ См.: П. Т. Хаптаев. Изучение шаманства на новом этапе.— Журн. «Антирелигиозник», 1931, № 12, стр. 71—72.

манов!». Поэтому Хойленго и был назначен главой ленских бурят — главным князем. В призывании ему, записанном С. П. Балдаевым, говорится:

Местность Мухор
Усеяна камнем — галькой.
Местность Ходонсо
Огорожена камнем — стенами.
Бойрдов сын,
Русый-прерусый Хойлонго!
Отец наш, господин!
От хозяина — царя
Вы имеете широкий указ.
Вылитый из серебра кортик.
От Эсэг-Малана тэнгэри
Вы имеете высокое жодо,
Широкий размах призывания!
Вы большое собрание живых
Созывали в Ходонсо,
Многочисленное собрание мертвых
Вы собирали на Орголи⁸.

Так же, как шаман Хойленго, поступил Куржум Бурлаев, брат юрдого князца ангинских бурят Чепчугуя, память о котором живет до сих пор в названии Шептыхойского улуса. Куржум Бурлаев принял по своей шаманской вере присягу — шерть, обещая царю быть «в прямом холопстве навеки неотступно со своими улусными людьми». Он рассказал также В. Власьеву о Ламе (Байкале) и о мунгальских людях. Сын его, Чевдок, затем крестился и стал со временем сыном боярским и владельцем деревни Куржумовой около Качуга на левом берегу реки Лены⁹.

В шестидесятых годах XVII века, когда бурятам из-за нестерпимых насилий Ивана Похабова пришлось уйти «в мунгалы», они встретили сочувствие у русских служилых людей, а уходили в кочевья монгольских феодалов «плачючи». Когда сын боярский Яков Турчанинов спрашивал беглых бурят «допряма» и «накрепко» о причинах их ухода в Монголию, то, по словам Турчанинова, «...оне де нам оказывают, а сами плачют слезами» — рады бы де мы жить под государскою высокою рукою и ясак платить, да великая де смертная обида от приказных людей, от Ивана Похабова... и от тех де приказных людей

⁸ В. Асалханов. Предание о подчинении бурят русскими (вариант, записанный от кудинского шамана). — «Этнографический бюллетень ВСОРГО», № 1. Иркутск, 1922.

⁹ См.: Дополнения к Актам историческим. II, № 91, 1641; М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа, стр. 47—49; А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов, стр. 338—340.

и от их насиловства разбежались по нуже, что забоялись страху и грозы»¹⁰.

Уходя в Монгольскую землю, буряты шли туда, вдобавок приневоливаемые, подгоняемые посланцами монгольских ханов. Расставаясь с родной землей, они шли навстречу ожидавшему их феодально-крепостническому ярму монгольских властей, навстречу такому беспредельному гнету, который был едва ли не горше самой смерти. Об этом с потрясающей силой рассказывает официальный документ, в котором изложена судьба бурята Инкея.

Один из агентов монгольских феодалов, Омегень, брат бурятского князца Инкея, приневоливал его бежать в мунгалы. Омегень заколол под братом коня и сам Инкей насилу ушел от него. Несмотря на все угрозы и насилия, Инкей сказал: «Не иду де я в мунгалы и умру де я на своей земле»¹¹.

Когда же буряты все-таки в массе оказались в Монголии, под варварским гнетом и игом халхаских феодалов, их скоро снова с неудержимой силой потянуло обратно на родину, в унгинские степи, к священной горе предков Хашхаю, на берега Ангары и Осы, в горные долины Тунки и Окинского края.

Сравнивая жизнь в Монголии с тем, как жилось под русской властью, хонгодоры говорили, что монгольский хан провинившимся рубит головы, а русский царь за это всего-навсего наказывает розгами... По степи ходили рассказы о том, что русский народ так богат, что лошадей привязывает к серебряным коновязям, сам ест из золотых сосудов, а собак кормит из серебряных; соболями меха стелет вместо войлоков, коровьим маслом разжигает печи, мальчишки-табунишки вместо мячиков играют овечьими курдюками.

Вернувшись домой спустя тридцать лет, буряты снова испытывали нестерпимые обиды и притеснения со стороны приказного Христофора Кафтырева. Но вместо бегства в мунгалы они поднялись против насильника-управителя в общем выступлении с русским населением Балаганска. Так изменились времена и люди в Прибайкалье за эти тридцать лет!

Таковы некоторые основные факты, рисующие первоначальный контакт бурят с русскими в 30-х гг. XVII в. и ход дальнейших событий.

Рассматривая эти события, исследователи освещали их по-разному. Старые историки XVIII—XIX вв., сторонники дворян-

---

¹⁰ А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов, стр. 127.

¹¹ Там же, стр. 136.

ского направления в истории России, видели здесь только одну сторону. Они освещали борьбу бурят с царизмом как бессмысленное сопротивление «наглых дикарей» носителям передовой культуры.

Сторонники буржуазно-демократических взглядов, в свою очередь, видели только другую сторону. Они изображали присоединение Бурятской земли только как насильственное завоевание и, что еще хуже, не делали различий между царизмом и «русскими» вообще.

В моих «Очерках из истории западных бурят-монголов» давалось иное освещение этих событий — с классовой точки зрения. В них была выдвинута идея дружбы бурятского и русского народов, складывавшейся веками, но при царизме — в крайне тяжелых условиях. Была обоснована мысль о прогрессивности борьбы русского и бурятского народов против царизма, против национально-колониального гнета. Но здесь еще не была поставлена проблема прогрессивности присоединения Бурятии к Русскому государству, не был полностью оценен и тот факт, что буряты, по существу, добровольно приняли русское подданство.

Основной причиной такого решения бурят в XVII веке была внешнеполитическая обстановка того времени и стремление бурят найти в могущественном Русском государстве защиту против халхаских и ойратских феодалов. Не менее важно было их стремление вступить в хозяйственно-экономическую связь с русскими и, прежде всего, наладить торговлю. Значение этого обстоятельства затемнялось, однако, сложными и противоречивыми событиями того времени: военными столкновениями, авантюристической деятельностью отдельных воевод и служилых людей, проявлениями национально-колониального гнета со стороны царизма.

Впервые в развернутом виде положение о прогрессивном значении присоединения Бурятии к Русскому государству и о добровольном вхождении в него бурят было изложено много позже, в первом, а затем во втором издании «Истории Бурят-Монгольской АССР».

Подкрепить и развить это положение на конкретных фактах истории русско-бурятских отношений XVII в. и тем самым углубить мысли, высказанные раньше, — такова задача настоящей статьи.

Р а з д е л II

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СВЯЗЕЙ С КУЛЬТУРОЙ БУРЯТ

НА РУБЕЖЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА¹

...Судьба привела нас следующей весной не на Амур, а на Селенгу и на Джиду, в бурятские степи. Сюда меня пригласил Бурятский институт культуры, во главе которого стоял мой старый друг П. И. Хадалов, кандидат философских наук, автор книги о философских воззрениях знаменитого Доржи Банзарова, промелькнувшего как метеор на хмуром петербургском небе и поразившего весь ученый мир своими знаниями и талантом. Институт начинал теперь большие археологические работы. Целью этих работ было создание капитальной истории бурятской земли и бурятского народа.

И здесь мы снова встретились с писанинами, с загадочными оленными камнями и таинственными строителями монументальных плиточных могил — этих немых свидетелей славы исчезнувшего древнего народа.

Сколько раз проезжал я вдоль крутых берегов Байкала на поезде, сколько раз пересекал его сияющую гладь на самолете. И каждый раз я заново переживал то чувство волнения перед этим столь же прекрасным, сколь и поразительным чудом природы. Вот и сейчас под нашим самолетом лежит гигантское внутреннее озеро-море. Узкая полоса Байкала сверкает под солнечными лучами, как кривой меч вороненой стали. По словам геологов, байкальская впадина и на самом деле, подобно мечу, рассекает азиатский материк. Единственная в мире котловина Байкала, шириной 90 километров, длиной более 600 километров и глубиной более 1400 метров, образовалась по линии разлома между двумя гигантскими массивами первозданных земных пород. Обе эти глыбы, из которых состоит здесь земная кора, оторвались друг от друга в тот момент, когда землю потряс удар чудовищной силы, и образовалась невидимая глазу трещина в земной коре, которая тянется поперек планеты на тысячи километров. Гранитные глыбы байкальского побережья и сейчас еще не «притерлись» друг к другу. Поэтому землю

---

¹ «Олень Золотые Рога». Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л.— М., «Искусство», 1964, стр. 160—195.

в районе Байкала до сих пор трясет сейсмическими толчками, иногда катастрофической силы. А всего лишь сто лет тому назад в устье Селенги осел и был залит водой целый район с юртами бурят, скотом и надворными постройками. Здесь образовался залив, получивший название «Провал». Байкал делит на две обособленные части не только глубинные недра, но и всю окружающую природу. К северу от Байкала остается сибирская тайга, край сплошных непроходимых лесов, молчаливое зеленое море. К югу от Байкала, в долине Селенги, начинается новая страна. Уже из окна вагона можно увидеть первые ее черты. По обе стороны железной дороги мелькают островершинные гранитные горы, поросшие соснами, обширные степные участки с пучками жесткой сухой травы — дэрсуна, целые рощи монгольского вяза — хайласа. А вдали поднимаются такие же голубые, как в Монголии, горы. За ними и в самом деле лежит Монголия, начинается та Центральная Азия, куда поколениями жадно смотрели люди с горячими сердцами и пытливыми глазами: Певцов, Роборовский, великий русский путешественник Пржевальский и продолжатель его дела Козлов...

Дыхание Центральной Азии сказывается здесь во всем, и прежде всего в самом воздухе этого края, почти таком же сухом, как воздух Гоби; в безгранично щедром сиянии солнца, которое светит на Селенге целые дни, лишь изредка скрываясь в облака. Оно чувствуется и в остропрямом запахе горькой степной полыни, и в запахе овечьей шерсти, и в дыму горящего под таганами бурятских очагов овечьего помета — аргала.

Эта граница существует не только в природе. Такой же колоссальный разлом делит на две части древние культуры Азии, культурно-исторические судьбы и прошлое ее народов. Чтобы убедиться в этом, достаточно сойти с поезда и проехать 15—16 километров на юг, вверх по левому берегу Селенги, к тем живописным горам, в которые, как в драгоценную резную раму, заключена столица Бурятской республики город Улан-Удэ.

Именно так и сделали мы на этот раз, снова приехав в гостеприимную страну родного и близкого нам бурятского народа, страну, где пышным цветком расцвела оригинальная культура русских старожилов — «семейских». Это у них до сих пор женщины носят шитые золотом кокошники, которые сияют фантастическими узорами, как перья сказочной жар-птицы. Это у них, у семейских, и сейчас висят на шее, одно под другим, грузные ожерелья из самоцветов и янтарей величиной с грецкий орех, а пышные юбки горят всеми цветами радуги. Не женщина, а семицветная радуга идет по базару!

Саркофаги в степи

Первая из гор, у которой остановилась наша машина, носит образное имя Тологой, то есть макушка — голова. Тологоев, собственно, два, Большой и Малый, и оба они похожи на сахарные головы. Рядом находится третья гора, на этот раз не острая, а с плоской и ровной, как стол, вершиной — Тапхар. На ней, как окаменелое войско древней легенды, высятся огромные вертикальные плиты. Подойдя к ним поближе, можно увидеть, что плиты огораживают прямоугольные площадки, дворы или ограды, как их называют местные жители, каждая в среднем длиной 2,5—3 м, шириной в 1,5—2 м. Ограды группируются характерным образом. Каждая из них ориентирована с востока на запад, и, кроме того, все они расположены параллельно друг другу, целыми цепочками, с юга на север. Это и есть типичные «плиточные могилы», которые составляют такой же необходимый элемент забайкальского ландшафта, как его гранитные сопки, ильмовые рощи и заросли дэрсунa. По форме и устройству они похожи на саркофаги древних народов, разница, однако, в том, что саркофаги обычно скрыты в земле, а плиточные могилы высятся над землей и захоронения в них были устроены у самого основания каменных ящиков.

Начинаясь в долине Селенги у деревни Татаурово, плиточные могилы уходят на юг и на восток от Байкала, к тому месту, где сливаются вместе в одном русле Орхон и Тола. Путешественники, прокладывая первые пути в глубь Азиатского материка, встречали их и еще далее на юг от Байкала и Орхона. Плиточные могилы распространяются, как оказалось, через всю Монголию, к монгольскому Алтаю, а оттуда к суровым нагорьям Памира.

Десятки лет пытались ученые разгадать тайну создателей плиточных могил, заглянуть поглубже в жизнь того древнего народа, который строил эти величественные надмогильные памятники, своего рода надземные саркофаги в степях Центральной Азии.

Археологи выполнили огромную, поистине героическую работу, расчищая внутренность десятков и сотен плиточных могил, поднимая ломами тяжелые гранитные плиты и глыбы, которыми завалено дно каменных ящиков. Но чаще всего эта тяжелая работа приносила лишь одно горькое разочарование. Могилы оказывались разграбленными начисто. Редко где еще можно видеть такую потрясающую картину тотального расхищения древних могил, повального разграбления могильных полей и кладбищ, как в Забайкалье... Грабители извлекали из могил не

только вещи, сопровождавшие когда-то погребенных, но и кости. В лучшем случае на дне опустошенных могил встречались ломкие сухие кусочки безжалостно раздробленных грабительским заступом костей человека или животных.

Но изредка все же древние хищники, рывшиеся поспешно и алчно, может быть, под покровом ночи, оставляли между камней отдельные предметы, иногда даже украшения из золота, кости, камня и металла. Во многих могилах встречаются также обломки разбитых на мелкие куски сосудов. Кое-где грабитель был еще более щедрым и брал только то, что его непосредственно интересовало, должно быть золото, оставляя на месте все остальное, не имевшее в его глазах большой цены: целые костяки, черепа погребенных в плиточных могилах людей и даже оружие.

Сопоставляя все то немногое, что уцелело среди сотен начисто опустошенных могил, мы можем, однако, даже и по этим обломкам восстановить яркую картину исчезнувшей цивилизации забайкальских степей.

В ряде плиточных могил обнаружены, как сказано, металлические вещи: оружие, бытовой инвентарь, украшения. При этом абсолютное большинство металлических вещей изготовлено из меди и бронзы. Железные вещи встречаются как исключение и, должно быть, только в наиболее поздних по времени могилах. Самыми замечательными среди бронзовых вещей были массивные наконечники копий с трубчатым насадом, кинжалы и своеобразные втульчатые топоры — кельты. Из украшений чаще всего встречаются полусферические круглые бляшки с ушком на внутренней стороне.

Аналогичные изделия находят во Внутренней Монголии, в Ордосе и в степях Западной Сибири, в Средней Азии и в курганах Причерноморья, в земле древних скифов. Все они принадлежат примерно одному и тому же времени, одной эпохе — X—III векам до нашей эры.

Отсюда следует, что в то время от Дуная до пустыни Гоби обитали разноязычные и непохожие друг на друга по физическому облику многочисленные племена, которые вели одинаковый образ жизни и имели поразительно сходную культуру, ту самую, которую застал и описал в V в. до нашей эры у причерноморских скифов «отец истории» Геродот. Одна из таких групп племен с культурой скифского облика и заселяла Забайкалье, а также Монголию в то время, к которому относятся плиточные могилы.

Находки в могилах позволяют, прежде всего, восстановить хозяйственную жизнь забайкальских племен того времени.

Обычно в могилах встречаются мелкие обломки костей животных, а иногда и целые челюсти или черепа. Чаще всего это кости домашних животных. Таким образом, ясно, что строители плиточных могил, подобно причерноморским скифам, в отличие от своих северных таежных соседей, были скотоводами. Они являлись поэтому, по сравнению с обитателями тайги и тундры, носителями нозой, передовой культуры, основанной на несравненно более развитом хозяйстве и принципиально новом жизненном укладе. Забайкальские скотоводы в первом тысячелетии с успехом разводили уже все основные виды домашних животных, в первую очередь лошадей, а также мелкий и крупный рогатый скот. Так же как и позднейшие пастушеские обитатели Забайкалья и Монголии, они ездили верхом на лошадях, употребляя узду с бронзовыми удилами.

Относительно раннее возникновение и быстрое развитие скотоводства в Забайкалье и соседней с ним Монголии зависело от благоприятных природных условий этих областей Внутренней Азии с их обильными и безграничными по протяжению пастбищами. Эти природные условия открывали широкие возможности для роста стад. Скотоводы Забайкалья могли круглый год пастись свои стада на подножном корму, не затрачивая никаких усилий для заготовки сена на зиму, так как здесь широко распространены открытые пространства и холмистые возвышенности, с которых сильные степные ветры сдувают снег, обнажая сухую растительность.

Богатые оловом и медью недра Забайкальских гор явились основным условием, которое вызвало столь же раннее и значительное по тем временам развитие местной металлургии. Население Забайкальских степей уже в конце второго тысячелетия в совершенстве овладело техникой литейного дела. Местные мастера отливали в каменных литейных формах превосходные медные и бронзовые вещи, часто украшенные своеобразным и изящным орнаментом, а также реалистически выполненными изображениями животных. В плиточных могилах оказались и необычные сосуды — на трех ножках, трипопы. Таких сосудов еще никогда не находили в Сибири.

Олень — солнце древних скифов

Последним и самым ярким штрихом своеобразной картины жизни забайкальских племен бронзового века служат памятники искусства. Они представлены, прежде всего, изумительными «коленными камнями». Более ста лет тому назад один из

первых исследователей прошлого забайкальских племен, краевед, страстно влюбленный в свой край писатель и поэт Д. П. Давыдов увидел в широкой Иволгинской степи «между Иволгинской и Ключевской почтовыми станциями», в 22 верстах от Верхнеудинска, может быть, на горе Тапхар, высокую гранитную плиту. Она была сплошь покрыта причудливыми изображениями, глубоко высеченными в твердом камне рисунками, похожими на волны и спирали. Среди них выступали контуры странным образом стилизованных оленьих фигур. Рисунки покрывали не только обе широкие плоскости плиты, но и обе узкие ее грани. Давыдов спас этот замечательный памятник древней культуры Забайкалья. Он выкопал его и с огромным трудом доставил из окрестностей Верхнеудинска в Иркутск. В те времена еще не было железной дороги, и массивную многопудовую глыбу гранита длиной в 3,5 метра везли по грунтовым дорогам и по замерзшему льду Байкала. Но ее все-таки привезли и поставили в Иркутске у музея.

Иволгинская плита оказалась лучшей, но не единственной в своем роде. Теперь мы знаем много таких оленных камней, рассеянных в степях Забайкалья, в Монголии, а также в Туве — на Верхнем Енисее, то есть в основном там же, где распространены плиточные могилы.

В однообразных степных просторах они издали привлекают внимание путешественников, выделяясь на фоне бесконечной равнины и сливающегося с ней такого же бесконечного неба. Даже и вблизи живописных скал Забайкалья эти камни производят не менее сильное впечатление. Одни из них, круглые в поперечнике, высятся как цилиндрические столбы или колонны. Другие отличаются тем, что имеют прямоугольное сечение в поперечнике. Третьи, самые эффектные, плоские, расширяются вверх. К этой последней группе и относится Иволгинский камень. Он обильно покрыт рисунками, глубоко выбитыми на твердой поверхности гранита. В большинстве это фигуры оленей. Самая крупная из них помещается в верхней части плиты. Олень изображен весьма своеобразно. У него длинное узкое туловище и такая же длинная, плавно изогнутая шея, вытянутая вперед. Шея отделена от туловища острым треугольным выступом на спине животного, условно изображающим характерный горб над его лопатками. Зад животного округлый, из него курьезно торчит утрированный короткий хвостик, типично олений. Морда зверя поражает странной стилизацией. Чрезмерно узкая и длинная, раздвоенная почти во всю длину, она напоминает вовсе не голову оленя, а клюв какой-то странной фантастической птицы.

Наиболее резкой отличительной особенностью этого изображения оленя является одна его деталь: у основания верхнего рога, в передней его части, выступает наклонно вверх узкий, расширенный в средней части стержень, заканчивающийся правильным глубоко выбитым в камне желобчатым кругом. Это, несомненно, бронзовое зеркало с ручкой. Точно такие бронзовые зеркала с длинной боковой ручкой не раз находили в скифских курганах южной России. Одно драгоценное зеркало из серебра, с ручкой, оказалось и среди сокровищ, захороненных в знаменитых алтайских курганах на урочище Пазырык.

На Иволгинском камне точно и детально изображены не только олени, но и такие бытовые предметы, как пояс, лук, боевой кинжал, аналогичный скифскому акинаку. Здесь виден и боевой топор — секира. Все эти вещи входили в личное снаряжение дрезного воина. Они не только принадлежали ему при жизни, но и сопровождали его в могилу: ведь по понятиям того времени воин должен являться и на «тот свет» вооруженным с головы до ног, как подобает степному витязю, всегда готовому не только к отпору чужеплеменников, но и к набегу на соседей, к захвату их имущества, в первую очередь — табунов скота, а также жен и детей своих врагов. Но враги могли осквернить могилу героя, раскопать ее и похитить захороненные в ней сокровища. Поэтому, должно быть, сородичи умершего высекали изображения всех этих предметов на вечном камне могильного памятника — надгробия, чтобы никто и никогда уже не смог бы разлучить покойника с дорогими его сердцу вещами. Кто же были эти воины, захороненные в плиточных могилах, какое место они занимали в своем обществе?

Племена бронзового века Забайкалья устойчиво продолжали сохранять древний общинный строй своей жизни. Прямым указанием на это служат те же плиточные могилы, самое расположение которых указывает на прочность общинно-родовых связей. Они располагаются правильными рядами, вытянутыми с юга на север, ориентированы строго в одну и ту же сторону — с востока на запад. Такое расположение плиточных могил сразу вызывает в памяти планировку общинно-родовых кладбищ ирокезов, живших в условиях материнского рода.

Было бы, однако, неправильно полагать, что люди бронзового века в Забайкалье жили так же, как и их предшественники, люди каменного века в условиях первобытного равенства и коллективизма. Появление домашних животных, образование стад скота и связанный с этим рост излишних продуктов, превышавших потребности самих скотоводов, должны были содействовать росту обмена и повышению его роли. В плиточных

могилах и теперь еще встречаются случайно уцелевшие от алчности грабителей золотые украшения, драгоценные бусы из малахита, бирюзы, сердолика и других полудрагоценных камней-самоцветов, а также доставленные с берегов Индийского океана и Персидского залива раковины каури. О росте и важном значении обмена свидетельствуют и признаки связей со Скифией, Средней Азией и даже Индией.

В результате неизбежно должен был осуществиться переход от древнего материнского рода к отцовскому, должна была возникнуть патриархально-семейная община и вырасти определенная аристократическая прослойка из глав богатых скотоводческих семейств. В связи с этим и сами по себе плиточные могилы предстают в совершенно определенном свете, как свидетели крупных перемен, происшедших в общественной жизни забайкальских скотоводов. Огромные, нередко, размеры этих погребальных сооружений, а вместе с тем их относительная немногочисленность показывают, что это были, скорее всего, усыпальницы глав богатых и влиятельных семейств.

Еще ярче свидетельствуют о переменах в общественной жизни древних племен Забайкалья монументальные оленные камни. Можно представить, сколько труда требовалось для того, чтобы из гранитной скалы выломать подходящую глыбу камня, отесать ее бронзовыми орудиями и придать ей форму столба или саблевидной стелы, затем перевезти иногда на несколько километров и поставить посреди широкой степи. Не меньше усилий и терпения нужно было и для того, чтобы покрыть всю поверхность искусно высеченными рельефными изображениями.

Этот огромный труд ясно показывает, каким весом и влиянием в обществе пользовались те люди, в честь которых над их гробницами были поставлены эти величественные памятники, без изменений простоявшие под солнцем Монголии и Забайкалья два с половиной тысячелетия. Воины эти, несомненно, были не простыми общинниками, а вожжами-аристократами, главами отдельных семей, выделявшимися из всех остальных богатством и занимавшими первенствующее положение внутри патриархально-родовых общин своего времени. Возглавляя знатные семьи скотоводческих племен, они захватывали лучшие родовые пастбища и земли, эксплуатировали труд своих сородичей под прикрытием и на основе старых родовых традиций. Они возбуждали кровавые межродовые распри и руководили военными набегами, богатели за счет военной добычи и обращали военнопленных в рабов, используя их для ухода за своими табунами и, может быть, даже для обработки земли. Но что

же представляет собой в таком случае образ оленя с ветвистыми рогами, который занимал, очевидно, важное место в мировоззрении и заупокойной обрядности людей бронзового века в забайкальских степях? Почему из всех зверей именно он так любовно и так тщательно изображался на оленных камнях и дал им свое имя?

Ключом к разгадке всех этих вопросов и служит бронзовое зеркало, высеченное на самом большем, заглавном изображении оленя на Иволгинской стеле.

Сияющее зеркало издавна служило в мифологии различных древних народов двойником и символом солнечного диска. В свою очередь еще в каменном веке солнце представлялось в образе живого космического существа, оленя с сияющими нестерпимым блеском золотыми рогами, пробегающего за день весь небосклон, от востока до запада. И именно поэтому, чтобы не было никаких сомнений, художник бронзового века высекал на плите не просто оленя, а оленя с солнечным диском над рогами — Оленя Золотые Рога. Так мы снова встретились за Байкалом с героем древней сказки космического мифа, Оленем Золотые Рога, о котором рассказывала мне бабушка в мои далекие детские годы...

Но, разумеется, сойдя с поезда в Улан-Удэ, мы вовсе не хотели ограничиться знакомством с плиточными могилами и солнечным оленем на Иволгинской плите. В стенах Забайкалья оставалось еще много неизведанного и волнующего. Это волнение и привело нас к человеку, который носил редкое и прославленное в истории Азии имя — Галдан.

Летопись острой сопки Мой друг Галдан

Когда я услышал имя Галдан, в моей памяти возникли овеянные бурями страницы древней монгольской летописи, рассказ о кровопролитных войнах знаменитого ойратского полководца Галдана Бошокту-хана с халхаскими ханами, маньчжурами и тибетцами, о его громкой славе и трагической гибели. Но мой Галдан был совсем не похож на своего воинственного тезку, в честь которого по старому бурятскому обычаю он получил свое громкое имя. Передо мной стоял невысокий застенчивый человек средних лет, из глаз которого струилось какое-то особенное доброжелательство, душевная мягкость и теплота. Вместе с тем в сдержанной умной простоте и какой-то глубоко скрытой деликатности его манеры разговаривать с новыми людьми чувствовалась та своеобразная дисциплина чувств, воспитанная

веками, которая была характерна для многих хорошо знакомых мне людей из старой бурятской интеллигенции.

Нельзя сказать, что имя этого человека было мне совсем неизвестно и что я его услышал впервые. Напротив, бурятская земля знала Галдана сына Ленхобойна. Повсюду шла его громкая слава как одного из лучших производственников, первоклассного рабочего-стахановца, искусного мастера на все руки — скульптора и литейщика, столяра, кузнеца и слесаря, человека с подлинно золотыми руками и умной, светлой головой — инициатора различных технических новшеств, смелого рационализатора. Но теперь Галдан Ленхобоев раскрылся передо мной с новой и, надо прямо сказать, неожиданной стороны, о которой я раньше и не подозревал.

В руках у него находилась объемистая рукопись. Развернув ее, я увидел красные пятна, «оградки» из линий, ряды забавных человечков, взявшихся за руки, и схематические фигурки птиц — словом, так хорошо знакомые мне забайкальские писаницы.

Контуры писаниц явно были переданы не механическим способом, не через кальку, как делаем мы, археологи, а от руки, на глаз, но при этом с поразительной точностью. Чтобы выполнить эту трудную работу с такой точностью, несомненно, потребовалось не только много времени и усердия. Нужна была еще и умелая, твердая, хорошо тренированная рука. Нужен был острый и меткий глаз. И, самое главное, необходимо было страстное увлечение такими бесполезными, с обычной обывательской точки зрения, вещами, чтобы целыми часами стоять перед скалой и медленно, фигуру за фигурой перерисовывать целые композиции из десятков красочных пятен и изображений.

А если к этому добавить все те неизбежные трудности и огорчения, которые, как мы хорошо знали, ожидают в забайкальской тайге охотников за писаницами — неизбежный гнус, вынужденное купание в ледяной воде или ходьба по острым плитам каменных россыпей, от которых с молниеносной быстротой разваливаются сапоги и ботинки, то одного взгляда на рисунки было достаточно, чтобы увидеть в их авторе человека особенного, с большой волей, недюжинным умом и характером.

Мой интерес, а вместе с ним и симпатия к Галдану еще более возросли, когда я открыл рукопись и прочел ее первые автобиографические по содержанию строки. Автор писал, что он с детства с волнением слушал рассказы своих сородичей, иволгинских бурят, старцев — хранителей легенд и преданий о прошлом своего рода, о делах давно минувших дней.

В собственной семье Галдана издавна были люди, владевшие монгольской грамотой, носители древней монгольской

культуры. На шкафике в юрте его матери, добродушной старушки, в глазах которой светился тот же огонек живого, добродушного ума и любознательности, рядом с традиционными изображениями богов — бурханами мы увидели старинную книгу, почтительно и бережно завернутую в кусок желтого китайского шелка. От нее, как положено, шел острый терпкий запах альпийских трав и сандалового дерева. Таким порошком из сандала и трав всегда пересыпались старые книги. Это не только свидетельствовало о благоговении перед заключенной в них священной мудростью, но и спасало бумагу от вредных насекомых. Книга была напечатана с резных деревянных досок — ксилографов где-то в далеком степном монастыре Монголии, а может быть, и в самой Лхасе. Длинные узкие листы ее пожелтели от времени и были покрыты пятнами. В ней, однако, содержались не молитвы, обращенные к богам буддийского пантеона, не заклания злых сил и даже не биография Будды. Книга носила короткое название «Юм» — буквально: «что?». Это означало, что здесь содержались ответы на множество вопросов: о начале и причине вещей, об устройстве Вселенной и даже смысле жизни. Хорошо известно, какой океан мысли заключается в старых буддийских книгах. Веками билась эта беспокойная мысль философов Востока. Возникали и сменяли друг друга новые философские школы и концепции. С крайним идеализмом и ортодоксами буддизма боролись робкие и не очень последовательные материалисты философы-скептики и явные еретики. Перед нами как раз и лежал один из образцов философской литературы Востока, целая философская энциклопедия, составленная много веков тому назад и переведенная каким-то благочестивым буддистом на монгольский язык. Старушка читала ее каждый день — утром и вечером.

От матери и от других людей из старшего поколения Галдан унаследовал знание монгольской письменности, а вместе с тем любовь к истории своего народа. В рукописи, принесенной нам, как раз и содержались исторические предания, которые он так тщательно и так любовно записал от своих учителей и рассказчиков. Вся его летопись была пронизана духом наивной первобытной фантастики, полна отзвуками поэтических первобытных мифов, в которых природа живет чисто человеческой жизнью. Реки и горы в летописи Галдана были наделены умом, воображением и чувствами. В их сердце кипели страсти, они ссорились, враждовали и капризничали, как люди.

В одной из легенд, записанных Галданом, простодушно рассказывается, что в незапамятные времена река Иркут текла с запада на восток, до Восточных Саян. Затем она останови-

лась и послала Ильчи, посланника, испросить разрешение Байкала, чтобы впадать в него. Но Байкал отказал Иркуту в этом, сказав: «С меня достаточно воды девяти сыновей и реки Селенги». Тогда Иркут обиделся, круто повернул от Байкала и стал впадать в Ангару. Поэтому он получил название Ирхэ— «капризный». А речка-посол, Ильчи, и теперь впадает в Байкал около станции Култук.

Богатыри в этих мифах не только ворочают горами, как в гомеровском эпосе, не только поворачивают реки и заставляют их течь обратно, но и сами превращаются в горы и реки. Таким именно образом объясняется происхождение девяти русел дельты Селенги, которые прежде были братьями-богатырями.

С такой же наивной верой в старинных легендах рассказывается о чудовищной птице ело, которая не только питалась мелкими камнями, как зерном, но и объедала целые скалы. Такие скалы есть во многих местах Бурятии. Они отшлифованы, источены и изъедены ветрами пустынь в далекое сухое, жаркое время, наступившее вслед за последней ледниковой эпохой. Глубокие желоба выветривания в них и на самом деле похожи на следы гигантского клюва птиц, питавшихся камнями.

Но еще неожиданнее было то, что древние мифы и исторические легенды в рукописи Галдана тесно переплетались с нашими писаницами! Не случайно рисунки писаниц занимали в Иволгинской летописи Галдана такое большое место. Получалось так, что древние рисунки в глазах иволгинских бурят были своего рода картинными записями событий прошлого, летописью их предков, и при этом летописью сокровенной, доступной немногим, от начала и до конца овеянной тайной.

«В улусе Верхнем Оронгое, — рассказывал Галдан, — жили трое стариков: Буда Гармаев, Гутуб Эрдынеев и Линхобо Гармаев. Они понимали знаки, исторические рисунки на скалах, но никому не рассказывали. У стариков была принята присяга — кто расскажет и покажет эти знаки, того накажет злой дух. И считали его за преступника, который ни при каких условиях не сможет смыть греха. И лишь перед смертью поведали они свою тайну мне, но и то тайно, устным путем. Старики эти ездили по всем местам и показывали мне рисунки, рассказывали их значение...» На Острой сопке, у южного склона горы, которая носит имя популярного в бурятских легендах русского посла к китайскому императору Саввы Владиславовича Рагузинского, «Гун-Саба», виднеется темная ниша пещеры. В ней, рассказывали старики, в давно прошедшие годы, когда по Селенге проходили войска грозного Таньчи-Хубин-хана, жило двадцать восемь человек. Когда они собирались уезжать на охоту, то и

пещере Гун-Саба оставили свои рисунки. На рисунках было показано, сколько здесь жило людей — 28. «Стрела с корнями» обозначала, что они жили в пещере постоянно. А когда обитатели пещеры ушли из нее, то изобразили крест и нарисовали человека в седле — знак, что люди, жившие здесь, выехали из пещеры навсегда.

Доехав до горы Уха-Тологой, на скале Тэмэн-Шулун, то есть «Верблюд-камень», они нарисовали двадцать пять человек и в том числе четырех без головы. Это означало, что у них не было хана-правителя. Добравшись до верхнего течения реки Оронгой, охотники в количестве четырех человек добыли изюбря. В память о том были нарисованы четыре человека, котел и олень.

Отсюда охотники поднялись на вершину хребта Хамар-Дабан и с нее увидели Байкал. Направо от тропинки на высокой сопке стояла одинокая скала, видная со всех четырех сторон. На ней был нарисован топор со сломанным обухом. Это обозначает отделение от родственников, а скалу так и называли в старину Сухэтэ, то есть скала «с топором». Рядом путешественники изобразили коня с седлом, причем седло повернуто передом назад. Это обозначает, что сами они направились на север. Снимая седло, его прежде обязательно ставили передом на юг. То, что седло повернуто задней лукой на юг, следует понимать так: покидая в поисках счастья землю предков, эти люди поклялись снова встретиться со своими покинутыми родственниками...

Нам оставалось только повторить под руководством Галдана эти легендарные маршруты его предков — сначала к Острой сопке и пещере на горе Гун-Саба. Потом — к Верблюжьему камню и другим местам, где, по его данным, были не только писаницы, но и могила богатыря-исполина Хонгор-Батора, пещеры с могилами шаманов и камни с выбитыми на них памятными изображениями.

Не удалось побывать только у сопки Сухэтэ («с топором») на вершине Хамар-Дабана. Путь туда был слишком труден. Да и кроме того, Галдан тщательно скопировал все рисунки «скалы с топором». Но зато во всех других местах, отмеченных в рукописи Галдана, нам встречались памятники глубокой старины, о которых рассказывала легенда.

Путь наш начался с легендарной долины между реками Оронгой и Гильбирой, вблизи горы Улан-Тологой, где, по его рассказам, жили великий богатырь Хонгор-Батор и такой же знаменитый богач Айдарай-Баян.

Скота у Айдарай-Баяна, говорит легенда, было столько, что коровы, лошади и овцы истоптали своими копытами всю про-

сторную Хухутскую долину, и она превратилась в непроходимое болото. Однажды, когда Айдарай-Баян ушел пить молочную водку — тарасун к соседям, а жена его ушла доить коров, явился разбойник-старик и похитил у них ребенка. Когда жена Айдарая бросилась по следам разбойника, она увидела, что он сидит в кустах, волосы его спадают до земли, а брови свисают до груди. Сидя в кустах, страшный старик точил нож, чтобы резать ребенка. Не растерявшись, жена Айдарай-Баяна обнажила грудь и показала ее ребенку, который сразу уполз к матери. Убежав в свою юрту, жена Айдарай-Баяна рассказала о всем случившемся своему мужу и Хонгор-Батору, которые нашли старика и убили его, а затем закопали у восточного склона Западной горы. Хонгор-Батор снял вершину с небольшой сопки, стоявшей рядом, и положил ее поверх могилы. Похоронив старика под сопкой, Айдарай-Баян и Хонгор-Батор произнесли заклятье, чтобы никто не мог раскопать сопку до тех пор, пока рога у козла не дорастут до неба, а хвост до земли.

Поблизости от сопки Галдан указал нам и могилу Хонгор-Батора, которая оказалась типичной плиточной могилой из огромных плит, тяжесть и размеры которых вполне соответствовали славе и подвигам захороненного под ними, согласно легенде, богатыря. В самой могиле, к сожалению, не сохранилось ничего, кроме обломков плоскодонного глиняного сосуда, но на одном ее угловом камне мы с волнением заметили полустертые временем желобки тщательно выбитого узора. Затем под боковыми лучами солнца обнаружилась и целая композиция: схематические фигуры животных и длинные полосы — «дороги», по которым они шли. Рисунки были замечательны тем, что животные на них не походили на обычных оленей с оленних камней, а представляли как бы копию красочных писаниц: это был первый случай, когда красочные писаницы и плиточные могилы как бы явственно «перекликались» друг с другом!

Но и настоящие писаницы не заставили себя ждать: все было на своем месте, именно там, где про писаницы рассказывала устная летопись о приключениях предков Галдана, иволгинских бурят.

Правда, чем больше мы с Галданом находили писаниц, чем полнее были наши записи и папки с кальками, тем яснее становилось, что они не имели никакого отношения к собственно бурятской истории.

Бурятские старцы просто-напросто, как и мы сами, пытались по-своему расшифровать, объяснить и понять эти загадочные знаки и совершенно произвольно связывали их с именами

своих предков. Их наивные рассказы были лишь попыткой связать древние «письмена» с легендами о своих реальных и мифических предках, о богатырях и героях древних времен.

Но тем интереснее было узнать, что же такое на самом деле они представляют, когда и какой народ их оставил, в чем на самом деле заключается их загадочное содержание.

Письмена скалы Хотогой-Хабсагай

Одно из самых характерных местонахождений забайкальских писаниц оказалось в долине реки Уды. Там, где в Уду впадает маленькая прозрачная, как кристалл, и холодная, как лед, речка Она, уже издали виднеется живописная скала Хотогой-Хабсагай. Скала обрывается прямо к Оне и напоминает широко раскрытый веер. В основании ее виден темный глубокий навес. От самого подножия навеса и дальше вниз по склону в хаотическом беспорядке громоздятся колоссальные глыбы днабаза, обвалившиеся в незапамятной древности с козырька навеса. Может быть, это — обломки свода существовавшей здесь когда-то гигантской пещеры. На стенах таких навесов, надежно прикрытых сверху выступом скалы от дождя и снеговой воды, обычно находятся загадочные писаницы, древние рисунки, выполненные красной охрой.

Здесь в темной глубине скальных навесов, в самые жаркие дни, когда снаружи зной струится целыми потоками, царствует прохлада и сырость. А в тени еще сильнее выступают пятна древних наскальных росписей, яснее кажутся полустертые временем очертания нарисованных на шершавом камне рисунков.

Разноцветные полуистлевшие от времени лоскутки, густо развешенные на ильмовых кустах у входа в навес Хотогой-Хабсагай, уже издали предупреждали, что эта скала считается обителью грозных духов. Принося духам в жертву лоскутки шелковых и ситцевых тканей, верующие простодушно думали, что этот наивный дар может смягчить и задобрить таинственных властителей — эжинов священных скал. Духи скал сначала, разумеется, были шаманскими божествами, но потом их самих, а вместе с ними и их таинственную обитель узаконил и освятил буддизм.

Хитроумные буддийские ламы сочинили немало столь же наивных, сколь и благочестивых легенд о грозных духах, которые в свое время находились в ранге самостоятельных шаманских богов и требовали от своих почитателей кровавых жертвоприношений, но потом были покорены учением Будды, превра-

тились в его учеников и стали ревностными защитниками буддизма. Возможно, так произошло и на скале Хотогой-Хабсагай, когда еще в XVIII веке первые ламы пришли в долину Оны и построили здесь первый храм знаменитого, едва ли не самого громкого в летописях бурятского буддизма, Онинского дацана. Поэтому здесь вместе с традиционными тряпочками, жертвами старым шаманским духам мест и урочищ, висят платки с изображением воздушного коня буддистов — «хий морин», развеваются шелковые платки благопожеланий — хадаки и напечатанные с ксилографов буддийские молитвы-заклинания. От старинного дацана с его трехэтажными храмами остались только основания толстых кирпичных стен да стоящие в отдалении белые башни — субурганы, сверкающие известкой. Ламы давно покинули свое убежище и оставили прежнюю праздную жизнь. Но под сводами скального навеса, как и раньше, видны пережившие расцвет и падение буддизма в забайкальских степях красочные изображения, оставленные поколениями древних людей, приходивших сюда задолго до Чингисхана совершить свои сокровенные обряды. Рисунки эти шаманисты-буряты почитали, как священные изображения, выполненные самими духами — хозяевами гор и скал.

Как и на десятках таких рисунков в других местах Забайкалья, на Хотогой-Хабсагае изображены традиционные фигуры в виде больших овалов или прямоугольников, очерченных одной сплошной контурной полосой. Внутри такие прямоугольники и овалы густо заполнены овальными или круглыми пятнами, мазками пальцев. Одинаковые овальные пятна часто встречаются и сами по себе вне прямоугольников, целыми скоплениями. И, как правило, тут же, на темном камне, выступают шеренги маленьких стилизованных человечков, часто стоящих в ряд и взявшихся за руки, как в хороводе, напоминающем бурятский танец ёхор. Человечки эти очерчены как бы нарочито грубо и упрощенно, в архаичной силуэтной манере. У них маленькие овальные головки, узкое, часто слегка изогнутое туловище, ноги — развилкой. Руки обычно торчат короткими выступами-отростками.

Вверху, над этими композициями из овалов и прямоугольников, заполненных внутри пятнами, или сбоку рядом с ними парят в воздухе одинаково стилизованные хищные птицы. Головы птиц маленькие, как у сокола, но без клюва. Крылья раскинуты в стороны. Крылья эти заставляют вспомнить образы древних степных былин, где воспеваются именно такие лунокрылые птицы. Хвост у них иногда обрезан на конце, иногда разделен на три части. Птицы нередко изображены группами,

одна над другой или горизонтальной цепью, рядом друг с другом.

Там же, где изображены птицы, можно нередко увидеть и фигуры животных, тоже примитивно выполненных, но имеющих общие стилистические черты, устойчиво повторяющиеся на многих изображениях, рассеянных по Забайкалью и Монголии. У зверей этих небольшое поджарое туловище, мощная и широкая плавно очерченная грудь, маленькая головка и сравнительно короткие кривые ноги. У некоторых звериных фигурок виден длинный, характерно лошадиный хвост, а на голове показана пара острых ушей — развилкой.

Иногда овальные и круглые пятна, фигурки парящих в воздухе хищных птиц, человечков и животных дополняются условными знаками в виде обыкновенных или, реже, косых — «андреевских» крестиков.

Среди изображений на скале Хотогой-Хабсагай особо выделяется одна фигура птицы, показанная не в полете, а сидя или стоя. Эта птица не принадлежит к числу обычных для писаниц Забайкалья хищных птиц. У нее короткое массивное туловище, одна длинная нога и такая же длинная шея, высоко поднятая кверху, на которой торчит маленькая голова с клювом, обращенным вбок. По всем признакам птица поразительно напоминает страуса. Скорее же всего, здесь изображена тяжеловесная птица — дрофа, постоянный житель монгольских степей.

Вот в основном и весь «репертуар» забайкальских красочных писаниц, представляющих строго локализованный по их распространению и столь же выдержанный по стилю и содержанию сплошной массив.

Кому же — какому времени и какому народу принадлежат эти загадочные рисунки, каково скрытое содержание и смысл?

Время этих рисунков в общем определяется довольно точно. Еще в 1833 г. у города Нерчинска в древней могиле, обложенной каменными плитами, доктором Фидлером был найден бронзовый нож с рукоятью, украшенной головой барана и кривыми спиралевидно изогнутыми рогами. Клинок ножа был характерно изогнут в виде дуги. Точно такие же дугообразно выгнутые бронзовые ножи найдены были в карасукских могилах бронзового века Минусинского края, датируемые XIV—X вв. до нашей эры. Ножи эти сопровождалась на Енисее характерной только для карасукской культуры керамикой. Вместе с ними лежали странные круглодонные горшки, украшенные тонким резным узором в виде треугольников и ромбов. На ноже из раскопок доктора Фидлера имеются такие же схематические фигурки человечков с вытянутыми в стороны руками, широко расстав-

ленными ногами и головкой в виде выступа. Еще интереснее, что когда в песчаных степях Внутренней Монголии были обнаружены десятки бронзовых ножей, кинжалов и других изделий, получивших название «ордосских бронз», среди них оказались ножи, у которых на рукояти находились птицы, точно такие же, как на писаницах Забайкалья и в Хачурте. Это тоже хищные, как в Хотогой-Хабсагае, луннокрылые птицы. Птицы как будто сами собой сошли со скал прямо на стенки литейных форм, в которых отливались ордосские ножи, настолько близких очертания. И, наконец, на тех же ордосских ножах бронзового века сохранились тщательно выгравированные фигурки лошадок с таким же поджатым брюхом и выпуклыми бедрами, как на писаницах. Отсюда следует, что как бронзовые ножи, так и забайкальские писаницы красной краской выполнены были одними и теми же людьми бронзового и раннего железного веков, заселявшими три тысячи лет тому назад Забайкалье и Монголию, от Байкала и до Онона. Остается, правда, непонятным, почему так резко отличаются эти красочные писаницы от оленных камней и от выбитых на скалах «оленных писаниц» Монголии? И почему на них вообще нет ни одной фигуры оленя, характерной для оленных камней, с ветвистыми, закинутыми на спину рогами? Может быть, одни из них старше, а другие — более поздние? Может быть, оленные камни и писаницы, выполненные краской, одновременны друг другу; но красочные писаницы принадлежат одному племени, жившему севернее, а выбитые, с оленьими фигурами, другому, обитавшему южнее.

Вполне возможно, наконец, что те и другие относятся к одному и тому же времени, к одному народу, но отражают различные стороны религии и мировоззрения древних забайкальских скотоводов. Когда сородичи хоронили умершего могучего витязя или вождя племени, они ставили у могилы вечный памятник, заменявший его статую и все необходимое для жизни на «том», потустороннем свете: лук и стрелы, меч, кинжал и даже бронзовое зеркало. Однако это бронзовое зеркало было для них не просто предметом роскоши. Оно удовлетворяло неистребимую во все времена потребность видеть свое лицо и радоваться ему, но и напоминало о древнейшем и самом благодетельном божестве Вселенной, о лучистом солнечном диске, от которого струились свет и тепло, дававшие счастье и радость людям и всему живому на земле.

Ветвисторогий олень Иволгинской оленной стелы со скифским зеркалом над головой изображал то же самое солнце, но только лишь еще более живое, более конкретное: златорогого оленя — само живое зооморфное солнце.

Почему именно они, солнечные олени, высекались на надмогильных камнях бронзового века, станет ясно, если вспомнить, что, по представлениям древних людей, мертвые еще больше, чем живые, нуждались в своей мрачной и холодной стране в живительном солнечном свете и тепле. Но дело не только в этом. Представления, связанные с оленными камнями, несомненно, уходили и много глубже, в детски наивную первобытную философию древнего человека, в самые сокровенные мысли его о сущности человека и о законах жизни и смерти.

Сама судьба человека, по наивным мифологическим представлениям людей того далекого времени, была точным повторением судьбы солнца. Так же как человек, солнце рождалось. Родившись на востоке, оно медленно вырастало и поднималось к зениту, становилось зрелым и набиралось сил. Потом оно столь же медленно склонялось к закату и исчезало, подобно душам умерших людей, в темной глубине преисподней. Но на этом его история не кончалась: следующим утром в прежнем блеске и великолепии появлялось на востоке, омытое утренней росой, юное, полное животворных сил. И это была не только созерцательная философская концепция, не простой итог долгих размышлений о судьбе человека, о жизни и смерти, а прямое руководство к действию. Старая, как мир, колдовская практика была основана на простой мысли, что подобное вызывает подобное. Поэтому древние египтяне изображали на стенах своих гробниц горы вкусной пищи, дома, поля и домашних животных. Нарисованные утки и гуси должны были превратиться «на том свете» в настоящих гусей и уток; цветок цвет и издавал аромат. Рабы пахали землю и собирали урожай.

Точно так же и оленные камни с изображенным на них диском — солнцем должны были, по представлениям людей, воздвигавших плиточные могилы, явиться вечным залогом возрождения душ и воскресения мертвых вместе с солнцем к новой жизни. Человек, над могилой которого стоял камень с солнечным оленем и сиял лезвием диск солнца, должен был воскреснуть к новой жизни, родиться снова и вновь повторить вечный круговорот жизни и смерти.

Совершенно другой мир идей, другие мифы, жизнерадостные и полные веселья обряды связаны были с красочными писаницами на скалах.

Каждый год, в одно и то же время, после долгой и суровой зимы, после снежных бурь и пронизывающих до костей степных ветров, в веселую весеннюю пору древние степняки собирались у обмшелых от старости морщинистых скальных святилищ. Здесь они торжественно праздновали свой ежегодный великий

пир изобилия и счастья. Пили кумыс, сдобренный маслом, из высоких резных кубков. Жадно рвали пальцами жирное дымящееся мясо. Водили бесконечный хоровод, кружась за солнцем от зари и до зари. Пели радостные песни о торжестве лета над зимой, света над тьмой, солнца над вечной ночью. Юные силачи состязались друг с другом в ловкости и силе, изображая попутно борьбу зла и добра, света и тени. Старцы и шаманы рассказывали древние легенды и мифы, а затем рисовали на скалах свои тайные рисунки. Рисунки эти обладали в глазах людей того времени могущественной скрытой силой. Они должны были дать много детей и скота, обеспечить безопасность от врагов реальных и мнимых — сверхъестественных, принести сытую довольную жизнь. И здесь, в этих рисунках, на первом месте стоял образ уже не оленя-солнца, а священной птицы — тотема, предка и покровителя, — которая закрывала и защищала широким крылом своих потомков от зла и несчастий. Рядом с ней столь же заботливо выводились охрой на скалах магические ограды, оберегавшие древнюю общину от несчастий и бед, от врагов и злых духов. Внутри каждой ограды и по соседству с ней отпечатками пальцев наносилось большое количество овальных или круглых пятен. Каждое такое пятно символизировало конкретного члена родовой общины или его душу, находящуюся под защитой благодетельных родовых духов.

Столь же заботливо изображались рядом с оградами фигуры животных, обычно лошадей, показанных в характерной стилизованной позе, как бы готовящихся к прыжку. У некоторых из них с наивной простотой обозначен признак мужского пола: жители степей неустанно заботились о плодородии домашних животных, ибо скот был основой их благополучия и главным источником существования.

Не случайно и то, что фигуры животных на писаницах почти всегда изображают лошадей: в мифологии скотоводческих племен лошадь всегда занимает первое место. Ее считают самым чистым животным, наиболее угодным светлым небесным богам. Недаром, например, у якутов сами боги предстают перед людьми в образе лошади. Грозный бог неба, грома и молнии Джесегей появляется в грозных облаках в виде жеребца со спутанной гривой, богиня плодородия Айыгыт имеет облик кобылицы.

Властитель острова Ольхон

Изучение забайкальских писаниц не только приоткрыло неведомый ранее духовный мир людей бронзового века. Оно подарило нам и еще одну неожиданную находку, новое интерес-

ное открытие. Путешествуя вместе с Галданом Ленхобоевым по бурятским степям в поисках писаниц, мы должны были наглядно убедиться, что эти древние памятники Забайкалья не имеют ничего общего с собственно бурятской стариной и их нельзя связать с легендарной историей переселений иволгинских бурят.

Как это часто бывает, Синяя птица легенды улетала все дальше и дальше, по мере того как мы стремились приблизиться к ней. Признаться, не без сожаления расставались мы с надеждой найти нить, которая привела бы нас от писаниц, от памятников культуры давно исчезнувших народов в мир живых людей нашего времени.

Но когда мы снова вернулись в столицу Бурятской республики Улан-Удэ и пришли в гостеприимный Республиканский музей, меня заинтересовали простые шерстяные чулки, хранившиеся в одной из витрин. Пропитанные горьким запахом дымного очага и музейного нафталина, они на первый взгляд были ничем не примечательны.

Да, самые обыкновенные белые чулки, связанные из мягкой овечьей шерсти какой-то никому не известной женщиной-буряткой с острова Ольхон. Однако, присмотревшись к этим чулкам, можно было увидеть, что они украшены необычным своеобразным узором, который и заставил взволнованно биться мое сердце, давно уже зачарованное и навсегда покоренное позднев бурятской старины. Это был чудесный образчик неповторимого орнаментального стиля и вместе с тем обломок такой глубокой древности, от которой веяло дыханием тысячелетий.

Верх одного чулка был украшен широкой орнаментальной каймой, на которой в широкой полосе из зубчатых узоров, образующих ромбы, явственно парили птицы...

На втором чулке сверху имелась узкая зигзагообразная полоса черного цвета. Под ней помещалась узкая белая полоса, тоже зигзагообразная. Ниже находилась еще одна широкая черная лента, на этот раз с зигзагообразными краями. На черном фоне ее контрастно выделялись белые фигурки таких же вертикально парящих в небе птиц. И, наконец, еще ниже на белом фоне, как бы подчеркнутые еще одной пильчато-зубчатой полоской, снова видны были птички фигурки, но уже не белые, а черные.

Вне всякого сомнения, в обоих случаях это были те же самые настоящие луннокрылые птицы наскальных рисунков: с маленькой соколиной головкой, симметрично свисающими вниз дугообразными крыльями и характерно раздвоенными внизу хвоста-

ми. Разница была только в том, что на писаницах такие птицы нарисованы алой краской, а здесь они контрастно и резко выступали черным пятном орнамента на белом фоне или, наоборот, белым пятном на черном фоне.

Кроме того, на чулках очертания птиц более прямолинейные, они строже и геометричнее. Крылья птиц не округлые, а угловатые. Но эта особенность целиком зависит уже не от сюжета, а от техники выполнения, которая определяет геометрическую прямолинейность и угловатость контуров фигурок птиц.

Еще более взволновали меня слова ревностного собирателя и лучшего знатока бурятского орнамента П. П. Хороших, который впервые опубликовал эти узоры бурятских шерстяных изделий. Я просил его сообщить, как называется у ольхонских бурят этот узор. Буряты называли его, по словам П. П. Хороших, словом «Тэхэ-Шубун», то есть «Великая Птица». Так почтительно именовали в старину орла. У всех сибирских скотоводческих народов, в том числе у бурят и якутов, орел занимал в религии и культе особенно почетное место: он состоял в ранге светлого небесного божества, считался добрым и могущественным покровителем человечества. Бурятские шаманы считали орла, кроме того, еще и владыкой своего острова Ольхон, того самого острова, с которым связаны древнейшие мифы и шаманские легенды, священного обиталища шаманских небожителей и великих шаманов прошлого.

Но как объяснить такое поразительное совпадение орнамента бурят XIX—XX веков с орнаментикой бронзового века, и притом совпадение не каких-либо элементарных мотивов орнамента, вроде, например, кружков, крестиков или зигзагов, а такого специфического и весьма сложного мотива? Чем объяснить тот факт, что абсолютно одинаковый птицеобразный элемент узора обнаруживается на одной и той же территории, у берегов Байкала, 2500—3000 лет тому назад и в настоящее время? Вряд ли такое поразительное совпадение может быть отнесено за счет простой случайности, какого-нибудь ничем не оправданного каприза истории орнаментального искусства.

Должно быть, и на самом деле своеобразная культура неизвестных нам по имени древних степных племен Забайкалья не умерла целиком и не исчезла бесследно. Остатки ее, обломки искусства бронзового века, продолжают, по-видимому, устойчиво жить в бурятской орнаментике нашего времени, несмотря на смены населения, войны и передвижения племен.

А это, в свою очередь, дает право думать, что не только в древней культуре, но и в составе самого бурятского народа уцелело наследство, восходящее к тем временам, когда люди, хо-

ронившие своих умерших в величественных гробницах из огромных плит гранита, создавали у берегов Байкала и в глубине монгольских степей основу скотоводческого хозяйства, закладывали первые штольни и рудники для добычи меди, олова и золота.

Так из глубины веков, когда создавались наскальные росписи и рисунки, мы вышли в живую действительность нашего времени — в мир живых национальных традиций.

БУРЯТСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О ХОЗЯЕВАХ ЛЕНЫ И ШИШКИНСКИЕ СКАЛЫ¹

Этнографические материалы, собранные М. Н. Хангаловым, С. П. Балдаевым и другими знатоками бурятского фольклора, показывают, что культовое почитание Шишкинских скал, а также писаных скал, расположенных ниже по Лене, было связано с представлениями бурят о хозяевах реки Лены — ленских эжинах, «Зулхэйн-ноёд».

Эжинов реки Лены в мифологии бурят два (иногда три). Наиболее известный из них носит имя Хара-Ажирай, Черный Ажирай или Ажирай-Бухэ, то есть Ажирай-Силач. Его отец имел имя Ухэр-Бык, жена — Альма-Тургэп, сын — Хара-Хэрээ, то есть Черный Ворон, дочь — Шара-Хэрээ, то есть Желтый Ворон.

Хара-Ажирай пользовался всеобщим почитанием эхиритов и булагатов, а также жителей Баргузинского, Байкало-Кударинского и частично Заиграевского и Иволгинского аймаков Бурятской АССР. Хара-Ажирай предстает в молитвенных текстах как грозное черное божество, которому шаманы камлали в темную безлунную ночь, вымазав лицо сажей и стоя на опрокинутом вверх дном котле².

Шаманы описывают Ажирая-Бухэ следующими словами: «С туловищем черным, как железо, с ногтями черными, как железо, Батюшка Ажирай-Бухэ»³. В некоторых призываниях говорится, что он «нойон», изготавливающий изделия из железа»⁴.

С грозным обликом Хара-Ажирая сочетается представление

---

¹ «Шишкинские писаницы». (Памятник древней культуры Прибайкалья). Иркутск, кн. изд-во, 1959, стр. 177—190.

² См.: Н. Н. Агапитов, М. Н. Хангалов. Материалы для изучения шаманства Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. — «Изв. ВСОРО», т. XIV, № 12, 1883, стр. 13, 14, 33 и 360.

³ М. Н. Хангалов. Шаманская тетрадь. Архив НИИК Бурятской АССР, инв. № 280 (323, 2), тетр. 30, 1908, стр. 82—83.

⁴ Запись Г. Ф. Дембелова со слов Хамная Убугунова, 65 лет, улус Хоторгой, Ангинского района Иркутской области.

о том, что после смерти шаманы направляются или к владыке преисподней, Эрлен-Хану, или к Хара-Ажираю.

В легендах рассказывается, как Ажирай-Бухэ принимает участие в суде Эрлен-Хана. Он имеет вид черного, огромного роста человека, одетого в черный халат с воротником из камчатского бобра, подпоясанный черным шелковым кушаком, и повелевательно распоряжается судьбой подсудимых⁵.

В других легендах говорится о том, как Ажирай-Бухэ, будучи при жизни силачом и любителем борьбы, и после смерти, превратившись в грозное шаманское божество, ищет встречи с известными силачами и борется с ними, а также участвует в состязаниях как меткий стрелок из лука. Такова, например, легенда об одном из предков кыргызов эхиртов, Хамнагадае Хадалаеве, который был настолько знаменитым стрелком и борцом, что никто не решался состязаться с ним во время эгэ-тэ-аба и хайгта-аба. К нему во время охоты на водоразделе Тены и Киренги явился черный великан на карем коне и вызвал Хамнагадаю на борьбу. Победенный черный человек стал невидим и исчез вместе со своим конем. Второй раз он явился Хамнагадаю в облике старца, но борьба кончилась тем же⁶.

Согласно представлениям шаманистов, ему принадлежит черный конь; поэтому, избегая упоминать грозное божество по имени («грехуя»), верующие буряты называли его или владыкой Тены, или хозяином Черного коня.

В соответствии с этим Хара-Ажираю посвящали черного коня. По словам М. Н. Хангалова, «каждый кудинский бурят старается делать религиозный обряд Ажирай-Бабаю, которому посвящает коня почти каждый бурят. Очень редкие и бедные буряты, которые не имеют коня, те не посвящают коня Ажирай-Бохо-Бабаю. Богатые буряты нарочно покупают черного жеребенка или лончака-жеребца, которого выращивают, а потом посвящают Ажирай-Бохо-Бабаю. Такие кони всегда делаются хорошими рысачами или бегунцами»⁷.

Кроме того, буряты верили, что «мальчики, которые родились по велению Ажирай-Бохо-Бабая, бывают сильными, умными и не болеют от разных болезней»⁸.

По данным С. П. Балдаева, Ажираю полагался в жертву черный баран, а его товарищу Харамцай Мэргэну — белый. Как пишет С. П. Балдаев, «...до революции им обоим приносили жертву все должностные лица бурят-монгольских администра-

⁵ Запись С. П. Балдаева.

⁶ Запись С. П. Балдаева.

⁷ М. Н. Хангалов. Шаманская тетрадь, ф. НИИК БурАССР.

⁸ Там же.

тивных учреждений: тайши, головы, родовые старосты, выборные инородных управ, помощники родовых старост, заведующие хлебозапасными магазинами, поскотинные старосты, сборщики податей».

Во время войны бурят-монголы устраивали целым улусом тайлаган (общественное моление) с лошадьми и тарасуном. Так, например, во время войны России с Германией в 1914—1917 годах тайлаганы Ажираю-силачу и его товарищу Харамцай Мэргэну устраивались западными бурятами⁹.

Ажирай, согласно призываниям, является хозяином «Темной Лены» и владеет строением из красных камней, водяное ограждение которого — река Лена; охрана его состоит из четырех косуль, личные его прислужники — серые косули.

В призываниях шаманов, восхваляющих Хара-Ажирая, упоминается огромный белый дворец властителя реки Лены в темной густой тайге и его несметные богатства.

Отец всех ленских бурханов,
Сам собою Ухэр,
Истинное имя бурхана —
Бэлыгэн Хара (Черный Дарственный),
Прозвание его — Ажирай-Бухэ (Силач Ажирай).
Друг его приятель
Сын Унэгэна (лисицы)
Харамцай Мэргэн,
По левой стороне своей Лены-реки
В темной густой тайге
Роскошный огромный дворец имеющий,
Великий Бурхан,
В темном лесу имеющий
Длинный белый дворец,
Могучий бурхан,
Полную грудь имеющий ума,
Великий бурхан.
Скота имеет много,
Что даже счету не поддается.
Серебра у Вас столько,
Что со счету собьешься,
А золота, что гальки на реке Лене —
Без счета, как чешуя у рыб.
О великий бурхан,
Хозяин высокого вороного коня,
Повозку имеющий черную,
Как детская люлька, мягкую.
Могучий бурхан! Дани царю не платящий,
Перед казаками (хаһак) не повинившийся.
У Вас есть кучер,
Который сидит на козлах Вашей повозки,

---

⁹ Запись С. П. Балдаева.

Держит вожжи высокого вороного коня.
Зовут его сын Худагья.
Мараа Хара Шобоохон.
О бурхан великий!
Соизволите мне благословенья,
Поделитесь своим золотом,
Которого у Вас столько, сколько гальки на реке,
Деньгами, что как чешуя,
Во множестве поделитесь со мной.
От Вас, бурхан,
Благодеяний молю:
Чтобы в исходящий год
Несчастий не было у меня,
Соблаговолите мне детей,
Счастья в изобилии,
Прошу, чтобы в год наступающий
Быть мне бодрым (воодушевленным).
Прошу от Вас еще скота,
Который мог бы ногами
Снежные заносы сровнять (топтать),
Который мог бы
Зеленую траву пощипать.
Все просимое соблаговолите дать,
О великий бурхан!

В другом призывании Ажираю-Бухэ говорится:

Сын быка, быстрый Алмай, Ажирай-Бухэ,
Западного творца, белого тэнгрия,
Ажирая-Бухэ, создателя, восточного Гужир Баян
Быстрого Алмай тэнгрия имя — белый — Курга
тэнгрия,
нойон,
Широкого черного волнующегося моря
На вершине черной высокой горы
Владея утвердившийся бурхан.
Угодивший на Лену и там остановившийся
Обладатель дворца из двух черных камней.
Хамниганской страны обитатель
(обладатель) 100 черных, как ворон, косуль.
Девяти черных лошадей, когда им натянут
поводья,
Красивых девяти черных, железных колчанов
с луками вместе,
Которые, когда подтянуты, красивы.
Двух черных железных кольчуг, надетых красиво.
Таежную красную лиственницу с вершиной
вырвавши
И сделавши (из нее) кнут, взял.
Лесную красную лиственницу с корнем вырвавши
И сделав (из нее) кнут, взял.
С 99 ороचनाми в большое родство вступил,
С 77 ороचनाми в двойное родство вступил¹⁰.

¹⁰ Запись Д. А. Клеменца, архив ИВАН, ф. 28, д. 5.

Ажирай выступает в бурятской мифологии и как грозное воинственное божество. В некоторых призываниях о нем говорится даже как об участнике тех бурных событий, которые происходили во время первого столкновения казаков с ленскими бурятами в сороковых годах XVII века.

Так, в наиболее пространном молитвенном обращении, записанном С. П. Балдаевым, сказано:

Вы были сыном высокого неба,
Поселились на широкой земле,
Вы были сыном черного неба,
Поселились на черном море!
Тридцать три узких прохода,
Низовые мостики служили вам лестницами,
Ажирай-силач, сын Ухэров,
Булад хурай¹¹, мэргэн дэгэй¹²,
Вы имсете карюю лошадь¹³,
Телегу из литого серебра,
Повозку высокую и черную,
Дугу большую и черную,
Шапку высокую из бобра,
Лицо широкое и черное,
Тело сильное и черное,
Броню из серого железа,
Шлем из сплошного серебра,
Лицо темно-красное,
Мысли заносчивые и упорные,
Халат из черного плиса,
Усы черные, едва пробивающиеся,
Шею сильную, как у порога (производителя),
Наконечники стрел, как трубицы (колес),
Налучник широкий, как степь,
Колчан длинный, как лужок,
Лук желтый, бухарский,
Местопребывание ваше зимнее —
Это высокий красивый Гурбэхэн¹⁴,
Местопребывание ваше летнее —
Это Ойхон¹⁵ с тридцатью сопками.
Тридцать сопок вашего Ойхона
Звенят своими камнями,
Три ваших черных моря
Сверкают своими водами.

---

¹¹ Булад хурай — дословно стальной рашпиль.

¹² Мэргэн дэгэй — дословно меткий крючок. Эти образные сравнения связаны с представлениями о Хара-Ажирае, как грозном и жестоком божестве, безжалостном судье мертвых. Их можно понять так: Хара-Ажирай жесток, остер и тверд, как стальной рашпиль; он метко и беспощадно хватает души провинившихся людей, подобно крючку рыболова, подсекающему рыбу за жабры.

¹³ Хоо хара морин — лошадь, каряя, как уголь.

¹⁴ Гурбэхэн — гора ниже Качуга, на левом берегу Лены.

¹⁵ Ойхон — остров Ольхон.

На высотах был послом вашим
Маленький черный ворон,
На низинах был вестником вашим
Трехлетний черный медведь.
Что внизу вы особенно облюбовали?
— Это Якутская красная гора!
Что сверху вам особенно понравилось?
— Это Острожная красивая гора!¹⁶
Вы у Качуга бились с казаками,
Свой желтый бухарский лук
Натягивали до самых щек,
Пускали желтые стрелы
Друг за другом непрерывно,
Желтую стрелу с перьями орла
Натягивали до самого бухю¹⁷.
Копье железное свое
Вы подпирали к своему животу,
Многие сотни казаков
Вы уложили здесь и там.
Когда побили врагов,
То получили звание героя,
Когда вы прогнали врагов,
То возведены были в звание силача.
Когда вы сражались у Верхолenska,
Тогда натягивали лук до пределов,
Когда вы пускали стрелы,
Тогда заклинали ее на выемке,
Тогда они свистели своей косточкой (зэн).
Черножелезное копье свое
Вы упирали в свои бока,
Белосеребряной саблей
Размахивая, остервенясь, вы рубили.
На русских казаков
Наступали вы и кромсали,
На светло-русских врагов (наступали),
Умело вы истребляли.
Девяносто карих лошадей
На Лене вы поставили на повода,
Девяносто серебряных узд
На головы их вы надели,
Девяносто серебряных привесок
Под шеями их привесили (аккуратно).
Парносеребряные поводья
Укрепили вы за луки седел,
Ажирай-силач, сын Ухэров,
Булад хурай, мэргэн дэгэй!
На реке Лене
Вы славились как силач,
На реке Зулхэ¹⁸

---

¹⁶ Острогом качугские бурят-монголы называют город Верхнеудинск.

¹⁷ Бухю — косточки на конце стрелы с дырочками, чтобы они управлялись полетом ее.

¹⁸ Зулхэ — бурятское название реки Лены.

Разносилось ваше имя
 Над Турой (городок)
 Кружилась ваша слава.
 В местности Ходонсо¹⁹
 Вы установили власть,
 На реке Лене
 Вы приобрели имущество!
 Над бурятами вы стали ханом,
 Булагатам вы были прародителем.
 Дворцы ваши построены
 Из желтых камней²⁰.
 Стоянка ваша сделана
 Из белых камней²¹.
 Вы владеете высокой карей лошадю,
 Телегой мягкой, как колыбель.
 Вы владеете карей лошадю, как уголь,
 Телегой, сделанной из сплошного серебра,
 Вы удержите счастье,
 Будьте покровителем малолетних (детей).
 Вы установите мир,
 Будьте защитником для множества;
 Ажирай-силач, Ухэров сын,
 Булад хурай, мэргэн дэгэй!
 Для тьмы были предводителем,
 Для множества были водителем!
 Вы имеете казну без счета,
 Конские табуны без числа.
 Призываем вас, молимся,
 Повторно вам клянемся!
 От широты своей груди
 Вы слывете умным и мудрым,
 От толщины бедровых костей
 Вы слывете сильным и грозным!
 Сдружившийся с вами в Алари
 Преславный ваш товарищ,
 Харамцай Мэргэн, Унэгэнов сын!
 Прислуживающий вам с правой стороны,
 Туранхаев сын,
 Двужычный Барлак²²,
 Прислуживающий вам с левой стороны,
 Бойрдоев сын,
 Русый-прерусый Хойлонго²³.

Возможно, что рассказ о сражении Хара-Ажирая с казаками связан с реальными событиями, о которых сообщает Ф. Шперк. В этих событиях определенную роль сыграла, по его словам,

¹⁹ Ходонсо — местность недалеко от села Хогот; там была построена Верхоленская степная контора.

²⁰ Дворцом назван берег Лены, где он нашел себе вечное упокоение.

²¹ Стоянкой названы места, где проезжающие буряты и русские приносили жертву Ажираю.

²² Двужычный — знающий два языка — русский и бурятский.

²³ Запись С. П. Балдаева.

«святыня Шаманского камня», то есть Ленские скалы, являвшиеся, по мнению бурят, резиденцией ленских эжинов.

«В 1648 году,— писал Шперк,— поднялось всеобщее восстание верхоленских бурят, заговорщики которого воспользовались нахождением близ Верхоленска их святыни — Шаманского камня, чтобы возбудить больше энтузиазма в бурятах, которые в большом числе подступили к Верхоленску, разорили недавно перед тем поселившихся под острогом крестьян и хотели скрыть последний. Острогу грозила неминуемая гибель, но, к счастью, зимовавший в этом году в Илимске якутский воевода Франсбеков, узнав о случившемся, немедленно послал 200 вооруженных промышленников под начальством московского дворянина Василия Нефедьева, своевременное прибытие которого спасло Верхоленский острог»²⁴.

Тот же рассказ повторяет и П. А. Словцов, по словам которого события 1648 года произошли «по заговору многочисленных бурят, отстаивавших мнимую святыню Шаманского камня»²⁵.

В подробном описании событий 1648 года И. Фишер ничего не говорит о Шаманском камне²⁶, но, очевидно, Шперк и Словцов пользовались каким-то определенным источником, где речь шла об этом священном месте ленско-кудинских бурят. Случай этот подтверждает, что с местопребыванием ленских эжинов издавна, еще в XVII в. и, нужно думать, много раньше, были связаны представления о грозном силаче, воинственном шаманском божестве Хара-Ажирае.

Нужно при этом иметь в виду, что в шаманских текстах, рисующих образ Хара-Ажирая, как воинственное божество, как

---

²⁴ Ф. Ш пер к. Верхоленский округ Иркутской губернии в медико-санитарном отношении.—«Медико-топографический сборник, издаваемый медицинским департаментом», т. I. СПб., 1870, стр. 104.

²⁵ П. А. С л о в ц о в. Историческое обозрение Сибири, кн. I. СПб., 1886, стр. 46.

²⁶ В истории Сибири Фишера об этом сказано: «В 1648 годе нападали буряты паки на Верхоленск и причиняли великий грех особливо в уезде, где недавно поселившиеся крестьяне удары от них выдержать были принуждены. Притом они грозили разорить не токмо Верхоленск, но и Усть-Кут, да и самый Илимск. Тогда пропасть бы было Верхоленску, когда бы новый якутский воевода Дмитрий Франсбеков, зимовавший в том годе в Илимске, двести человек промышленных утесненному острогу не прислал на помощь. По сей причине шастие переменилось, и предводитель сей станицы московский дворянин Василий Нефедьев был в состоянии не токмо обороняться против бурят, но и на самих их напасть; что и произвел в действо с таким добрым успехом, что некоторое число бунтовщиков порубил и получил в добычу

шаманский дух войны и разрушения, естественно, отразилась только одна сторона первого контакта бурят с казаками в XVII в. В других легендах столь же ясно выражена и другая, противоположная сторона. Легенды эти сообщают, как свидетельствуют и русские письменные источники, что столкновение с казаками закончилось добровольно принятым бурятами Ленского края решением подчиниться пришельцам. Такое решение, как говорят предания, принято было бурятами единодушно по совету знаменитого шамана Хойленго Бордоева. Это было событием в жизни верхоленских бурят, память о нем до последнего времени сохранилась в устном творчестве, на что ссылается историк П. Т. Хаптаев²⁷.

Как рассказывают легенды, Хойленго Бордоев был большим черным шаманом, заринном. Когда буряты по его настоянию приняли русское подданство, казаки спросили их: «Кого вы больше всего бонтесь?» — они отвечали: «Черных своих шаманов!» Поэтому Хойленго и был назначен главой ленских бурят — главным князцом. В призывании ему, записанном выдающимся исследователем бурятского фьolkлора С. П. Балдаевым, говорится:

Местность Мухор
Усеяна камнем-галькой.
Местность Ходонсо
Огорожена камнем — стенами.
Бойрдоев сын,
Русый-прерусый Хойлонго!
Отец наш, господин!
От хозяина-царя
Вы имеее широкий указ,
Вылитый из серебра кортик,
Многочисленное собрание мертвых.
От Эсэгэ-Малана тэнгэри
Вы имеее высокое жодо,
Широкий размах призывания!
Вы большое сборище живых

много лошадей и рогатого скота, не потеряв при том ни одного человека. Сие доброе начало ободряло его предпринять еще нечто большее. Он вскоре после того перешел со своими людьми через Ангару, нашел на половину дня пути от реки Анги два бурятских улуса, в коих было около шестидесяти юрт. Также и здесь с начала происходило по желанию: пятьдесят бурят побито, семьдесят взято в плен, а лошадей и рогатого скота числом всего шесть сот получено в добычу. Но между тем буряты, собравшись из всего соседства, напали на Россиян при переезде и после жестокого сражения, из которм убито несколько Россиян, принуждены были взятый скот в добычу оставить; а пленных в знак своей победы шастливо в Верхоленск привели» (И. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 535—536).

²⁷ П. Т. Хаптаев. Изучение шаманства на новом этапе.—«Антирелигиозник», 1931, № 12, стр. 71—72.

Созывали в Ходонсо,
Многочисленное собрание мертвых
Вы собирали на Орголи²⁸!

Так же, как шаман Хойлонго, поступил Куржум Бурлаев, брат гордого князца агинских бурят Чепчугая, память о котором живет до сих пор в названии Шептыхойского улуса. Окруженный со всех сторон во время внезапного нападения, Чепчугуй заявил: «Али де вы не знаете Чепчугуя, каков де Чепчугуй своею головою?». Стреляя из лука, он ранил Федьку Балагата, а «на ком были куяки и пансыри, и он куяки пробивал насквозь». Потеряв надежду взять Чепчугуя, казаки зажгли юрту, но и тогда он предпочел смерть сдаче: «И он, Чепчугуй, сгорел, а не сдался,— с сыном своим». Так, с чувством удивления писали они о гибели бурятского богатыря.

Вернувшись домой после смерти брата, Куржум Бурлаев убедился в беспечности борьбы и принял по своей шаманской вере присягу — шерть, обещая царю быть «в прямом холопстве навеки неотступно со своими улусными людьми». Он рассказал В. Власьеву о Ламе (Байкале) и о мунгалских людях.

С. П. Балдаев записал также и богатый красочными подробностями рассказ, нечто вроде эпического сказания — былины о подвигах и смерти Хара-Ажирая и его сподвижника Харамцай Мэргэна. В этом сказании говорится, что силач Ажирай был сыном Ухэра Бухаева из Шоноева рода. Далее подробно рассказывается о его богатырских подвигах, дружбе с Харамцаем, сыном Унэгэна, из тунгусского рода Шалагир, о вражде с сэгенутским родом и тунгусами, о походе Ажирая и Харамцай на «маньчжуров» и на владения халхаских ханов. В память о походах Ажирая и Харамцай буряты пели:

Малай олон
Маньчжурай дайдада,
Мандагарай олон
Манай Зүлхэйн толгойдо.
Адуунай олон
Ононой ута Хээрэдэ.
Зоригтойн олон
Зүлхэйн зүүн хажууда.

Множество скота —
Это в маньчжурской стране,
Множество силачей —
Это в верховьях Лены.
Множество табунов —
Это в степях Онона.
Множество отважных —
Это на восточной стороне Лены²⁹.

В особых песнях восхвалялась сила Ажирая и меткость стрельбы Харамцай:

²⁸ Ср. В. Асалханов. Предание о подчинении бурят русским (вариант, записанный от кудинского шамана).—«Этногр. бюл. ВСОРГО», № 1. Иркутск, 1922.

²⁹ Запись С. П. Балдаева.

Хада газар ябахадаа,
Хара мориндоо найданабди.
Хари газар ябахадаа,
Харамцай мэргэндээ найданабди.
Агуй газар ябахадаа,
Алаг мориндоо найданабди.
Алуурай газар ябахадаа,
Ажирай бүхэдөө найданабди.

Когда проезжаем по горам,
Надеемся на своего гнедого.
Когда ездим по чужим местам,
Надеемся на меткого Харамцай.
Когда ездим по оврагам,
Надеемся на своего карего.
Когда разъезжаем по опасным
местам,
Надеемся на силача Ажирая³⁰.

История подвигов Ажирая и Харамцай заканчивается рассказом о их гибели. После нападения на селенгинских монголов, говорится в предании, богатыри со своими воинами остановились за Баргузином в Урянхайской степи. Здесь на них неожиданно напали с разных сторон монгольские войска, и все эхири-ты были убиты. Уцелели только Ажирай и Харацай Мэргэн. О ходе дальнейших событий в легенде рассказывается следующее.

«Лошади под ними были убиты, они перестреляли все стрелы, защищались они только своими острыми мечами. Полчища монголов наседали со всех сторон. Они стали отступать к реке Лене. Обоих отважных баторов спасала невероятная их сила и острые булатные мечи. Они ударом меча сваливали двух-трех врагов. Особенно Ажирай был страшен. В своих железных доспехах и шлеме он был неуязвим для врагов.

Вожди двух отрядов приказывали взять двух отважных баторов живыми, чтобы увезти их на свою родину и подвергнуть мучительной и позорной казни преломлением хребта. За их головы были обещаны китайские ланы. Десятские и сотские также жаждали изловить отважных двух баторов, поэтому, наступая на храбрецов, толкали друг друга, даже рубили. Отважные баторы дешево не отдавали себя. Они с особым остервенением и отвагой защищались и рубили направо и налево. Наконец они подошли к высокому берегу своей родной Лены. Отважным ничего не оставалось, как кинуться в могучие волны родной Лены. Взяв свои булатные мечи в зубы, отважные баторы бросились в Лену и поплыли. Они хорошо умели плавать. Постоянное купание в тихих водах Зулхэ (Лены), рыбная ловля в детстве и юношестве научили их плавать и нырять. Два батора, как крупные рыбы, поплыли по могучим волнам, ежеминутно ныряя в волны. Монголы бросили свои мечи, взялись за свои меткие стрелы. На двух отважных баторов тучами неслись стрелы, но они ныряли и выходили в том месте, где их совсем не ждали. Когда два батора стали доплывать до середины могучей Лены,

³⁰ Запись С. П. Балдаева.

то на счастье ихплыли два дерева, вырванные с корнями. Могучие баторы сели на эти деревья и верхом поехали вниз по реке. Монголы с берега стреляли из своих луков. Аппетиты их были испорчены. Живыми взять их они не могли при всем желании. Они могли их поранить стрелами, но это мероприятие желанного результата не могло дать. У деревьев, на которыхплыли баторы, торчали корни, которые являлись в некотором роде защитой. Прячась за торчащие корни, они были совершенно недоступны для нападающих. Стрелы с шумом долетали до убегающих и, ударяясь о дерево, бессильно падали в воду. Это злило начальство монголов. Они бесились: враги были под носом, но поймать их не было никакой надежды. Начальство монголов заставило пустить бревно на воду, сесть на него несколькими храбрецам и догнать убегающих. Несколько человек сели на спущенное бревно и поплыли вниз, но на первом же утесе, огибаемом Леной с правой стороны, ударились о камень, слетели с дерева. Монголы, непривычные к воде и к плаванию, утонули все. Это еще пуще взбесило начальников.

Они приказали одной сотне ехать во весь карьер вниз и у правого выступа подстеречь убегающих и сразить стрелами. Сотня под командой батора Алтоши поехала вперед.

Долго они ехали, но удобной скалы с правой стороны не было. Они доехали до Качуга и решили караулить их у горы Хашая Ундэр³¹. Они взобрались на высокую скалу и стали поджидать.

Скоро беглецы подплыли на своих деревьях, остальные монголы ехали по берегу. Сидевшие в засаде открыли стрельбу, стрелы долетали едва-едва и бессильно падали в воду. Спуститься засевшим было нельзя, мешала им крутизна горы. Беглецы, падая с деревьев при ударе их о скалы, ныряя в воду, плавая за своим случайным судном, благополучно прошли Качугскую гору и поплыли вниз.

Это еще больше взбесило начальство монголов. Оно разделило войско на три части. Одной части приказали следовать по берегу, а другим двум частям ехать вперед, одной части перебраться через реку Лену на левую сторону, и наступать с двух сторон. Передовой отряд достиг нынешнего города Верхоленска, часть переплыла на левый берег, а часть осталась на правом берегу. Когда доплыли до них отважные баторы, то на них напали с трех сторон, засыпали стрелами со всех сторон. Еще монголам помогали местные тунгусы, желавшие ослабить набравшее силу эхиритское племя.

---

³¹ Гора против села Качуг.

Настала критическая минута для отважных баторов. Перестрелявшие все свои стрелы, вооруженные только одними мечами, они не могли при всем своем желании защищаться. Племя эхиритов, обитавшее по притокам Лены, не знало и не смогло дать помощи. Оба отважных батора были смертельно ранены стрелами своих врагов ниже Усть-Тальмы. Обливаясь кровью, они еще крепились держаться и плыть дальше. Но удачными выстрелами врагов они были оба убиты, а тела их упали в воду.

Тело Ажирая-Бухэ было выброшено волнами реки Лены около села Шишкино. Его нашли рыболовы. Они сообщили своим родовичам. Были устроены торжественные похороны, на которых присутствовали представители ближайших родов племен эхиритов: шоноев, тумонтоев, буров, абазаев, хэнгэльдуров и других. Ажирай-Бухэ, как прославившийся своими делами в пользу всего племени эхиритов, был похоронен по шаманскому чиноположению. На горе, против теперешнего села Шишкино, была устроена аранга³². На нее было положено тело героя, павшего смертью героя, со всем своим вооружением, и была забита его лошадь.

Тело Харамцай Мэргэна пристало к берегу реки Лены на том месте, где теперь стоит село Полозково Качугского района Иркутской области. Оно было похоронено совместно бурятскими и тунгусскими родами по чиноположению шаманов и вождей древности. Между двумя соснами была устроена аранга, на которую положили тело вождя, была устроена тризна и забита боевая лошадь.

Учитывая заслуги обоих баторов перед бурятскими племенами, эхириты и булагаты отнесли их к сонму восточных божеств и причислили к штату Эрлен-Хана, владетеля подземного царства.

Как выдающиеся баторы и отважные вожди бурятского племени, боровшиеся за свободу и независимость племен эхиритов и булагатов, как павшие смертью героев за интересы своего племени, они считаются покровителями родовых вождей, общественных деятелей, божествами силы и отваги, мужества и храбрости»³³.

Последний штрих, относящийся к легендам о ленских эжинах, связан с историей самой высокой скалы, возвышающейся

---

³² Помост между двумя соснами, куда было положено тело богатыря с его вооружением.

³³ Записано С. П. Балдаевым со слов Николая Суханова, 65 лет, бывшего головы Куленгской инородной управы Верхотенского уезда Иркутской губернии (улус Обхойский, Качугского района Иркутской области), в 1935 г.

над Леной, посредние Шишкинских скал, которую архиепископ Нил назвал «хилым старцем». Камень этот, отмеченный Ф. Шперком в 1870 году³⁴, был «убран» — взорван в 1897 году³⁵.

Правда, весь «столб» взорвать не удалось. Была разрушена только его верхушка. Тем не менее это событие не могло не произвести тогда сильного впечатления на бурятское население, глубоко почитавшее свою шаманскую святыню. Отголоски его дошли в бурятском фольклоре и до нашего времени.

Английские буряты говорили М. Н. Хангалову, что ленские бурханы имели свое местопребывание у самого якутского тракта. Здесь находились их каменные дворцы, и на них росло по четыре лиственницы. В том месте, где жил Ажирай-Бухэ, на его каменном дворе (скале) росло четыре лиственницы, которые скрутились между собой в верхней части. Впоследствии инженеры, опасаясь, что эти камни и лиственницы упадут на тракт и раздавят людей, взорвали эти камни динамитом во избежание несчастия. После того английские шаманы во время мистерий, приходя в экстаз, говорили от лица Ажирая, что его каменный бассейн (дворец) разорвали динамитом, что его одежда упала в воду, и теперь сушат и поправляют ее в Бэжин-хатан, и что со временем он отомстит русскому царю за оскорбление. Английские буряты думали, что все неудачи и удачи в войне с Японией и Германией зависят от бурхана Ажирая-Бухэ³⁶.

Когда же оторвался плашкоут на переправе через Лену в Качуге и утонул исправник, при котором был взорван этот камень, буряты сразу же объяснили, что здесь сказалась месть Ажирая. Рассказ об этом мы слышали еще в 1947 году на Лене.

Родство изложенных выше бурятских легенд о Хара-Ажирас с шишкинскими рисунками очевидно. На образе грозного хозяина Черного коня и владыки Лены, несомненно, так или иначе отразились изображения воинственных курыканских всадников, сидящих на таких же черных от скального загара лошадях.

«Высокая черная повозка» Ажирая и его «стража из козуй» тоже имеют свои прообразы в наскальных рисунках. Все это буряты воочию видели на Шишкинских скалах и оттуда в готовом виде переносили в свои шаманские заклинания (рис. 1).

---

³⁴ См.: Ф. Ш пер к. Верховенский округ Иркутской губернии в медико-санитарном отношении, стр. 104.

³⁵ См.: «Сибирский вестник», 1913, I/XI, № 127.

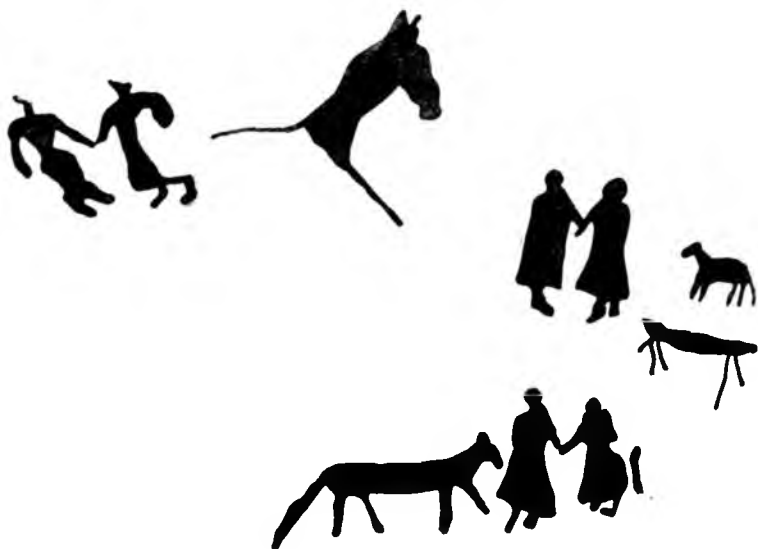
³⁶ См.: М. Н. Хангалов. Шаманская тетрадь, стр. 697—698.

Р и с. 1. Сцены перекочевки. Шишкино.

Но корни близости между писаницами в Шишкино и бурятскими легендами о Хара-Ажире уходят гораздо глубже, в прошлое ленских племен.

Как уже отмечалось, для них характерно изображение нескольких человеческих фигурок, стоящих в ряд. Но есть и такие рисунки, где стоят только две фигуры, причем взявшиеся за руки (рис. 2—3). В одной группе (Никольский ручей, верхний

Р и с. 2. Писаницы. Шишкино.

ярус, рис. 943) такая сцена повторена даже дважды, вверху и внизу. На Двадцать седьмом камне (верхний ярус, группа 1, рис. 514), где изображено девять фигур, две стоят в середине композиции, но обособленно, взявшись за руки.

Парные фигуры видны на другом довольно крупном рисунке, который на этот раз изображает не пеших людей, а всадни-

2

Рис. 3. Писаницы и всадник. Шишкино.

ков, сидящих на одном коне. Рисунок этот находится на Двадцать восьмом камне, в среднем ярусе (рис. 3 а — в). Такие изображения можно было бы считать простой жанровой зарисовкой из степной жизни. Так ленские буряты ездят и до сих пор. Есть и специальный термин для подобного способа езды на коне — сундалха. Этот термин заимствовали и прибайкальские русские, которые называют такую езду «сундалой». Но есть и

другая, более интересная, возможность объяснения этого рисунка мотивами бурятского и якутского фольклора.

В якутском фольклоре праотцы якутов Омогой и Эллей неотделимы друг от друга; они выступают парой. Неразделимы и бурятские богатыри — мужественные герои Хара-Ажирай и Харамцай Мэргэн. Особенно интересно, что Омогой и Эллей в якутских легендах бегут на Лене, спасаясь от врагов или от опустошительной войны. Точно так же бегут от преследующих их врагов вниз по Лене бурятские властители реки Лены.

И в том и в другом случае — два героя, оба они преследуются врагами и бегут, отбиваясь от них, вниз по Лене. Разница только в том, что в бурятской легенде оба гонимых врагами героя гибнут, а не становятся родоначальниками людей. Но и в якутских сагах отец Эллей тоже умирает в пути на Лене. А по данным Линденау, оба героя-двойника якутской саги умерли еще в Прибайкалье.

Не этот ли сюжет бегства от врагов божественных героев-двойников изображает шишкинский рисунок двух всадников на одном коне?

Словом, на шишкинских рисунках представлены как бы иллюстрации к одному из вариантов бесконечно разнообразного в деталях, но единого в основе мифа о невинно гонимых божественных героях — мифа о близнецах.

О том, что видим на Шишкинских скалах миф о близнецах, свидетельствует рисунок, где изображена борьба двух героев. Близнецы в мифах часто противопоставляются друг другу как представители противоположных начал, как извечные враги. В Якутском эпосе культурные герои, близнецы Омогой и Эллей, выступают именно как два противника. Подобно Каину и Авелю библейской легенды они оспаривают милости неба. Боги предпочитают Эллей, а отвергнутый ими Омогой гибнет.

Следовательно, нет ничего удивительного и в том, что этот миф мог существовать и у курыканов. В мифологии же бурят и якутов дошли до нас отголоски курыканского эпоса, отголоски тысячелетних легенд.

Сравнивая якутские и бурятские легенды и сличая друг с другом общие для них элементы, можно с большой вероятностью реконструировать не только основное ядро курыканского мифа о древних божественных близнецах — героях и властителях Лены, но и выявить некоторые существенные детали этого мифологического комплекса. Таков в первую очередь рассказ о том, что божественный беглец плывет на вывороченном водой дереве с торчащими вверх корнями. Так плывет в якутской саге Эллей,

и точно так же плывут вниз по Лене Хара-Ажирай и Харамцай Мэргэн.

Связь этого предания с историей якутов и их уходом на Среднюю Лену подтверждается также и упоминанием в легенде о Хара-Ажире монгольской засады на горе Хашая Ундэр. Это, несомненно, та самая засада, которую, по преданию, устроили буряты во время бегства предков якутов вниз по Лене. Нужно думать, что в данном случае миф о невинно гонимом герое-беглеце был перенесен на целый народ беглецов. Засада ниже Качуга могла быть реальным событием во время переселения предков якутов вниз по Лене, потом ее связали в легенде с древним мифом.

Сходство всех этих сюжетов, в которых причудливо сплетаются рассказы о бегстве прародителей якутов и бегстве Хара-Ажирая, объясняется, очевидно, тем, что они являются общим достоянием якутов и бурят, полученным в наследство от их общих предков — курыканов. От курыканов, надо думать, дошло до нашего времени и культовое почитание Шишкинских скал как местопребывания и жилища покойных героев, обожествленных после трагической смерти.

Это напоминает об изваяниях на могилах тюркских воинов, где были изображены их подвиги и они сами. Как уже говорилось выше, курыканы могли считать жилищами своих покойных вождей скалы с нарисованными на них изображениями. Именно как дворцы умерших божественных героев и описываются ленские скалы бурятскими шаманами в молитвенных призываниях, полных простоты и суровой поэзии.

Оттуда же, из этого древнего источника, через влившихся в состав бурятских племен потомков курыканских обитателей Прибайкалья, должны были получить буряты и традиции курыканского искусства, которые обнаруживаются в их шаманских рисунках.

Так, вокруг Шишкинских скал в одной многокрасочной мозаичной картине переплетается история якутов, бурят и их далеких предшественников — курыканов.

На этом можно было бы закончить наше исследование о писаницах Шишкинских скал. Однако прежде следует сказать еще несколько слов об одной очень немногочисленной и совсем неинтересной в художественном отношении, по любопытной для истории края группе наскальных изображений.

Последними, заключительными штрихами общей картины истории ленского края, отраженной в наскальных рисунках Шишкинских скал, являются некоторые рисунки типа граффити, само содержание которых свидетельствует о их более позднем

по сравнению со всеми описанными выше изображениями происхождения.

Сюда относятся грубо, небрежно выцарапанные острием ножа изображения, среди которых выделяется рисунок судна вроде большой лодки с отчетливо переданной мачтой.

Точно такие же, но нередко более детально и тщательно выполненные рисунки, изображающие суда или большие лодки с мачтой посередине, имеются и на других ленских скалах между Верхоленском и Тутурой. Суда такого рода могли появиться на Лене только с приходом русских. В русских документах XVII—XVIII вв. они упоминаются как дощаники, на которых перевозили людей и грузы по сибирским рекам. Вниз дощаники сплывали собственным ходом по течению или при попутном ветре под парусами. Вверх они шли под парусами или конной тягой. Дощаник изображен, например, на одном наскальном рисунке около деревни Каринги. Впереди едет на коне всадник. От лошади, на которой он сидит, тянется веревка, привязанная к носу судна и к мачте. Всадник изображен схематично и примитивно. Судно имеет высоко поднятый нос и широкую корму; посередине — мачта, от которой к корме и носу протянуты веревки.

Там же, у Каринги, на скалах изображены конные воины, в том числе воины в шлемах, с луками и саадаками, представляющие или конников-бурят, или первых русских землепроходцев, явившихся на Лену. На скалах у Каринги есть и рисунок, изображающий русского солдата XVIII века в мундире с пуговицами, а рядом с ним фигуры тунгусов в характерных костюмах с передником ³⁷.

В Шишкино к той же категории рисунков, оставленных тоже, всего вероятнее, бродячими тунгусами в XVII—XVIII веках, должно быть отнесено схематическое изображение, условно передающее вид какого-то архитектурного сооружения, должно быть, башни русского острога, а возможно, и церкви (для церкви, впрочем, на рисунке недостает креста).

Во всех этих простых и примитивных рисунках отражено удивление коренных жителей Лены, вызванное появлением на земле пришельцев, вооруженных огнестрельным оружием, имеющих невиданные здесь прежде огромные суда с мачтами и па-

---

³⁷ См.: А. П. Окладников. Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен.—«Краткие сообщ. ИИМК АН СССР», вып. XIII, 1946, рис. 32, 33; А. П. Окладников. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М., 1948, стр. 93.

русами, воздвигающих остроги с башнями и церквями небывалой высоты. Такое же наивное удивление и трепет перед чудесами новой, высокой культуры сквозит в преданиях тунгусов и бурят о первой встрече с русскими.

Так заканчивается непрерывная или почти непрерывная многовековая история писаниц Шишкинских скал, этой скальной летописи истории искусства и культуры Прибайкалья с древнейших времен до XVII—XVIII вв. нашей эры.

КОНЬ И ЗНАМЯ НА ЛЕНСКИХ ПИСАНИЦАХ¹

В долине р. Лены на священных в прошлом для ленских бурят скалах у дер. Шишкино имеются многочисленные древние изображения различных времен. Одна из самых обильных и богатых по содержанию хронологических групп шишкинских наскальных изображений относится к тому времени, когда в верховьях р. Лены жила древняя тюркоязычная народность, занимавшаяся скотоводством и земледелием, знакомая с фонетическим письмом, пользовавшаяся руническим шрифтом орхон-енисейского типа.

Народ этот (по всем признакам, курыканы орхонских надписей, гулигань или кули или фури восточных писателей) достиг уже достаточно высокой степени общественного развития.

Ленские писаницы бросают определенный свет и на эту сторону его жизни.

Остановимся на двух примерах — рисунках лошадей и знамен, на которые мне уже приходилось попутно указывать в первом томе «Истории Якутии с древнейших времен», изданном в Якутске. Здесь эту интересную тему мы можем развить подробнее и обстоятельнее, как она этого и заслуживает.

Лошади шишкинских писаниц курыканского времени имеют на голове роскошный, расширенный кверху начельник — в виде султана из перьев или волос. С узды свисает столь же пышная подшейная кисть, или наузды. В некоторых случаях подобные кисти видны и под брюхом коня. Они, должно быть, спускаются с седла или чепрака.

Такой пышный конский убор хорошо известен по одновременным археологическим памятникам иного рода — металлическим плоским фигуркам из Минусинского края² и Забайкалья. На фигурке, найденной в долине р. Чикоя (рис. 1), «конь укр»

¹ «Тюркологический сборник», I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 143—154 с илл.

² См.: В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 68, табл. XVI, рис. 14.

шен красивой сбруей: на нем надета узда, снабженная подшейной кистью и налобным султаном. Эта подшейная кисть — характерное украшение для праздничного центральноазиатского убранства»³.

Образцы подобных украшений обнаружены также и в могильниках данного времени на территории Восточной Европы. В Салтовском могильнике найдено погребение коня «с серебряным головным убором в виде умба с трубкой для насадки султана»; в других случаях трубка для султана была бронзовой, золоченой⁴.

Вообще же, однако, эта подшейная кисть, как указывал еще В. В. Стасов в своем исследовании о катакомбных фресках из Керчи, появляется очень редко на Западе и часто на Востоке. «Пантикапейцы, — пишет он, — следовали здесь опять-таки азиатским преданиям: уже в древнейшие времена ассирийские кони носили подобные украшения и точно такие же кисти привешивались под морду у коней разных азиатских народов, изображенных на памятниках искусства, определить которые уже невозможно. Во времена после рожд. Христа мы видим подобные же кисти на конях именитых сасанидов»⁵.

Султаны с подшейными кистями были широко распространены у кочевников и позже — вплоть до современности⁶.

Они имели, как справедливо указывал В. В. Стасов, магический характер, будучи талисманами-оберегами, но, вместе с тем, означали выдающееся общественное положение их владельцев⁷. По мнению М. И. Ростовцева, на античных росписях керченских склепов «размерами кисти или самой кистью обозначался высокий ранг изображаемого лица»⁸. Такое предположение подтверждается для более позднего времени сведениями об употреблении подшейных кистей у сельджуков в качестве знака особо отличившихся знатных воинов: «бахадур и алпы, про-

³ П. С. Михно, Б. Э. Петри. Чикойский всадник. — «Тр. секции археологии РАНИОН», IV. М., 1929, стр. 225.

⁴ В. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. — «Тр. XV археологического съезда в Новгороде 1911 г.», т. I. М., 1914, стр. 454, 472, 474; он же. Дневник раскопок в Верхнем Салтове, произведенных в 1905—1906 гг. — «Тр. XII археологического съезда», М., 1907, стр. 390.

⁵ A. Zakharow and W. Arendt. *Studia Levedica*. — «Archaeologia Hungarica», XVI, 1934, рис. 26; В. В. Стасов. Катакомба с фресками, найденная в 1872 году близ Керчи. — «Отчет Археологической комиссии за 1872 год». СПб., 1875, стр. 306; Собрание сочинений В. В. Стасова, 1848 г., т. I. СПб., 1894, стр. 271—272.

⁶ См.: В. В. Стасов. Там же.

⁷ См.: там же.

⁸ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913 (текст), стр. 310.

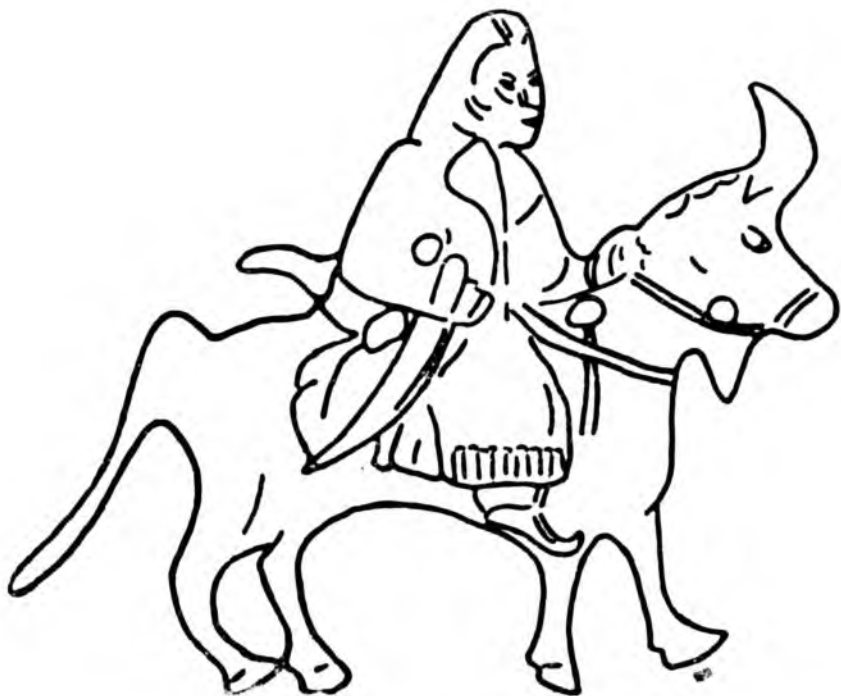

Рис. 1. Изображение всадника, найденное на р. Чикое Бурятской АССР.
(По рисунку П. П. Хороших).

явившие себя на войне подвигами, уничтожившие неприятельские отряды, награждались султаном; шею лошади подвязывали «кутас» — хвост яка, вделанный в золотое украшение; так алпы выделялись среди родовых воинов»⁹.

Подчеркнутая тщательность и забота, с которой вырисованы на лентских скалах фигуры самих лошадей, переданы их формы и движения, обрисованы детали их пышного убора, заставляют вспомнить о тех боевых лошадях, личные имена которых сохранились до нашего времени на могильных памятниках дзюньцзюньских ханов с долины Орхона, или о семи любимых конях их современника, воинственного императора Танской династии Тайцзуна, портретно изображенных на его могиле с мельчайшими деталями сбруи и походного вооружения¹⁰.

⁹ В. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 153.

¹⁰ Sirén Oswald. Histoire des Arts anciens de la Chine, III. La Sculpture de l'époque Han à l'époque Ming. 1930, p. 68—69, tabl. 93.

Кони ленских наскальных изображений, несомненно, тоже были боевыми товарищами своих владельцев, соучастниками их военных подвигов и славы. Они, вероятно, тоже имели свои громкие имена и почетные прозвища, как отмеченный в надмогильной стеле в честь Кюль-Тегина белый жеребец Байырку, пострадавший во время битвы с кыргызами в Черни Сунга, как другой его белый конь Алп-Шалчи, конь Огсиз или те три коня, о которых упоминается в рассказе о битве Кюль-Тегина с китайским полководцем Чача-Сенгуном: «Когда ему, Кюль-Тегину, наступил 21 год, мы сразились с Чача-Сенгуном. Кюль-Тегин повел атаку, сев на своего светло-серого коня Тадык-Чура; этот конь там пал. Он пересел на светло-серого коня Ышбара Ямтар, и этот конь там пал. В третий раз он вскочил на уступленного ему оседланного гнедого коня Йегин-Силиг бега и бросился в атаку, но этот конь там пал»¹¹.

Особое положение коня, являющегося участником подвигов своего хозяина, отражено и в современных эпических произведениях тюрко-монгольских племен Сибири. Конь в них является верным другом своего хозяина, выручающим его из беды, храбрым товарищем в битвах и умным советчиком, указывающим, как следует поступать в трудных случаях, и предупреждающим его об опасностях.

Кроме того, наименование масти коня входит даже и в прозвание его владельца. В алтайских былинах упоминаются, например, «богатырь Тас, имеющий бело-саврасого коня», «богатырь Кара-Мас, у которого вороной конь с обратной шерстью», горный дух, едущий «верхом на сине-сивом коне», «богатырь Ай-Долай на бело-голубом коне с золотой шерстью»¹². Такая роль боевого коня в жизни степных племен нашла отражение и в позднейшем эпическом творчестве народов Сибири.

В бурятском эпосе конь героя спускается с неба или рождается по определению богов; он воспитывает сироту — будущего героя, разум его иногда больше, чем у самого хозяина¹³.

В якутском эпосе конский скот вообще имеет небесное происхождение. Богатырские же кони посылаются божеством конского скота Джесегеем их владельцам из страны солнца, с верхнего мира. В критические моменты они говорят на языке ураан-

---

¹¹ Е. Г. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 310; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина.—«Зап. Вост. отд. Рус. Археол. о-ва», т. 12, вып. 2 и 3. СПб., 1899, стр. 72.

¹² «Алтайский эпос «Когутэй». Academia, 1935, стр. 175.

¹³ Г. Д. Санжеев. Эпос северных бурят. (См.: «Аламжи-Мэрген». Бурятский эпос. Academia, 1936, стр. XVIII).

хай-сахаларов и помогают богатырям своими мудрыми советами. Эти богатырские кони одарены волшебными свойствами и особыми интеллектуальными качествами¹⁴.

Особое назначение и роль боевых коней, изображенных на писаницах, отражается и на их внешнем облике, определяя его общий характер — экстерьер. Художник всегда стремился передать черты особой породы, облик рыцарского коня, предназначенного не для повседневной трудовой жизни степного скотовода, а для военных дел, для рыцарских забав и утех. Перед его глазами стояли высокие кони с маленькой горбоносой головой, посаженной на круто выгнутой лебединой шее, кони с сильной грудью и тонкими сухими ногами неугомимого скакуна (рис. 2).

Рис. 2. Изображения всадников на шишкинских скалах.

Своеобразная стилизация конских фигур в писаницах еще более усиливает эти реальные черты — показывает их в подчеркнутом виде и нередко обостряет почти до гротеска.

В общей стилизации ленских наскальных рисунков имеется поэтому много совпадений с характерными приемами изображения лошадей в феодальном византийском и древнерусском искусстве. Кони древнерусских икон, византийской живописи и миниатюр сближаются с лошадьми курыканских писаниц своей подчеркнутой хрупкостью и изысканно манерным аристократическим изяществом общих очертаний, в особенности же круто выгнутыми «лебединными» шеями.

Но при всем этом кони ленских писаниц все же вызывают в памяти облик вполне реальной большой разновидности лошадей. Как известно, иппологи делят лошадей, в соответствии с

¹⁴ Сборник трудов Исследовательского общества Саха-Кескиле, вып. I. Якутск, 1927, стр. 117—118.

их физиологическими и конституционными признаками, на две большие группы.

В первую группу входят «лошади быстрых аллюров» (верховые кони, скакуны и рысаки), во вторую — «лошади шага» (тяжеловозы, рабочие кони). В основе такого деления лежат их физиологические различия: лошади первого типа обладают «горячей кровью», их пульс бьется чаще, дыхание быстрее, температура выше, кровь их гуще, богаче красными тельцами; у лошадей «хладнокровных» температура ниже на 0,4°, пульс вместо 30—40 дает 33—35 ударов, дыхание ограничивается 9—11 вдохами и выдохами в минуту вместо 12—14 ¹⁵.

Родина коней с горячей кровью — Азия и Африка, в местностях сухого и теплого климата со скудными сухими пастбищами.

Лошадь пустыни, отличающаяся от всех других своим пылким и нервным темпераментом, по словам специалистов, представляет «ценнейший тип, передававшийся, как драгоценность, от одной цивилизации к другой, от одного культурного народа к другому» ¹⁶.

Именно такую лошадь — этот идеальный образ боевого коня в глазах воинственных степняков, лучшего скакуна в мире — вероятно, и имели в виду мастера ленских писаниц курыканского времени.

Нельзя не отметить поэтому замечательного совпадения лошадей ленских писаниц с образом богатырского коня в казахском эпосе. Обращаясь к своему коню Тарлану, богатырь Ер-Таргын, например, восклицает:

Ты мой короткозапастый конь,
Узкопоясничный конь,
Мой широкогрудый конь,
Высокоголовый конь ¹⁷.

Все без исключения перечисленные здесь черты богатырского коня характерны и для лошадей, изображенных на ленских скалах.

Но эти кони, одетые в пышный убор с кистями и султанами, не могли, разумеется, принадлежать рядовым общинникам, простым смертным. Они, несомненно, принадлежали только небольшому аристократическому слою местного населения, той «благородной» верхушке древнего общества, чьим основным занятием были пиры, охота и война; чья жизнь протекала и часто заканчивалась, как это было у древних тюрков на Енисее и в

¹⁵ См.: Кулешов и Новиков. Коневодство. М.—Л., 1933, стр. 19.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Н. А. Юрасов. Разведение лошадей. (См.: «Книга о лошади». Сельхозгиз, 1933, стр. 47).

Монголии, на полях сражений или в борьбе с диким зверем во время охоты.

Неудивительно поэтому, что на ленских скалах встречаются не только отдельные фигуры конных воинов, но и тщательно выполненные композиции, изображающие сцены действий и охоты.

На одном рисунке изображена, например, группа пешеходов, поднявших руки вверх, и воин, стреляющий в них из лука. На другом рисунке видно, как всадник со знаменем в руке гонит перед собой двугорбых верблюдов, может быть изображающих отогнанное от врагов стадо (рис. 3). На третьем рисунке всадники скачут за сохатым, стремясь набросить арканы-лассо на их широко разветвленные рога.

Рис. 3. Изображения всадников и верблюдов на шишкинских скалах.

В особенности важна для понимания социально-политических отношений у курыканов такая деталь шишкинских писаниц, как знамя, находящееся в руках некоторых всадников.

Знамена всегда изображены здесь в виде четырехугольников, почти квадратов, перпендикулярно прикрепленных на конце длинного прямого древка. Сбоку от них отходят три поперечные линии, вероятно, изображающие три хвоста знамени, которые должны были развеиваться по ветру. Знамена, несомненно, были изготовлены из прямоугольных полотнищ какой-то материи. Размер их, судя по соотношению отдельных частей всего рисунка, был относительно небольшим, не более метра.

Древнейшие знамена степных племен имели, подобно перед-

неазиатским¹⁸, иной вид. Это были фигурные изделия из меди и бронзы, характерные для скифской культуры Восточной Европы и одновременных ей степных культур Центральной Азии — вплоть до Ордоса и Северного Китая, — так называемые «навершья», изображающие различных животных и, в очень редких случаях, человека¹⁹.

Такими были и знамена орхонских тюрков. Из китайских источников известно, что знамена тюрков имели вид сделанной из золота волчьей головы, так как волк считался предком-тотемом тюркского племени. Китайцы сообщали о правящем роде тюрков, что он произошел от волчицы, в числе детей которой был Ашина — «человек с великими способностями, и он был признан государем: почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головою в воспоминание своего происхождения»²⁰.

«Волчьи» знамена древних тюрков представляли, по-видимому, такие же фигурные штандарты, как знамена с головой дракона в сасанидском Иране или с орлами у римлян.

Но наряду с металлическими фигурными штандартами у различных народов Азии существовали и матерчатые флаги, вполне аналогичные изображениям на Ленских скалах. У тех же иранцев были войсковые знамена из материи с развевающимися на них вырезами-хвостами. Они видны, например, на серебряном блюде, найденном в 1909 г. у д. Аниковой Чердынского уезда Пермской губернии, изображающем, как полагают исследователи, занятие крепости иранцами и внесение в нее «священного огня»²¹.

Наиболее ранние сведения о матерчатых знаменах арабов относятся к V в. н. э., когда знамя корейшитов в Мекке имело вид куска белой ткани, привязанного к копью. Глава корейшитов имел права охраны храма, обслуживания храма, председательствования в совете и поднятия знамени. Позднейшие араб-

---

¹⁸ F. Sarre. Die Altorientalische Feldzeichen mit besonderer Berücksichtigung eines unveröffentlichten Stückes. *Klio*, III, 1903.

¹⁹ См.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1918; Н. Толстой и Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, стр. 32, 93, 94; вып. III, стр. 40.

²⁰ G. S. Andersson. Der Weg über die Steppen. *Bull. Mus. of Far Eastern Antiquities*. Stockholm, 1929; он же. *Hunting Magic in the Animal Style*. Ibid., 1932, pl. 8, pl. XXX, 1—20, 3; Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, с. 257; В. А. Пянов. К истории народов Средней Азии. Сюн-ну (хунну) китайских летописей. Владивосток, 1916.

²¹ См.: И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 20.

ские знамена хорошо известны по данным различных авторов. Они назывались «лива» и «райа». Знамена эти преимущественно были черного и белого цвета, но в различных случаях и у разных племен употреблялись знамена различных цветов. Полотнища древнейших знамен имели прямоугольную форму²².

Матерчатые знамена черного цвета имели соседи иранцев, тагазгазы или тогуз-гузы в X в. н. э. и, по-видимому, печенеги. В 1090 г. н. э. византийцы, уничтожив печенегов, «перерядились в печенежское платье, снятое с пленных и убитых, сели на печенежских лошадей, взяли их знамена и сделали до того похожи на печенегов, что могли испугаться самих себя»²³.

О енисейских кыргызах в китайских источниках сказано, что они «на войне употребляют луки со стрелами и знамена»²⁴. Кыргызские знамена известны были и арабам. Абу-Долейф, арабский путешественник, от которого мы узнаем о знаменах тагазгазов, сообщает: «Знамена у них зеленого цвета»²⁵.

До нас дошли также подлинные рисунки кыргызских знамен того времени. На Соляной горе в Сулеке (к западу от Батеней на Енисее, выше Красноярска) сохранилось выгравированное на камне изображение конного воина в кольчуге и шлеме, с длинным копьём, на конце которого видно прямоугольное знамя с двумя хвостами²⁶.

На другом наскальном рисунке в Сулеке с «Писаной горы» изображен скачущий во весь опор всадник. В одной руке у него повод, в другой — копьё с двумя флажками, может быть, обозначающими в схематической форме те же самые хвосты²⁷.

Если на этих рисунках, в особенности на втором, изображены скорее индивидуальные значки — флаги воинов, то настоящие знамена в виде широких прямоугольных полотнищ изображены на замечательном каменном изваянии «кижи-таш» или «каджи-таш», находящемся вблизи устья р. Аскыз в Минусинском крае. По словам Пестова, «на одном боку изваяния видны

²² См.: М. М. Гирс. К вопросу об арабских знаменах.—«Записки Коллегии востоковедов», т. V, стр. 343—356.

²³ В. Василевский. Византия и печенеги.—«ЖМНП», 1872, декабрь, стр. 254.

²⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 445.

²⁵ Григорьев. Об арабском путешественнике X в. Абу-Долейфе и странствованиях его по Средней Азии.—«ЖМНП», 1872, сентябрь, стр. 32, 33, 34.

²⁶ См.: И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, табл. VIII, рис. XVI—4.

²⁷ См.: «Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887—1889». Herausgegeben von Hjalmar Appelgren — Kivalo, Helsingfors, 1931, abb. 93; abb. 31.

«Были изображения двух человек, из которых один — на лошади, в руке держит копье со значком, разделенным на три лопасти, другой — пеший, с огромным луком, за ним стоит двугорбый верблюд. На левом боку, против самой головы, — копье с таким же значком»²⁸.

Из приведенных примеров видно, что по своей форме ленские знамена входили в число обычных военных знамен Центральной и Средней Азии средневековой эпохи, обнаруживая притом наибольшее внешнее сходство с знаменами енисейских кыргызов.

Одинаковым было, конечно, и их значение. У всех азиатских народов знамя окружалось религиозным ореолом, пользовалось глубоким культовым почитанием.

Об уйгурском хане Гэлэ Мояньчжо китайцы писали, что он, «гордясь силою, выставил войско, подвел посла Дзы-и поклониться волчьему знамени»²⁹.

Такой обряд сохранялся у потомков монгольских завоевателей в Средней Азии до конца XV — начала XVI в. Сохранилось замечательное по точности описание подобного обряда, совершенного в 1502 г. между Пскентом и Самсиреком³⁰.

Даже у арабов, где до ислама и при жизни Мухаммеда, по мнению М. М. Гирса, знамя не имело особого государственного и культового значения, «по мере развития военного дела,

²⁸ И. Пестов. Записки о Восточной Сибири. М., 1883; Спасский. О достопримечательнейших памятниках древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими.—Зап. РГО», кн. XII. СПб., 1857, стр. 124, табл. I, рис. 4; М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей.—Мат-лы по этнографии», т. IV, вып. 2. Л., 1929, табл. VII, рис. 68, стр. 85; П. С. Паллас. Путешествие по различным провинциям Российского государства, I, ч. 3, стр. 501; Н. И. Попов. О каменных бабах Минусинского края.—Изв. ВСОРГО», II, № 4, 1871. Иркутск, 1872, стр. 60.

²⁹ И. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 386.

³⁰ «По монгольскому обычаю заколдовали знамена. Хан сошел с коня. Перед ханом водрузили девять бунчуков («туг»). Один монгол, привязав длинную белую бязь к средней бычачьей мозговой кости, взял [ее] в руку, а другой [монгол], привязав три куса длинной бязи к трем бунчукам пониже хвостов («кутас»), пропустил их под бунчучными древками. На край одной бязи ступил хан; на край другой бязи, привязанной к бунчуку, я вступил — султан Мухаммед-Ханикэ [сын хана].»

«Тот монгол, который эти куски привязал, взяв в руку обвязанную бязью, среднюю бычачью мозговую кость, произнося что-то по-монгольски, обратившись к бунчукам, делает знаки. Хан и все присутствующие брызгают кумысом («кумызлор») в сторону бунчуков. Один раз играют на всех гобоях («нефир») и барабанах («накар»). Все стоящие в строю воины издают один раз боевой клич («суран»). Трижды так проделывают. После этого, сев на коней и кликнув боевой клич, все это войско мчится вдаль. Среди монголов установления («гузук») Чингисхана, держатся поньше точно так, как Чингисхан их создал и оставил» («Живая старина», 1911, вып. III—IV. СПб., 1912, стр. 431—432).

знамя, служившее ранее лишь знаком войскового объединения, начинает приобретать значение символа, с которым связана какими-то нитями судьба воинов, защита знамени становится вопросом чести и, наконец, после смерти пророка знамя начинает почитаться как реликвия»³¹.

Знаменам приносили в древности, очевидно, даже кровавые жертвы, в том числе человеческие. Так, по монгольскому преданию, черному знамени Шидыrvана, погибшего в борьбе с китайцами, «прежде приносили в жертву людей, а ныне приносят скот»³².

В халха-монгольских былинах рассказывают, что царь драконов приказал принести захваченных им богатырей в жертву своему черному знамени»³³.

Култ знамени в том, что оно мыслилось как талисман, в котором обитает дух-покровитель племени, находится могущественная сила, от которой зависит не только тот или иной военный успех, но и самое существование данного племени.

По словам Д. Банзарова, «монголы приписывают особе царя нечто божественное, какое-то особенное могущество, которое невидимо хранит его подданных, и это качество называется «сулдэ». Материальным воплощением монгольского сулдэ служило царское знамя, прежде всего знамя самого основателя правящей в империи династии Чингиса, состоящее из девяти бунчугов, называвшихся «сулдэ»³⁴.

Знамя имело, следовательно, значение священного фетиша племенного объединения, вокруг которого концентрировались все члены данного племени.

Знамя как священная реликвия, как вещественный символ общеплеменного или родового объединения, с одной стороны, и знамя как символ достоинства вождя и его титула — с другой, были неразрывно связаны друг с другом. Без знамени не могло быть вождя или хана.

Мы уже видели, что по сведениям китайских летописей, опиравшихся на предания самого тюркского народа, его прародитель и первый государь Ашина выставил знамя с волчьей головой над воротами своей ставки, после того, как «признан был

---

³¹ М. М. Гирс. К вопросу об арабских знаменах.—«Зап. Коллегии востоковедов», т. V, 1930, стр. 357.

³² Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии.—«Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению РГО», вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883, стр. 308.

³³ Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос, стр. 118.

³⁴ Д. Банзаров. Черная вера или шаманство у монголов. СПб., 1891, стр. 29.

государем». О государе хакасов Ажо китайцы писали, что именно у него «водружено знамя»³⁵.

В рассказе о гибели уйгурского государства сам кыргызский хан говорит, обращаясь к своему противнику, уйгурскому хану: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму Золотую орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя»³⁶.

Тот же образ знамени как символа власти хана содержится и в рассказе Абуль-Гази о поражении джагатайцев под Самаркандом: «Всевышний Господь возвысил руку Берке-Султана, а знамя Мазайяд Аргуна уронило», — пишет Абуль-Гази³⁷.

О таком же значении знамени у казахов, например, можно судить по рассказам, записанным в свое время Левшинным, который сообщает, что каждый род имел прежде большое знамя и каждое отделение — свой значок, «которые все тщательно сохранялись в мирное время и вывозились только на войну; но не на баранты». Сражавшиеся делали себе значки одинакового цвета с главным знаменем и навязывали себе на руки платки, ленты или нашивали лоскутья из материи такого же цвета. Хранителем главного знамени в походах избирался один из почтеннейших султанов или старшин, который после главного начальника был первым лицом³⁸.

Утрата знамени была поэтому подлинной катастрофой. Такая катастрофа случилась, например, с теми же казаками, которые во время одной неудачной битвы потеряли свои знамена. После этого они знамен уже не имели.

Казахи были разбиты ханом Рашидом у Иртыша или на Иссык-Куле и потеряли девять или шесть своих знамен³⁹.

Обладание знаменем было не только внешним выражением единства племени или главным признаком общеплеменной власти, но и непременным условием последней, священной гарантией влияния и господства вождя над всеми остальными членами этого объединения.

В монголо-ойратских былинах Красный Мангус видит злобещий сон, о котором рассказывает: «Будто запрыгали мои легкие и сердце. Черное знамя мое покривилось и будто завладе-

³⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 445.

³⁶ W. Schott. Über die ächten Kirgisen. Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1864, S. 433—435; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 449.

³⁷ Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1905, стр. 165.

³⁸ См.: А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. СПб., 1832, стр. 52—54.

³⁹ См.: В. В. Бартольд. Киргизы. Исторический очерк. Фрунзе, 1929, стр. 38.

ли всеми моими стадами и подданными. Увидел я, как мучают моих верблюдов, как заставляют юрта за юртой кочевать народ мой»⁴⁰.

Представление о связи, существовавшей между знаменем самого Чингиса и его ханским достоинством, нашло яркое выражение в позднейшем монгольском фольклоре. Г. Н. Потанин записал дюрбютское предание о дочери Чингисхана, которая при своем отъезде к мужу пожелала получить в приданое белое небесное знамя, «тэнгрийн цаган тук», своего отца. «Чингис,— говорит предание,— отказал ей, сказав, что он хан, властитель, и не может отказаться от признака своей власти. Тогда дочь украла знамя и ушла»⁴¹.

Неразрывная связь ханского или княжеского достоинства с знаменем отражена и в фольклоре степных племен, отделенных от Халхи тысячами километров.

С. В. Фарфоровский пишет о «трухменах» Ставропольской губернии: «...У трухмен были два брата богатыри Берек и Эксельбай. Во время междоусобиц, возникших среди калмыков из-за неправильного наследования престола, Берек вступает за обойденного старшего брата — сына умершего калмыцкого хана. Берек один выходит против воинов, окружавших младшего калмыцкого князя. Он пробрался сквозь ряды калмыков и выхватил из рук калмыцкого князя знамя — знак княжеской власти. Знамя это было прислано из Тибета. Оно обоготовилось народом. Знамя Берек возвратил старшему брату, который и сделался князем»⁴².

Знамя, естественно, сопровождало вождем-военачальникам в битвах. Марко Поло, например, описывая восстание Наяна против Хубилая, особо отметил, что перед боем «высоко поднялось его, Наяново, знамя»⁴³. Знамя сопровождало вождей и в последний путь — к могиле.

Ибн-Фадлан слышал, что у сакалибов знатных погребали в сопровождении знамени. «После обмывания покойника,— рассказывает путешественник,— везут его на повозке, которая тащит его понемногу вместе со знаменем, пока не придут с ним

⁴⁰ Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос. Элиста, Калмыцкий НИИЯЛИ, 1967, стр. 70.

⁴¹ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV. СПб., 1883, стр. 324—325; он же. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 804—847.

⁴² С. В. Фарфоровский. Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии.—Изв. о-ва любителей археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, XXVII, вып. 3, 1911, стр. 186.

⁴³ Марко Поло. Путешествие. Л., 1940, стр. 78.

к месту, в котором похоронят его». После похорон «жителям надлежит водружать на дверях его палатки знамя. Они приносят его оружие и кладут вокруг его могилы и не прекращают плача два года. Когда же закончится два года, они снимают знамя и отрезают часть от своих волос, и родственники мертвого созывают знатный пир, посредством которого дается знать об окончании их печали, и если у него была жена, то она выходит замуж. Это так происходит, если бы он был из числа главарей». Обыкновенных людей хоронили иначе, без знамен и сложных обрядов⁴⁴.

Аналогичная роль знамени в погребальном обряде отмечена и в недавнем прошлом у киргизов. Во время байги по случаю смерти одного из манапов юрта покойного была отмечена стягом, а затем юрта и стяг были перевезены на место поминальных торжеств⁴⁵.

Такое значение знамени в погребальном ритуале заслуживает особого внимания в связи с ленескими наскальными рисунками, изображающими всадников с знаменем в руках, так как последние могли быть изображениями умерших вождей, соответствуя традиционным культовым фигурам — куклам или болванам, изображающим покойного вскоре после кончины в качествеместилища его души.

В свете приведенных данных не остается сомнения в том, что знамя у всадников на шишкинских рисунках служит прямым указанием на их общественное положение и политическую роль. Гордые всадники, знаменосцы верхленских писаниц, являются или реальными, земными, или уже обожествленными, умершими военно-аристократическими вождями родов и племен курыканского народа, предводителями его боевых дружин и властителями.

Можно, следовательно, сделать вывод, что у курыканов на Лене существовало общество, разделенное на два основных слоя: массу, демос — внизу и аристократов — наверху общественной пирамиды. Существование у них такого аристократического строя является вполне естественным, если учесть не только общий уровень хозяйственного развития, но и весь облик

---

⁴⁴ См.: «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М.—Л., 1939, стр. 77; K. Szegledy—J. Harmatta. Ibn Fadlān über die Bestattung bei den Wolga-Bulgaren. *Archaeologiai Értesítő*, ser. III, vol. VII—VIII—IX (1946—1948). Budapest, 1948, с. 362—382.

⁴⁵ С. Е. Дмитриев. Байга у кара-киргизов по случаю смерти манапа Шабдана Джантаева в Пишпекском уезде. Журналы заседаний Отделения этнографии РГО, заседание 18 января 1913 г. — «Живая старина», 1913, вып. I—II, стр. XXX.

этой культуры и связи ее носителей с внешним миром, определяющиеся положением их среди остальных племен.

Во всяком случае, обитателей Прибайкалья этого времени нельзя рассматривать вне связи с окружающими их обществами той поры и государственными образованиями, вне общих рамок политического и культурного развития народов Азии, обитавших как восточнее Байкала, так и западнее Енисея.

Их страна вовсе не была глухим и диким захолустьем своего времени: культурный пульс ее бился в унисон с культурной жизнью других ее тюркских соседей, это был форпост передовой для той эпохи в Сибири культуры.

ОБРАЗ ПТИЦЫ В ИСКУССТВЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАБАЙКАЛЬЯ И ЕГО АНАЛОГИИ В НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ БУРЯТ¹

Среди археологических памятников Сибири внимание исследователей издавна привлекали широко распространенные многочисленные наскальные изображения, или «писаницы», как их называет местное население. Среди них особое место занимают наскальные рисунки Забайкалья, ставшие впервые известными в науке еще в первой половине XVIII в., когда их существование отметил Г. Ф. Миллер, писавший, что в Селенгинском крае, в степи между реками Джидой и Темником «на скалах и камнях разные фигуры (имеются)»². Сам Миллер и другие участники Великой северной экспедиции забайкальских писаниц, однако, не видели. Первые точные сведения о писаницах Забайкалья появились в литературе только со второй половины XIX в. Тогда же были опубликованы и первые воспроизведения этих рисунков.

Тем не менее до недавнего времени оставались неизвестными границы распространения, основные сюжеты и возраст забайкальских писаниц. Поэтому в числе других первоочередных задач, ставших перед Бурят-Монгольской археологической экспедицией Института культуры Бурят-Монгольской АССР и Института истории материальной культуры АН СССР, начавшей свою работу в 1947 году, была поставлена также задача изучения наскальных изображений к востоку от Байкала³. В результате проведенных здесь исследований в 1947—1953 гг. нами было выявлено и изучено местонахождение большого количест-

¹ «Советская этнография», 1954, № 1, стр. 150—153 с илл.

² См.: В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3. СПб., 1894, стр. 109.

³ См.: А. П. Окладников. Краткий отчет о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции.—«Зап. Бурят-Монгольского науч.-исслед. ин-та культуры», вып. 8. Улан-Удэ, 1948; его же. Археологические исследования в Бурят-Монголии.—«Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. 8, № 5, 1951.

ва наскальных рисунков и обнаружен ряд первоклассных памятников этого рода, главным образом в долине р. Селенги и ее притоков Джиды и Уды, Оронгоя, Чиноя, Иволги, а также в бассейне р. Онона.

Как оказалось, наскальные рисунки Забайкалья и Северной Монголии разделяются по технике выполнения на две группы. В первую входят рисунки, выполненные точечной техникой. Они имеются обычно на гладких базальтовых глыбах и скалах, покрытых жирным блеском «пустынного загара». Изображения этой группы в свою очередь могут быть по стилю разделены на три основные группы: а) с изображениями горных козлов, стилизованных характерным образом; б) с рисунками оленя, выполненными в так называемом «скифско-сибирском зверином стиле»; в) со схематическими изображениями людей.

Вторая группа объединяет рисунки, выполненные красной краской, охрой или кровавиком. В этой группе тоже можно выделить рисунки различного стиля и содержания, но основная масса их поражает единообразием стиля и сюжета. Где бы мы ни встретили наскальные рисунки этой группы, известные сейчас в количестве многих сотен и даже тысяч, — на Селенге около Улан-Удэ, в Монголии на Толе около Улан-Батора, в верховьях р. Уды, около Хоринска или на Ононе около с. Агинского, — всюду найдем одни и те же сюжеты, одни и те же одинаковым образом стилизованные схематические фигуры. Чаще всего встречаются простые овальные или круглые пятна, представляющие собой как бы простые оттиски пальцев, намазанных охрой, или мазки краски. Такие пятна располагаются обыкновенно группами, а в группах — горизонтальными рядами, но без особого порядка.

Пятна во многих случаях сопровождаются фигурами в виде прямоугольников или овалов, своего рода «оград». Там же, как правило, в одной и той же композиции, встречаются схематические фигурки человечков, которые расположены в ряд, иногда взявшись за руки, цепочкой. Вместе с человечками можно встретить примитивно выполненные фигурки животных, круги, кресты, изображения птиц.

Писаницы такого рода ограничены в своем распространении пределами лесостепной и степной зон Забайкалья. Они известны на территории Бурят-Монгольской АССР, в соседней с ней лесостепной и степной части Читинской области (долина р. Онона), а также в Северной Монголии. Сюда относятся писаницы на р. Толе, вблизи г. Улан-Батора, где они обнаружены в местности Хачурт и в непосредственном соседстве с самим городом.

на противоположном берегу р. Толы, у подножья горы Богда-Ула.

Есть сведения, что довольно близкие, по-видимому, по характеру рисунки встречаются по притокам Амура в верхнем и среднем его течении, в частности, в районе Благовещенска, т. е. в районах Дальнего Востока, по своим ландшафтно-географическим условиям представляющих прямое продолжение Забайкалья. Однако писаницы верхнего и среднего Приамурья пока еще не были изучены специалистами и не описаны детально. Возможно, поэтому, что они будут отличны от забайкальских, и в частности олонских, писаниц.

Возраст забайкальской группы писаниц определяется теперь достаточно точно. Они относятся к бронзовому веку, т. е. к тому времени, когда в Забайкалье существовала оригинальная культура людей, строивших на своих кладбищах «плиточные могилы». В абсолютных датах это будет, всего вероятнее, первая половина первого тысячелетия до н. э. Такой вывод основывается на сходстве изображений птиц, человечков и фигур животных, характерных для писаниц, с изображениями на медных и бронзовых ножах Забайкалья и Монголии, относящихся к первому тысячелетию до н. э.⁴

Среди изображений, чаще всего встречающихся на забайкальских писаницах бронзового века, как уже сказано, видное место принадлежит фигуркам птиц. Птицы эти всегда бывают изображены в одном и том же традиционном виде. Они имеют узкое туловище, обыкновенно заканчивающееся внизу хвостом, разделенным на две или реже на три заостренные части. Крылья птиц широко раскинуты в стороны, часто они дугообразно выгнуты. Голова птицы, как правило, небольшая, имеет вид округлого выступа. Птицы как бы вертикально парят в воздухе, распластав крылья (рис. 1). Нет никакого сомнения в том, что такие рисунки изображают хищную птицу, скорее всего сокола, а может быть, и орла.

Каждого, кто видел такие рисунки на забайкальских скалах и знаком с этнографией бурят, не могло не поразить неожиданное сходство этих фигур птиц, датирующихся первым тысячелетием до н. э., с одним из наиболее популярных в прошлом мотивов бурятского народного орнамента. Этот орнаментальный мотив был зарегистрирован в 1920-х годах П. П. Хороших у ольхонских бурят, где он применялся на шерстяных чулках, ко-

---

⁴ См.: А. П. Окладников. О датировке забайкальских писаниц.— «Зап. Бурят-Монгольского науч.-исслед. ин-та культуры», вып. 16. Улан-Удэ, 1952, стр. 57—62.

Рис. 1. Изображение птицы. Писаница бронзового века. Сотинково, 3-я падь.

которые имели в верхней своей части широкую орнаментальную кайму черного цвета, резко выделяющуюся на белом фоне. Узор каймы состоял обычно из довольно узких зигзагообразных полос. В одних случаях такие зигзаги располагались горизонтально, в других образовывали широкие ромбические полосы. В сочетании с ними находились, по словам собирателя, «некоторые элементы орнамента», «напоминающие собою как бы стилизованные изображения птиц или бараний рог», хотя сами буряты такого толкования не давали⁵. Позже П. П. Хороших, однако, сообщил мне, что ему удалось установить наименование этого орнаментального мотива. Буряты называли его, по словам П. П. Хороших, «йэхэ шубун», т. е. «орел». Культ орла, как известно, имел в бурятском шаманстве, как и вообще в шаманстве ряда сибирских народов, очень важное значение. Следует вспомнить, в частности, что бурятские шаманы считали орла покровителем острова Ольхон.

Чтобы получить представление об этом мотиве, приведем два рисунка. На первом из них птицеобразная фигура заполняет пустое пространство внутри широких ромбов, образованных перекрещивающимися зигзагами. Образец этот зарисован был в Онгуренском улусе Кутульского хошуна. Возраст его равен был 60—65 годам (рис. 2а).

⁵ П. П. Хороших. Материалы по орнаменту бурят, I. Шерстяные чулки.—«Сибирская живая старина», вып. 2 (6). Иркутск, 1926, стр. 211—214, табл. 5, 7.

На втором образце орнамент представляет собой сочетание горизонтальных полос. Вверху имеется узкая зигзагообразная полоса черного цвета. Ниже проходит узкая белая, тоже зигзагообразная полоса. Под ней помещается широкая черная лента с зигзагообразно-пильчатыми краями. На черном фоне ее имеется белая птицеобразная фигура, расположенная с одинаковыми интервалами. Затем следуют две узкие зигзагообразные полоски, а под ними на белом фоне в том же порядке, в строгом

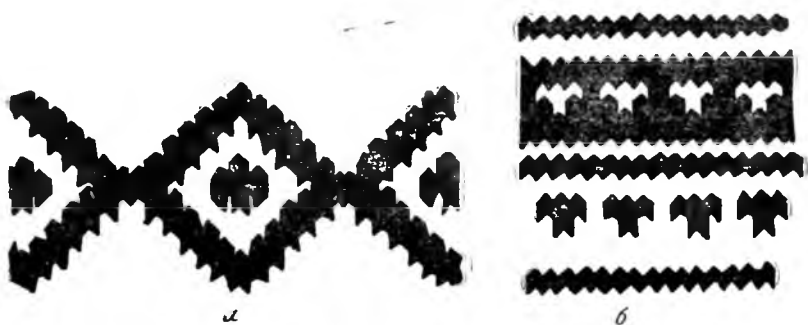

Рис. 2. Образцы с мотивами птиц: а—из Онгуренского улуса Кутульского хошуна, б—из Ольхонского края.

соответствии с верхним рядом птицеобразных фигур, размещается второй такой же ряд черных фигур птиц (рис. 2б). Образцы такого узора были распространены, по данным собирателей, по всему Ольхонскому краю.

Достаточно взглянуть на птицевидные фигуры таких старинных бурятских чулок и сравнить их с наскальными рисунками, чтобы в памяти сразу встали птицы забайкальских писаниц бронзового века. Перед нами — те же вертикально парящие в воздухе лунокрылые птицы с маленькой головой, узким туловищем и разделенным внизу хвостом, точно так же расположенные группами. Разница только в том, что на тканых шерстяных чулках XIX в. из ольхонских улусов очертания геометричнее и строже, крылья их не округлые, а угловатые. Но это целиком зависит от техники тканья, определяющей прямолинейность и угловатый характер контуров фигурок птиц. В остальном же сходство между нашими археологическими и этнографическими образцами полное и бесспорное.

Чем объяснить такое поразительное совпадение и притом совпадение не каких-либо элементарных мотивов орнамента вроде, например, кружков, крестиков или зигзагов, а такого спе-

цифического и весьма сложного мотива? Чем объяснить и тот факт, что остановивший наше внимание птицеобразный элемент узора обнаруживается на той же почти территории, у берегов Байкала, на которой он существовал когда-то у людей бронзового века, около 2500—3000 лет назад?

Вряд ли все это может быть отнесено за счет простой случайности, какого-то ничем не оправданного каприза истории орнаментального искусства. Значительно правдоподобнее предположить в данном случае наличие какой-то древней культурной традиции в старинном бурятском орнаменте XIX в., связывающей его с искусством неизвестных нам по имени древних степных племен Забайкалья бронзового века.

Таким образом, допустимо сделать вывод, что своеобразная культура этих племен, несмотря на прошедшие с тех пор два с половиной тысячелетия, не умерла целиком и не исчезла бесследно, а в некоторых специфических ее проявлениях, и надо думать не в одном только орнаменте, дожила до нашего времени. Второй вывод сводится к тому; что в древней культуре современного бурятского народа, а может быть, и в его этническом составе уцелели элементы отдаленной древности Забайкалья, восходящие к тем временам, когда люди, хоронившие своих мертвых в величественных плиточных гробницах, создавали здесь основу скотоводческого хозяйства, закладывали первые штольни и рудники для добычи меди, олова и золота.

Нельзя не вспомнить в данной связи и тот факт, что при изучении черепов людей бронзового века Забайкалья, извлеченных из плиточных могил, столь же неожиданно установлена их значительная близость к черепам современных бурят. К такому выводу пришел Г. Ф. Дебес в результате сопоставления данных о костяках из плиточных могил с материалами, относящимися к современным бурятам.

Отмеченные обстоятельства следует, очевидно, иметь в виду в дальнейшем при разработке вопросов истории культуры и происхождения бурятского народа.

ПОЗДНЕЙШИЕ ПИСАНИЦЫ ШИШКИНСКИХ СКАЛ¹

На Шишкинских скалах, наряду с собственно курыканскими писаницами, представляющими собой лучшее их украшение, имеется много других рисунков, обнаруживающих нередко большую близость к курыканскому искусству, но вместе с тем и отличных от них.

По технике исполнения и по общему характеру эти более поздние изображения Шишкинских скал делятся, по крайней мере, на три группы.

В первую группу входят изображения, выполненные в старой, чисто курыканской технике, т. е. вытертые сплошным пятном на скале; во вторую — изображения, зашлифованные внутри и оконтуренные сплошной углубленной линией или желобком. В третью входят резные линейные рисунки, иногда переходящие в простые царапины — графитти.

Рисунки первой группы представляют собой преимущественно традиционные изображения всадников, гривы лошадей которых подстрижены зубцами. Но контуры лошадей выполнены примитивно, а зубцы нарисованы крайне схематично, в виде простых вертикальных линий и скорее напоминают растрепанную косматую гриву. Рисовальщик явно не видел и не представлял уже прежнего конского убора курыканских вождей. Так же неумело и схематично передаются фигуры всадников и такая важная деталь, как штандарты. На одном из таких рисунков (на скале Пятый камень выше Качуга) штандарт имеет, например, вид простой вертикальной полосы с двумя поперечными полосами, примыкающими к ней под прямым углом. Штандарт, следовательно, был так же непонятен и неизвестен этому рисовальщику, как грива, подстриженная зубцами.

Столь же устойчив и другой сюжет поздних писаниц, перешедший в них из более раннего искусства курыканов, — стоящие в ряд совершенно одинаковые по виду и размеру человече-

---

¹ «Шишкинские писаницы». (Памятник древней культуры Прибайкалья). Иркутск, кн. изд-во, 1959, стр. 156—176.

ские фигурки в однообразном платье. На всех этих фигурах видна шуба, узкая в середине, на талии, и широкая внизу. Иногда показаны ноги, по одной на каждую фигуру и всегда сбоку, так что видна ступня, обращенная от края к середине всей группы.

Изображения второй группы отличаются большой тщательностью выполнения и детальностью рисунка. Таковы, например, фигуры трех всадников, едущих друг за другом на лошадях. У всех у них детально вырисованы узкие, перехваченные в талии кафтаны, кривые, загнутые назад головные уборы, луки и даже налучья. На лошадях видны подшейные кисти, и кисти, свисающие под брюхом. В отличие от собственно курыканских рисунков у всадников изображены ноги. Позади всадников видны бунчуки или флажки.

Столь же детально трактована крупная фигура всадника на Двадцать пятом камне (средний ярус), выполненная в той же технике. На голове у него остроконечный головной убор, завершенный стреловидным наверху. В руках — лук и повод коня.

Рис. 1. Всадник. Шишкино.

Сзади — нечто вроде саадака с бахромой или кистями. Под брюхом коня видна нога всадника. Одинаково тщательно детализирован султан или челка на голове коня (рис. 1).

Сюда же следует отнести и фигуры двух всадников на Тридцать первом камне (рис. 2).

Таким образом, первой характерной чертой этих писаниц является необычайная детализация лошадей и всадников. На них изображается то, чего прежде не рисовали: луки, саадаки,

Рис. 2. Всадники. Шишкино.

шлемы, поводья, а также ноги всадников. Именно эта детализация и отличает рисунки данной группы от более простых, лаконичных, но вместе с тем наполненных энергией и жизнью рисунков лучшего курыканского стиля в невыгодную для них сторону (рис. 3).

Рис. 3. Всадники. Шишкино.

Вторая отличительная черта их заключается в том, что общая форма тела лошадей имеет геометризованные очертания. Она приближается к прямоугольнику, так как линия спины лошадей прямая, так же прямо обрезан сзади лошадиный круп; ноги их почти прямые, вытянутые и тонкие, как палки. Шея лошадей тоже прямая, круто поднятая вверх.

Былая живость контуров рисунка здесь исчезает, как и прежняя острая динамика движений животных. Лошади уже не скачут, распластавшись на лету. Они стоят как вкопанные, крепко упираясь в землю ногами.

Таким образом, новый стиль, характерный для этих рисунков, можно назвать геометрическим и статическим стилем.

Результатом дальнейшего развития наскальных рисунков этой группы можно считать другие рисунки, тоже выполненные глубокими резными линиями, но значительно более примитивные (рис. 4).

Фигуры животных претерпевают здесь стилизационные превращения в одном направлении. В одном случае они превращаются в нечто похожее на каких-то ящеров с тяжелой овальной головой, с длинным и узким прямым туловищем и таким же длинным хвостом.

О том, что в данном случае имеется определенная стилистическая традиция, характеризующая особую группу наскальных изображений, свидетельствует наличие подобных изображений и в других местах, например на скалах Пятого камня выше села Качуга на правом берегу Лены. То же самое следует сказать и о других шишкинских рисунках, где фигуры животных напоминают букву п. Она обрисована двумя параллельными линиями.

Рис. 4. Схематический рисунок. Шишкино.

Лишние эти изображают совершенно прямую, ровную спину и такие же прямые ноги, причем уже не две, как было на ранних рисунках, а четыре (рис. 5, 6, 7).

Рис. 5. Писаница. Шишкино.

Совершенно такие же рисунки, и даже с еще более ярко выраженными в них стилистическими особенностями, имеются на берегу озера Байкал в 4—5 км от улуса Кутул, где изображено 10 фигур животных, высеченных на белом известняке: козуля, маралы, козлы и горный баран².

² См.: П. П. Хороших. Исследования каменного и железного века Иркутского края.—«Изв. Бюл.-геогр. ин-та при Иркутском гос. ун-те», т. I, вып. 1. Иркутск, 1924, стр. 36—37, табл. 2.

Рис. 6. Схематический рисунок.
Шишкино.

Такие рисунки есть на священной горе ленско-кудинских бурят — Байтоке³.

В этих рисунках можно видеть результат дальнейшей эволюции описанных выше рисунков лошадей второй группы с их прямоугольным туловищем и прямыми ногами.

Особой разновидностью поздних рисунков на Шишкинских скалах являются

процарапанные линейные изображения — граффити.

В этих изображениях в предельном виде проявляется тенденция к упрощению формы и схематизация фигур. Среди них

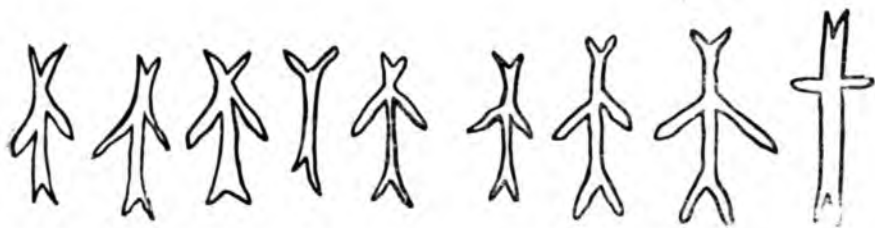

Рис. 7. Схематический рисунок. Шишкино.

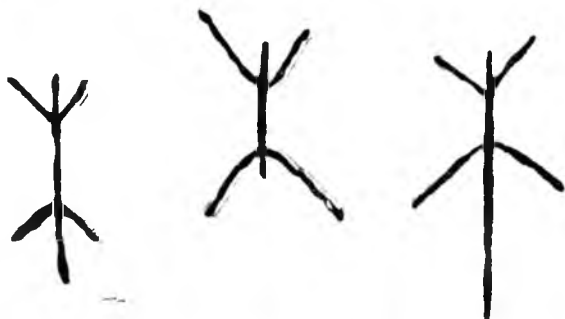
мы видим схематические линейные фигурки антропоморфного облика, изображения животных и, наконец, довольно сложные композиции, в которых встречаются относительно четкие изображения охотничьих сетей или ловчих изгородей (рис. 8, 9, 10, 11, 12). Есть также загадочные рисунки в виде длинных овалов с заостренными концами, заштрихованных внутри в елочку или пересекающихся в виде сетки косых линий (рис. 11, 13, 14).

³ См.: П. Н. Хороших. Древности Кудинских степей.—«Бурятноеведение», вып. III—IV. Верхнеудинск, 1930, стр. 98.

Р и с. 8. Изображения человеческих фигур. Шишкино.

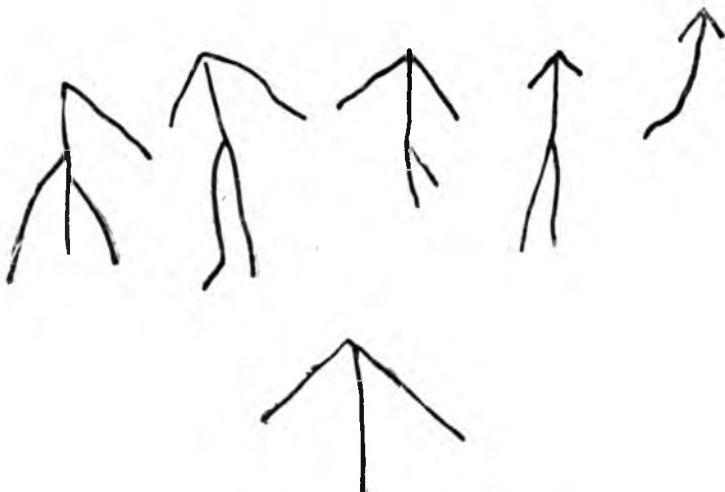
Р и с. 9. Изображения человеческих фигур. Шишкино.

Р и с. 10. Изображения человеческих фигур. Шишкино.

Р и с. 11. Схематический рисунок. Шишкино.

Р и с. 12. Схематические изображения
человеческих фигур. Шишкино.

Р и с. 13. Изображение всадника. Шишкино.

Точная датировка этих изображений пока невозможна. Некоторые из них могут быть одновременно курыканским рисунком лучшего стиля, но оставлены они менее опытными рисовальщиками, неумело подражавшими произведениям искусных художников своего времени. Остальные же производят впечатление более поздних изображений, принадлежавших людям того времени, когда древняя высокая культура курыканов уже перестала существовать в прежних ее формах. Их можно поэтому суммарно отнести ко второму тысячелетию нашей эры, примерно начиная от X века и кончая временем прихода русских — XVII столетием, а может быть, в какой-то их части и позже, т. е. XVIII веком.

Рис. 14. Изображения человеческих фигур. Шишкино

Сопоставляя эти рисунки друг с другом, можно расположить их в некоторой последовательности, определяемой эволюцией их формы от древних реалистических изображений курыканского типа к поздним, схематическим. При этом можно проследить, как долго и устойчиво держатся традиции старого курыканского искусства и как они затем полностью исчезают. Курыканские традиции особенно отчетливо видны на рисунках первой группы, выполненных техникой вытирания, по-своему выражены в рисунках второй группы с зашлифованными контурами и окончательно исчезают в резных штриховых рисунках типа графити, в большинстве своем, должно быть, наиболее поздних (рис. 15). В этих рисунках нет уже почти ничего курыканского как по стилю, технике выполнения, так и по содержанию.

Искусство наскальных изображений древних курыканов, несмотря на вероятную связь его с заупокойным культом умерших вождей и охотничьей магией, было насквозь пронизано реальными, земными сюжетами, связано с определенным, более развитым укладом жизни, с определенной высотой по тем временам культурой, с культурными традициями других, более передовых народов. В этих рисунках видны черты большого, настоя-

Р и с. 15. Схематические изображения. Шишкино.

щего искусства, слышны отзвуки не только степного эпоса, но, может быть, и настоящей большой литературы.

В поздних же верхненеленских писаницах встречаются только однообразные и скудные по содержанию чисто религиозные образы, господствует охотничья магия.

Как уже сказано выше, пожалуй, единственным предметом повседневной жизни, который можно различить в этих схемати-

Рис. 16. Животные и ловчие сети. Шишкино.

ческих рисунках, являются ловчие сети для загона диких копытных животных. Судя по сценам загонных животных в такие сети, опубликованным нами в первом томе «Истории Якутской АССР», где имеются заклинательные формулы, написанные руническим шрифтом, и изображения духов-давателей охотничьей добычи, такие рисунки и здесь, на Шишкинских скалах, имели магическое значение (рис. 16) ⁴.

Анализ поздних шишкинских писаниц неизбежно приводит исследователей к столь же важному, как и трудному вопросу об отношении их к искусству позднейших обитателей Сибири. Первое, что здесь бросается в глаза,— это их общая близость к культовому искусству тюркоязычных народов Южной Сибири. Так, например, изображения одинаковых по виду и размерам человеческих фигур, взявших за руки, характерные для шишкинских писаниц, имеются на хакасских бубнах, а также у те-

⁴ См.: А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству.—«История Якутской АССР», т. I. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1955, стр. 326.

леутов на Алтае⁵. Всадники и животные, изображенные на писаницах, по общей их трактовке тоже больше всего напоминают рисунки на этих же хакасских и алтайских бубнах⁶.

Не менее любопытны в этом отношении рисунки алтайцев, изображающих животных двумя параллельными линиями, с прямыми ногами и прямой спиной. Точно такие же фигуры животных с П-образной фигурой имеются в наскальных рисунках Прибайкалья⁷.

У шорцев на орнаментированных пороховницах, костяных рукоятках конских плетей и берестяных туесках имеются стилизованные в виде «ящеров» изображения лошадей и оленей, аналогичные таким же ящеровидным изображениям на скалах Прибайкалья⁸.

Можно предположить поэтому, что у тюркоязычных народностей Южной Сибири в значительной сохранности уцелели черты древнего искусства кыргызов и курыканов, которое можно назвать по его распространению алтае-саянским или прибайкальско-енисейским. Не исключено, что с традициями этого древнего искусства, а не только лишь с влиянием русского народного искусства XVII—XIX вв. в какой-то мере связано значительное развитие реалистического рисунка у якутов, являющихся наиболее вероятными потомками курыканов.

Остается невыясненным вопрос об отношении наскальных рисунков Прибайкалья к искусству бурят, которые к приходу русских заселяли верховье Лены, а также значительную часть Ангары в тех степных и лесостепных местах, где когда-то жили курыканы.

Эта проблема тем интереснее, что в бурятском фольклоре есть прямые указания на связь писаниц с древней шаманской религией бурят.

По мнению М. Н. Хангалова, основанному на фольклорной традиции, писаницы были «общественными онгонами» эпохи эгэ-э-аба, то есть времени общеродовых и общеплеменных об-лавных охот далекого прошлого. По его словам, буряты считали писаницы изображениями добрых саттинских бурханов, лю-

---

⁵ См.: С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX веков.—«Тр. Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. 22. М.—Л., 1954, стр. 501, 594, 643.

⁶ См.: С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX веков, стр. 645, 648, 649.

⁷ См.: там же, стр. 637, 655.

⁸ См.: там же, рис. 101, 102, 103, 104.

дей небесного происхождения, бывших шаманами и шаманками⁹.

Выясняя происхождение онгона Хошонгод, Ц. Жамцарано записал со слов агинского шамана Турухена предание о том, что на одной из ольхонских скал Чингисхан оставил в назидание и на память потомству тринадцать рисунков — свой и двенадцати сподвижников. Хори-буряты впервые установили обряд почитания этих тринадцати нойонов, который впоследствии широко распространился среди бурятского народа. Согласно второй легенде, онгон Хошонгод изображает семь охотников Чингиса, потонувших в Байкале, их собаку и жен, оставшихся живыми¹⁰.

Некоторые писаницы с рисунками зверей и всадников изображают коллективные охоты, сцены зэгэтэ-аба древних бурят. Писаницы эти имели религиозно-магическое назначение, так как должны были содействовать успеху охотничьего промысла, исключительное значение которого в жизни бурятских племен установлено М. Н. Хангаловым.

С первого взгляда бурятские онгоны имеют больше отличий от писаниц, чем сходства с ними. Так, например, на писаницах Шишкино в данной группе нет ни одного рисунка, который был бы тождественным наиболее обычным, «каноническим» антропоморфным изображениям на онгонах. Последние, как известно, представляют собой прямой стержень, условно изображающий туловище, заканчивающееся внизу поперечной линией, соответствующей тазу, от концов которой опускаются вниз прямые ноги со ступнями, повернутыми в противоположные стороны. В виде поперечной линии изображаются плечи и руки, свисающие с их концов. Голова круглая, в фас, с условно изображенными глазами, ртом и носом, с характерными линиями, обозначающими головной убор или лучи. Ничего этого на рассматриваемых писаницах нет¹¹.

Кроме того, бурятские онгоны изображаются на рисунках не одетыми, как курыканские человечки, а как бы обнаженными, с обозначенными половыми признаками.

⁹ См.: Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири.—«Изв. ВСОРГО», т. XIV, 1883, стр. 30—31.

¹⁰ См.: Ц. Жамцарано. Онгоны агинских бурят. Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина.—«Зап. РГО по отделению этнографии», т. XXXIX, 1909, стр. 383.

¹¹ Линейные схематические изображения человечков и животных имеются также на шишкинских писаницах и на других скалах по Лене, но они очень немногочисленны. Возможно, они являются настоящими шаманскими изображениями — онгонами — ленских бурят и относятся к самому недавнему времени.

Но у бурятских онгонов есть одна общая принципиальная черта, которая сближает их так же, как и отмеченные выше рисунки алтайских тюрков и хакасов, с писаницами. Это — традиционное расположение онгонов рядами совершенно одинаковых фигурок.

Таким образом, следует предположить, что как саяно-алтайские тюрки, так и буряты одинаково сохранили в своем искусстве эту черту древних наскальных рисунков, причем буряты в большей степени, чем другие народности, поскольку именно у них она стала закономерной и обязательной чертой культовых изображений.

С. В. Иванов справедливо отметил и еще одно важное обстоятельство. Наибольшее сходство с наскальными рисунками по стилю в культовом искусстве бурят обнаруживают не онгоны, а изображения на шаманских ящиках, ширээ. «Рисунки на ширээ отличаются, — по его словам, — большим реализмом и свободой, они не имеют того сковывающего всю композицию ритма, который характерен для рисунков на онгонах. Человеческие фигуры на ширээ изображаются в профиль и в фас, тогда как на онгонах они только фасовые. Профильные фигуры облегчают передачу движения, чего нельзя сказать о фасовых изображениях. Вот почему движение в рисунках на ширээ выражено лучше. Кроме того, человеческие фигуры на ширээ чаще изображаются контуром, они более «телесны», чем однолинейные фигуры на онгонах». «Все перечисленные особенности, касающиеся изображения человека, — пишет он, — можно наблюдать и на наскальных рисунках»¹². На ширээ бурятских шаманов имеются также довольно реалистические фигуры животных и всадников с луками и стрелами, которые вызывают в памяти сходные наскальные рисунки.

На основании этого можно допустить, что в бурятском культовом искусстве обнаруживаются традиции позднекурыканского искусства, развивавшиеся по двум направлениям, в двух областях.

Первую область представляют изображения на онгонах, которые по своей композиции выросли из курыканских коллективных изображений, где видны стоящие в ряд антропоморфные фигуры, но по манере выполнения они продолжают, очевидно, традицию таких же однолинейных, схематических рисунков, которая, кстати, обнаруживается в некоторых резных рисунках на плитах красного песчаника, найденных нами при раскопках ку-

---

¹² С. В. И в а н о в. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX веков, стр. 730.

рыканского городища на горе Манхай 1-й в Кудинской степи.

Вторая область представлена рисунками на шаманских ящиках ширээ, где сохраняется свободная композиция курыканских изображений и продолжается существовать реалистическая трактовка формы тела животных и человека.

Таким образом, бурятское культовое искусство оказывается значительно ближе к искусству курыканов, чем это можно было предполагать с первого взгляда.

Отсюда возникает дальнейший вопрос — могут ли быть выделены среди наскальных рисунков Прибайкалья наиболее ранние собственно бурятские писаницы и каков их возраст.

В связи с этим встает и другой сложный вопрос — об отношении бурят к курыканам и о появлении в Прибайкалье предков бурят. Курыканы были по языку тюрками, о чем неопровержимо свидетельствуют оставленные ими рунические надписи, читающиеся по-тюркски. Буряты же по языку принадлежат к монгольской группе народов Центральной Азии.

Появление бурят в Прибайкалье означало, таким образом, смену одного языка другим, в данном случае тюркского языка монгольским. А это должно было быть следствием прихода на смену старому тюркскому населению нового населения из монгольских степей.

Остается, однако, неясным, когда произошло это событие и какими были взаимоотношения пришельцев с коренным населением, которое могло либо быть полностью вытеснено или уничтожено, либо смешаться с пришельцами и, таким образом, частично уцелеть.

Н. Н. Козьмин считал, что первые монголы проникли на Селенгу, Ангару и Лену в первой половине XIV века, когда прекратились монгольские завоевания и закрылись источники обогащения для монгольских воинов. Тогда, следовательно, старая курыканская культура и должна была уступить место новой, бурятской.

Однако археологические данные позволяют установить более раннюю дату этого важнейшего в этнической истории Прибайкалья события.

Раскопками вблизи устья реки Манзурки, около Сэгенутского улуса, было обнаружено несколько древних погребений, давших небольшой, но яркий материал, который рисует новую культуру, резко отличную от курыканской. Самое важное отличие заключается в том, что культура эта принадлежала не оседлым земледельцам и скотоводам, а типичным степным кочевникам, таким же, какими изображены древние монголы в «Сокровен-

ном сказании» и в известиях европейских и восточных авторов XIII—XIV веков.

Это был конный народ, в жизни которого верховой конь занимал первостепенное место. Характерно, например, что для коня выкапывалась особая могила. Может быть, это был не простой ездовой конь, а особый, посвященный шаманским божествам, подобный тем, какие были у ленских и ангарских бурят-шаманистов еще в конце XIX в. и в первых десятилетиях XX в.

Наряду с лошадьми они разводили и мелкий рогатый скот. Как все степные кочевники, они клали в могилу с покойным баранье мясо, причем определенную часть туши: крестец или стегна, то есть самые вкусные и мясистые части. Отпечаток кочевого быта лежит на всем инвентаре погребений, начиная с удил, пожниц для стрижки овечьей шерсти и кончая устройством погребального ящика, скрепленного не гвоздями, а кожаными связками. Именно такие ящики и стрелохранилища — хэгэнэки, скрепленные кожаными связками, имели в недавнем прошлом ленские буряты.

О религии, о верованиях этой народности свидетельствуют погребения. В основе это типичный погребальный ритуал степных кочевников. Выкапывалась яма округленной в плане формы, глубиной до одного метра, диаметром около двух метров. На дно ямы опускалась массивная колода (или ящик для ребенка), в которой находился труп, положенный на спину, с руками, протянутыми вдоль тела. Покойник ориентировался головой на северо-восток. Сверху могила засыпалась землей и закладывалась сплошным кругом из каменных плит диаметром от двух до трех метров. Покойник сопровождался глиняными сосудами, очевидно, содержащими пищу, а также мясо барана и некоторыми предметами домашней утвари. Хоронились также и лошади. Лошадь убивалась сильным ударом в лоб, наносимым каким-то острым орудием с закругленным концом. Как видно, удар по черепу лошади, найденной при раскопках, был настолько силен, что череп оказался пробитым насквозь. Пролом имел правильную круглую форму, а выломленный кусок лобной кости в виде кружка провалился внутрь черепа. Лошадь могла быть убита чеканом или другим подобным орудием с узким рабочим концом, во всяком случае не дубиной, которая раздробила бы кость или оставила бы трещины.

Убитая лошадь помещена была в полусидячей позе внутри могилы, специально вырытой. Сверху над покровной землей был выложен традиционный круг из плитняка. Лошадь сопровождалась верховой сбруей, но, видимо, без седла, так как сохранились только удила.

Описанный погребальный обряд в корне отличен от курыканского. Курыканы на Ольхоне хоронили мертвых под каменными шатрами из плитняка, имевшими вид конуса. Здесь же мы видим в могиле колоду, а сверху простую плоскую выкладку из камня в виде круга.

Столь же отлична и керамика. Курыканская керамика вся без исключения плоскодонная, здесь же горшки круглодонные.

Керамика Сэгенутского могильника имеет особую ценность для выяснения истории этой группы степных кочевников, так неожиданно оказавшихся на Лене, в устье реки Манзурки, в центре древней курыканской земли.

Согласно рассказу Плано Карпини, древние монголы — «татары» — вели кочевую жизнь. «Татары, — писал он, — даже странствуют более других, и вот почему: коль случится надобность, татарин зачастую уйдет на целый месяц, без всякой еды: питается кобыльим молоком да той дичью, что сам наловит, а конь пасется на траве, какая найдется, и не нужно ему брать с собою ни ячменя, ни соломы»¹³. Но при всей своей неприхотливости, так удивлявшей европейского путешественника, татары во время своих поездок по степи, оказывается, не разлучались с глиняной посудой. «Когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья да глиняный горшок варить мясо», — рассказывает Марко Поло¹⁴.

Даже при погребении знатного лица, как нам известно со слов Плано Карпини, перед покойником посреди его ставки стоял горшок, наполненный кобыльим молоком, и чаша с мясом¹⁵.

Глиняные сосуды, найденные в Сэгенутском могильнике, являются, таким образом, первыми образцами таких сосудов древних монголов, ставшими известными из археологических находок.

Особо следует остановиться на такой характерной детали глиняного сосуда из Сэгенутского могильника, как выступающий далеко наружу карниз на венчике. Такие карнизики чужды древней тюркской керамике Прибайкалья и Забайкалья. Совершенно нет их и западнее Прибайкалья. Но зато они являются

---

¹³ «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам», вып. XIII, XIV, XV, ст. 1. Плано Карпини. П. Асцелин. СПб., 1845, стр. 95.

¹⁴ И. П. М и н а е в. Путешествие Марко Поло. Перевод со старофранцузского текста. — «Зап. РГО по отделению этнографии», т. XXXVI. СПб., 1902, стр. 87—88.

¹⁵ «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам», вып. XIII, XIV, XV, ст. 1. Плано Карпини. П. Асцелин, стр. 95.

самой характерной чертой раннесредневековой керамики мохэского времени в бассейне Амура и в Приморье.

Можно, следовательно, рассматривать эту черту сэгенутских сосудов как свидетельство о приходе первых монгольязычных племен на Лену не только из Забайкалья, но и из еще более отдаленных областей на востоке, расположенных в бассейне Амура, всего вероятнее, по правым его притокам, начиная с Онона.

Отсюда следует, что люди, хоронившие своих умерших на крутом мысу в устье реки Манзурки, и были теми первыми монгольязычными пришельцами в Прибайкалье, от которых ведут свое начало нынешние бурятские племена.

Им принадлежат, по-видимому, и некоторые наскальные изображения, рисующие жизнь именно таких степных кочевников (рис. 17). Таков древний рисунок, выполненный иначе, чем курьканские писаницы,—тонкими резными линиями на плоском

Рис. 17. Сцена перекочевки. Шишкино.

ребре слоя песчаника, выступающего из скалистой стены обнажения. Он изображает целую группу древних кочевников, передвигающихся куда-то со своим скотом, имуществом и домочадцами»¹⁶.

Рисунки кибиток на Шишкинских скалах и на горе Манхай могут быть легко сопоставлены с письменными и этнографическими данными. Передвижные кибитки на колесах, служившие жилищами древних монголов, и волы, которые их везут, упо-

¹⁶ Подробное описание рисунка приводится в статье А. П. Окладникова «Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье». См. наст. сб., стр. 44—60

минаются уже в древнейшем литературно-эпическом памятнике монголов — «Сокровенном сказании»¹⁷.

В одном месте «Сказания» приведены, например, слова Оэлун-Учжин своему мужу, подчеркивающие, что кибитки были местопребыванием женщин и девушек. «Девушки в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся»¹⁸.

В эпоху монгольской империи монголы-завоеватели жили в аналогичных по виду колесных кибитках, которые своим множеством нередко производили на очевидцев впечатление целых кочевых городов. Такие кочующие «города», хозяйства отдельных монгольских вельмож, постоянно встречались, например, Рубруку и Плано Карпини.

«Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев, бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы», — писал Рубрук. Одну такую повозку тянуло, по его словам, 22 быка, одиннадцать в один ряд вдоль ширины повозки и еще одиннадцать перед ними. Ось повозки была величиной с мачту, и у входа в нее стоял человек, погонявший быков. Как и на рисунках Шишкинских скал, повозки монголов, по словам Рубрука, шли цугом: «Самая слабая из женщин может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть в передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом»¹⁹.

То же самое рассказывал о татарах Марко Поло: «Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге, впрягают в них волов и верблюдов и перевозят жен и детей»²⁰.

Известны, наконец, примеры употребления передвижных юрт-кибиток кочевыми тюркскими и монгольскими народностями в XVII—XVIII веках, такими, как кундровские, бессарабские, астраханские и ногайские «татары», а также караногайцы²¹.

Наиболее тщательное описание передвижных юрт кундровских татар оставлено таким внимательным к бытовым деталям путешественником, как П. С. Паллас. «Для переносения сих

¹⁷ См.: С. А. Козин. Сокровенное сказание, т. I. М.—Л., 1911, стр. 85, 107.

¹⁸ Там же, стр. 85.

¹⁹ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны, СПб., 1911, стр. 69—71.

²⁰ Марко Поло. Путешествие. М.—Л., 1940, стр. 62.

²¹ См.: Н. Харузин. История жилища у тюркских и монгольских народностей.—«Этнографическое обозрение», кн. XXXVIII, 1896, стр. 41.

кибиток,— пишет он,— с места на место, ставят они их на высокую двухколесную телегу, так называемую арбу, так что они как спереди, так и сзади лежат, наподобие зонтиков покрывают всю телегу и с колесами, на телегу кладут они все их малое стяжание: сундуки, посуду и т. п., потом сажают жену и детей и со всем тем отъезжают. У богатых бывает таких кибиток по две и более, смотря по семье. Сверх того еще телега с построенным на ней чуланцем, в конях они с женами своими покоятся. Останавливаясь на время, татары не снимают кибиток с колес, но, сидя под оными и под тенью юрты, отправляют свои работы». Вообще же, подобно древним монгольским, «кочевья их,— указывает Паллас,— кажутся подвижными деревнями или странами»²².

Нельзя не упомянуть и еще одного замечательного совпадения. В XVIII веке у бессарабских татар, которые тоже имели решетчатые юрты, часто перевозившиеся целиком, в неразобранном виде, на телегах, запряженных верблюдами, существовал обычай вывешивать над юртой на шесте нечто вроде флага — белого или синего²³. Флаг бессарабских татар, таким образом,— близкая аналогия флагам, изображенным на шишкинских рисунках. Такие кибитки на колесач, однако, уцелели до XVIII века только на Западе, в степях Восточной Европы. Б. Я. Владимирцов говорит, что «современные монголы совершенно забыли о колесной телеге с кибиткой». «Можно думать,— продолжает он,— что повозки у монголов исчезли с XV века, так как в «Истории Радлова» особо отмечаются ордосские монголы, как сохранившие телеги-арбы»²⁴.

Существование таких повозок было, по словам Б. Я. Владимирцова, вызвано только своеобразными условиями беспокойного кочевого быта древности: «Необходимость телег, телег-кибиток, у монголов XI—XII вв. вызывалась потребностью в быстром перемещении с места на место. При постоянных набегах, нападениях и войнах всякого рода телега-кибитка была полезнее выючного животного, когда надо было как можно скорее уходить от врага: запрячь быков в повозку-кибитку и положить на нее скарб можно было сделать несравненно скорее, чем завьючить верблюдов или других животных; это требовало и меньшей затраты сил, и меньшего количества рук. Стан из кибиток с поставленными на них юртами мог быть очень подвижен. Впо-

²² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина вторая, стр. 140—141.

²³ См.: Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 41—42.

²⁴ Там же, стр. 128.

следствии, в XII в., существование кибиток поддерживалось дальними походами и большими перекочевками, вызываемыми обилием стад, вообще расцветом кочевой жизни в дни мировой истории»²⁵.

Б. Я. Владимирцов отмечал далее, что юрта современных монголов несколько отличается от юрт, описанных Рубруком. Отличие это заключается в том, что они утратили шейку, имеющую вид печной трубы. Он указывал также, что юрты с реликвиями Чингисхана в Ордосе отличаются от обычных монгольских юрт именно наличием таких выступов сверху в виде шейки.

Б. Я. Владимирцов полагал, что можно представить следующие последовательные этапы эволюции юрты кочевников: 1) шалаш лесного зверолова; 2) юрта, покрытая шкурами; 3) юрта войлочная с шейкой; 4) современная юрта²⁶.

Следует отметить в связи с этим, что юрты старинного монгольского образца с высокой конусовидной верхушкой и каркасом из двух рядов решеток, поставленных друг на друга, сохранились в Афганистане у кочевого племени хазара.

Хазара, по мнению В. В. Бартольда, являются потомками монгольских племен, входивших в состав войска династии чингизидов и оставшихся на территории современного Афганистана после захвата ее монголами²⁷. Монгольский язык существовал у их потомков еще в 1838 году.

Описывая приобретенную у одной из двух групп хазара, обитающей в северо-западном Афганистане, юрту древнемонгольского типа (ханан хырга), Э. Г. Гафферберг сравнивает ее с юртами ордосского Ихн-эджен-хоро и справедливо делает вывод, что она представляет собою «пережиточную форму старинной богатой монгольской юрты XIII в., сохранившейся у богатых слоев хазара в условиях изоляции от своей монгольской родины, от своего народа и совершенно исчезнувшей в быту современных народов»²⁸.

Рисунок юрты с шейкой на скалах Манхая соответствует, таким образом, древнемонгольской юрте, описанной Рубруком, и третьему этапу эволюции юрты, намеченному Б. Я. Владимирцовым.

Наличие изображения войлочной юрты такого рода и коле-

²⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 42.

²⁶ См.: там же, стр. 41.

²⁷ См.: В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 55.

²⁸ Э. Г. Гафферберг. Хазарейская юрта ханан хырга (к вопросу об истории кочевого жилища).—«Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIV, 1953, стр. 72—92.

ных кибиток на Ленских скалах ясно показывает, что их владельцы были настоящим кочевым племенем, как монголы XI—XIII веков, а не оседлым или полuosедлым народом подобно тюркам-курыканам. Исчезновение подобных кибиток у собственно монголов в Халхе до XV века дает право полагать, что и на Лене они относятся к весьма раннему времени, очевидно, ко времени первоначального распространения там древних монгольских переселенцев.

Описанные наскальные рисунки и Сэгенутский могильник железного века, являются, следовательно, драгоценным памятником древнейшей культуры монгольских племен. До сих пор даже и на территории самой Монголии не обнаружено археологических памятников такого раннего возраста, принадлежавших монголам. Мы не знаем нигде в других местах ни таких могильников, ни таких образцов древнемонгольского искусства, ни таких рисунков, на которых древние монголы изобразили бы самих себя, свои жилища и свой кочевой быт.

Наскальные рисунки в Шишкино и на Манхае являются единственными в своем роде собственно монгольскими иллюстрациями к древнейшим монгольским литературным произведениям и к известиям западноевропейских путешественников XIII—XIV веков о кочевой жизни монгольских племен.

Эти археологические памятники являются также вещественными следами древних этнических взаимоотношений на Лене, свидетельством о происшедшей здесь к XI—XIII векам замене тюрков-курумчинцев новыми племенами монгольского происхождения, родина которых расположена была к востоку от Селенги, скорее всего в долине Онона и Керулена, а также около озера Буир-Нор. Этот вывод, основанный на археологических памятниках, относящихся к древнемонгольской культуре, подкрепляется и письменными источниками.

По данным Рашид-ад-дина, предки позднейших бурят-монголов, лесные монгольские племена хорн, баргут, икирес, булагачин и кэрэмучин уже существовали вблизи Байкала в эпоху возвышения монголов²⁹.

В Юань-чао-биши также упоминаются «нихилесун», то есть эхириты. В связи с походом Джучи к лесным народам в 1207 году отмечается даже и общеплеменное имя «бурятов», живших по дороге к «тумен-кыргызам».

---

²⁹ См.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 121—122. (ИВ АН СССР).

«Проводником поехал Буха. Прежде всех явился с выражением покорности ойратский Худаха-беки со своими тумен-ойратами. Явившись, он стал провожатым у Джучи. Проводил его к своим тумен-ойратам и ввел в Шихшит. Подчинив ойратов, бурятов, барханов, урсунов, хабханасов, хайхасов и духасов. Джучи подступил к тумен-кыргызам»³⁰.

Но когда же все-таки появились впервые монголоязычные переселенцы, прямые предки бурятских племен на Лене и Ангаре?

Находки в Сэгенутском могильнике относятся, по крайней мере, к XI—XII вв. н. э. (то есть они на сто или даже на двести лет старше монгольского государства), к тому времени, когда собственно монголы не играли сколько-нибудь значительной политической роли в Центральной Азии. Это может показаться неожиданным и непонятным.

Тем не менее, если исходить из сэгенутских находок, следует сделать вывод, что именно тогда на Ангаре и Лене появились первые монголы, что в то же самое время, должно быть, они оттеснили вниз по Лене первых ее тюркоязычных обитателей, потомков древнего курыканского населения Прибайкалья. Этот вывод, несмотря на его неожиданность, тоже находит подтверждение в письменных источниках. Последние свидетельствуют, что эти перемены в этнических отношениях в странах, соседних с Байкалом, совершившиеся задолго до возвышения Чингиса, имели своей причиной еще более обширные по масштабам и последствиям перемещения племен Центральной Азии, о которых сообщают писатели мусульманского средневековья.

Тахир Марвази, писатель начала XII века, а за ним Ауфи (XIII век) рассказывают о том, как племя кун, обитавшее по соседству с киданями, к востоку от кыргызов, опасаясь киданских властителей династии Ляо и будучи стеснено в пастбищах, покинуло свои прежние земли. В дальнейшем они подвергались преследованию со стороны более сильного племени кай и двинулись еще дальше на запад, на территорию шары, которые в свою очередь мигрировали в страну туркменов. Туркмены обратились в восточную часть страны турков-гуззов, а те двинулись на территорию печенегов вблизи берегов Армянского моря³¹.

---

³⁰ С. А. Козин. Джангарнама. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгоутской его версии. М.—Л., 1940, стр. 15. (ИБ АН СССР).

³¹ Sharaf Al-zaman. Tahir Marvazi on China, The Turks and India. Arabic text (circa d. d., 1120) with an english translation and commentary by V. Minorsky. London, 1942, p. 15, 36. (см. с. 222.)

Цепь переселения племен, отмеченная Марвази, по мнению В. Минорского, охватывает время около 30-х годов XII столетия.

Примерно к тому же времени, по археологическим данным, относится и первоначальное проникновение монгольских племен в Прибайкалье — на нижнюю Селенгу, в Тунку и на верхнюю Лену. Они могли занять освобожденные племенем кун самые северные районы их области и часть соседних территорий, где начальная монгольская история застает их в первые годы XIII столетия.

Распространившись на Селенге, Ангаре, Лене и их притоках, первые монгольские переселенцы не просто вытеснили своих предшественников, потомков тюркоязычных курыканов, а смешались с ними, причем во время столкновения двух языков возобладал монгольский язык. Но этот монгольский язык у бурят настолько пропитался тюркскими элементами, что лингвисты видят в нем не собственно монгольский диалект, а «исторически развившийся коренной язык, специфика которого, в отличие от восточнобурятского, заключается в его непосредственной связи с тюркской языковой стихией и, как уже давно установлено, прежде всего с якутским языком»³².

Такой вывод подкрепляется наблюдениями антропологов. Северные буряты «ближе к якутам, чем к забайкальским бурятам. У них высокие умеренные брахицефальные черепа, с громадными диаметрами лица». Антропологи видят в них «не центральноазиатский, а ангаро-ленский вариант сибирских монголоидов», то есть курыканов железного века Прибайкалья (письма Г. Ф. Дебеца автору). В свою очередь, последние тоже имеют своих предков в определенной группе неолитического населения на Средней Ангаре, откуда они, очевидно, к началу железного века и поднялись к Байкалу, а не вышли из Монголии.

Племя кун, судя по венгерским источникам, вошло в состав половцев-куманов, так как венгры называли их не только куман, но еще и кун. См.: А. Пономарев. Куманы-половцы.—«Вестник древней истории», 1940, № 3—4 (12—13), стр. 306. Племя кай вместе с печенегами упоминается в XI в. Махмудом Кашгарским в числе северных тюркских племен. Но Махмуд Кашгарский указывает при этом, что в отличие от чистых турков-кыргызов, огузов и других народов племени кай, а также ябаку и татар имели иной язык. В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 13. Племя кай играло важную роль в образовании туркмен и османского народа. В. Гордлевский. Государство сельджукидов. М.—Л., 1941, стр. 44, 50; Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения о их численности.—«Живая старина», вып. III—IV. СПб., 1911, стр. 412.

³² См.: Т. Бертагаев. Лексика бурят-монгольского языка.—«Академия наук — Н. Я. Марру». Л., 1933, стр. 158, 159, 169.

В области хозяйства монголоязычные предки бурят заимствовали от своих предшественников курыканов элементы оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, чуждые степным кочевникам; возделывание гречихи и проса, орошение полей и сенокосных угодий, уваживание их, заготовка сена на зиму, сооружение прочных зимних жилищ — восьмигранных в плане, сходных с аналогичными алтайскими и якутскими восьми- и шестигранными домами-юртами. Об этом свидетельствуют термины: бурятский *утуг* — якутский *отох*, бурятский *хурэ*, *селе*, *хашаа* — якутский *хачаа*, *сэлэ*, *кюрюо* — огороженные места для сенокоса и выпаса; серп и коса: якутский *хутуур*, бурятский *хадуур*; хлев — *хотон*.

Перекрестные терминологические заимствования и связи имели здесь место и в области социальных отношений (якутское и бурятское — *джон* — народ, племя; якутское, бурят-монгольское *чагардар* — челядь), верований (посмертная лошадь умершему — бурятское *хойлго*, якутское *хайылга*; ритуальный пир — *малаагын*), а также в эпосе (связи между окинско-унгинским и якутским эпосом). От древних коренных обитателей долины реки Лены, вероятно, через влившихся в состав бурятской народности прямых потомков курыканских племен к бурятам перешел, видимо, и культ Ленских писаных скал, а также связанные с ним мифологические представления.

Об этом свидетельствует совпадение шаманских рассказов о Харамцай-Мэргэне и Хара-Ажирае с якутскими легендами об Эллее и Омогое. И в том и в другом случае имеется два героя, оба они преследуются врагами и бегут, отбиваясь от них, вниз по Лене. Как и Эллей, один из них плывет вниз по реке на встретившемся ему бревне. Разница только в том, что в бурятской легенде оба героя гибнут, а не становятся родоначальниками людей. Но и в якутских сагах отец Эллея тоже умирает в пути на Лене, а по данным Линденау, оба героя якутской саги умерли в Прибайкалье. Этот сюжет, следовательно, является общим достоянием якутов и бурят, одинаково получивших его, должно быть, в наследство от своих предков — курыканов.

Оттуда же, от потомков курыканских обитателей Прибайкалья, должны были получить буряты и те традиции курыканского искусства, которые обнаруживаются в их шаманских рисунках.

В связи с этим анализ наскальных рисунков Шишкинских скал следует дополнить обзором этих мифов и легенд.

ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СЕЛЕНГИНСКИХ ПИСАНИЦ

Стиль и сюжеты

Уже при первом взгляде на писаницы селенгинской группы бросается в глаза выдержанное стилевое единство, а также постоянство сюжетов.

Что касается стиля, то он характеризуется прежде всего теми признаками, которые составляют существо идеопластического или, по терминологии Г. Кюна, сенсорного искусства². Перед нами предельно упрощенные, схематизированные и абстрагированные формы, в которых сохраняется только самое существенное, самое необходимое для передачи того или иного образа реальной действительности. Стремление к такой предельно лаконичной передаче реальной формы изображаемого предмета приводит нередко к тому, что древний художник ограничивается простым намеком на существо этого предмета. Зрителю остается только догадываться о нем. Из образа картины получается условный знак, символ.

Искусство такого рода, по правдоподобной догадке того же Кюна, вырастает из более раннего, в полной мере реалистического искусства и сменяет его в обществе первых земледельцев и скотоводов одновременно с развитием абстрактного мышления.

Эта мысль имеет некоторые основания применительно к конкретной исторической действительности, в условиях которой готовили наскальные рисунки селенгинской группы. Это на самом деле было общество, в котором древнее присваивающее хозяйство неолитических охотников степей и пустынь Центральной Азии давно уже уступило место новому образу жизни, новым источникам существования: люди культуры плиточных могил были скотоводами. Они разводили, как показывают найденные

---

¹ А. П. Окладников и В. Д. Запорожская. Петроглифы Забайкалья, ч. II. Л., «Наука», 1970, стр. 90—93, стр. 105—116.

² См.: Г. Кюн. Искусство первобытных народов, Л., 1933, стр. 18—19.

в могилах кости животных, лошадей, коров, овец, и, что очень вероятно, занимались также земледелием.

С таким общим характером искусства забайкальских писанин в полной мере согласуются и композиционные принципы, которыми руководствовались в своей работе древние художники бронзового века в Забайкалье. Это суровая, можно сказать, «железная» симметрия в размещении элементов рисунка. Это такое же строгое постоянство их сюжетов и образов. Закономерная и строго выдержанная повторяемость композиций: стереотипные элементы этих композиций строятся или по вертикали, или по горизонтали. И сами эти элементы почти всегда одни и те же: дворы-оградки, человечки около них, группы пятен, птицы.

Правда, даже и при таком схематизме изображений, при таком постоянстве их сочетаний можно обнаружить в них элементы реализма: подчеркнуто острые, характерные особенности тела или признаки движения, специфические жесты. Но взятые в целом все эти изображения составляют удивительное по его выдержанности единство.

Термин «каноническое единство» в применении к этим памятникам древнего искусства Забайкалья появляется не случайно. Он соответствует самой его сущности, его идейному содержанию. Перед нами, несомненно, не просто художественные композиции, а общепризнанные, отшлифованные веками ритуальные формулы, заклинания или молитвы, направленные на достижение определенных результатов, своего рода идеограммы.

Рассматривая эти монотонно повторяющиеся на скалах Забайкалья композиции, вспоминаешь обстановку, в которой исполнялись эпические произведения народов Сибири и Центральной Азии. Мастерство певца-рапсода, исполнителя богатырских поэм, было овеяно мистической атмосферой, и горе было тому, кто посмел бы самовольно изменить традиционные формы³. Оскорбленный такой вольностью, герой эпоса обращал на него свой гнев!

Еще более строго взыскивали с шаманов за ошибки их грозные божества и духи. По словам кудинского шамана Бади Малакшинова, сказанным Б. Э. Петри, «при совершении треб шаман не должен ошибаться ни в действиях, ни в молитвослови-

---

³ «Вообще же, по понятиям современных ойратов, как-либо искажать эпосею — большой грех, за который можно понести кару от гениев-хранителей и от самих богатырей, которых воспевают в той или другой эпосе», — говорит Б. Я. Владимирцов (см.: Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос. Перевод, вступительная статья и примечания Б. Я. Владимирцова. Пг.—М., 1923, стр. 40).

ях». Боги сердятся за ошибки и наказывают шамана. Если дело пойдет так дальше (и шаман продолжает путать), боги накажут его смертью, и он вскоре умрет⁴.

А. А. Попов рассказывает о наказании смертью сказочника Сото оскорбленным Джессекем за неудачно сказанное этому бо-жеству славословием на ысыахе⁵.

Примерно также постоянны, устойчивы сочетания элементов и в забайкальских писанищах селенгинской группы. Это искусство иератическое, основанное на немногих застывших ритуальных формулах и условных знаках-сигналах, сквозь которые лишь изредка и с трудом, вопреки его основной направленности, пробиваются отзвуки реальной жизни.

Отсюда, с данного отправного пункта, очевидно, пролегает дорога и к расшифровке идейного содержания — семантики, а также назначения и функций селенгинских писанищ в жизни создавшего их древнего населения.

Каково же конкретное содержание заклинательных формул — идеограмм селенгинских писанищ, что находится в их идейной основе?

Первое, на что следует обратить в этом плане внимание, — это оградки как самый характерный и специфический элемент селенгинских писанищ, их форма и заполнение, а также сопутствующие им в композициях другие элементы. Начнем с формы оградок.

Деление оградок на круглые и прямоугольные напоминает о том, что могилы бронзового и железного веков в области распространения этих писанищ тоже имеют форму прямоугольников. Таковы плиточные могилы, строго ориентированные по сторонам света: могилы обращены длинной осью с востока на запад, цепочки могил располагаются с юга на север. Не менее показательны в этом плане херексуры.

Херексуры издавна привлекали внимание исследователей не только своими огромными размерами, но и необычной, сложной формой. Первый и самый характерный признак херексуров — их полушаровидная могильная насыпь из глыб камня и ограждающая ее в одних случаях квадратная оградка, в других — круглая оградка из вертикально врытых в землю камней. Квадратные оградки херексуров ориентированы по сторонам света.

В основе такой планировки могил, поскольку могилы яв-

⁴ Б. Э. Петри. Степени посвящения монголо-бурятских шаманов. Иркутск, 1926, стр. 5—6.

⁵ См.: А. А. Попов. Материалы по истории якутов 6. Вилюйского округа. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XI М.—Л., 1949, стр. 302—303.

ляются культовыми памятниками, связанными с представлениями о загробной жизни, с воззрениями на устройство Вселенной, несомненно, находятся представления космического характера, а также культ неба и земли, широко распространенный, как известно, у степных племен Центральной Азии и Сибири с древнейших времен.

С аналогичными идеями, нужно думать, связана и форма оградок на писаницах — круглых и прямоугольных. Вместе с тем оградки символизируют, очевидно, одновременно и общину — род или племя, а помещенные внутри их человечки или пята — членов этой общины.

Такое отождествление рода-племени со «вселенной» коренится в идеологии родового общества, в мышлении того времени, когда само название рода или племени означало вместе с тем: «люди», «настоящие люди» в противоположность всем остальным обитателям известной представителям данного племени соседней территории.

Изображая на своем рисунке мыслимую им «вселенную», древний художник в данном случае вполне закономерно, с его точки зрения, отождествлял ее именно со своим родом или племенем, так как все остальное его не интересовало и не входило в круг задач, поставленных перед его работой.⁶

Очень интересна в этом смысле уже отмеченная выше двойная оградка из Бэшегтуу — Ганзурино.

Если считать, что оградки связаны не только с идеей Вселенной — Земли, но также и общины — рода или племени, то такая структура ганзуринской перегородки напоминает о характерном для кочевых обществ Сибири и Центральной Азии делении на две половины. Подобное деление проходит через всю обозримую письменными источниками историю и социальную организацию этих обществ, начиная с гуннов. Этнография позволяет проследить его и далеко в глубь первобытно-общинного прошлого этих народов. В нем обнаруживается дуальная организация первобытной общины, явление общечеловеческое, глобальное. Не исключено, что двойная оградка из Бэшегтуу — Ганзурино является символическим изображением общины, состоящей из двух экзогамных половин⁶.

⁶ См.: А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. — В добавление к тому, что сказано Золотаревым, следует отметить факты, относящиеся к племенам Центральной Азии и вообще к кочевникам. Следы такого деления на две половины сказываются в государственной организации гуннов на территории Монголии, в их делении на две половины, восточную и западную, с особым князем в каждой половине. Отсюда, вероятно, идет деление войск кочевников на два крыла. С таким делением можно связать и наличие у хазар двух царей.

Конкретным прямым указанием на такой смысл ритуального рисунка в виде оградок служат рисунки и символы-знаки, которые постоянно сопровождают изображения оградок и даже заключаются внутри их. Это, во-первых, пятна и человечки. Человечки должны обозначать, очевидно, обитателей родовой территории — вселенной — круга или прямоугольника. Пятна символически, условно, обозначают, нужно думать, тех же людей и их души, а может быть, и самое ценное их достояние — скот, который тоже присутствует в составе наиболее сложных композиций в виде лошадей.

Не менее важны для понимания смысла оградок и таких композиций в целом самые распространенные в них символические изображения — знаки: прямые и косые кресты. Замечательным примером служит уже упоминавшаяся двойная оградка из Бэшегтуу — Ганзурино, где наверху расположен прямой, равноконечный крест, внизу — пятна.

Кресты, как известно, подобно кругам-оградкам имели связь с представлениями о небе, солнце, несли определенную семантическую и магическую нагрузку как знаки-обереги, как средство для охраны от сил зла.

Не случайно здесь и наличие птиц, в том числе птиц-оградок. Птица в религиях различных народов тоже сопричастна «небу», добрым силам вселенной и тоже, следовательно, является оберегом, противодействует силам зла.

Таким образом, рисуя оградки и сопровождающие их другие фигуры, в первую очередь птиц и кресты, древний художник стремился обезопасить свою общину, род или племя от враждебных им сил.

Он хотел обеспечить счастье и процветание, в первую очередь изобилие пищи и плодородие, своей общине, плодородие как людей, так и животных. Намеком на культ плодородия, на стремление обеспечить производительную силу людей и скота служат фигуры человечков с преувеличенными признаками мужского пола, итифаллические, своего рода приапы забайкальских писаниц. Во всяком случае таких человечков на селенгинских писаницах не так уж мало: 104 из 773.

Таков общий логический ход рассуждений, который следует из анализа состава изображений, характерных для селенгинской группы писаниц.

Чтобы проверить его и подкрепить, нужно обратиться к помощи сравнительных этнографических материалов. Рассматривая их, мы можем не только убедиться в справедливости изложенной выше гипотезы, но и дополнить ее, конкретизировать и

расширить характеристикой той общей обстановки, в которой выполнял свою работу древний художник.

Речь пойдет сначала о сезонных праздниках, о торжествах-игрищах, связанных с почитанием производительных сил природы, с магией плодородия людей и животных.

Подобные торжества возникли еще у охотничьих племен каменного века, где основным их содержанием является охотничья магия, а целью — стремление обеспечить успех охоты и воспроизводство зверей⁷. Классическими примерами праздников охотников служат праздники арктических племен северо-востока Азии, описанные С. П. Крашенинниковым и В. Г. Богоразом, а также сложные мистерии таежных охотников эвенков, детально изученные А. Ф. Анисимовым и Г. М. Василевич, носившие название «иконипка».

С развитием скотоводства и земледелия эти праздники приобретают новые черты и на их обрядности отражается влияние новой мифологии, в центре которой находится культ стихии природы, в первую очередь солнца. Новыми являются и цели этих праздников — укрепление производительных сил природы, обеспечение плодородия полей и домашних животных.

На этой ступени мы и находим скотоводческо-земледельческие племена Забайкалья в бронзовом веке. Поэтому вполне обосновано привлечение этнографических материалов, относящихся к жизни земледельцев, для расшифровки идейного содержания забайкальских петроглифов селенгинской группы.

Праздники плодородия у степных скотоводов и мировоззрение забайкальских племен бронзового века

Мы рассмотрели выше этнографические параллели к наскальным изображениям Забайкалья и нашли в них много такого, что по аналогии позволяет приблизиться к смыслу этих рисунков на скалах.

Но все-таки, какое отношение имеют эти далекие среднеазиатские и — еще дальше — кавказские, а может быть, скандинавские, средиземноморские и даже африканские (фрезеровский цикл мифов и обрядов, связанных с культом умирающего

---

⁷ См.: В. Петров. Опыт стадийного анализа «охотничьих игрищ». (К постановке вопроса). — «Советская этнография», 1934, № 6; В. Г. Богораз-Тан. Христианство в свете этнографии. М. — Л., 1928, стр. 70—75; его же. Миф об умирающем и воскрешающем звере. — «Художественный фольклор». М., 1927, стр. 67—76; В. Д. Авдеев. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. Л. — М., 1959.

и воскрешающего божества растительности) аналогичны к нашему Забайкалью? А может быть, здесь, на далеком востоке Евразии, никогда и не было ничего подобного? Может быть, мы наткнулись в поисках аналогий на случайные совпадения?

На это можно ответить так. Совпадения эти не случайны уже потому, что отмеченные выше праздники плодородия имеют в своей основе внутренние социальные закономерности, корнящиеся в истории древнего общества земледельцев и скотоводов Старого Света, неразрывно связанные с историей развития их производительных сил, а также и мировоззрения. Совпадения эти не случайны уже потому, что отмеченные общие закономерности присущи были также и миру скотоводов Южной Сибири и Центральной Азии начиная с момента его зарождения и вплоть до недавней этнографической современности, когда мы видим уже только последние и деформированные остатки древнего мировоззрения и древней культуры.

Поэтому особый интерес для понимания идейной сущности забайкальских петроглифов представляют конкретные этнографические данные по Сибири и Центральной Азии, позволяющие подтвердить общие выводы, полученные на материале отдельных стран и народов, а вместе с тем конкретнее и глубже понять тот исторический фон, на котором эти памятники древней культуры народов Сибири и Центральной Азии возникли. В них, в этих этнографических фактах, выступают не только общие, «стадиальные» элементы, но и местные, с локальной окраской. Первый такой факт — существование в недавнем прошлом у скотоводческих народностей Сибири собственных праздников плодородия, культа производительных сил природы. О праздниках охотников уже говорилось выше. У скотоводов эти праздники приобрели существенно иной характер. На них отразились коренные перемены в экономике и общественном строе скотоводческих общин: появление производящего хозяйства, усложнение социальной структуры, связанное с зарождением классовых отношений.

Вся обрядность этих праздников, все связанные с ней мифологические представления имеют в основе не стремление размножить диких зверей, а желание обеспечить обилие молочной пищи и стимулировать плодородие домашнего скота. У степняков-скотоводов сложился принципиально новый праздничный ритуал, обусловленный возникновением новой дуалистической мифологии, нового пантеона. Для последнего характерна строго упорядоченная иерархия божеств во главе с верховным солнечным божеством, владыкой неба, патриархом небесного семейства. Небесному семейству светлых богов контрастно противо-

стоят теперь мрачные боги нижнего мира во главе с их властителем, владыкой пренсподней.

Судя по отрывочным сведениям, сохранившимся в письменных источниках, эта религия степных скотоводов Центральной Азии существовала уже у гуннов Монголии в III в. до н. э. и, очевидно, возникла задолго до них. Она в наиболее характерных ее чертах (культ неба) нашла отражение в источниках по истории культуры и верований древних монголов. Что же касается этнографических данных, то в наибольшей полноте элементы этого древнего культа донесли до нашего времени якуты.

Центральным моментом древней якутской религии были два годовых праздника. Праздники эти, на которых приносились жертвы богам, назывались «ысыахом»⁸. Ысыах справляли, по данным В. Ф. Троцкого, весной и осенью. Осенний ысыах был посвящен грозным черным богам, Улуу-тойону и властителю пренсподней Арсан-Дуолаю. Весенний ысыах праздновался в честь светлых небесных богов, во главе которых стоит величественная фигура Юрюнг-Айы-тойона — Белого Господина, создателя олицетворения неба и его творческой силы⁹.

Якутский ысыах, как и все праздники подобного рода, сопровождался обычными играми-развлечениями — борьбой, конскими бегами, поэтическими состязаниями, тапцами-хоровами.

Танцы и борьба имели определенную магическую направленность и основу. Танцы во время ысыаха, по словам

---

⁸ См.: Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. 3. СПб., 1912, стр. 3834—3835.—«Ысыах» — старинный, большой кумысный праздник, справлявшийся весной (около тронцна дня в конце мая или летом (в конце июня), когда много кобыльего молока, в честь божества Ан или Ар-тойон, причем огонь во время праздника окропляется кумысом» (со ссылкой на якутские Епархиальные ведомости, 1892, № 42); В. Ф. Троцкий. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань, 1903. К работе Троцкого (стр. 182—185) приложено имеющееся в портфелях Миллера (портфель № 509, тетр. 2, «Известия о шаманах или колдунах сибирских») подробное описание весеннего ысыаха, каким его наблюдали участники академической экспедиции, будучи в Якутии. Ко второй половине XVIII в. относится описание ысыаха, «учищенное в штате стоящими дворяны и детми боярскими и перегулярного войск якуцких казаков старшинами» в 1769 г. См.: А. П. Окладников. К истории этнографического изучения Якутии. Описание быта и правов народов Якутии, сочиненные в г. Якутске в 1768—69 и 1785 гг.—«Сборник материалов по этнографии якутов». Якутск, 1948. Описание ысыаха в эпических поэмах — олонхо см.: С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов.—«Тр. Комиссии по изучению Якутской АССР», т. 8. Л., 1929, стр. 55, 102, 121; Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области, ч. III. СПб., 1887, стр. 113—114; А. А. Попов. Материалы по истории религии якутов б. Вилюйского округа, стр. 299—303.

⁹ См.: В. Ф. Троцкий. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов, стр. 105—106.

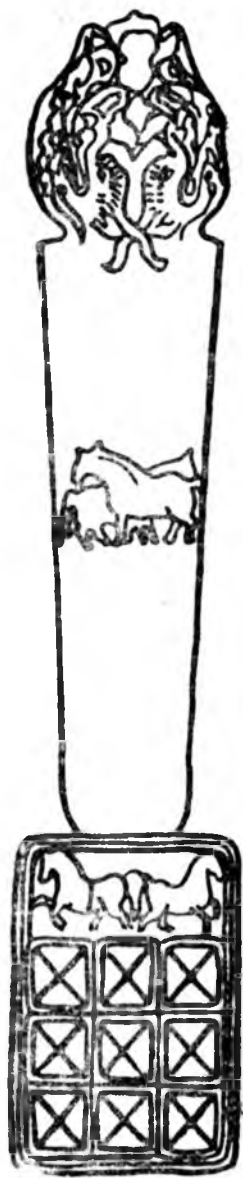

Рис. Жертвенный черпак для кумыса. Монголия.

П. А. Ойунского, отражали культ неба и солнца. «Ысыах сопровождается песнями в кругу и шествием круга навстречу солнцу»¹⁰. О том же сообщает Я. Линденау: «...хороводная пляска, у якутов называется витим. Устраивается во время праздника ысыаха от мая до половины июня. Все собираются по вечерам большими толпами не только в улусах, но и в городе Якутске и пляшут всю ночь напролет, до утра, изо дня в день, без исключения. Собравшись, мужчины, женщины и девушки берутся за руки и, составляя большой круг, все подпрыгивают, двигаясь по солнцу больше получаса подряд»¹¹.

Во время ысыаха производилось гаданье. Так было во время ысыаха, наблюдаемого участниками академической экспедиции в XVIII в.

«Во время брызганья налили берестяное лукошко кумызу и поставили перед двери и бросали над ним для щастия хамыяг (ритуальную большую ложку — кумысный черпак, — А. О.). Иногда оный хамыяг падал на землю или в помянутое лукошко выделанную стороною кверху, то признавали за щастие, а ежели вниз, то почитали за несчастье»¹².

Борьба, по данным Трощанского, тоже была связана с представлениями о космосе, о вселенной, о смене зимы летом, о борьбе света и тьмы, доброго начала вселенной, представленного летом, светом и солнцем, со злым олицетворением — холодом, мраком, зимой.

¹⁰ П. А. Ойунский. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. Опыт анализа якутской сказки. — «Сборник трудов исследовательского общества «Саха Кескиле», вып. 1 (4). Якутск, 1927, стр. 121.

¹¹ Я. Линденау. Описание якутов. Рукопись в архиве Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР. Русский перевод

¹² В. Ф. Трощанский. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов, стр. 183.

По словам Трошанского, в ходе предзнаменования «изображалась смена зимы весной в виде борьбы двух человек, из которых один представлял весну и назывался «аймы уола» (сын), а другой — зиму и назывался «абасы уола». Первый был одет в белое, а второй в черное или рыжее. Состязались они еще в беге, причем раздевались, и у первого кожа была светлая, а у второго — темная, а также в скачке на лошадях, причем для первого выбирался белый конь, а для второго — ржаво-рыжий или пегий (у якутов до недавнего времени не было черных лошадей)»¹³.

Руководителем торжества, посредником между миром людей и богом, между верхним и средним мирами якутской космогонии выступал не обычный шаман, а белый, или «летний», шаман, аймы-ойуум. Преклонив колено, он возносил богам молитвы, а также возливал им кумыс вместе со своим ассистентом в сопровождении девяти непорочных юношей и таких же непорочных девушек. Коленопреклоненными слушали молитвы — алгыс также и другие участники ысыаха¹⁴.

В центре торжеств на ысыахе находилась громадная кумысная бадья — симирь, сири-исить, сшитая из сыромятной, продыmlенной шкуры. Она стояла между двумя столбами, соединенными перекладиной, за которую ее привязывали. Там же стояли три молодые березки. Все это, по выражению Иохельсона, представляло «нечто вроде алтаря». Украшением ему служили жертвенные кисти из пучков конских волос. Из бадьи участники праздника черпали кумыс, наливали его в разные ритуальные кубки — чороны, приносили в жертву богам и пили сами. Иногда упоминается не одна, а две такие кумысные бадьи. Они служили символами счастья, изобилия. Так, в одной из легенд якутов рассказывается, что однажды голова кангаласского улуса Козлов, враждовавший с шаманом злых духов, Бюта-Илни, устроили ысыах. Дух шамана поднялся наверх и, сидя на краю облака, стал обозревать обстановку праздника. В самом центре двора были видны две большие посуды с кумысом для собравшегося народа. Сидящему на облаке шаману они казались двумя молочными, чистыми озерами, изображавшими счастье — удачу устроителя ысыаха. Шаман, желая опрокинуть и разлить счастье своего противника, превратился в огромную птицу и, стремглав слетев сверху, упал в одну посуду, но, однако, дна ее не достал и, захлебнувшись в жидкости, оставался

¹³ В. Ф. Трошанский. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов, стр. 106. Абаагы-уола значит «сын злых духов нижнего мира»; аймы уола — «сын добрых духов — богов верхнего мира».

¹⁴ См.: там же, стр. 184.

там еле живой, пока одна из женщин, черпая кумыс, не увидела плавающее в посуде большое насекомое — «кыыл кута» — шамана — и не выкинула его на землю. Благодаря этому шаман остался жив и ускользнул от грозящей ему гибели¹⁵.

В описании ысыаха XVIII в. особо подчеркивается священный характер кумыса как напитка божественного происхождения, напиток светлых небесных богов. «Кумыз,— говорится в описании ысыаха из портфеля Миллера,— который перед шаманом с самого начала до окончания приношения жертвы два человека стоя держали в стопах, почитается за освященной, также и тот, который налит был в лукошко, и должен всяк тот кумыз пить, будучи в юрте, а на двор его не выносят... Потом (после алгыса.— А. П.) стали все, будучи в юрте, пить освященный кумыз, и всякую стопу подавали шаману, стоя на коленях, а он по молитве и по кричании после его молитвы всех якутов отдавал оную назад, которую от него принимал, на коленях же стоя»¹⁶.

Таким образом, весенний праздник якутов — праздник плодородия был именно кумысным праздником, как его справедливо назвал В. И. Иохельсон. Сам по себе кумыс в их глазах был пищей божественного происхождения, ниспосланной свыше. От богов происходил, по понятиям якутов, и сам праздник. Иохельсон слышал на Колыме от якутов, что Белый Господин Творец, Юрюнг-Айыы-тойон, послал с неба на землю другое божество, Бар-Эллей-тойона, чтобы научить людей делать кумыс. Это божество (очевидно, «культурный герой», предок Эллей) принесло с собой на землю кумысную закваску¹⁷.

Эллей был, согласно преданиям, и первым устройтелем ысыаха, а его сын Лабынгха Сюрюк явился первым белым шаманом, совершившим возлияние богам кумысом¹⁸.

Среди светлых небесных божеств старинного языческого пантеона якутов, которым возливали с молитвой кумыс на ысыахе, одно из первых мест принадлежало, как это ни странно на первый взгляд, божествам, выступавшим не в человеческом, а в животном облике, и при этом в виде лошадей. Самое грозное

¹⁵ См.: Г. В. Ксенофонов. Хрестес Шаманизм и христианство. Иркутск, 1929, стр. 65—66.

¹⁶ В. Ф. Трошанский. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов, стр. 184.

¹⁷ См.: W. Jochelson. Kumiss Festivals of the Yakut and the Decoration of Kumiss Vessels.—«Anthropological Papers. Boas Anniversary», vol. 17. New-York, 1906, p. 257—270.

¹⁸ См.: «Исторические предания и рассказы якутов». В двух частях. Ч. I. Издание подготовил Г. У. Эргис. Под редакцией А. А. Попова. М.—Л., 1960, стр. 58, 67, 74, 78, 86.

божество, второе по значению после Юрюнг-Айыы-тойона, олицетворение грозового неба, громовник якутской мифологии Джесегей, изображалось в якутских былинах — олонхо как небесный жеребец. Это его громогласное ржание слышали люди на земле как раскаты грома. И, может быть, самая близкая человеку богиня-создательница, мать всего сущего, делилась на три ипостаси: богиню — создательницу людей, владычицу конного скота — в образе кобылицы, Ынахсыт — коровницу.

Г. В. Ксенофонтов, исследователь якутского шаманизма, древней дохристианской религии якутов, в которой он справедливо видел остатки древнейших верований и культа пастушеских народов Центральной Азии, писал: «Богом древних якутов в одной из последних стадий был небо-конь, джилга-тойон («сылги» — «джилги», у киргиз «джилки» — нарицательное имя конного скота), позже получивший нарицательное наименование «Уордах — Джесегей», который по понятиям современных якутов, является прародителем и подателем конного скота. Этот бог, по якутским сказаниям, во время его чествования на летних кумысных праздниках показывается народу в облаках в образе белого жеребца. Раскаты грома — гневное, страстное ржание этого жеребца в период полового возбуждения («мююлер этинг», этинг — гром и в то же время рев оленя в период течки, «сююль» — название течки у самцов животных). Богиня Иэйхсит, или Айыысыт, покровительница женских родов, является к людям в образе «кыыс кэрэ сылги», т. е. в образе кобылицы девственно чистой белой масти. Наконец, даже в обычной разговорной речи конь постоянно именуется «айыы огото» — божие дитя. В моих личных записях народных легенд божества, духи-покровители, являются к людям в образе жеребцов»¹⁹.

Божеству — создателю конного скота, Джесегей-айыыта, по материалам М. М. Носова, принадлежала первая чаша кумыса во время ысыаха, устроенного Эллеем. Ее вылил он на жертвенный костер.

Согласно легенде, записанной Иохельсопом, лошадь — существо божественного, небесного происхождения. Она была спу-

¹⁹ Г. В. Ксенофонтов. Хрестос. Шаманизм и христианство, стр. 109—110. Как писал Г. В. Ксенофонтов, «Юрюнг-Айыы-тойон, оказывается персонализацией творческих сил летнего солнца, короче, это религиозно-поэтическое название солнца». «Во всех преданиях и легендах», — говорит он далее, — относящихся к ысыаху, на втором плане, несколько позади Юрюнг-Айыы..., стоит божество Уордах-Джесегей-Айыы. Это божество почитается как предок конного скота, сылгы-терде, а также сылгы-айыыта, бог-покровитель конного скота, от которого зависит размножение конного скота» (Г. В. Ксенофонтов. Комментарии к сообщению Гмелина об ысыахе. Архив Якутского филиала АН СССР, стр. 12).

щена с неба людям верховным божеством — создателем, Юрюнг-Айыы-тойоном. В мифах якутов крылатый конь занимает выдающееся место как советник, помощник и спутник героя в битвах и путешествиях, говорит Нохельсон. В любовных песнях часто встречается сравнение героя с жеребцом, а героини — с кобылицей. Бить лошадь считается грехом. Кости ее не должны лежать на земле²⁰. В «старые времена» их клали на помост. Если якут найдет череп лошади, он подвешивает его на дерево. Даже экскременты лошади не считаются нечистыми. Сама богиня плодородия Айысыт пребывает при кобылице, так же как и после родов — при женщине, в течение трех дней после того, как она ожеребится, помогая ей²¹. «Череп любимых лошадей вешают на дерево», — пишет А. А. Попов²².

В этой связи следует вспомнить также важные детали селенгинских писаниц, как традиционные для них фигуры лошадей, иногда с подчеркнутыми признаками мужского пола, — изображения жеребцов-производителей. Характерно далее, что ни на одной из писаниц Забайкалья нет изображений рогатого скота, а есть только лошади. Следовательно, лошади (а не коровы и быки) имели отношение к тем ритуалам плодородия и весенних праздников древних скотоводов Забайкалья и Северной Монголии, которые можно реконструировать в их основных чертах по наскальным изображениям и этнографическим аналогиям.

На Шишкинских скалах среди многочисленных изображений лошадей также нет ни одного рисунка коровы или быка; изображения рогатого скота чужды искусству прибайкальских курыканов.

Существенно поэтому, что у тех же якутов именно лошади была связана с культом светлых богов — небожителей, противостоящих мрачным обитателям нижнего мира, пренсподней, во главе которых находился их предводитель, Арсан-Дуолай.

Очевидно, у скотоводов бронзового века за Байкалом, как и у якутов XVIII—XIX вв., лошадь занимала такое же почетное место в культе и также была сопричастна солярному культу, культу небесных божеств. Это в полной мере соответствует всему, что известно нам о месте, которое, по памятникам искусства бронзового века, принадлежало коню в мифологии и куль-

²⁰ См.: W. Jochelson. Kumiss Festivals., p. 259.

²¹ См.: М. М. Носов. Предки якутов по преданиям потомков. — «Сборник трудов исследовательского общества «Саха Кескиле». Якутск, 1926, стр. 29.

²² А. А. Попов. Материалы по истории религии якутов б. Вилюйского округа, стр. 293, рис. 15.

те скотоводческих племен Евразии в бронзовом и раннем железном веке. Такой вывод следует уже из широко известного сообщения Геродота о причинах, по которым массагеты приносили в жертву солнцу именно лошадей: «...массагеты богу-солнцу приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстреему из всех богов подобает быстреее животное»²³.

Как сообщает Ксенофонт, персы в ахеменидское время тоже приносили в жертву божеству солнца Митре белых коней.

В войске Дария содержался «солнцев конь», украшенный золотой сбруей, покрытый белой попоной. В войске Ксеркса, отправляющегося на войну против греков, находилась «священная колесница», в которой было запряжено восемь белых коней. Возница шествовал за ней пешком, держа вожжи в руках, так как ни один смертный не смел садиться на нее. Геродот называет ее колесницей Зевса, но, по мнению А. С. Фаминицына, это была колесница, посвященная Митре²⁴.

Так было, кстати, и у древних иудеев во времена царей. Во второй Книге Царств воспроизведен указ царя Иосии «об отмене коней, которых ставили цари иудейские солнцу перед входом в дом Господень»²⁵.

Белые кони принадлежали Дажбогу, богу солнца и плодородия. Более того, сам Дажбог представлялся его почитателям в образе коня, Авсень же — козла.

Солнечное божество и родственное ему божество плодородия Ярило идентифицировались с конем.

В Белоруссии, по словам А. С. Фаминицына, в культе Ярилы «главную роль играет не столько девушка — Ярило, сколько белый конь, на котором она едет»²⁶. «Конь этот (жеребец?) и есть, должно быть, сам носитель плодородия — Ярило. И даже святой Георгий, заменивший в христианстве бога солнца, в Белоруссии иногда величается «конем», подобно тому как у чехов волшебный (солнечный) конь назван в честь св. Иоанна Крестителя — Янеком»²⁷.

---

²³ Геродот. История. Книга I. М., 1888, стр. 216.— Ср.: С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1953, стр. 340—341; его же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 187—188.

²⁴ См.: А. С. Фаминицын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 66.

²⁵ М. С. Беленький. Иудизм. М., 1967, стр. 103.

²⁶ А. С. Фаминицын. Божества древних славян, стр. 280.

²⁷ Там же.

Коней посвящали древние германцы своему Дажбогу, фаллическому богу любви и плодородия Фрейру²⁸.

Связь коня и солнца столь же ясно прослеживается в славянской мифологии. По словам А. С. Фаминицына, «золотая колесница, белые кони, блестящая фигура бога солнца, воинственный его характер, пускаемые им по свету золотые стрелы,— все представления, знакомые уже древним ариям и без сомнения унаследованные от последних славянами»²⁹.

А. С. Фаминицын пишет, развивая свою мысль: «Блестящий, сияющий конь, воспеваемый в праздник рождения солнца, во время которого был обычай водить «бесовскую кобылку» или «всадника на белом коне», несомненно находится в связи с древним представлением о блестящем солнцевом коне — Хорсе, Сивке-златогривке, превратившемся в Белоруссии в Юрия-конника, а у чехов в коня-Янека»³⁰. Далее следует рассказ о том, как Егория называют конским богом, а егорьев день считается «конским праздником». В этот день лошади пользуются самым лучшим кормом и гуляют по покотине, лошадей приводят к церкви, священники кропят их святой водой и служат молебны святому Георгию»³¹.

В археологическом материале свидетельством связи культа солнца и лошади в скифское время служат изображения лошади вместе с кругом — солнечным диском. Одно такое изображение происходит из Минусинского края: конь с длинным хвостом, типично лошадиным, стоит на диске³². Ближайшей аналогией ему служит фигура коня на диске из окрестностей Томска, которую М. Г. Худяков связывал с солнечным культом и культом коня у народов Прикамья³³.

На скалах Минусинской котловины, в Оглахтах, имеется изданное впервые И. Т. Савенковым изображение лошади, датируемое тагарским временем. На крупные лошади вырезаны солярные знаки в виде «колеса со спицами», круга с радиальными полосами внутри. Отсюда, из представления о связи коня и солнца-неба, идет и известный миф о «небесных лошадях»

---

²⁸ А. С. Фаминицын. Божества древних славян, стр. 169.

²⁹ Там же, стр. 280.

³⁰ Там же, стр. 301—309.

³¹ А. С. Фаминицын. Там же, стр. 309.

³² См.: Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., «Наука», 1967, табл. 34, 4.

³³ См.: М. Г. Худяков. Культ коня в Прикамье. — «Из истории докапиталистических формаций. Сб. ст. к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра». 1933, стр. 257, рис. 6.

Средней Азии, зафиксированный в письменных источниках ханьского, суйского и танского времени³⁴.

М. Е. Массон и А. Н. Бернштам справедливо связывают этот миф с известными наскальными изображениями в горах Айрымачтау, около Оша, и у селения Арван, по дороге из Оша в Маргелан. Среди араванских изображений, по словам М. Е. Массона, имеются фигура жеребца («коня, стоящего влево, на четырех ногах, с псказом полового органа»), а также второе «великолепное изображение статного коня с подчеркнутым половым признаком, как бы указывающим на его роль производителя». Там же находятся рисунки, изображающие кобылицу и жеребенка. Все эти рисунки, как пишет М. Е. Массон, должны были «благоприятно повлиять» на разведение породистых лошадей, чему в древности в Фергане уделялось особое внимание и последствием чего явилось создание породы даванских «небесных аргамаков». Замечательной деталью большой композиции (кобылы с жеребенком), изданной М. Е. Массоном, является «небольшой круг с углублением», вероятно, символ солнца, т. е. еще одно свидетельство сочетания образа солнца с конем и важного значения того и другого символов в культе плодородия у древних скотоводов Средней Азии.

Не менее интересно наличие на писаницах тех горизонтальных полос-линий, в виде «дорог», о которых не раз уже говорилось ранее. Вполне возможно, что они могли быть не только дорогами умерших, которые вели в сторону предков, но вместе с тем и изображениями реальных коновязей для жеребят во время кумысного праздника: недаром в такой постоянной и интимной связи с этими «дорогами» находятся фигуры лошадей на наскальных рисунках.

Чтобы понять значение «коновязей-дорог» на писаницах, следует помнить один из замечательных по их архаичности и выразительной силе рассказов о древних языческих обрядах якутов, который записан дюпинским якутом Н. К. Жирковым

³⁴ См.: И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее.—Тр. Восьмого археологического съезда. М., 1900; К. В. Вяткина. Наскальные изображения Минусинской котловины.—«Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР». М.—Л., 1961, стр. 193, рис. 1, 1; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, стр. 141—142; М. Е. Массон. Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане.—«Тр. ИЯЛИ КиргФАН», вып. 2, 1948, стр. 135—140; А. Н. Бернштам. Араванские наскальные изображения и даванская (ферганская) столица Эрши.—«Сов. этногр.», № 4, 1948; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая.—«Материалы и исследования по археологии СССР», № 26. М.—Л., 1952, стр. 222—228.

и опубликован в русском переводе С. В. Ястремским в 1897 г. Это рассказ о том, как в старину производился обряд «вешания веревки гению урочища». Сначала ловят жеребят и привязывают их к кожаной веревке — сэле с двенадцатью привязками — кистями на ней. Затем разводят посреди скотного двора костер, творят возлияние и молятся владычице, подательнице конного скота.

В другом варианте обряда почти целиком повторяется ритуал ысыаха. Перед обрядом готовят кумыс из молока первожеребых кобыл и не дают никому отведывать его до торжественного обряда. Затем приходят к чтимой березе, одиноко растущей среди поля, со словами: «Пришли мы, мол, к властителю нашей родной земли, чтобы повесить веревку в подарок». На веревку вешают девять намордников, ушнитых бусами, кожаный наперсток, перья девяти пород уток и девять лоскутков разных материй. Зажигают дымокур и ставят в берестяном ведре сдобренный маслом кумыс. Ведро перевязывают волосом из конского хвоста. Потом один человек, подобно белому шаману на ысыахе, берет кубок с кумысом, становится лицом на восток: на нем, как и на белом шамане, — женская шапка с серебряной бляхой, тугахтой, означающей солнце. Рядом стоит второй «славославящий», чистый, невинный юноша. У него в руках кумысная ложка, такая же, какую употребляли на ысыахе. Этой ложкой он возливает кумыс духам урочищ. «При этом вспоминают все урочища, ни одного большого урочища не пропускают — на 100, на 200 верст кругом». В завершение обряда ходят хороводом и поют. Песня эта содержит обращение к богам — подателям конного скота с просьбой дать плодородие — изобилие молока и масла — травам, земле и скоту, конкретно кобылицам. Танцующие просят владычицу конного скота, чтобы она «белой кобылице гостинец послала», «первожеребую кобылицу красой наделила», т. е. повелела ей быть жеребой. Все восемь светлых богов должны указать, молили участники обряда, чтобы скотному двору «с жеребцом быть», чтобы «молодой жеребчик плодущим стал». «Беломошерстных да соединит, мол, в стада! Вскричимьте так! Беломоштных да сочетает, мол, в пары! Разом, дружно подхватим-ка», — поют участники ритуального хоровода, заклиная богиню — создательницу конного двора³⁵.

К сообщению С. В. Ястремского об обряде вешания веревки духу урочища можно добавить сведения якута 2-го Игидейского

³⁵ С. В. Ястремский. Остатки старинных верований у якутов. — «Изв. ВСОРГО», т. 28, № 4, 1897, стр. 246—254. См. также: «Тр. Комиссии по изучению Якутской АССР», т. 8. Л., 1929, стр. 204—209.

наслега Ботурского улуса Луки Уварова, приведенные в ответах А. А. Н-ва на вопросы Н. И. Агапитова в его «Опыте программы для изучения верований инородцев Сибири». «Если пропадает скотина, то якуты сами, без шаманов, а то и с шаманом привешивают к волосяной веревке разные тряпицы и изображения коров, телят и лошадей и все это вешают между двумя лиственницами³⁶. В тех же ответах далее снова говорится: «Простые якуты, не шаманы, стараются вывешивать меж двух дерев разные безделушки собственной работы из бересты, тряпиц и дерева, связывая их волосяной веревкой. Все эти вещицы имеют различные назначения: для спасения коров от падучей болезни, от падежа лошадей, смертности телят. Для этого делаются соответственные фигуры: для коров и лошадей — из разноцветных тряпиц. Якуты утверждают, что все это помогает»³⁷.

Обряд «вешания веревки духу урочища» представляет исключительный интерес для истории скотоводческой религии якутов. В нем можно видеть не только «малый ысыах, существовавший рядом с большим общественным праздником, описанным наблюдателями в XVIII—XIX вв., но и его исходную форму, из которой выросла вся позднейшая обрядность кумысного праздника. Но и там, в ысыахе христианской эпохи, когда прежняя «языческая» религия якутов уже была в упадке, можно видеть следы находившегося в центре кумысного праздника древнего культа жеребенка и лошади, культа конного скота, связанного с почитанием светлых небесных богов. Для характеристики этого культа интересна запись свадебного обряда якутов Колымского улуса, произведенная В. Серошевским осенью 1884 г. в урочище Унгджа. По словам Серошевского, на четвертый день свадебного торжества родственники жениха перед отъездом домой совершили следующий обряд: «Когда они уселись на лошадей, им подали по огромному деревянному кубку кумыса, и затем весь поезд в обычном порядке — с отцом во главе и женихом в конце — повели родственники невесты кругом трех столбов коновязи, врытых посередине двора. Провели их кругом троекратно *по солнцу* (курсив мой.— А. О.). Всякий раз, совершив полный круг, останавливались и всадники отливали кумыс из кубков на гриву своих лошадей. Оставшийся кумыс они выпили, кубки отдали своим вожатым и вскачь бросились прочь в открытые ворота»³⁸.

³⁶ В. Ф. Троцанский. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов, стр. 177.

³⁷ Там же, стр. 178.

³⁸ В. Л. Серошевский. Якуты. Опыт этнографического исследования, т. I. СПб., 1896, стр. 541.

Здесь в свадебном торжестве, как мы видим, сочетаются культ солнца (езда производится кругами по солнцу) и почитание лошади (ей возливают на гриву священную пищу богов — кумыс). И все это вместе взятое направлено на обеспечение плодородия. Так расценивает основную направленность всей обрядности древней религии якутов, в первую очередь ее центрального пункта — ысыаха, и П. А. Ойунский, глубокий знаток поэзии и верований якутского народа.

По словам П. А. Ойунского, «культ ураангхай-саха — древних якутов героической эпохи» был культом торжества и радости жизни. Основным элементом культа был ысыах, как праздник коневодства и плодородия³⁹. Место сбора людей на ысыах называлось «түсүлгэ», оно было оцеплено молодым, цветущим березняком, соединенным пестрой, белого и черного цвета, веревочкой из конского волоса, разукрашенной пучками конских волос». Затем, писал Ойунский, «сооружались коновязи, разукрашенные пучками конских волос, панизанных на такие же пестрые веревочки из конского волоса. У коновязей стояли привязанные к ним жеребята, кулун. Ысыах начинался молитвословием, заклинанием в честь богов — алгысом: освящается конский молодняк, освящается кумыс, благословляются лето и дары природы. Алгыс кончается благодарностью ураангхай-якутов богам природы и коневодства с пожеланиями о ниспослании... счастья устроителю ысыаха и всем ураангхай-якутам»⁴⁰.

Как видно из текста статьи Ойунского, ысыах был прежде всего «праздником коневодства», а в ритуальное оформление праздничного обряда входили коновязи с привязанными к ним (отмеченными выше веревочками из конского волоса) жеребятами.

Следует добавить в этой связи, что, по словам Ойунского, ысыах у древних якутов был праздником плодородия не только конного скота, но и людей — «праздником начала семейной жизни, брака». «Устроители ысыаха празднуют также и рост своей семьи в лице дочери, долженствующей дать жизнь новым поколениям, т. е. пустить корни в далекое будущее». Таков был особый «малый ысыах» — праздник побед и подригов жениха в эпических поэмах, а «также начала брачной жизни новой семьи».

Как рассказывается в олонхо, при встрече богатыря — героя былины «опять-таки устраивается ысыах в рамках семьи и рода.

³⁹ П. А. Ойунский. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание, стр. 121.

⁴⁰ Там же.

Новообращных встречают до вступления их на родные поля на опушке молодого лесочка, где ставится для них коновязь — сэргэ. Невеста останавливается у этого сэргэ, где и опускает его на землю, на цветок «аса». Здесь она должна разукрасить коновязь пучками конских волос, панинзанных на шерстяную пеструю веревочку. После этого ее ведут за руку (по возможности через шкуру чернубурой лисицы) вокруг лесочка три раза. Только теперь ее с радостью встретят госпожа Аан-алакчин и все духи данной местности, так как они воочию убеждаются, что вновь прибывшая женщина несет с собой счастье и жизнь этой местности, что она уставит местность разукрашенными коновязями, обогатит ее конным и рогатым скотом и вообще осчастливит ее»⁴¹.

Но и здесь, когда обряд был непосредственно направлен на обеспечение семейной жизни, он по всему своему существу оставался таким же, как обычный ысыах, — плодородие людей было неразрывно связано с плодородием лошадей; более того, оно должно было магически способствовать росту табунов, стимулировать их производительную силу.

Дополнительные данные для характеристики существа ысыаха как обряда, в первую очередь и преимущественно связанного с культом плодородия конного скота, содержатся в интереснейшей «песне про дерево», записанной А. Ф. Миддендорфом и изданной затем в переводе А. А. Попова. Это подлинный гимн в честь жеребят и плодородия конного скота. «Ради изобилия соловых жеребят давайте играть, не исключая парней! Ради кумыс старых кобылиц давайте соединимся, не исключая и девиц! Ну-те, молодцы! Ради того, что оживился двор (покрылся зеленью), вытянулась веревка и привязалось, посредством деревянных застежек, много жеребят, ради того, что появились кумысные мехи и зашевелилась кумысная мутовка... созвал я ысыах...», — пели участники кумысного праздника⁴².

Дерево, о котором говорится в песне, конечно, не простое, не обычное, а священное мировое дерево, образом которого начинаются богатырские былины-олонхо. В них говорится о возникновении вселенной и о ее средоточии там, где стоит величественное дерево, с вершины и ветвей которого течет молоко, а наверху пируют боги, справляющие свой ритуальный пир — ысыах. У подножия его божественная влага скопляется

⁴¹ П. А. Ойунский Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание, стр. 121.

⁴² А. А. Попов. Якутские записи А. Ф. Миддендорфа. — «Тюркологический сборник», I, Л., 1951, стр. 161.

молочным озером, озером изобилия и счастья для людей. Сама же по себе песня, нужно думать, была древней леслей участников ысыаха, торжественным гимном в честь светлых богов — его незримых участников. Что же касается конкретного содержания песни, то не случайно в ней речь идет именно о веревке и жеребятках, привязанных к ней. Жеребята, привязанные к веревке — сэлэ, принимали в древности участие в празднике плодородия в качестве божественного начала и залога возрождения производительных сил природы, как магический стимул размножения конского и изобилия молочной пищи.

Это были живые фетиши, предметы культа плодородия конного скота. То же самое относится и к резным из дерева фигуркам, изображающим животных, о которых говорится в сообщении Луки Уварова: они магическим способом замещают живых животных, несут те же функции, имеют одинаковую идейную «нагрузку». Изображения эти вместе с тем вызывают в памяти фигуры лошадей как на писаницах, так и оленных камнях Забайкалья, Монголии и Тувы. Смысл их и магическое назначение несомненно одинаковы во всех этих случаях — они должны были служить магическим средством для размножения домашнего скота. И, нужно думать, когда рисовались на скалах писаницы или выбивались священные изображения лошадей на гранитных стелах посреди широких степей, все это сопровождалось обрядами, аналогичными якутскому ысыаху, и происходило при стечении народа в дни праздника плодородия конного скота, изобилия молочной пищи — кумыса.

Значение лошади как главного персонажа, как культового центра ысыаха придает особый смысл и другим характерным для якутского весеннего праздника плодородия атрибутам.

Как видно из сказанного выше, кроме веревки-коновязи в ритуале ысыаха и обряда «вешания веревки духу урочища», первостепенное место принадлежало двум элементам, взаимно связанным семантически идеей плодородия конного скота и изобилия молочной пищи: черпаку — хамыяху для кумыса, тоже украшавшемуся иногда изображениями лошадей, и кумысному сосуду — холлогосу, опять-таки прошитому конским волосом и, вероятно, украшенному кистями из конского волоса.

Связь ритуальной кумысной посуды ысыаха — чаш для кумыса, чоронов, сири-иситя, черпака и ложки-кропила — с конным скотом выпукло отражена в фольклорном тексте, записанном Г. В. Ксенофонтовым, где говорится о такой посуде, изготовленной сыном божественного героя — прародителя якутов Элдея Лабынгха Сюрюком. «Когда старший сын Лабынгха Сюрюк возмужал, он завел всю посуду, которая употребляется

для кобыльего молока: чоронные чаши с выпукло-каемной резьбой, которые тесно связаны с пятнисто-пестрой кобылицей; керенные сосуды с поперечно-гребенчатой резьбой, predetermined кобылицей светлой масти; сосуды матар, которые никак не отличишь от молочно-белой кобылицы; благодаря серой кобылице заведенный кожаный сири-исить, лиственничным деревом окаймленный чистый дальбар, предуказанный масляно-желтой кобылицей; дальше чистую ложку-кропило с тремя ямочками, точно очами отмеченную; священный чэчир, похожий на отдельно стоящую березовую рощу, наконец, глубокое туюсюлгэ, похожее на круглое таежное озеро»⁴³.

Особо важное место в ритуале якутского кумысного праздника принадлежало «чистой ложке-кропилу», которой производились возлияния богам. Так поступают первоустроитель ысыаха, сам божественный первopедок якутов, Эллей, а также его сын, Лабынгха Сюрюк, шаман небожителей, первый белый шаман. Он священнодействовал, «...держа в руках ложку-кропило с тремя ямочками, увязанную конским волосом, он начал молитвенное призывание небожителей, поднимая поочередно чашу с кумысом и маслом ко всем именуемым им божествам. Поднимая чашу, он кропил кумыс ложкой»⁴⁴.

Такие ложки-черпаки, богато украшенные резьбой и в том числе фигурами кобылиц, сохранились в этнографических коллекциях до нашего времени не только у якутов, но и у монголов, где они также служили для жертвенных возлияний. В музее г. Даландзадгада (Южная Гоби) мы видели и зарисовали, например, великолепный ритуальный черпак для кумыса, украшенный не только богатым резным узором, но и рельефными фигурами лошадей.

Особо нужно остановиться на значении конского волоса в ритуале якутского кумысного праздника и в их скотоводческой религии. В древней религии якутов конскому волосу вообще придавалось священное значение. Оно рельефно рисуется сведениями, которые приводятся в самом раннем, известном нам описании ритуала якутского ысыаха, сделанном И. Г. Гmeliным во время этого праздника в 14 верстах от г. Якутска. По словам И. Г. Гmeliна, «летний шаман», призывая «различных патронов (духов), почтенных жертвой», после каждого раза взмахивал вверх лошадиным хвостом, а его помощник «в честь

⁴³ Г. В. Ксенофонов. Эллейада.— Архив Якутского филиала АН СССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 20.

⁴⁴ Там же.

каждого из них брызгал в воздух кумыс три раза ложкой, черпая непрерывно из двух кубков»⁴⁵.

О том же говорится при описании жертвоприношения (ысыаха) у якутов в изданном В. Ф. Троцанским «Известии о шаманах или колдунах сибирских», которое сохранилось в портфелях Г. Ф. Миллера и почти дословно совпадает во многом с описанием Гмелина. «Как они кумызу по два раза выпили, то дал шаман сидевшему подле него летнему шаману в руку хамыях, а сам взял в руки приготовленный пук лошадиного хвоста, и встали оба с мест, а прочие сидели. Потом шаман говорил 22 молитвы к разным своим богам и к их услугам, к дьяволам, к умершим шаманам, озерам, лесам, каменным горам, полям, земле, огню и проч. А как он сие говорил, то легший шаман черпал хамыяхом из стоп, которые два якута держали, кумыз и беспрестанно брызгал сверху и его речи повторял». Здесь опущено, что делал шаман с лошадиным хвостом, но это ясно из приведенных выше слов Гмелина. Далее говорится о ритуальном гадании, когда участники ритуала ставили берестяное «лукошко» кумыса (холлогос), вероятно, символизирующее эпическое молочное озеро — озеро счастья и изобилия, а затем «бросали над ним для счастья хамыяг»⁴⁶.

Жгуты и кисти из конского волоса на ритуальной посуде, — следовательно, не просто декоративный элемент, а по закону сопричастия носители священной магической силы плодородия конного скота. Что же касается веревки — коновязи для жеребят, то существенно, что она изготавливалась из конского волоса. Конечно, ее могли бы вырезать из шкуры животного, из сыромятной кожи. Но это противоречило бы всему существу культа плодородия. Ему, как это показал в своих работах Г. В. Ксенофонов, чужды кровавые жертвы и все, что связано с пролитием крови, с умерщвлением животного. Например, веревка из конского волоса как магический носитель производительной силы конского скота была здесь как нельзя более кстати.

Отсюда снова протягиваются нити, соединяющие ритуал якутского скотоводческого праздника плодородия — ысыаха с культурой бронзового века. На глиняных сосудах — триподах из Забайкалья, датируемых временем культуры плиточных могил, имеются рельефные глиняные жгуты, явственно имитирующие

---

⁴⁵ G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743, t. II. Göttingen, 1752, S. 499—507.

⁴⁶ В. Ф. Троцанский. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов, стр. 183.

такие же жгуты и кисти из конского волоса, как на якутских чоронах⁴⁷.

Это свидетельствует о преемственности культа конного скота и обрядов плодородия у якутов с религией племен Забайкалья бронзового и раннего железного века. Вместе с тем подтверждается и мысль о том, что разгадку семантики забайкальских писаниц этого времени и неразрывно связанной с ней семантики монументальных изваяний бронзового века — оленевых камней следует искать в мифологии и обрядности скотоводческих племен Сибири и Центральной Азии, в первую очередь в культе плодородия якутов, сохранивших до XIX—XX вв. в наибольшей полноте остатки этого начального культа степных скотоводов. Еще одним дополнительным штрихом к общей картине, нарисованной выше, еще одним указанием на связь между культом конного скота древних скотоводов Сибири и Центральной Азии служат кости коня, захороненные под описанной скалой в пади Нарин-Хундуй на р. Джиде. Как мы уже видели, кости эти принадлежат к тем частям скелета лошади, которые остаются в шкуре коня, принесенного в жертву на шаманском торжестве — тайлагане у бурят и тайэрге — у алтайцев: это череп и кости конечностей. В таком виде, с черепом и костями ног, вывешивалась на высоком шесте священная жертвенная шкура коня после кровавого шаманского жертвоприношения.

Конечно, в религии этих скотоводческих племен, в религиозных представлениях, связанных с лошастью, и в соответствующих ритуалах можно вслед за Г. В. Ксенофоновым выделить два комплекса, или две струи. Первый комплекс имеет в основе представление о том, что лошадь — животное, наиболее угодное богам, самое чистое из всех других домашних живот-

---

⁴⁷ См.: А. П. Окладников. Триподы за Байкалом. — «Сов. археол.», № 3, 1959. Следует добавить, что новые материалы показывают в ином свете, чем у И. Г. Андерсона, историю глиняных триподов. Происхождение их следует искать не у неолитических земледельцев долины р. Желтой, а в степной Монголии и за Байкалом. Отпечаток скотоводческой культуры виден уже на форме этих сосудов. Трипод состоит из трех частей, каждая из которых похожа на вымя. Три «вымени», сшитых вместе, образуют трипод. На глиняных сосудах имеются и имитации швов, которые скрепляли когда-то три части их кожаных прототипов. О степном происхождении, о скотоводческих истоках забайкальских триподов свидетельствует их орнаментика, имитирующая не только шов, но и, как сказано выше, кисти и жгуты из конского волоса. По функции триподы тоже соответствуют условиям степной жизни: это центральноазиатский аналог известного скифского котла. В безлесной степи в трипode также могли готовить пищу, как в скифском котле (о чем писал в своем известном рассказе Геродот), обложив его вместо дроб сухим конским пометом.

ных, «сопричастное» миру светлых небесных богов. Поэтому она и служит предпочтительной, самой дорогой и желанной жертвой для них. Поэтому она и закаляется в самый торжественный момент праздника весеннего или летнего изобилия. Это кровавый праздник. Второй праздник — бескровный, кумысный. В самом ярком, классическом своем выражении он представлен якутским ысыахом. Здесь лошадь выступает как само по себе существо божественное, как живой представитель иместилище божественной силы, в конечном счете как божество, создатель конного скота, небесный жеребец Джесегей якутской мифологии.

Но в действительности, очевидно, обе эти струи в религиозном сознании древнего скотовода Азии причудливо и разнообразно переплетались друг с другом. Вещественным свидетельством такого взаимопроникновения, мозаичности представлений, связанных с писаницами и с ролью коня в мифологии их создателей, и является, должно быть, захоронение жертвенной шкуры и костей лошади под Нарин-Хундуйской писаницей. Одним словом, в ритуале ысыаха и ему подобных праздников скотоводов Южной Сибири и Центральной Азии можно найти объяснение существенным чертам забайкальских писаниц селенгинской группы, ключ к расшифровке их идейного содержания.

Будучи праздником плодородия скотоводов, в отличие от обрядности Липанала у сванов и других аналогичных праздников плодородия с их резко выраженной сексуальной направленностью, ысыах якутов имел строго этический характер. Его главными участниками, «ассистентами» так называемого «белого шамана», или, по словам Гмелина, «летнего шамана», т. е. шамана, выступавшего только на весеннем празднике со словословием в честь богов, были целомудренные девушки, не знавшие мужчин, и такие же чистые юноши (ср. слова древнетюркских орхонокских надписей, где в таких же выражениях говорится о юношах и девушках тюрков). Однако у алтайцев существовали откровенно эротические ритуалы, главный исполнитель которых — шаман — выступал как фаллофор, как представитель итифаллического начала.

Л. П. Потапов по моей просьбе дал об этом следующие сведения: «Эротические ритуальные элементы были характерны для некоторых групп северных алтайцев. Речь идет об отдельных родах — сеоках кумандишцев, северных шорцев и телеутов, живущих в предгорьях Кузнецкого Алатау. Наиболее изучены эти обряды только у кумандишцев. У последних эротический ритуал был связан с шаманским жертвоприношением лошади высшему божеству Ульгению, которое устраивала каждая семья

(в начале лета или осенью) хотя бы один раз в жизни, и с осенним молением — праздником урожая. Целью обоих молений, проводившихся шаманом, было испрашивание удачной охоты, хорошего урожая, благополучия для скота и для семьи. На упомянутых молениях выступал особый персонаж, Кочоган, символизирующий одного из духов-небожителей шаманского пантеона. Его роль исполнял молодой мужчина, избранный шаманом. Он был в берестяной маске (с бородой и усами из меха летней белки), в берестяном колпаке, обычном холщовом халате. В руках он держал деревянный посох и фаллос. Кочоган подбегал к мужчинам с пением своей песни и имитировал движения полового акта. Он порой подражал крику возбужденного жеребца. Жертвоприношение лошади носило строго родовой характер. На него допускались женщины только того же рода, представители которого устраивали жертвоприношение. При молениях с Кочоганом готовилась жертвенная брага из ячменя и солода — «пуза». Под этим названием известен распространенный у узбеков слегка опьяняющий обрядный напиток из проса. У всех перечисленных северных алтайцев в шаманских молениях Кочоган участвовал только у тех сеоков-родов, которые почитали это божество, у других же эротический ритуал отсутствовал. Тот факт, что не все роды кумандинцев или шорцев имели своим божеством Кочогана и не у всех поэтому в молениях наличествовал эротический ритуал, связанный с данным божеством, вероятно указывает на смешанный по происхождению и культуре родовой состав этих народностей»⁴⁸.

Как следует отсюда, у алтайцев эротическая обрядность входила в ритуал весеннего праздника плодородия. Она имела определенную связь с культом конного скота: при жертвоприношении лошади небесному божеству Кочоган подражал ржанию возбужденного жеребца. И у самих якутов, наряду с подчеркнуто целомудренным ритуалом ысыаха, имели место эротические обряды, прямой целью которых тоже было размножение домашнего скота. Они носили выражено оргиастический ха-

---

⁴⁸ D. Zelenin. Ein erotischer Ritus in der Opferungen der altaischen Türken. Internationales Archiv für Ethnografie, Bd. XXIX, 1928. Д. К. Зеленин присутствовал в 1927 г. на тайылга в дер. Полушкино в 30 км от аймачного центра Турачака и наблюдал там эротический обряд в честь божества Кочогана. См. об этом: Ф. А. Сатлаев. Изучение кумандинцев в историко-этнографической литературе. — «Учен. зап. Горно-Алтайского науч.-исслед. ин-та истории, языка и литературы», вып. 8. Барнаул, 1969, стр. 38; Л. П. Потапов. Этнографический очерк земледелия у алтайцев. — «Тр. Ин-та этнографии СССР», новая серия, т. XVIII, 1952, стр. 182; его же. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., «Наука», 1969, стр. 64, 68.

ракет. Так, по материалам записей Г. В. Ксенофонтова, шаманы совершали в прошлом особый коллективный обряд «вызывания половой страсти» — «джалын ылыта». Обряд этот составлялся так же торжественно, как ысыах. Ксенофонтов пишет: «В старину, по рассказам, шаманы совершали особое моление духу земли о испослании на женщин «джалын» (силы полового влечения). Оно устраивалось совместно несколькими хозяевами, живущими на одном летнике. Когда готовились к этому обряду, заранее распространялась молва, запасали пищу (надо полагать для угощения народа) и делались особые приготовления. Выбирали место под большим, развесистым деревом. Здесь вкапывали рядом три столба с выпуклой резьбой, обточенные вверху в виде кумысных чаш в честь духа матери земли. Вокруг столбов втыкались молодые, расцветшие березки; тут натягивали веревку, свитую из белых и черных волос. К веревке привязывали в дар духу земли обрезки материи, пучки конских волос и небольшие модели телячьих намордников. Около столбов ставили урасу (конический шатер, крытый берестой), все это обносилось изгородью.

К назначенному времени собирался народ и приходил приглашенный шаман. Шаман, имеющий кровожадных и злых духов, не мог совершить этот обряд. При путешествии к духу матери земли шаман имел плясунов — трижды девять девушек и столько же молодых парней. Эти девы и юноши, держа в руках березовые шесты, плясали вместе с шаманом. Шаман надевал свой плащ, имел и бубен, камланием (пляской) шаман приходил к духу матери земли и умолял ее даровать «джалын».

Когда он брал у богини «джалын» половую страсть, держа в руках бубен с колотушкой, с конским ржанием начинал кружиться и издавал призывные крики — «хоруу, хоруу!» («хорутур» — звать криками табун кобылиц или коней).

В этот момент собравшиеся женщины, неожиданно издав раскатыстый хохот, начинали ржать по-конски — «иннэ-сасах!». Со ржанием они набрасывались на шамана и делали над ним любострастные телодвижения. («Ойуну кибиингнээн бараллара юю»). Будто бы валили его на землю. Стоящие тут мужчины отбивали шамана от женщин, тогда женщины мгновенно приходили в себя, успокаивались и садились. («Суу днэн уоскуйан олороллор юю»). Рассказывают, что при этом на женщинах выступал обильный пот, а их лица от прилива крови делались наподобие красной меди. Это взятие «джалын» шаман повторял трижды с теми же последствиями. По рассказам, (разгорячен-

ные) женщины кидались на шамана, даже совсем оголяясь, без всякой одежды.

Это и называлось взятие от духа земли половой страсти для людей и скота, или низведением силы размножения («ол аата дайды ичтиттэн джалын ылар, имэнг огустарар»)»⁴⁹. В якутской мифологии был и свой Ярило — фаллическое божество или полубог, «сын неба, быстродвигающийся по небу». «Специальность последнего», говорится в сборнике якутских пословиц и загадок, собранных А. Е. Кулаковским, — «вечная погоня за девушками и хорошенькими девушками, преследуя которых он и проложил на небо этот (млечный. — А. О.) путь»⁵⁰.

Следовательно, тюркам-кочевникам и их соседям на Алтае и Центральной Азии была не чужда оргнастическая обрядность типа праздников Липанала и Бемго у сванов, а вместе с нею, нужно думать, и многое другое, о чем говорилось выше, о чем молчат наши источники и что по разным причинам было утрачено под влиянием позднейших «высоких религий».

У якутов во время «большого» ысыаха, каким его наблюдали этнографы XVIII и XIX вв., не делалось также никаких фигурных изображений. Как мы видели, их заменяли живые жеребята и кони, привязанные к сэргэ — коновязи. Но на «малом» ысыахе, обряде «вешания веревки духу урочища», такие изображения были.

Интересно в этой связи и то обстоятельство, что у близких родичей якутов по языку и культуре — у минусинских тюрков, в Южной Сибири у хакасов, имели место такие же праздники плодородия, во время которых выделялись изображения животных. Так, видимо, следует объяснить находки Д. А. Клеменца на р. Тюг, притоке р. Аскыза, где он обнаружил священный утес «Иней-тас», т. е. буквально «Бабушку-камень», а на нем сделанные из камня фигурки лошадей, коров и овец. Причем Клеменцу рассказали, что фигурки эти имеют важное магическое значение. «Если они стоят хорошо, то хорошо и скоту. Упали — быть беде, скотский падеж угрожает татарам»⁵¹.

Таким образом, этнографические аналогии позволяют с достаточной уверенностью установить связь между изображениями

⁴⁹ Г. В. Ксенофонов. Хрестес. Шаманизм и христианство, стр. 61—62.

⁵⁰ Н. Толоконский. Якутские пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, поверья и легенды. Собрано при ближайшем участии учителя якута А. Кулаковского. Иркутск, 1914, стр. 87—88.

⁵¹ А. П. Окладников. Шинкишские писанины. Иркутск, 1959, стр. 54.

селенгинской группы и ритуалами весенних праздников плодородия древних скотоводов Забайкалья и Центральной Азии. В тех же этнографических фактах можно обнаружить и другие ценные указания на смысл, идейное содержание селенгинских красочных писаниц. В ритуале этих праздников и в связанной с ними мифологии мы находим расшифровку таких сюжетов писаниц, как оградки, круги, кресты, изображения лошадей, «дороги-коновязи».

Раздел III

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БУРЯТИИ

Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья¹

Самым достойным способом отметить, охарактеризовать вклад Кяхтинского музея в археологию Забайкалья — значит издать научный каталог археологических коллекций музея. Начало такой работе положил в свое время Г. Ф. Дебец, составивший в свои студенческие годы регистрационные списки коллекций музея по археологии. Но обстоятельства сложились так, что каталог остался незаконченным, хотя с тех пор прошло более тридцати лет... Приходится поэтому, в силу необходимости, ограничиться общим очерком археологической деятельности музея, имея в виду, что и такой очерк может принести известную пользу, как один из способов привлечения к музею, а вместе с тем и к археологии Забайкалья общественного внимания.

Как известно, в археологических исследованиях краеведческие музеи всегда занимали первостепенное место. Они являются, прежде всего, местом, куда стекаются самые разнообразные и ценнейшие находки, которые в ином случае были бы утрачены для науки. Так создаются драгоценные и нередко уникальные научные сокровища. Вокруг краеведческих музеев собираются люди, которым интересны прошлое своего края, его история и древности.

Занятие археологией местного края — естественное, необходимое и неизбежное занятие краеведов и краеведческих музеев. Оно имеет столь глубокие корни, такую непреодолимую стихийную силу и внутреннюю логику, что без него вообще немислимы жизнь и развитие краеведения. Можно сказать, что сама земля, из которой сами собой появляются кости ископаемых зверей, каменные топоры и бронзовые мечи, рождает археологические увлечения краеведов. Такие занятия, разумеется, не

---

¹ «Труды Кяхтинского музея краеведения имени академика В. А. Обручева и Кяхтинского отдела Географического общества СССР», т. 18. Улан-Удэ, 1961, стр. 19—37. Библиогр.: 36—37.

приносят людям, увлеченным краеведением вообще и археологией местного края в частности, никакой материально ощутимой вещественной пользы, никаких выгод. Они даже нередко идут во вред их благополучию,

Но нигде и никому еще не удавалось приостановить и заглушить эти романтические увлечения, этот «вирус» археологии, который заражает десятки и сотни людей различного возраста, разных занятий и профессий одной и той же чистой страстью к научным приключениям, к открытиям и путешествиям, к поискам нового и волнующего в старых и, казалось бы, хорошо знакомых местах, необычного — в обычном и обыденном мире.

Этого не могло сделать царское правительство, которое, как мы увидим далее, по словам авторитетного свидетеля, отнесло в свое время Кяхтинский музей к числу центров неблагонадежной общественной деятельности.

Этого не может сделать и ледяное пренебрежение к наивным «дилетантам» некоторых не в меру «строгих» резников «академической» науки, гордых своим ученым превосходством и успехами в карьере, а в действительности, по-человечески, заслуживающих только сожаления.

И чем выше культура страны, тем, разумеется, сильнее, тем шире влияние этих археологических интересов. Так возникают объединения энтузиастов-исследователей прошлого своего края, создаются научные центры, роль и влияние которых все более и более выходят нередко за пределы этого края.

Именно так произошло и в старинном городе Кяхте, который возник в начале XVIII в. на границе с Монголией, на великом пути из Москвы в Китай, в городе, которому судьба на целых два века отвела роль своеобразных ворот из России в Центральную Азию, из Азии в Европу.

Эта особая роль Кяхты в истории России определила и ее особое место в развитии нашей археологической науки. И сейчас, когда в Кяхту ведет уже не старая, зарывающаяся в дюнные пески проселочная дорога, а широкая асфальтированная магистраль, Кяхта радуется глаз не только зеленью соснового леса, но и белизной каменных зданий, а более всего — своим поистине замечательным музеем, если не самым лучшим, то одним из лучших за Уралом.

Именно здесь, в Кяхте, останавливались и бросали последний взгляд в оставшиеся позади дикие степи и пустыни Центральной Азии русские путешественники XVIII—XIX вв. Отсюда же они снова и снова шли вперед, на новые научные подвиги, в черную от пустынного загара Гоби, в нагорья Тибета, к истокам Желтой реки, к священному таинственному городу Далай-

ламы, к далеким горным долинам, в которых блестили на солнце золотые крыши храмов, носивших такие удивительные имена, как Лавран или Гумбум.

По существу «неведомая Азия», которая волновала и влекла к себе поколения путешественников, начиналась здесь же, за Байкалом, в бурятских степях, где высились такие же, как в Тибете и Монголии, многоэтажные буддийские храмы, а вокруг них кочевали в своих продыmlенных войлочных юртах скотоводы-буряты, одетые в такие же, как у монголов, халаты и остроконечные шапки, украшенные алой кистью — зала.

Не удивительно поэтому, что именно в Кяхте и возник этот замечательный музей, который с самого начала имел определенное направление, определенную ориентировку — на восток, лицом к Монголии, Китаю и Тибету и, конечно, прежде всего, к истории и культуре Забайкалья. Вместе с музеем оформилась и та группа энтузиастов, добровольных исследователей Забайкалья и Монголии, которая его создала, и тот кружок краеведов, который вошел в историю нашей науки под несколько длинным и тяжеловесным названием «Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела императорского Русского географического общества».

Сущность деятельности этого кружка определяла, конечно, не вывеска, где значилось слово «императорского», а сами его участники и их работа. Об этом лучше всего сказал Ю. Д. Талько-Грынцевич, человек, который, по его собственным словам, 16 лет жил и работал в Кяхте, а из них 14 лет был правителем дел Кяхтинского отделения Географического общества.

«Минуло 30 лет с тех пор,— писал он в 1926 г.,— как небольшой кружок людей, состоящий не только из пришлых на далекую окраину и жаждущих высших идеалов и умственной работы, но поддерживаемый сочувствующей ему местной интеллигенцией, стал хлопотать об открытии в Троицкосавске общества как для изучения края, так и с просветительной целью популяризации знаний». Как пишет далее Ю. Д. Талько-Грынцевич, отделение в течение ряда лет устраивало ежемесячные публичные заседания и научные сообщения, устраивало экспедиции, печатало издания, «которые и ныне пользуются широкой известностью и обменивались на заграничные издания» (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 1—2).

При отделении зародились, наконец, музей и библиотека, причем о судьбе музея Ю. Д. Талько-Грынцевич пишет, что со временем «музей, преследуемый охранительными властями, как политически неблагонадежное учреждение (!), был освобожден

из-под ареста» и лишь после этого смог приступить к нормальной работе (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 1).

Археологическая деятельность отделения и музея была при этом, в первую очередь, делом самого Ю. Д. Талько-Грынцевича.

Приехав в 1892 г. в Троицкосавск на должность уездного врача, Талько-Грынцевич примкнул к кружку интеллигентов — политических ссыльных и с огромной энергией занялся изучением Забайкалья, как один из организаторов музея и местного отделения Географического общества (А. Н. Орлова, 1949, стр. 69). Многолетние систематические работы его по археологии Забайкалья явились одной из важнейших составных частей научной работы отделения и музея в целом. Работы эти по существу были основополагающим вкладом в изучение древней истории Забайкалья. По масштабам и целеустремленности им в те времена, по существу, не было равных во всей Сибири. В течение 16 лет он раскопал до 500 древних могил различного типа. В раскопках, кроме самого Талько-Грынцевича, принимал участие также и Я. С. Смолев.

Чтобы в полной мере оценить эти усилия, весь огромный труд и связанные с ним материальные затраты, нужно вспомнить, что одних только плиточных могил, как правило, сложенных из огромных тяжелых глыб гранита, Ю. Д. Талько-Грынцевич раскопал около пятидесяти, а знаменитые «захоронения в срубках», т. е. могилы гунского времени, тоже сверху заваленные глыбами дикого камня, достигали в глубину от 3 до 7 м.

Ясную картину условий, в каких велись раскопки, можно получить из его отчета о раскопках в Ильмовой пади:

«Весна, которая везде считается самым благоприятным временем для археологических работ по причине обилия рабочих рук и долготы дня, здесь задерживает работу мерзлостью почвы до первых чисел июня», — писал Ю. Д. Талько-Грынцевич. Но и тогда, говорит он, «мы еще находили во многих могилах почву на глубине 1 м замерзшую, кроме того, затрудняло раскопки большое число в могилах огромных каменных плит и глыб, которые приходилось вместе с глыбами льда разбивать с большим усилием ломами». Эта работа затруднялась тем, что рабочие ежедневно вынуждены были совершать путь из Усть-Кяхты и обратно общим протяжением в 20 км. Вдобавок в середине лета начались продолжительные ливни, а в сентябре временами препятствовали ранние морозы... (Талько-Грынцевич, 1899, стр. 4).

Несмотря на эти трудности, хорошо знакомые каждому археологу, работавшему в Забайкалье, Талько-Грынцевич упорно вел свои исследования. Упорство и уверенность в пользе раско-

пок нужны были еще и потому, что Забайкалье в такой же степени является страной древних могил, как и страной, где грабители всех времен их начисто разграбили. Читая отчеты Талько-Грынцевича, можно легко представить, какие чувства испытывал он сам, а тем более рабочие, когда после изнурительной работы он, наконец, достигал самого дна могилы, и там в лучшем случае находилось несколько поломанных костей, а то и вовсе ничего не было.

В дневниках Талько-Грынцевича постоянно встречается одна и та же запись: «Могила № 5... раскопана вглубь на 1 м. Ничего не найдено. Могила № 7... раскопана на 3 м в длину, 2 м в ширину и на 1—2 м вглубь до гальки, ничего не найдено...» Но он продолжал раскапывать все новые могилы и при этом с такой же точностью и методичностью, как и раньше. Вообще, Талько-Грынцевич и его сотрудники Я. К. Смолев и другие продолжали работать с неослабевающей энергией.

Раскопки свои Ю. Д. Талько-Грынцевич вел на высшем для того времени методическом уровне. Они сопровождались тщательным описанием могил и их содержимого в дневниках, планами могильников и чертежами, в которых фиксировалось устройство могил, а также расположение костей человека и сопровождающих их предметов.

Найденные в могилах предметы описывались и подвергались реставрации, например, глиняные сосуды склеивались из обломков и помещались в музей. Были определены также обнаруженные в могилах кости животных и антропологический материал. Особенно важно, что памятники, исследованные Ю. Д. Талько-Грынцевичем, систематически публиковались им в «Трудах отделения». Эти тщательно подготовленные, добросовестно документированные чертежами, планами и фотографиями отчеты содержат драгоценные материалы по археологии Забайкалья. Они стоят на уровне лучших подобных публикаций того времени и полностью сохраняют сейчас свое значение, как первоисточник для дальнейшей исследовательской работы. Такой пример последовательной публикации отчетов о многолетних раскопках является, пожалуй, единственным для того времени в Сибири.

Вместе с тем Ю. Д. Талько-Грынцевич не ограничивался изданием накопленного им обширного фактического материала, он стремился дать ему всестороннее исследовательское освещение и историческую интерпретацию. Особенный интерес при этом он, как врач и биолог по образованию, проявлял к антропологическому материалу, в котором видел, прежде всего, ключ к разрешению вопроса об этническом составе древнего населения Забайкалья и его историческим судьбам.

Ю. Д. Талько-Грынцевич был убежден, что Забайкальская область издавна служила местом расселения человека; «обитателем этой возвышенной равнины, в особенности западной половины области, человек был, вероятно, со времен глубокой древности, переживая здесь все степени культуры» (Талько-Грынцевич, 1900, стр. 61). Эта мысль имела основанием его собственные раскопки, в ходе которых возникла необходимость расположить древности Забайкалья в определенной системе.

Ю. Д. Талько-Грынцевичу принадлежит первая обобщающая классификация древних погребений Забайкалья и связанная с ней попытка дать общую картину истории этого края (Талько-Грынцевич, 1905, 1928).

К первой группе погребений, датированной каменным веком, были им отнесены херексуры — «большие каменные могилы, часто встречаемые и расположенные группами. Самые большие из них имеют вид каменных кругов, от 3—6 м вышиною и 8—12 м в диаметре, с воронкообразным углублением посередине, из которого часто вырастают деревья» (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 3). В большинстве случаев, как указывает исследователь, в херексурах он ничего при раскопках не находил и «только в исключительных лишь случаях, на глубине $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ м от поверхности следы истлевших костей». В могильнике Сухой Ключ, подле Усть-Кяхты, однако, оказались черепа домашних животных, а также черепа людей, в том числе один, поразивший Ю. Д. Талько-Грынцевича огромным размером, «низким, как не существующим, убегающим назад, сплюснутым лбом, плоским, коротким теменем, страшно широким уплощенным затылком, непропорционально широкими, сильно выдающимися скуловыми дугами, неуклюжею по строению, весьма широкою нижней челюстью, низкими и весьма толстыми суставными отростками» (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 3). При этом, писал он, «огромное уплощенное лицо преобладало значительно над мозговым черепом, придавая ему животный характер, а по своему типу, с резко выступающими придатками монголоидизма — я его описывал как прототип предка современного монгола, назвав первобытным человеком Центральной Азии...».

Однако в других могилах найдены были черепа, которые «стройностью и симметричностью отдельных частей представляли полную противоположность первому» (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 3—4).

Этот факт Талько-Грынцевич пытался объяснить тем, что в эпоху каменного века в Забайкалье жили две расы, более первобытная и более развитая, а сам каменный век длился в Сибири очень долго.

Вторая большая группа древних могил, исследованию которой он уделил больше всего внимания — погребения в срубках. Могильники эти занимают, по словам исследователя, на границе Монголии маленькую территорию и северо-восток от Троицкосавска. Они расположены в гористых лесистых местностях, в песчаной почве и весьма незаметно выступают над поверхностью земли в виде круга, выложенного камнями, с провалившейся серединой в виде воронки от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ м в диаметре. Кругом могилы площадка, выложенная камнями, с наугольниками, образующая четырехугольник со сторонами длиной от $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ м. В больших кладбищах, состоящих из нескольких десятков могил, выделяются одно или два высоких четырехугольных сооружения, огражденных отвесно стоящими стенами, выложенными из камней от 3—4 м. Как в большие, так и в малые могилы с южной стороны ведет аллея, выложенная камнями. В общем по своему устройству как малые, так и большие могилы одинаковы.

Внутри исследованных Талько-Грышцевичем могил на глубине 4—5 и даже 7 м находились срубы длиной $1\frac{1}{2}$ —3 м, шириной от 50 см до 80 см, разделенные поперечными перекладинами на отдельные камеры. В средней, большой камере находились костяки людей, малые камеры служили как хранилища для черепов животных, домашних и диких. В могилах встречены многочисленные железные изделия — ножи, кольца, пряжки, лошадиная сбруя; много костяных изделий — обкладки луков сложного типа, ложечки для лекарств, палочки для еды китайского типа, сосуды, найдены пластинки из бронзы, художественно украшенные, а также половинки китайских зеркал ханьского времени.

По характеру находок с погребениями в срубках сближаются могилы третьей группы в Дэрестуйском Култуке на р. Джиде и на Чикое, имеющие вид деревянных гробов. На внутренних стенках гробов были часто прибиты медные позолоченные литые пластины с ажурными изображениями в виде стилизованных фигур животных. Ю. Д. Талько-Грышцевич указывал, что подобные ажурные пластины встречались в Минусинском крае и имеются в золотой сибирской коллекции из кунсткамеры Петра Первого. Внутри гробов вместе с костяшками обнаружены были пластинки с драконами, «побрякушки», пряжки с изображением львиных голов и других животных, остатки железных предметов, разноцветные бусы из стекла, сердолика, яшмы и «пасты», обломки глиняных сосудов, куски истлевшей ткани, пучки черных человеческих волос. Вместе с этими вещами оказались

древние китайские монеты «у-чжу», выпущенные в 118 году н. э. при династии Хань. (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 4—6).

Следующая группа погребений, раскопанных Ю. Д. Талько-Грынцевичем принадлежит к типу хорошо известных «плиточных могил». Об этих могилах, впервые датированных бронзовым веком Г. П. Сосновским после раскопок 1928—1929 гг., писали еще путешественники XVIII в. После Мессершмидта, Миллера, Гмелина, Палласа и других исследователей о них писал, например, Георги, как о погребальных памятниках, оставленных «древними даурскими маньчжурами». По словам Георги, «покойников своих они хоронили, а что они имели к ним почтение, о том свидетельствует бесчисленное множество могил, какие видны еще и ныне при Аргуни, Шилке, Ингоде, Ононе и их притоках. Они деланы особенно, а больше по нескольку в одном месте. В длину бывают они обыкновенно от 5 до 8, в ширину от 3 до 4, а в глубину, как видно при разрывании по слоям земли, до 6 футов. В них находят иногда остатки костей и ржавчатые кусочки железа, конечно, от оружия; дорогие же крупницы, как в Енисейских могилах, никогда не попадают, почему и не касается никто праха усопших. Большая половина сих могил завалена просто землею, некоторая же и плитняком. Ныне они равны с поверхностью земли, но как продолговатые четверугольники обставлены с востока на запад плитами, стоящими на краю могилы и торчащими поверх земли на ладонь или на пядень в вышину. В восточном конце стоит обыкновенно в один и два фута вышиною плоский или круглому столбу подобный необтесаной камень. На многих могилах стоит и посредине сей почестной камень» (Георги, 1799, стр. 31—32).

В таких могилах, «четырёхугольных, мало возвышающихся над поверхностью земли, покрытых и обставленных каменными плитами» (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 6), было мало находок, так как все они оказались разграбленными. Это были железные предметы, бронзовые украшения, бусы из яшмы, изредка — обломки глиняных сосудов. Самой интересной из таких могил оказалась могила № 1 на Шаманском камне в 1 км на север против с. Усть-Кяхты, где найдены фрагменты двух сосудов, бронзовое зеркальце и косметическая палочка из кровавика («кусочек очень твердого красного кирпича с граненым, отшлифованным одним концом, напоминающим отделку кремневых нуклеусов» (Талько-Грынцевич, 1900, стр. 67).

Отдельно выделены были затем и захоронения в деревянных гробах, где костяки лежали обернутые в бересту. При них встречались лоскутья шелковой материи и изредка железные вещи, обычно совершенно разрушившиеся, насквозь ошлакованные.

Сравнивая друг с другом древности Забайкалья и, прежде всего, погребения, Ю. Д. Талько-Грынцевич распределил их в определенной хронологической последовательности. Таковы были памятники каменного века.

Сюда он совершенно справедливо отнес открытое им замечательное захоронение в местности Тулту-Дабан (Ю. Д. Талько-Грынцевич, 1902, стр. 32—34). К тому же времени он приурочил неолитические поселения в долине р. Селенги, по Чикою, Хилку и отчасти по Джиде, где встречаются кремневые «ножики, нуклеусы, скребки, пилы, наконечники стрел, реже каменные молотки, резные раковины, изделия из кости и рога, и, наконец, керамика» (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 3).

Однако к каменному веку были ошибочно отнесены херексуры. Причиной этой ошибки явился найденный в одном из них череп «первобытного» облика, о котором говорилось выше. В действительности возраст херексуров несравненно более поздний. При раскопках небольших херексуров, осуществленных Бурят-Монгольской археологической экспедицией в 1947—1949 гг., в них найдены были железные и медные изделия, а также обломки сосудов, которые позволяют датировать их примерно VI—IX вв. н. э. и отнести к средневековым уйгурам, а не к каменному веку, как думал Ю. Д. Талько-Грынцевич (Окладников, 1951).

Нужно отметить, кстати, что, обнаружив в Тулту-Дабане вместе с каменными изделиями череп, который резко отличался от черепа, описанного им в качестве представителя «первобытной» монголоидной расы, Талько-Грынцевич объяснил этот факт, противоречащий его концепции, тем, что Тулту-Дабанское погребение относится к более позднему времени, чем херексуры. Оно, по его мнению, «подтверждает только, что каменная эпоха в Забайкалье существовала еще не так давно» (Талько-Грынцевич, 1902, стр. 35). Этой неверной точки зрения он продолжал придерживаться и позже, вплоть до 1926 года.

Памятники, которые теперь считаются наиболее характерными для эпохи бронзы и раннего железного века Забайкалья, плиточные могилы Талько-Грынцевич не смог поставить на их настоящее место.

Плиточные могилы он относил, правда, «к весьма древнему времени» и считал, что они принадлежали народу с более высокой культурой, чем строители херексуров, так как в них было найдено зеркальце из белой бронзы.

Талько-Грынцевич не смог, однако, разделить инвентарь собственно плиточных могил («маяков») от более поздних комплексов средневековой эпохи, например, с бронзовыми пряжка-

ми, с человеческими лицами и с коронами на голове (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 7).

Вообще же, после раскопок в долине р. Суджи, он пришел к выводу, что строители плиточных могил жили одновременно с теми, кто хоронил своих умерших в срубных могилах. Если последние обитали по среднему течению р. Суджи и «достигли довольно высокой культуры», знали железо, бронзу, и золото, то первые обитатели в верховьях рек, на вершинах гор, в лесах, вели кочевой образ жизни и были «народом низшей культуры» (Талько-Грынцевич, 1900, стр. 63).

Вопрос же о существовании в Забайкалье более древней культуры эпохи металла, бронзового и раннего железного веков, предшествующей гуннской культуре, для него в целом оставался неясным.

Правда, исходя из общей предпосылки, что за Байкалом должны быть представлены «все этапы культуры», он вполне логично допускал, что за Байкалом могла существовать местная культура бронзового века, которая возникла после культуры каменного века или даже рядом с ней.

О том, что Талько-Грынцевич допускал существование за Байкалом памятников бронзового века, свидетельствуют его слова о могиле № 7 в Шаманской пади около с. Тамир, где была найдена бронзовая вещица «в виде ухвертки». Он отнес ее из-за относительно хорошей сохранности кости и наличия бронзового изделия «к бронзовой эпохе», в отличие от других соседних могил, которые принадлежали, по его мнению, более ранней эпохе, т. е. каменному веку (Талько-Грынцевич, 1904, стр. 18).

Затем эта культура была вытеснена распространившейся из Китая в глубокой древности культурой бронзы и железа, т. е. срубных могил, но все эти культуры — камня, бронзы и железа — могли существовать, по его мнению, одновременно (Талько-Грынцевич, 1900, стр. 63).

К такому выводу его привели, конечно, результаты раскопок забайкальских погребений, где ему ни разу не посчастливилось обнаружить чистые комплексы эпохи бронзы, а в плиточных могилах, впервые уверенно датированных эпохой бронзы после раскопок Г. П. Сосновского в 1928—1929 гг., ему встречались вместе и бронзовые и железные вещи. Никаких других выводов, следовательно, на основании этих материалов сделать было нельзя.

Относительно срубных захоронений он пришел к выводу, что они принадлежат многочисленному скотоводческому народу, имевшему в изобилии железо. Первоначально Ю. Д. Талько-

Грынцевич относил обитателей Ильмовой пади к «смешанной расе, может быть, тюркского происхождения», жившей за Байкалом до появления здесь монголов в XIII в. (Талько-Грынцевич, 1899, стр. 38—39).

В 1905 г. он высказал мысль, что это могли быть «те из тюркских племен, которые в середине III в. до н. э. сплотились в одно могущественное государство Хунну» (Талько-Грынцевич, 1906, стр. 46; 1928, стр. 9). Предположение это блестяще подтвердилось в результате раскопок могил гуннских вождей в горах Ноин-Ула, а затем и раскопок в самой Ильмовой пади, осуществленных Г. П. Сосновским (Сосновский, 1946, стр. 51—66).

Отсюда следует, что памятники культуры гуннов, привлекавшие к себе внимание мировой науки после раскопок П. К. Козлова в горах Ноин-Ула, впервые были обнаружены в Кяхтинском районе. Ю. Д. Талько-Грынцевич первый открыл археологические следы гуннов, в том числе великолепные образцы звериного стиля, который позже получил название скифо-сибирского стиля. Ему принадлежит и бесспорная заслуга их определения именно как гуннских памятников. Эта мысль была высказана им, как мы видели, еще в 1905 г., почти за четверть века до раскопок в Ноин-Ула.

Погребения в деревянных гробах были отнесены Талько-Грынцевичем ко времени после распада гуннского государства, так как найденные в них монеты, по определению А. К. Маркова, выпущенные в 118 г. н. э., продолжали находиться в употреблении до 581 г. н. э. (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 9—10). Таким образом, по мнению Ю. Д. Талько-Грынцевича, в деревянных гробах могли хоронить своих мертвых сородичей появившиеся в степях Монголии и Забайкалья на смену разгромленным гуннам «киргизы или одно из пришлых тунгусских племен». Высоко подвинутые в культуре, племена эти затем были оттеснены далее на север «сплотившимися в одно мелкими монгольскими родами, образовавшими сильное государство» (Талько-Грынцевич, 1928, стр. 9). И эта мысль тоже остается вполне вероятной, поскольку могилы типа найденных в Дэрестуйском Култуке относятся ко времени после выпуска монет «у-чжу».

Нельзя не согласиться и с выводом о том, что «создателями старой культуры Забайкалья», которые выкопали в свое время оросительные каналы, проложили дороги для телег, пахали землю чугунными сошниками, могли быть тюрки-уйгуры, обитавшие согласно письменным источникам на Селенге в то время, когда на Орхоне существовало государство «голубых тюрков» со столицей в районе позднейшего Каракорума, на месте горо-

дища Хара-Балгасуна. Стремясь возможно полнее представить прошлое Забайкалья, Талько-Грынцевич очень тщательно использовал литературные источники по средневековой истории Центральной Азии и Сибири. Он дал наиболее полный для того времени обзор фактов этой средневековой истории в своей статье о древних обитателях Центральной Азии, рассматривая последнюю под определенным углом своих специальных интересов к Забайкалью и его археологическим памятникам. Он, в частности, широко использовал приводимые д'Оссоном и другими авторами сведения восточных историков, данные китайских летописей, а также материалы орхонских надписей.

Однако сколько-нибудь широкая увязка письменных источников с археологическими в то время была еще невозможна. Это относится и к мысли Талько-Грынцевича о принадлежности древней земледельческой культуры Забайкалья только тюркским племенам.

В настоящее время имеются основания полагать, что такая же земледельческая культура существовала и у более поздних обитателей Забайкалья, монголов по языку, киданей, государство которых Ляо было разгромлено в начале XII в. чжурчженями под руководством Агуды, основателя «Золотой» империи Цзинь.

Что касается памятников последующего, монгольского времени, то к ним были справедливо отнесены погребения в гробах с костяками, обернутыми берестой.

Судя по черепам, это были «представители одного из племен монгольских, удержавших в более чистом виде свои особенности — вроде «короткоголовости» и живших здесь, «вероятно, до пришествия бурят» (Талько-Грынцевич, 1900б, стр. 49—50). К тому же времени примерно отнес он нарушенное захоронение «монгольского рыцаря» в Мухор-Хундуйской пещере в 4 км на север от ст. Цаган-Усунской (Талько-Грынцевич, 1900б, стр. 71—72).

Ю. Д. Талько-Грынцевич, будучи по специальности, прежде всего, антропологом, естественно обратил особое внимание на собирание и изучение костных остатков древних обитателей Забайкалья. Он сосредоточил в Кяхтинском музее единственную в своем роде коллекцию костяков из забайкальских погребений различного времени. Исходя из этих материалов, он впервые пытался сопоставить древнее население Забайкалья с современным по физическим признакам.

Рассматривая концепции Ю. Д. Талько-Грынцевича в целом, следует признать, что они имели целью представить прошлое Забайкалья как смену определенных исторических этапов, как

историю конкретных народов и их культур, историю культурных связей и взаимоотношений населения Забайкалья с другими странами. При этом он стремился широко использовать как археологические, так и письменные источники, надеясь в их взаимной связи обнаружить ключ к решению больших исторических проблем. Как первая и весьма широкая по масштабам попытка такого рода, взгляды Ю. Д. Талько-Грынцевича, бесспорно, явились таким же основополагающим вкладом в изучение ранней истории Забайкалья, как и его археологические раскопки.

Правда, сейчас конкретная картина, нарисованная Талько-Грынцевичем, устарела и во многом оставлена далеко позади последующим развитием науки.

Необходимо отметить далее, что Ю. Д. Талько-Грынцевич напрасно в своей работе 1928 г. воспринял эффектные, но необоснованные и методологически неверные теории Г. Е. Грум-Гржимайло об особо выдающейся будто бы в истории Центральной Азии роли зеленоглазых и рыжеволосых динлинов. Точно так же представляют сейчас чисто исторический интерес и те исследования и выводы его, которые связаны с антропологическим материалом. Современная антропология тоже ушла далеко вперед от методики и выводов антропологии конца XIX в.

Но все эти слабые стороны взглядов Ю. Д. Талько-Грынцевича не снижают общего значения его взглядов на историю Забайкалья и тем более осуществленных им поистине грандиозных работ по раскопкам древних погребений и публикациям результатов раскопок. С тех пор археология Забайкалья уже не знает исследований такого размаха.

Не меньшую ценность имеют и собранные в ходе раскопок коллекции, опять-таки самые богатые и яркие из всех остальных, относящихся к раннему железному веку Южного Забайкалья, к гуннскому и последующему времени.

Если Ю. Д. Талько-Грынцевич вел широкие раскопки больших могильных сооружений, требовавшие значительных материальных затрат, то другой активный участник исследований Кяхтинского отделения Географического общества и музея А. П. Мостиц осуществлял более скромные по масштабам, но по-своему не менее интересные археологические работы.

А. П. Мостиц — скромный сельский учитель в слободе Усть-Кяхте, а затем преподаватель реального училища в Троицкосавске (Орлова, 1949, стр. 68). На свои скромные средства он мог произвести только разведочные исследования. Однако разведки А. П. Мостица в окрестностях Усть-Кяхты, на Селенге от монгольской границы до Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ)

и на Чикое дали исключительно интересный материал по той эпохе прошлого Забайкалья, которая оставалась наименее освещенной в работах Талько-Гринцевича. Основное свое внимание Мостиц уделил каменному веку. Так, уже в 1894 г. он наткнулся вблизи Усть-Кяхты, в местах, и тогда обильных огромными нередко выдувами на древних песчаных террасах Селенги и ее притоков, на «бесчисленное множество» отщепов, а также нуклеусов и изредка каменных наконечников стрел, в том числе треугольных, эллиптических и овальных по очертаниям. Там же были найдены скребки, призматические пластинки. Мостицу посчастливилось найти и следы бронзовой культуры, в том числе наконечники стрел раннескифских форм «в виде птичьего пера с полым стержнем», т. е. втулкой, бронзовые ножи, котел скифского типа.

Тогда же были впервые открыты остатки древних поселений в Харанхое, в местности Ивашка, у поселка Дюрбен, д. Зарубино, при слиянии рек Суджи и Киприяновки (А. П. Мостиц, 1894). В 1896 г., проплыв на лодке от Усть-Кяхты вниз по Селенге до Верхнеудинска, он снова обнаружил богатые следы каменного века в 20 верстах от Усть-Кяхты в местности Байцин. Такие же находки отмечены им у Билютайской паровой пристани, где вместе с черпаками, наконечниками стрел и другими изделиями был также найден «наконечник» (нож) из белого нефрита. Особенно выразительная картина раскрылась перед ним в д. Номохоновой, окрестности которой гигантскими котловинами выдувания и барханами «живо напоминали пустыню». «Везде видны,— писал он,— обрывы и песчаные сугробы». Песчаные дюны поражали своей высотой, они громоздились холмами до 5—10 сажен высотой и «при своей многочисленности располагались так густо, что соединялись между собой» подобно барханам пустынь Средней Азии.

На всем этом обширном пространстве площадью около 9 кв. верст были рассеяны каменные наконечники, нуклеусы, ножи, скребки, причем «последние иногда встречались группами, что свидетельствует о существовании мастерских для выделки орудий из камня». Были обнаружены и древние очаги в виде пятен красноватой обожженной земли и таких же жженных костей. В числе костей оказались обломки рогов оленя и кости ископаемого быка.

Следы стоянок каменного века обнаружены были Мостицем и в ряде других мест.

Он зарегистрировал, кроме того, ряд древних могильников, самый замечательный из которых оказался в местности Хар-Хабцагай, в 7 верстах ниже Номохоновой, где находилось уди-

вительное множество древних курганов и могил разнообразных форм и размеров, расположенных в промежутках между утесами. Были собраны также предметы, относящиеся к бронзовому веку, записаны интересные воспоминания об археологических интересах декабриста Бестужева. Последний, по словам местных жителей, «в бытность свою в Селенгинске собирал подобные же вещи и отсылал их в Европейскую Россию». «Известно, — пишет А. П. Мостиц, — что Бестужев пользовался безграничной любовью и уважением не только жителей Селенгинска, но и окрестных деревень, а потому всякую найденную интересную вещь приносили ему, и говорят, что он собрал значительное количество доисторических предметов» (Мостиц, 1896, стр. 15).

Помимо сборов подъемного материала, во время поездки была составлена первая археологическая карта исследованной части долины р. Селенги, выполнены чертежи ряда могил, однако изданы не были и не сохранились.

В 1896 г. А. П. Мостиц совершил еще одно путешествие в лодке вниз по Чикюю, нашел еще 10 древних стоянок на протяжении от Кудары до устья. Во время путешествия по Чикюю было собрано вновь значительное количество каменных изделий — нуклеусов, пластин, наконечников стрел, скребков (в 10—12 верстах от д. Береговой, у пос. Евдай, на утесе Фроловка у деревень Мыльниковой, Поворотной (Мостиц, 1897).

Энергично и плодотворно начатые работы Мостица по изучению древнейшего прошлого Забайкалья были прерваны его преждевременной смертью: он умер в возрасте 39 лет. Ему не удалось издать и обобщить собранные интересные материалы по каменному веку Селенги и Чикоя. Коллекция каменных и металлических изделий да три небольшие отчетные статьи — все, что оставил этот молодой исследователь. Но даже спустя сорок лет можно видеть, какая недюжинная и страстная душа жила в нем, сколько было в этом простом сельском интеллигенте, наследнике русских разночинцев 60-х гг., живой наблюдательности, ума и благородной страсти к приключениям.

Работы, начатые Мостицем, были продолжены впоследствии другими кяхтинскими краеведами, в том числе П. С. Михно, а материалы с поселений, открытых Мостицем, хранившиеся в Кяхте и Усть-Кяхте, были широко использованы Г. П. Сосновским, который обнаружил, что в них имеются не только неолитические, но и более древние, палеолитические, предметы. Таким образом, Мостицу по существу принадлежит открытие и палеолита в Забайкалье, хотя он не мог еще расчленить памятники каменного века на более древние, палеолитические, и поздние, неолитические.

Работы по изучению археологических памятников Забайкалья продолжали после смерти Мостица и отъезда в 1908 г. из Троицкосавска в Польшу Талько-Грынцевича другие члены отделения Географического общества и работники музея. Среди них впоследствии особенно много сделал для собирания археологических коллекций П. С. Михно; активное участие в археологических разведках принимали М. В. Лисовский, В. С. Моллесон, П. М. Романовский, Разинцев, Шепшелевич, Лобанов, И. Котов, Н. П. Михно. Работал здесь и Г. Ф. Дебеч, который занимался в 20-х гг. изучением археологических памятников Забайкалья в целях их классификации и выделения культурных комплексов.

Они обнаружили целое гнездо палеолитических поселений в ближайших окрестностях Кяхты и в соседних с ней районах, в том числе около Алтан-Булака в Монголии. Таковы поселения Ботойская яма, Капчеранка, местонахождения в пределах Кяхты, два пункта около Алтан-Булака. На всех этих поселениях были собраны хранящиеся в Кяхтинском музее изделия характерных форм: скребловидные инструменты с выпуклым рабочим краем — ножи и скребла, призматические нуклеусы, нуклеусы-скребки, скребки из отщепов, ножевидные пластины, своеобразные изделия типа остроконечников, напоминающих мустьерские.

Г. Ф. Дебеч первый выделил эти находки как особую селенгинскую культуру, более архаичную и более раннюю по условиям залегания, чем обычные неолитические находки (Дебеч, 1930). Г. П. Сосновский первый уверенно отнес их к верхнему палеолиту (Сосновский, 1933).

В 30-х гг. новый ценный материал по каменному веку Кяхтинского района и четвертичной геологии Юго-Западного Забайкалья был собран Н. П. Михно (Михно, 1936). Он подробно описал геологическое строение района, характер террас и четвертичных отложений, а также ряд обнаруженных им и другими работниками Кяхтинского музея местонахождений каменных изделий. Им подробно описаны находки и условия, с которыми они связаны в двух пунктах у села Харанхой, в местности Кяхтинский обрыв, у с. Калинишного, в долине р. Савы, в месте, где она пересекается трактом Троицкосавск — Усть-Кяхта, стоянка у Наушкинской дороги и выше г. Кяхты на левом берегу р. Кяхтинки. Часть описанных Михно находок может быть отнесена к палеолиту, часть, судя по наличию керамики, — к неолитическому времени². Н. П. Михно в заключение своих

² Материалы работы Н. П. Михно частично использованы в статье З. А. Абрамовой «Палеолитические находки в районе Кяхты». — «МИА СССР», 1953, № 39, стр. 266—275.

исследований пришел к выводу о том, что наиболее ранние, палеолитические, находки залегают в верхних горизонтах перевеянной песчаной толщи межледниковой эпохи, тогда как Г. П. Сосновский датировал их концом ледникового или началом послеледниковой времени. В фауне этого межледникового времени, по Н. П. Михно, имеются кости носорога Мерка, винторогой (кяхтинской) антилопы, скорлупа яиц страуса.

Ко второму, последнему, оледенению, по его мнению, относятся лессы и илесто-торфянистый комплекс осадков. В нижней части их имеются кости носорога и мамонта, а также остатки культуры человека раннего неолита. В верхней части этих отложений имеются остатки позднеледниковой культуры. Затем следует послеледниковое время, когда происходит широкое развитие степей, а вслед за тем начинается современная фаза, отмеченная наступлением леса на степи. В целом схема, предложенная Н. П. Михно в 1936 г., имеет следующий вид:

Фаза	Горизонт
Доледниковая (Е)	Щебенисто-песчаная толща с остатками крупного хищника. Грубые толщи у Гусиног озера.
Первого оледенения (Д) (Боргойская фаза — по месту наиболее ярко выраженных следов данного оледенения)	Щебенисто-валунная глина Кяхты, морены Боргойского хребта, наносы 2-й террасы г. Улан-Удэ.
Первая Межледниковая (А)	А. Слоистые пески с костями грызунов, мамонта и носорога. В. Переязынные пески с фауной носорога Мерка, кяхтинской антилопы и страуса. В верхней части толщи найдены остатки палеолитической культуры. Грубые щебни (окр. с. Тамир, р. Удунги и Селенгинска).
Второго оледенения (В) (Саянская фаза — по месту наибольшего количества следов этого оледенения)	Лессы и илесто-торфянистый комплекс осадков. Фауна: в нижней части — носорог, мамонт, в верхней — близкая к современной. В нижней части — ранний неолит. В верхней — поздний неолит. Морены в Хамар-Дабане.
Послеледниковая, широкое развитие степей.	Верхние горизонты лессов. Аллювий 1-й подпойменной террасы, аллювий поймы, делювий и т. д.
Современная (А) (Сибирская фаза наступления леса на степь)	(Н. П. Михно, 1936, стр. 67).

Бесспорной заслугой Н. П. Михно, помимо описания новых местонахождений каменного века в Кяхтинском районе, является детальное расчленение четвертичных отложений и опыт увязки с ними остатков древних культур. Особенно ценно выделение фаунистического комплекса с носорогом Мерка и винтовой антилопой, отнесенного им к межледниковому времени. Однако в свете новейших исследований на г. Тологой, около Улан-Удэ, стало ясно, что этому времени должны соответствовать значительно более ранние следы деятельности человека, не верхнепалеолитические, а мустьерские по масштабам палеолита Европы, которые за Байкалом еще не обнаружены. Точно так же нельзя согласиться с отнесением раннего неолита ко времени второго оледенения и мамонтовой фауны и носорога. «Поздний неолит» тоже не может быть отнесен к концу второго оледенения и до начала послеледниковой степной фазы.

В 1947 г. начала работать Бурят-Монгольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР (ныне Институт археологии АН СССР) и Института культуры БМАССР (ныне Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР) (Окладников, 1951). Кяхтинский музей принял в этих работах непосредственное активное участие в лице директора музея Р. Ф. Тугутова.

В результате совместной работы, продолжающейся и поныне, было осуществлено новое обследование долины Селеги от Наушек и до устья, произведены разведочные исследования и раскопки в ряде мест Кяхтинского района и в соседних районах. Собранные богатые материалы относятся к палеолиту, неолиту, бронзовому и железному векам. Среди работ экспедиции нужно особо отметить открытые Р. Ф. Тугутовым замечательные наскальные изображения в местности Бага-Зара, представляющие собой крайний на севере пункт распространения петроглифов центральноазиатского и среднеазиатского типа, для которых особенно характерны выбитые рисунки горных козлов с закрученными дугой или даже спиралью рогами. В связи с этими исследованиями находится и опыт пластической реконструкции физического облика человека конца бронзового — начала железного веков, обнаруженного в одной из раскопанных Бурят-Монгольской археологической экспедицией плиточных могил. Этому бюсту, выполненному скульптором-антропологом М. М. Герасимовым, посвящена специальная статья Р. Ф. Тугутова в журнале «Природа» (Тугутов, 1949).

Кроме того, музей осуществил небольшие раскопки интересных захоронений железного века, отчасти сходных с захоронениями гульчской эпохи, но вместе с тем и отличных от них, в

местности Черемуховая падь. При раскопках был обнаружен саркофаг длиной 2,45 м из лиственничных плах, разделенный поперечными перегородками на три камеры. В средней располагалось тело погребенного, две камеры — в ногах и в головной части саркофага; могила оказалась ограбленной.

В саркофаге остались вместе с человеческими костями костяные пластины — обкладки сложного лука, сходные с гунскими, железная пряжка и пластинка, украшенные оригинальным чешуйчатым узором, выложенным первоначально накладными пластинками золота (Мамонова, Тугутов, 1959).

В заключение стоит сказать несколько слов еще о том, как Кяхтинский музей и отделение Географического общества связаны были с внешним миром в области археологии. Ю. Д. Талько-Грынецвич не напрасно подчеркивал в 1926 г., что труды кяхтинских краеведов, их издания «пользовались широкой известностью и обменивались на заграничные издания». Это в полной мере относится и к археологическим исследованиям. Можно добавить и один интересный штрих. Мало кому известно, что Габриэль де Мортилье вступил в контакт с Кяхтинским музеем, но это — факт. В 1898 г. Ф. К. Волков, один из зачинателей русской науки о палеолите, писал из Парижа, что он выслал музею 50 подлинных предметов из Сент-Анеля, Ложери-Басс, Ля-Мадлен и Солютре, то есть из самых прославленных палеолитических местонахождений Европы! Более того, Волков писал, что музею обещана небольшая неолитическая коллекция самым «маститым французским археологом Габриэлем де Мортилье». Волков получил посланные музеем в Парижскую антропологическую школу коллекцию предметов бронзового и каменного веков. Он произвел в Париже химические анализы медных и бронзовых предметов и готовил для «Известий» Антропологической школы специальную статью («Труды ТКОРГО», 1, в. 3, 1898, стр. 12). На общем собрании членов общества 19 октября было доложено, что пожертвованная Парижской Антропологической школой коллекция уже получена и помещена в Кяхтинском музее, который оказался таким образом одним из немногих в России счастливых обладателей таких замечательных вещей.

Вместе с тем обмен коллекциями кяхтинских археологов с Парижской школой антропологии интересен и для истории культурных связей между Францией и Россией.

Кяхтинское отделение Географического общества вообще живо интересовалось проблемами, которые имели отношение к Забайкалью, но вместе с тем и выходило далеко за пределы узких местных интересов. Так, весь первый выпуск XV тома его

«Трудов» был посвящен В. Томсену и В. Радлову, а также вопросам, связанным с новыми достижениями в области изучения древнетюркских племен и их культуры. В этом выпуске были помещены материалы общего собрания отделения, посвященные юбилеям Томсена и Радлова, статьи выдающихся тюркологов Руднева, Самойловича, Рамштедта и сообщение Котвича о древнетюркских памятниках в Хушо-Цайдаме.

Из всего сказанного выше видно, что деятельность Кяхтинского музея и отделения Географического общества в области археологии может служить примером того, что простые люди — учителя, лесничие, сельские врачи, а также рядовые интеллигенты — в самом широком смысле этого слова могли совершить подлинный подвиг даже и вдали от академической науки, в далеко не благоприятных условиях прошлого.

Справедливо будет также отметить в этой связи, что работы академических экспедиций (работы Г. П. Сосновского в 1928—1929 гг., Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК и Института культуры БМАССР) в значительной мере опирались на исследования кяхтинских краеведов, а их успехи являлись общими достижениями тех и других.

Остается только пожелать, чтобы все замечательные традиции Кяхтинского музея и отделения Географического общества продолжали крепнуть и развиваться, в том числе и в области археологии.

Цитированная литература

И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799.

Г. Ф. Дебец. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья.— «Изв. ассоц. науч.-исслед. ин-тов при физ.-мат. факультете ИГУ», т. III. М., 1930, № 2-а.

Н. Н. Мамонова, Р. Ф. Тугутов. Раскопки гуннского могильника в Черемуховой пади.— «Археол. сб.», I. Улан-Удэ, 1959.

Н. П. Михно. Четвертичные отложения и следы пребывания первобытного человека в южной части Селенгинской Даурии.— «Архив ИИМК», 1936, № 205.

А. П. Мостиц. Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты.— «Протоколы Троицкосавско-Кяхт. отд. Приамур. отд. ИРГО», 1894, № 3.

А. П. Мостиц. Следы доисторического человека в долине р. Селенги (между слободой Усть-Кяхтой и г. Верхнеудинском).— «Протоколы ТКРГО», 1896, № 1.

А. П. Мостиц. Следы доисторического человека в долине р. Чикоя.— «Протоколы ТКРГО», 1897, № 2—3.

А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г.— «Вестн. древней истории», 1948, № 3.

А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии.— «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», т. VIII, 1951, № 5.

А. Н. Орлова. Краеведы г. Кяхты.— «Тр. Кяхт. краевед. музея и Кяхт. отд. ВГО», т. XVI, вып. 1, 1949.

Г. П. Сосновский. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье.— «Тр. комиссии по изуч. четверт. периода», т. III, вып. 1, 1933.

Г. П. Сосновский. Раскопки в Ильмовой пади.— «Сов. археол.», VIII, 1946.

Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище Ильмовой пади Троицкосавского округа, Забайкальской области. Палеоэтнологическое исследование.— «Тр. Троицкосавско-Кяхт. отд. Приамур. отд. ИРГО», т. I, вып. 2, 1898.

Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, III.— «Тр. ТКОРГО», т. I, вып. 3, 1898; М., 1900а.

Ю. Д. Талько-Грынцевич. Древние обитатели Центральной Азии.— «Тр. ТКОРГО», т. II, вып. 1 и 2, 1899; М., 1900б.

Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, VI.— «Тр. ТКОРГО», т. IV, вып. 2, 1901; М., 1902.

Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, VII.— «Тр. ТКОРГО», т. VI, вып. 11, 1903; СПб., 1904.

Ю. Д. Талько-Грынцевич. Древние памятники Западного Забайкалья.— «Тр. XII Археол. съезда», т. I. М., 1905.

Ю. Д. Талько-Грынцевич. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами. Сравнительно-антропологический очерк.— «Тр. ТКОРГО», т. VIII, вып. 1, 1905; СПб., 1906.

Ю. Д. Талько-Грынцевич. Население древних мегал и кладбищ забайкальских. Верхнеудинск. 1928.

Р. Ф. Тугутов. Наскальные изображения в Кяхтинском аймаке.— «Зап. Бур.-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры и экономики», 12, 1951.

Р. Ф. Тугутов. Человек бронзовой эпохи из окрестностей Кяхты.— «Природа», 1949, № 6.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДКАХ В ОКРЕСТНОСТЯХ КАБАНСКА¹

Долина реки Селенги, одного из важнейших водных путей на территории Бурят-Монгольской АССР, представляет значительный археологический интерес. По реке Селенге в доисторический период проникали на север более южные племена, распространяясь по территории Прибайкалья.

В связи с этим некоторый интерес могут иметь результаты археологических разведок, произведенных мною в конце апреля 1927 г., в низовьях р. Селенги, в окрестностях с. Кабанска и у деревни Фофаново.

В окрестностях с. Кабанска следы пребывания доисторического человека обнаружены были на дюнных выдувах. Одна такая стоянка находится в местности Бальчик и другая — около дер. Нюки. Первая неолитическая стоянка находится в конце Каширинской улицы с. Кабанска, на невысоком, песчаном холме продолговатой формы, идущем в направлении с СВ на ЮЗ. В котловинах выдувания площадью от 9 до 50 м² были собраны остатки каменной индустрии (lames наконечники стрел, éclats и проч.). Вторая стоянка обнаружена на холме, расположенном далее к востоку от первого. Материал, сходный с находками на Каширинском холме. Были найдены еще остатки неолитической керамики, орнаментированной штампом. На обеих стоянках обнаружены следы культурного слоя толщиной около 20 см, с примазками древесного угля. Слой этот залегает на глубине 10 см под дерновым покровом.

На ЮВ части возвышенности, занятой стоянкой, на одном из глубоких выдувов обнаружены разрозненные сильно выветрившиеся кости доисторического человека вместе с сильно поражавшими изделиями из железа, обломками кольца и ножа

¹ «Бурятоведческий сборник». (Бурят-Монгольская секция Восточно-Сибирского отдела Государственного русского географического о-ва), вып. III—IV. Иркутск, 1927, стр. 102—105.

и остатками керамики, орнаментированной наложением рубчатого валика. По общему характеру найденные остатки этого погребения могут быть отнесены к культуре «курумчинских кузнецов», изученной впервые проф. Б. Э. Петри. Вполне аналогичные остатки найдены были еще около деревни Ньюки, в двух верстах восточнее с. Кабанска.

В 200—250 м расстояния, на север от дер. Ньюки, на довольно высоком холме, называемом местными жителями «Стручком», западнее еврейского кладбища, в осыпавшемся склоне холма найдены были остатки каменной индустрии поздней стадии неолитического периода (скребки-микролиты, *lames*, *lames* с регушью, шлифованные обломки нефритовых изделий). Здесь же обнаружены следы нескольких древних погребений железного периода, находившиеся на обширном выдуве с ЮЗ стороны холма. Покрывавший костяки слой серого песка был сдут ветром на восток, и они обнажались на плотном темном слое, содержащем углстые включения и жженные кости. С костями человека находились остатки изделий из железа и остатки керамики.

В числе металлических изделий найдены: обломок железного ножа, плоский наконечник стрелы и сплюснутый бубенчик желтой меди (?) сильно патинированный. Здесь же найден один янтарный подвесок, удлиненной формы с двумя отверстиями на обоих концах и двумя неглубокими желобками посередине. Керамика обладает всеми характерными признаками для керамики «курумчинской культуры». Черепки горшков толстостенны (1,2—1,5 см), имеют в изломе красный цвет и приготовлены из глины с большой примесью дресвы. Преобладает несложная по характеру орнаментация наложением валика, иногда разрубленного на отдельные фасетки. Днища сосудов, по видимому, были плоскодонные. С холмом у местного населения связаны разнообразные рассказы легендарного характера. В легендах говорится о кладах, найденных в горшках, о старике-ведуне и т. д.

Можно предполагать, что Ньюковский холм был первоначально обитаем в неолитический период, а затем в ранней поре железного периода он стал местом погребения для «курумчинцев», населявших данную местность.

Остатки ранней поры железного периода найдены были и в противоположном направлении от Ньюковского холма, в 7 верстах юго-западнее с. Кабанска и в 6 верстах от будки стрелочника ТOVERA, за линией железной дороги, в местности Бальчик. В этой местности у подошвы небольшого по размерам холма на поверхности невысокой (от 1½ до 3 м) второй речной террасы посреди обширного луга и вблизи ряда мелких озер найдены

были 4 ямы (следы землянок) четырехугольной формы, с выходом на юг и на юго-восток, к руслу высохшего теперь ручья. Около землянок, на пашне крестьянина Суворова, собраны остатки толстостенной керамики грубой выделки, напоминающие по типу «курумчинскую» керамику, обломки горнов для плавки железа, покрытые шлаком, кости животных.

Наиболее интересные и богатые археологические находки сделаны были в 6 верстах от с. Кабанска, на противоположной стороне р. Селенги, близ дер. Фофаново, на юго-западном и юго-восточном склонах Фофановской горы.

Первая стоянка, расположенная южнее остальных стоянок, отличается богатством остатков материальной культуры эпохи неолита и железного периода. К остаткам неолитической культуры относятся керамика со следами ткани, каменные наконечники стрел, скребки и отщепы; остатки железного периода представлены керамикой и изделиями из железа.

Среди остатков керамики преобладают сравнительно тонкие черепки темного цвета, пригнетенные из плотной глинистой массы с наложенным валиком. Встречаются также образцы керамики с орнаментом в виде спиралеобразных параллельных полос, косых линий, перпендикулярных ободку венчика и т. д., воспроизведенных тиснением. Особую группу составляют остатки керамики матово-серого цвета, со следами гончарного круга, по-видимому китайского происхождения.

Образцы этой керамики имеют сходство с находками Баллода и П. К. Козлова в Монголии, в местности Ноин-Ула, а также проф. Талько-Грынцевича в пади Оргойтой, Ильмовой пади и др. местностях юго-западного Забайкалья. Вместе с остатками керамики обнаружены куски железного шлака и один чугуный предмет, напоминающий обломок китайского чугунного котла с высокой ножкой. На данной стоянке, в рывине, на глубине около 30 см в глинистом слое, с большой примесью песка, обнаружены остатки каменной индустрии. Остальные две стоянки по характеру находок повторяют первую. Здесь же, на Фофановской горе, но выше стоянок, обнаружены были в 4 местах следы доисторических погребений.

Первое погребение было найдено в 20 м ниже часовни, находящейся на горе. Костяк залегал на глубине 1,5 м на спине, головою на восток, ногами на запад, с руками, протянутыми вдоль тела. Нижние конечности, вымытые дождевой водой, отсутствовали. При костяке найдены следующие изделия: украшение из клыка кабана с отверстиями на конце, два небольших наконечника стрел почти миндалевидной формы, 1 наконечник стрелы треугольной формы, лопатки, отделанные ретушью. Все

каменные изделия были приготовлены из халцедона небрежно, быть может, специально для погребения.

Следы погребений обнаружены и выше часовни, на выдуве. Здесь найдены были части человеческих костяков с бронзовыми изделиями.

Далее на север, в выдувах, вместе с бронзовыми изделиями и костями человека, окрашенными медной зеленью, найдены были каменные наконечники стрел и керамика со следами плетенья или ткани (?).

Ниже по склону, в двух местах, обнаружены следы погребений железного периода, с остатками железных и костяных изделий (наконечники стрел).

На южном обрывистом склоне Фофановской горы над берегом р. Селенги обнаружена писаница, которую местное население называет «Шаханским богом». На писанице изображен человек, написанный красной краской, и змея, нарисованная синевато-черной краской.

Приурочить все описанные находки на Фофановской горе к определенным культурам, по данным беглой археологической рекогносцировки, не представляется возможным, но несомненно, что ими представлен ряд доисторических культур, начиная с неолита, кончая железным периодом.

СЛЕДЫ ДОИСТОРИЧЕСКИХ КУЛЬТУР НА СЕВЕРЕ СЕЛЕНГИНСКОЙ ДАУРИИ¹

В конце апреля 1926 г. автору данной заметки представилась возможность произвести археологическое исследование в Кабанском районе, в долине р. Селенги, по нижнему ее течению. В окрестностях Кабанска обнаружены следы обитания человека палеолитической эпохи близ конца Каширинской улицы и далее, на восток — «У мангазен». На выдувах собраны кремневые и халцедоновые изделия: пожевидные пластинки (*lames*), наконечники стрел, скребок и многочисленные отщепы (*éclats*).

Там же были обнаружены лежавшие в беспорядке человеческие кости вместе с остатками различных железных изделий очень плохой сохранности, среди которых выделяется одно кольцо 5 см в диаметре. Вместе с костями были собраны и обломки грубых толстостенных горшков ранней поры железного века.

Богаче находки в двух верстах от Кабанска на восток, около д. Нюки, близ еврейского кладбища. Здесь найдены следы обитания людей поздней стадии палеолитического века: разнообразные изделия из камня, в том числе скребки, один длиной 6 см, ретушированные *lames* и кусок шлифованного нефрита.

Выше, на выдуве, найдены остатки человеческих костяков вместе с обломками железного ножа и наконечника стрелы. Собраны также остатки глиняной посуды: толстостенной, орнаментированной наложением материала в виде валика, разрубленного на отдельные фасетки.

Из остальных находок, сделанных на Нюковском холме, выделяются: один медный сплюснутый бубенчик, напоминающий современный «ширкунец», и один янтарный подвесок продолговатой формы, с двумя отверстиями на обоих концах, украшенный двумя поперечными желобками.

Поздние находки по целому ряду элементов близки к культуре т. н. «курумчинских кузнецов» северного Прибайкалья².

¹ «Северная Азия», 1928, кн. 3, стр. 63—69. Библиогр.: стр. 69 (7 назв.).

² См.: Б. Э. Петри. Доисторические кузнецы в Прибайкалье. Чита, 1923.

Аналогичные находки сделаны были в 1921 г. в двадцати верстах от Кабанска, у д. Творогово-Шигаево О. И. Толстихиной, открывшей следы смешанной стоянки и могильника раннего железного периода³.

Разнообразнее, богаче по количеству и интереснее находки, сделанные близ д. Фофаново, расположенной по правому берегу р. Селенги у подножия высокой горы с ровной, плоской вершиной. Эта гора представляет высокое плато, ограниченное обрывистыми склонами с трех сторон.

На юге ее скалистое подножие омывается р. Селенгой, на юго-западе имеется старица, в виде полужаросшего озера, посреди низменной плоской долины, характер которой указывает, что р. Селенга протекала здесь, круто огибая когда-то Фофановский мыс с трех сторон. Местность в целом может считаться очень благоприятной в стратегическом и физико-географическом отношениях. Удобством для обитания человека особенно выделяется юго-западный склон, южная часть которого могла с успехом служить и погребальным целям, как самый красивый и уединенный среди равнины пункт горы, наиболее пригодный для устройства кладбища.

Вполне естественно поэтому, что на юго-западном склоне Фофановской горы и были сделаны наиболее разнообразные находки.

Прежде всего, против села, близ дороги, на пашне были обнаружены несомненные следы неолитической стоянки. На поверхности стоянки собраны многочисленные каменные изделия и обломки глиняных горшков с тонкими стенками, покрытых своеобразной штриховкой, характерные для последнего неолита Сибири.

Несколько ниже, в борту оврага, обнаружен культурный слой с остатками каменной индустрии. Найдены: один скребок с выпуклым скребущим краем, несовершенный нуклеус большого размера (11 см длины), несколько ножевидных пластин, из которых выделяется одна, длиною 10,5 см, зазубренная от употребления, и множество отщепов (*éclats*). Каменные предметы сделаны из откремненной гальки черного цвета и очень грубы по обработке. Остатков керамики в культурном слое не обнаружено.

Гораздо интереснее следы неолитических погребений, обнаруженные на той же Фофановской горе. Это всего третья подоб-

---

³ См.: О. И. Толстихина Дюнная стоянка у села Творогово-Шигаево (Забайкалье).— «Сибирская живая старина», вып. II. Иркутск, 1924.

ная находка на всей территории Забайкалья и Дальнего Востока.

Первые следы погребений найдены на самом южном конце юго-западного склона горы, обращенном к восточному концу Фофановской деревни, на расстоянии всего каких-нибудь 80 м от крайнего дома и почти настолько же ниже часовни. В обрыве песчанистой глины оказались совершенно разрушенные кости человека.

Севернее, на расстоянии около трех метров от места находки первых костей, по правую сторону тропинки, направленной из деревни на гору через рывину, было найдено второе погребение в борту этой рывины.

Раскопка дала следующую картину расположения слоев, покрывавших костяк сплошной толщей мощностью в 1,5 м: 1) слой песчанистого суглинка с большим процентным содержанием гумуса толщиной 15—20 см; 2) слой красноватой песчанистой глины в 60—70 см; 3) пласт желтой песчанистой глины в 40—60 см. Костяк человека подстился сплошным напластованием окатанной речной гальки, которое залегает на основном гранитном массиве горы. Костяк лежал на спине, головою на восток, с лицом, обращенным на запад, и руками, протянутыми вдоль бедер. Нижние конечности исчезли. Хорошо сохранился череп (мезоцефальный). Около головы находился протверженный обломок клыка кабана в качестве головного украшения. При левом плече и около кисти левой руки были положены два листовидных наконечника почти миндалевидной формы (один с выемкой у закругленной базы овального очертания). Кроме того, найдены: один наконечник стрелы, со слабо выраженными жалыцами, две ножевидные пластинки, из которых одна ретуширована, ощепки и один обломок незаконченного обработкой наконечника — такого же, как и первые ⁴.

Значительно выше Фофановской часовни, за восточным концом православного кладбища, на дне глубокого выдува найдены остатки разрушенных костей человека, остатки неолитической индустрии, бронзовый нож и несколько обломков бронзовых предметов неопределенной формы. Нож этот, имея значительное сходство с минусинскими изделиями (Радлов, Сибирские древности, т. II, табл. 2, рис. 15—16), отличается грубой выделкой и является, быть может, местным грубым подражанием минусинскому образцу. Другой предмет в продольном разрезе представляет узкий клин. Две его широкие стороны (4 см) сходятся

⁴ См.: Н. И. Витковский. Отчеты с раскопок могил каменного периода.— «Изв. Вост.-Сиб. ОРГО», 1880, № 3—4; 1882, № 1.

в острое клиновидное лезвие. Узкие боковые грани имеют 1 см ширины, 0,4 см толщины, в то время как толщина широких сторон изделия равна 0,2 см. Верхняя часть этого изделия состоит из двух обломков, а нижняя сильно деформирована, вероятно, под действием огня. Она сильно окислена и изогнута, тем не менее лезвие сохранило присущую ему форму. После реконструкции становится ясным, что данный предмет представляет собою сильно деформированный длинный кельт оригинального типа, без ушков.

Второе местонахождение следов разрушенных древних могил, с бронзовыми при них изделиями, обнаружено мною на ровном плато почти посередине северо-западного склона, на север от часовни и гораздо ниже выдувов, где находились только что описанные предметы. Здесь, около пашни, большие выдувы занимают от 50 до 9 м в диаметре, а в глубину около 0,5 м. На дне самого обширного выдува найдены два каменных наконечника стрел треугольной формы из черного камня, ножевидные пластинки и остатки тонкостенного сосуда с оттисками ткани на его внешней поверхности. Черепки, приготовленные из глины хорошего качества, имеют примесь мелких песчинок.

Рядом с каменными наконечниками стрел найдены были обломки разрушенных человеческих костей от одного костяка, по видимому, кости человека, особенно плечевая и бедренная, густо окрашенные в интенсивно зеленый цвет. Здесь же найдены и остальные бронзовые изделия в количестве 13 штук. Следов толстостенной керамики, железных предметов и т. п. вещей обнаружено не было. Все найденные вещи сгруппированы были в одном месте и на площади одного выдува.

Бронзовые изделия по своему типу представляют значительный интерес. Особенно интересна среди них одна бляшка 5 см в диаметре, круглой формы, орнаментированная следующим образом. В центре бляшки, на дне круглого углубления возвышается шпенок высотой 2 мм. Углубление в центре бляшки окружено двумя концентрическими кругами. Первый — 1 см в диаметре, выпуклый и высокий (2 мм), а второй вогнут и имеет 2 см в диаметре. Во второй окружности расположено 11 шпенок высотой 1,5 мм каждый. На высоком, плоском ободке бляшки шириною 4 мм, представляющем третью концентрическую окружность, крест-накрест расположены 4 круглых углубления, окруженные высокими валиками 5 мм в диаметре, со шпенками в центре углублений.

На обороте бляшки имеется, как и у двух бляшек, высокое ушко. Этот же орнаментальный мотив упрощенно повторяют и 4 другие бляшки.

Не меньший интерес по орнаментации представляет предмет, служивший, вероятно, частью оправы рукоятки бронзового ножа, с отломанным у самой базы клинком.

Оправа, в которой свободно закреплен обломок верхней части клинка, украшена четким изображением лосей или изюбрей, по два на каждой из двух широких сторон, с мордами, обращенными друг к другу, и рогами, красиво закиннутыми назад. На узких боковых гранях оправы изображены стилизованные рога горного козла или загнутые вниз рога оленя.

Имеется также интересный бронзовый предмет (сережка?), напоминающий изображение птицы с длинной загнутой шеей, быть может, утки или лебедя.

Выпуклое барельефное изображение сохатых на литой бронзовой оправе, безусловно, относится к одним из лучших образцов звериного стиля, широко распространенного по Сибири, Уралу и Алтаю. При всей простоте исполнения самого рисунка на Фофановском предмете, он поражает четкой художественной передачей облика изображаемого животного. Слегка стилизованный выпуклый рисунок прекрасно передает гордо закиннутые назад характерные широкие лопасти рогов таежного зверя. Мощная шея и верхняя часть выпуклой груди создают полную иллюзию реальной жизненности. Недостаток места не позволил развернуть рога, и они стилизованы тремя отростками.

Для скифо-сибирского стиля характерно уже самое изображение лося. Как и в скифском, так особенно в сибирском искусстве очень часто встречается изображение именно этого зверя⁵.

Проявление звериного стиля в бронзовых находках по низовьям р. Селенги вполне естественно и легко объяснимо в свете новейших археологических изысканий, выдвинувших проблему о скифо-сибирском мире или культурном круге, как одну из наиболее актуальных проблем русско-сибирской археологии. Скифо-сибирская проблема формулируется Г. И. Боровко следующим образом: «Территория от берегов Черного моря и на Восток, через Волгу, Каспий, Урал, по всей Южной Сибири, вплоть до Забайкалья и, как ныне выясняется, вплоть до Китая на востоке и до Иранского плоскогорья на западе была занята племенами — представителями родственных между собою культур, для которых мы пока не имеем другого общего имени, кроме названия скифо-сибирских культур». Свои наслоения скифо-

---

⁵ См.: «Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова». Л., Изд-во АН СССР, 1925, стр. 2.

сибирский культурный мир не мог не оставить и в низовьях р. Селенги — большой дороги из Центральной Азии в Сибирь⁶.

Дальнейшими разведками в этой местности установлено наличие следов доисторических погребений с остатками разрушенных костяков, с железными и костяными изделиями из них, а также с черепками толстостенной посуды (гладкие черепки), расположенными у края северо-западного склона Фофановской горы, между первой и второй стоянками. В осыпавшемся борту склона горы обнаружались остатки сползшего костяка, при котором найдены обломки сильно проржавевших железных изделий, в том числе железного кольца 2 см в диаметре. Тут же находились черепки грубой посуды. Несколько выше, на выдуве, обнаружены человеческие кости, с которыми находились такие же остатки железных изделий, утративших свою первоначальную форму. На некоторых проржавевших обломках сохранились явственные отпечатки какой-то части ткани, напоминающей по ее характеру оттиски шелковой материи. Вместе с данными остатками обнаружен был и один костяной наконечник стрелы длиной 6,9 см. Наконечник имеет суженное длинное острие и плоскую широкую базу, закругленную в самом конце.

При обобщении всего коротко описанного материала по остаткам железного периода выявляются в виде не совсем еще ясных силуэтов две, по крайней мере, доисторические культуры. Первая из них представлена находками на Ньюковском холме и в окрестностях дер. Творогово-Шигаево. Она принадлежит скотоводам и родственна т. н. «курумчинской» культуре северного Прибайкалья.

Вторая культура железного периода стоит по своему уровню значительно выше первой и во многом напоминает сходную культуру оседлых полужемледельцев, остатки которой встречены Ю. Д. Талько-Грынцевичем в юго-западном Забайкалье⁷.

Разведки на территории Фофановской горы закончились находкой интересной писаницы, которая занимала часть крутого гранитного утеса на южном склоне горы, омываемой Селенгой. Склон под самой писаницей круто, почти отвесно спускается в воду, и волны Селенги бьют прямо в подножие писаного «Шаханского камня», у которого когда-то окрестные буряты брызгали священному изображению (место это, по словам крестьян, потеряло свою притягательную для бурят силу после того, как

⁶ См.: «Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова». Л., Изд-во АН СССР, 1925, стр. 2.

⁷ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Древние памятники Западного Забайкалья.— «Тр. XII археол. съезда», т. I.

«поп Симнен» освятил «брацкую идолишшу» изображением креста над писаницей). К сожалению, рисунок в момент осмотра был сильно замыт натекшей после дождя грязью, и контуры его с трудом различались на фоне камня.

Удалось установить только, что Шаханская писаница нарисована, как и окинские писаницы, а также и некоторые прибайкальские, красной краской. На ней имеется изображение человеческой фигуры, а несколько ниже — рисунок, изображающий черной краской свернутую петлей змею⁸.

В заключение нельзя не подчеркнуть общей связи Фофановских находок, условно распределенных по трем основным культурным комплексам: неолита, бронзы, железа, с находками многочисленных остатков доисторических культур в Забайкалье, северной Монголии и на севере Прибайкалья.

Неолит низовьев р. Селенги, судя по находкам каменных изделий и остатков керамики на стоянках, не отличается существенным образом от ангаро-байкальского, который достаточно полно для общей его характеристики изучен иркутскими археологами⁹.

Бронзовые изделия среди археологических находок в Прибайкалье, наоборот, крайне редки, и вопрос о бронзовой культуре не поддается полному выяснению.

Остатки железной культуры Фофановской стоянки во многих деталях, от китайского котла вплоть до спирального орнамента, в свою очередь, напоминает «гуннскую» культуру знаменитых погребений в горах Ноин-Ула, с ее высоким культурным обликом, сложившимся под влиянием Эллады и Китая, с высоким искусством, доходящим в своем развитии до той степени выражения в орнаментальной стилизации звериных мотивов, которую мы встречаем в древнем китайском искусстве.

Ограничиваясь на этот раз только краткими выводами, я надеюсь, что все предположения о находках на Фофановской горе будут проверены и дополнены в результате дальнейших археологических исследований этой интересной местности, где оставили следы своего пребывания многие группы древних насельников р. Селенги, поочередно сменявшие друг друга на ее берегах в течение минувших веков.

---

⁸ См.: П. А. Кропоткин. Поездка в Окинский караул. — «Зап.-Сиб. ОРГО» т. IX—X, 1867.

⁹ См.: Б. Э. Петри. Сибирский неолит. — «Изв. Бюл.-геогр. науч.-исслед. ин-та», т. III, вып. VI.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛИИ В 1947 ГОДУ¹

Археологические исследования на территории Бурят-Монгольской АССР и в соседних с ней районах Восточной Сибири были начаты участниками великих русских экспедиций уже в первой половине XVIII ст. Они продолжались затем Кастреном, Давыдовым и другими исследователями. Большие работы в этой области были осуществлены в конце XIX ст. Талько-Грышцевичем на Селенге. Но наибольшие успехи в археологическом изучении территории БМАССР и смежных с ней районов Иркутской и Читинской областей, заселенных бурятами, были достигнуты только после Октябрьской революции, когда они получили невиданный размах и совершенно новое содержание; стали проводиться на основе передовой методологии и получили правильное идейное направление. Таковы работы Г. Ф. Дебеца, М. М. Герасимова, Г. П. Сергеева, А. П. Окладникова и в особенности двухлетние работы специальной археологической экспедиции Академии наук СССР, работавшей под руководством Г. П. Сосновского в 1928 и 1929 гг.

Однако, несмотря на значительный археологический материал, собранный в результате перечисленных исследований, археологическая изученность даже центральных районов республики остается далеко еще не достаточной и не полной. В ряде же районов ее до сих пор не производилось даже разведочных археологических исследований, хотя несомненно, что они могут дать много важных и интересных открытий.

Ряд больших и важных исторических и историко-культурных проблем, связанных с археологическими памятниками республики, остается до сих пор неразработанным или выясненным совершенно недостаточно.

Первая из этих проблем — о каменном веке, о палеолитических памятниках Бурят-Монгольской АССР. Изучение этих па-

---

¹ «Вестник древней истории», 1948, № 3, (25), стр. 155—163 с ялл.

мятников должно ответить на вопрос о первоначальном заселении этой территории человеком и об отношении его культуры к культурам других областей Азии и Европы, а вместе с тем и о роли палеолитических культур Забайкалья и Прибайкалья в мировой истории того времени.

Вторая проблема — изучение многочисленных памятников зрелой неолитической культуры на территории республики, выяснение подлинного характера и распространения этих памятников, а также последовательности смены отдельных этапов неолитической культуры. С этим связаны такие важные вопросы, как проблема происхождения скотоводческой культуры в Северной Азии.

Третья проблема — изучение памятников бронзового века, широко распространенных в Бурят-Монголии. Оно должно показать особо важное значение местных племен бронзового века в связях, имевших место более двух тысяч лет назад между Восточной Азией, с одной стороны, Сибирью и Европой — с другой.

Четвертая проблема связана с изучением памятников гунского времени, в том числе не только погребениями типа найденных Талько-Грынцевицем в Ильмовой пади или Дэрестуйском Култуке на р. Джиде, но и с единственными в своем роде укрепленными поселениями — городищами вблизи устья реки Нижней Иволги. Изучение этих замечательных памятников двухтысячелетней давности поможет разрешить проблему возникновения первых кочевнических государств в Азии и будет содействовать выяснению взаимоотношений гунского центра с его периферией, с соседними, более отсталыми племенами Забайкалья и Прибайкалья и более отдаленными областями.

Особо важное значение имеет, наконец, изучение раннетюркских, раннемонгольских и древнебурятских памятников, которые являются наиболее отсталым разделом археологических исследований в Бурят-Монгольской АССР. Работы в этой области должны осветить древнейшие судьбы монгольских племен, о которых молчат письменные источники, возникновение самой Монгольской империи и, что особенно важно, исторические судьбы бурят-монголов, не имевших до недавнего времени собственной письменности.

Простой случайностью, должно быть, следует объяснить тот факт, что на территории Бурят-Монгольской АССР, едва ли не единственной в этом отношении среди других республик в составе РСФСР, археологические работы заглохли и временно прекратились после окончания академической экспедиции

1928—1929 гг. и работ Г. П. Сергеева, осуществленных местным музеем в 1935—1936 гг.

Только летом 1947 г. начала свои полевые исследования организованная согласно постановлению Совета Министров БМАССР Бурят-Монгольская археологическая экспедиция, в которой принял участие Институт истории материальной культуры АН СССР. Работы экспедиции за полевой сезон 1947 г. были развернуты в трех районах, изучение археологических памятников которых представляет сейчас наибольший интерес для выяснения ранней истории времен и народов, населявших в прошлом территорию республики, и в первую очередь бурят-монгольского народа.

На первом этапе своей работы экспедиция выехала в Качугский район Иркутской области, издавна заселенный бурятами.

Этот район представляет большой интерес для изучения местопребывания и прошлого бурят-монгольского народа, как местопребывание эхирит-булагатов, предки которых упоминаются в древнейших письменных документах, относящихся к истории монголов. Здесь же находится такой исключительный по своей научной ценности археологический памятник, каким является писаная гора, вблизи деревни Шишкино, в 18 км ниже Качуга, с которой связаны предания и мифы, касающиеся прошлого ленских бурят-монголов и якутов — сахаларов.

Наскальные изображения шишкинской «шаманки», т. е. священной горы ленских бурят, пользовавшейся в недавнем прошлом глубоким почитанием всех шаманистов, стали известны в науке еще около 200 лет назад, когда историк академик Г. Ф. Миллер видел широко известные в то время наскальные рисунки «между Качегой и Верхоленском». Снова они были открыты автором настоящего отчета в 1929 г.

Эти изображения и явились предметом специального тщательного изучения и фиксации в 1947 г. Как показало изучение шишкинских писаниц, они являются единственными в Северной Азии по своему обилию, разнообразию и культурно-исторической ценности. Высокие уступы шишкинских скал, протянувшиеся вдоль правого берега Лены более чем на 2 км, оказались своего рода огромной картинной галереей, в которой сохранились сотни самых разнообразных по технике исполнения, по стилю и содержанию изображений различной давности. Среди них на первом месте следует отметить группу самых древних изображений. Еще в 1941 г. мной было открыто здесь огромное изображение дикой лошади длиной 2,8 м. В 1947 г. при тщательном изучении всей площади скалистых обрывов Шишкинской горы мне удалось обнаружить еще два рисунка такого же рода

и стиля, изображающих жеребенка и вымершего дикого быка — бизона (рис. 1). Сюжеты этих изображений и их стилевые особенности ясно показывают, что рисунки выполнены рукой первобытного художника, древнекаменного палеолитического мастера, жившего, вероятно, около 10—15 тысяч лет назад. Они

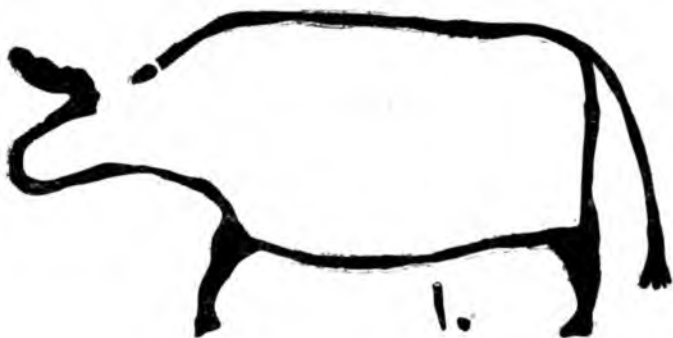

Рис. 1. Палеолитическое изображение быка. Шишкино.

являются первыми и пока единственными в Северной Азии образцами палеолитических росписей и свидетельствуют, что, вопреки ложным расистским теориям, такое искусство существовало не только в Западной Европе, но и в глубине азиатского материка.

На шишкинских скалах имеются прекрасные образцы зрелого реалистического мастерства художников последующего, неолитического времени. Оно представлено большими, часто приближающимися к натуральному размеру, фигурами животных, сохранившихся до наших дней лесных обитателей — лосей. Неолитические писаницы удивительно жизненно и верно передают облик этих могучих животных, охота на которых была главным источником существования неолитических охотников.

К следующей культурно-исторической эпохе, к бронзовому и раннему железному веку, относятся новые и чрезвычайно своеобразные наскальные изображения, выполненные темно-малиновой, пурпурной краской. На них изображены совершенно новые сюжеты, несравненно более сложные и богатые, чем прежде. Такова целая процессия лодок, плывущих одна за другой (рис. 2). В каждой из них видны люди, стоящие с молитвенно воздетыми к небу руками. Эта процессия напоминает аналогичные наскальные изображения Западной Европы, имеющие связь с культом мертвых и солнечного божества, широко

Р и с. 2. Изображение лодок. Шишкино.

развитым в древности в странах классического Востока, в особенности в Египте, где солнечная ладья и ладья мертвых были непременным атрибутом культа умирающего и воскресающего божества растительности — Озириса.

Сюда же, в круг новых религиозных идей и образов нового мировоззрения, выросшего на почве социальных стношений отцовского рода и патриархально-родовых отношений, входит уникальное изображение космического чудовища-дракона, глотающего солнечный диск.

Не меньшую научную ценность представляют чрезвычайно многочисленные рисунки первого и начала второго тысячелетия нашей эры, имеющие прямое отношение к предкам якутов и сменившим их на Лене бурят-монголам. Это преимущественно любовно вычерченные фигуры лошадей, воинов-витязей, военные и охотничьи сцены. Характерные стилевые особенности таких рисунков отражают связи древних жителей Средней Лены в средневековое время с передовыми культурными странами Востока, с сасанидским Ираном, а также с еще более отдаленной Византией, осуществлявшиеся при посредстве различных соседних тюркских народностей, в частности, енисейских кыргызов (рис. 3).

Р и с. 3. Курыканская писанина. Изображение пеших людей. Шишкино.

На многих рисунках изображены сцены перекосчиков каких-то скотоводов на запряженных волами кибитках особого рода. Такими, очевидно, и были кибитки древних монголов, описываемые в источниках XIII—XV вв., а также в «Сокровенном сказании». Здесь, по-видимому, отражен момент появления на Лене кочевников, предков современных бурят-монголов.

Как известно, именно писанные шишкинские скалы являлись одним из важнейших культовых центров бурятских племен. Здесь, по воззрениям шаманистов, пребывал грозный Хара-Ажирай, властитель реки Лены. В культе Хара-Ажирая слышны удивительные по яркости отзвуки былых столкновений якутов и бурят на Лене, о которых сообщают предания.

Закончив свои работы в Шишкино, основной целью которых была подготовка специальной монографии к юбилею республики, экспедиция выехала в Улан-Удэ, а затем вверх по Селенге.

В долине Селенги работы были начаты посещением Кяхтинского краеведческого музея, являющегося подлинной гордостью республики во всех отношениях, в том числе и по своему драгоценному собранию археологических находок, содержимых в образцовом порядке. Здесь, помимо тщательного ознакомления с коллекциями музея, была изучена любопытная древняя стена скифо-сибирского стиля, покрытая орнаментализированными фигурами оленей и впоследствии дополненная изображением человеческого лица, т. е. переоформленная уже в виде «каменной бабы».

Работами экспедиции зарегистрирован ряд новых интересных пунктов, где распространены каменные орудия древнейшего человека палеолитического времени. Едва ли не самыми интересными из них по характеру залегания культурных остатков оказались поселения вблизи современного поселка Усть-Кяхта, давно уже известного в литературе обилием археологических памятников. Палеолитические культурные остатки залегали здесь в лессовидных толщах второй надпойменной террасы, в ненарушенном залегании, а не на выдувах, как на всех других палеолитических поселениях Забайкалья. Вместе с каменными орудиями палеолитического типа здесь оказались также и кости животных, тогда как прежде бесспорной связи каменных палеолитических предметов с фаунистическими остатками установить не удавалось по той причине, что находки происходили с выдувов, а не из слоя.

Среди обычных следов поселений на выдувах особенный интерес представляют находки вблизи ст. Няньги, где на обширной площади выдувов оказалось почти целиком обнаженным от покрывавшей его рыхлой почвы большое позднепалеолитическое

поселение с характерным каменным инвентарем из черного кремнистого сланца, выразительно характеризующим технику изготовления и типы каменных орудий этого времени. Среди многочисленных каменных изделий в Няньги оказались, например, превосходные нуклеусы мустьерского типа — диски, такие же «мустьероидные» скребла и замечательный остроконечник. По яркости этот материал не уступает находкам на классической для позднего палеолита стоянке у Красноярска — Афонтовой Горе.

К следующему культурно-историческому периоду — неолиту относятся находки в ряде пунктов по Селенге. Как выяснилось, неолитические памятники на Селенге являются значительно более редкими и менее многочисленными, чем поселения предшествующей эпохи. Это, возможно, объясняется особыми условиями их залегания. В то время как палеолитические стоянки размещены на древних высоких террасах, сложенных супесью и легко развеваемых ветром, неолитические люди селились на более низких надпойменных террасах, сложенных плотными отложениями, не столь легко поддающимися действию ветра. Тем не менее в долине Селенги обнаружено несколько новых неолитических стоянок со своеобразной керамикой. Последняя показывает, как и находки на давно уже известной Березовской стоянке, что, вопреки старым нашим представлениям, уже нельзя более говорить о полной идентичности забайкальского неолита прибайкальскому, хотя между ними и существует несомненная общая связь.

Исключительный интерес представляют найденные на ряде выдувов остатки керамики совершенно особого рода — фрагменты глиняных сосудов с тремя ножками-подставками. Для них характерна и своеобразная орнаментация, которую по первым находкам в местности Хара-Бусун следует назвать харабусунской. Сосуды такого типа являются специфической особенностью древнейших культур южной Монголии и южной Маньчжурии, где они появляются уже в древнейших памятниках местного неолита, сменяясь впоследствии такими же триподами, но только лишь культовыми, и не из глины, а из бронзы. Некоторые из подобных находок на территории Бурятии отличаются весьма архаическими чертами, сближающими их с наиболее древними подобными сосудами Дальнего Востока. Остальные же могут относиться и к бронзовому веку, свидетельствуя о каких-то культурных связях с Дальним Востоком и для данного времени, что вполне естественно, если учесть географическое положение Селенгинского края, а также и последующие исторические события, в ходе которых население Забайкалья постоян-

но находилось в тех или иных взаимоотношениях со своими соседями.

Эпохе бронзы принадлежат едва ли не самые многочисленные на территории Селенгинского края погребальные памятники в виде так называемых «плиточных могил», т. е. своеобразных каменных ящиков, обычно прямоугольной формы, из каменных плит, поставленных на ребро, а также давно известные в литературе, но очень плохо еще изученные археологами «оленные камни».

К сожалению, нет, по-видимому, ни одной плиточной могилы неразграбленной. Грабители обыкновенно не ограничивались тем, что извлекали весь погребальный инвентарь, они выбрасывали кости покойника, забрасывая снова пустую внутренность могилы камнями и землей. Тем важнее находка в одной из плиточных могил целого черепа захороненного в ней человека. Эта находка позволит гораздо увереннее, чем прежде, судить о физическом типе и антропологической принадлежности населения Забайкалья в эпоху бронзы, о том, каковы именно были эти загадочные «динлины» китайских летописей чжоуского времени. Как установил Г. Ф. Дебец, это был не «европеоид», а типичный представитель монгольского типа. Не менее интересны и случайно уцелевшие в некоторых разграбленных в древности могилах изделия, в том числе наконечники стрел и впервые найденные здесь остатки самого лука. Это был лук сложного типа, наиболее близкий по своей конструкции к короткому «сигмовидному» луку скифов Причерноморья, о котором сообщают античные авторы.

Около одной наиболее обширной плиточной могилы оказалась чрезвычайно интересная каменная стела «эмбриональной формы», представляющая не обычную плиту, сплошь покрытую художественно выполненными фигурами оленей, а простой камень, на вершине которого по обеим сторонам высечены небольшие круги, несомненно, изображающие глаза «вишапа», т. е. чудовища, данного здесь в наиболее примитивном виде. Возможно, что эта стела является древнейшей из всех остальных известных в настоящее время археологам.

Памятники железного века, обследованные в долине Селенги, кроме многочисленных дюнных находок и замечательного гунского городища на Нижней Иволге, где была вновь обнаружена одна из характерных для него землянок, огороженных каменными плитами, представлены главным образом могилами двух типов. К первому типу относятся большие каменные курганы с круглой или четырехугольной оградкой из вкопанных в землю больших камней. Такие курганы обыкновенно сопровож-

даются кольцами из небольших камней. Раскопка одного каменного кургана показала, что он был целиком разграблен в древности; между камнями, однако, уцелела одна железная пластинка от лат обычного азиатского типа. Ко второму типу принадлежат могилы поздних кочевников с овальной насыпью из небольших камней. Такие могилы очень бедны находками. В некоторых из них найдены все же весьма интересные предметы (в том числе один глиняный сосуд), полнее освещающие быт кочевнических племен. Грабители не трогали эти бедные вещи — могилы, и в них полностью сохранились костяки людей, имеющие значение для антропологических исследований.

Последняя группа археологических памятников на Селенге, обнаруженных работами 1947 г., — наскальные изображения. Вопреки обычным представлениям, долина Селенги дала неожиданно много таких изображений. Все они выполнены красной минеральной краской — охрой и имеют много общего в стилистической манере и в содержании. На скалах изображены обыкновенно характерно стилизованные человеческие фигурки и реже изображения животных. Очень часто повторяется одна и та же сложная композиция, изображающая магический круг, охраняемый человечками, в которых следует видеть духов — охранителей рода. Имеются также изображения рогатых антропоморфных фигур, должно быть, шаманов (рис. 4, 5).

Для определения возраста этих изображений важно, что они часто совпадают с местонахождениями плиточных могил, а на

Рис. 4. Наскальные рисунки на Селенге. Изображение магического круга.

Рис. 5. Рисунок на скале. Долина Селенги.

одном из таких рисунков уцелел фрагмент изображения чаши, напоминающей по форме скифский котел. К этому времени, вероятно, относится значительная часть наскальных изображений, но есть, несомненно, и более ранние и более поздние рисунки.

Кроме работ на Селенге и Лене, особым отрядом экспедиции были осуществлены археологические исследования также в районе Алар и Балаганска. Основное внимание отряда было уделено поискам и копированию замечательных наскальных рисунков на горе Хашхай около с. Нукуты, известных еще с конца XIX ст., но до сих пор не описанных и не изданных. Писаницы эти обнаруживают черты особого стиля и могут быть разделены на две хронологические группы. Аларским отрядом также велись поиски старинных бурятских погребений, в результате которых выяснилось совершенно неожиданное обстоятельство, что буряты в старину хоронили мертвых в каменных могилах, чрезвычайно похожих на ящики плиточных могил. Одновременно были обследованы также древние городища, которыми богат этот район. Как показывает найденная там керамика, городища в массе датируются курумчинским временем, т. е. относятся к I тысячелетию нашей эры и, может быть, к самому началу II тысячелетия, до проникновения на Ангару и Лену кочевников монгольского происхождения из Забайкалья. Это были укрепленные поселения племени курыканов или, по данным китайских летописей, гулиганей.

Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции, развернутые в трех наиболее интересных районах, дали, таким образом, новый обширный и разнообразный материал по ранней истории республики.

Вместе с тем они показывают, что известное отставание, имевшееся в области археологического изучения территории БМАССР и соседних с ней районов, начинает преодолеваться. Работы экспедиции в 1949 и 1950 гг. должны быть только началом систематической и постоянной работы по археологии БМАССР. На очереди — археологическое обследование новых, еще совершенно не изученных в археологическом отношении районов республики, в том числе северных. Необходимы также аналогичные работы в бассейне р. Онона и в Тунке, столь важные для изучения ранней истории монгольских племен и народов вообще.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР¹

Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК и Научно-исследовательского института культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР в 1947 г. были развернуты в трех районах, изучение древностей которых имеет решающее значение для разработки важнейших проблем древней истории бурят-монгольского народа.

Работы 1947 г. были начаты стационарными исследованиями замечательных наскальных изображений вблизи дер. Шишкино на Верхней Лене, между Качугом и Верхоленском. Изображения эти явились одним из первых археологических памятников Сибири, обративших на себя внимание исследователей. Еще в половине XVIII в. их отметил Г. Ф. Миллер; тогда же рисовальщик Камчатской экспедиции Люрсеннус с большой точностью и усердием скопировал от руки несколько шишкинских наскальных изображений.

Тем не менее ленские писаницы затем надолго забылись, и лишь в 1929 г. автору данного сообщения довелось снова открыть писаницы шишкинской «шаманки», в прошлом священной горы ленских, кудинских и ангарских бурят-монголов.

В 1941 г. здесь было сделано новое открытие: на одной из шишкинских скал оказалось древнейшее — по некоторым признакам — палеолитическое изображение дикой лошади. В 1947 г. открыты новые наскальные изображения и получено полное представление о шишкинских писаницах.

Кроме обнаруженной в 1941 г. огромной (2,80 см длиной) фигуры дикого жеребца, в Шишкино найдено еще два аналогичных по стилю рисунка — дикой лошади и дикого быка — бизона.

По своим стилистическим чертам эти изображения наиболее характерных представителей исчезнувшей оригинальной фауны конца ледниковой эпохи во многом сближаются с образцами палеолитических росписей Европы.

---

¹ «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», вып. 26. М.—Л., 1949, стр. 7—11.

Вторая группа наскальных изображений в Шишкино представлена изображениями властителя новых, уже последнедиковых ландшафтов Сибири, одного из наиболее характерных обитателей таежных пространств — лося, или, по-сибирски, сохатого. Рисунки лосей на шишкинских скалах, поражающие своим особым реалистическим совершенством, как и более древние, тоже имеют очень большие размеры, достигая иногда почти натуральных размеров и удивительного сходства с натурой. Они могут быть датированы в большинстве случаев неолитическим временем, когда среди населения лесной полосы СССР получает широкое распространение культ лося, тесно связанный с охотничьими обрядами и культами.

Третья группа шишкинских писаниц резко выделяется из всех остальных своими фантастическими сюжетами и особыми стилистическими чертами. Сюда входит, в первую очередь, уникальное изображение мифического чудовища — дракона, живо напоминающее широко распространенные среди сибирских племен представления о страшном чудовище бездны — преисподней и властители нижнего мира. По стилистическим чертам это изображение обнаруживает особенно близкую связь с хорошо известными металлическими изображениями ящероподобных и клыкастых чудовищ в искусстве бронзового периода и эпохи раннего железа. Самым же ранним образцом таких изображений является единственное в своем роде литое бронзовое навершие с изображением стилизованной змеиной головы, найденное при раскопках погребения средней стадии бронзового века вблизи дер. Шивера.

В 3-ю группу входят и изображения лодок, человеческих фигур и лани, образующие большую многофигурную композицию, своего рода фриз, на гладкой поверхности скалы под прикрытием далеко выступающего вперед скального карниза. Изображения лодок и человеческих фигур близ Шишкино сходны с известными композициями петроглифов севера Европы, с карельскими наскальными изображениями и изображениями верхнего Енисея, датирующимися поздним неолитом и бронзовым веком. Все эти рисунки свидетельствуют не только о росте внешних связей древних племен Восточной Сибири с другими странами в эпоху бронзы и раннего железа, но и о глубоких внутренних сдвигах в идеологии местного общества.

К развитому железному веку относятся бесчисленные изображения всадников, верблюдов, лошадей, пеших людей в длинных халатах, целые военные и охотничьи сцены. Они яркими и выразительными штрихами рисуют жизнь древнетюркской народности, курыканов орхонских рунических текстов или гулиганей китайских летописей, обитавших здесь в I тысячелетии н. э.

Значительное количество шишкинских рисунков относится к последующим временам, в том числе к столь важному историческому моменту, как время первого появления на Лене монгольских племен. На скалах уцелели интереснейшие изображения древнемонгольских кибиток, о которых говорится в древнейших письменных источниках по истории монголов. Кибитки, украшенные кистями и флагами, везут быки. За ними и впереди них едут вооруженные всадники. Все здесь изображено точно так же, как и в первых европейских сообщениях о странах великого хана и жизни его народа, с той лишь разницей, что это первые и пока единственные изображения жизни древних кочевников того времени, оставленные не европейцами, а их собственными художниками.

Исследованиями в районе рек Унги и Ангары (руководитель отряда Э. Р. Рыгдылон) обнаружено значительное количество новых, ранее неизвестных городищ курыканского времени, изучены остатки весьма интересных по стилю и содержанию писаниц на горе Хашхай, вблизи улуса Нукуты, а также выявлены следы старинных бурятских могил, захоронения которых связаны были с настоящими каменными «ящиками» типа плиточных могил, т. е. могил из поставленных на ребро плит.

Последующие работы в долине р. Селенги имели целью общее обследование ее древностей на всем протяжении, от границы с МНР до гор. Улан-Удэ.

Древнейшими археологическими памятниками на этом пространстве в долине Селенги являются палеолитические поселения. Среди многих вновь обнаруженных палеолитических поселений большой интерес представляет стоянка в местности Няньги, где на обширной котловине выдувания собрано множество каменных изделий характерного вида и формы, нуклеусов, скребел и скребков, ножевидных пластин, изготовленных из черной кремнистой гальки. В числе находок, кроме больших полулунных скребел, имеются дисковидные нуклеусы и один превосходный двусторонне обработанный остроконечник мустьерского облика.

Раскопки интересного местонахождения «Кяхтинский обрыв» в гор. Кяхте, где ранее работниками местного музея и Кяхтинского отдела Русского географического общества были обнаружены каменные изделия палеолитического типа и кости четвертичных животных в сочетании с неолитической керамикой и кремневым наконечником стрелы неолитического же типа, дали еще более неожиданный результат. Под толщей песчаных отложений и торфянистых прослоек мощностью до 5 м вместе с каменными изделиями кости животных, керамика гуннского типа и да-

же фрагмент железного изделия. Раскопки «Кяхтинского обрыва» вызвали первоначально предположение, что человек неолитического времени жил здесь одновременно с носорогом и мамонтом. В действительности же здесь, очевидно, в относительно позднее время произошло смешение культурных остатков различных эпох, после чего отложилась вся толща песка и торфянистых прослоек. Изучение «Кяхтинского обрыва» должно дать, таким образом, ключ к исследованию истории долины р. Кяхты, значительно более сложной, по-видимому, на этом участке, чем это может показаться на первый взгляд.

Памятники последующей неолитической эпохи встречаются в долине Селенги значительно реже, чем палеолитические. Это может быть объяснено отчасти тем, что поверхности сложенных песками древних высоких террас, с которыми связаны палеолитические находки, значительно сильнее развеиваются ветром, чем поверхности нижних террас. Тем не менее бесспорно то, что неолитические остатки более многочисленны в северной части долины Селенги, чем в южной. Керамика неолитических поселений на Селенге, подобно неолитической керамике соседних районов Восточной Сибири, представлена фрагментами относительно тонкостенных сосудов с округлыми днищами. Орнамент на них штамповый и гребенчатый, несколько отличающийся от орнаментики неолитических сосудов Прибайкалья.

Самая богатая находками (из числа ранее обнаруженных неолитических поселений в долине Селенги) Березовская стоянка, вблизи гор. Улан-Удэ дала большой и разнообразный подъемный материал, значительно полнее и ярче характеризующий местную неолитическую культуру на стадии расцвета — керамику, каменные изделия, в том числе из зеленого нефрита, костяные изделия и остатки фауны. Судя по фаунистическим остаткам, жители Березовской стоянки уже имели домашний скот (корову).

Памятники эпохи бронзы на обследованном пространстве очень многочисленны; это так называемые плиточные могилы основных типов: 1) прямоугольные оградки из вертикально поставленных плит иногда высотой около метра и более; 2) плоские могилы с вогнутыми сторонами и выступающими наугольниками по концам. Плиточные могилы, особенно первого типа — «дворы», как их называет местное население, — группируются вблизи скалистых выходов небольшими скоплениями. В одном случае такая группа плиточных могил оказалась отгороженной тщательно сооруженной стеной из крупных вертикально поставленных плит.

Как известно, почти все плиточные могилы оказывались при раскопках разграбленными и притом, по-видимому, неоднократно. Значительной удачей явилась поэтому находка в местности Херексурин-ури могилы, которая была лишь слегка нарушена грабителем; в ней вместе с пастовыми цилиндрическими бусами белого цвета и сердоликовыми бусами оказался совершенно целый череп. Изучение его привело Г. Ф. Дебеца к выводу, что население Забайкалья в эпоху бронзы, которому принадлежат памятники местной скифо-сибирской культуры, в отличие от населения других западных областей распространения этой культуры, отличалось признаками не европейского, а монголоидного расового типа. Собранные в 1947 г. материалы во многом расширяют наши представления и о материальной культуре обитателей Селенгинской долины в бронзовом веке.

К железному веку должны быть отнесены большие полусферические насыпи из каменных глыб, обнесенные квадратной или, реже, круглой оградой из поставленных на ребро камней. С одной стороны таких оградок обыкновенно имеются расположенные в один ряд круглые выкладки — кольца из небольших камней. В одной из таких могильных насыпей, полностью разграбленной, оказалась железная прямоугольная пластина, по-видимому, от лат.

В большом количестве обнаружены на Селенге и поздние кочевнические погребения под небольшими, обычно овальными в плане, насыпями из камня или в виде захоронений в пустотах скал. Во многих пунктах по Селенге на прибрежных гранитных утесах зарегистрированы обильные древние наскальные изображения, выполненные красной охрой. Стиль и сюжеты селенгинских писаниц очень устойчивы и единообразны в своих основных чертах. В них преобладают схематические изображения человеческих фигурок; часто встречаются своеобразные композиции из прямоугольников или кругов, сочетающихся с пятнами и человеческими фигурами. Такие писаницы могли, всего вероятнее (как и сходные с ними позднейшие таджикские настенные росписи), иметь магическое назначение, якобы способствуя размножению животных или увеличению родовых групп. Изображения животных относительно редки, что косвенно свидетельствует о незначительной роли охоты в жизни древнего населения Селенгинской долины.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ СЕЛЕНГИ¹

(Предварительное сообщение о раскопках,
произведенных в 1948 г.)

Полевые исследования Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК в 1948 г. были начаты нами в районе г. Улан-Удэ и продолжены вниз по берегам р. Селенги, вплоть до с. Кабанска и дер. Фофаново². В этом районе обнаружены ранее неизвестные палеолитические стоянки, давшие характерный материал: нуклеусы, нуклевидные орудия, большие овальные скребла, ножевидные пластины и отщепы из черного кремнистого сланца.

Самый северный пункт распространения этих стоянок — район дер. Фофаново, где еще в 1927 г. были обнаружены изделия палеолитического облика³. Особый интерес новых находок в низовьях Селенги определяется тем, что, в отличие от подавляющего большинства палеолитических стоянок Забайкалья, они находятся в непотревоженном состоянии, не на котловинах выдувания, а в отложениях древних речных террас.

Не менее интересны и следы неолитической культуры в низовьях Селенги, представленные поселениями и погребениями.

¹ «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», XXXV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 85—90.

² Полевые исследования Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК и Института культуры Бурят-Монгольской АССР в 1948 г. и прежде (А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. ВДИ, 1948, № 3) велись при участии местных музеев — Кяхтинского в лице его директора Р. Ф. Тугутова и Республиканского краеведческого — в лице директора Д. Г. Бажеева и С. П. Костарева. От ИИМК в работах, кроме начальника экспедиции А. П. Окладникова, участвовали В. Д. Запорожская и студенты практиканты Ленинградского гос. ун-та. З. Абрамова, Б. Черномордик, Н. Диков, Е. Сазонова. Кроме того, на месте были привлечены студенты улан-удэнских вузов Э. Штейнберг, Даша Ракшаев, В. и С. Комкины.

³ А. П. Окладников. Следы древних культур на севере Селенгинской Даурии. — «Советская Азия», 1928, № 1.

Среди первых в толщах нижних надпойменных террас выделяются многослойные памятники, давшие каменные и костяные изделия, остатки фауны и достаточно обильную керамику. Изучение этих стоянок позволит, с одной стороны, точнее и детальнее расчленить неолит Забайкалья на определенные частные этапы; с другой — впервые подойти к датировке нижних террас Селенги по археологическим данным. Из числа позднейших поселений такого рода одно из первых мест по богатству, обилию и разнообразию находок принадлежит стоянке на речке Нижней Березовке. На этой стоянке, относящейся по всем признакам ко II тысячелетию до н. э., скорее всего к его второй половине, вместе с различными каменными, костяными изделиями и керамикой позднепалеолитического типа впервые для Нижней Селенги *in situ* встречен фрагмент полой ножки глиняного сосуда — трипода.

Вместе с тем новые материалы, собранные на поселениях неолитического типа в низовьях Селенги выше Кабанска, свидетельствуют, что во II тысячелетии до н. э. существовала иная, чем в Прибайкалье, культура неолитического типа. Это существенно меняет и уточняет наши прежние представления о культурно-этнической карте Сибири во II тысячелетии. Вновь выделенная селенгинская культура позднего неолита, как показывают другие памятники, не ограничивается в своем распространении одной лишь нижней частью долины р. Селенги, но уходит значительно южнее, по-видимому, и в пределы Монгольской Народной Республики.

Не меньший интерес для древней истории Забайкалья представляют погребения эпохи неолита и ранней бронзы, обнаруженные в 1948 г. в низовьях Селенги. Первая такая находка была отмечена в 3 км выше с. Острога, на левом берегу Селенги. Погребение оказалось разрушенным, но на месте уцелели куски красной охры и половина сосуда полуайцевидной формы с характерным орнаментом, выполненным оттисками штампа-лопаточки.

У с. Никольского было обнаружено второе погребение, где оказался сильно скорченный костяк; на черепе лежали орнаментированные костяные кружки, расположенные в виде диадемы.

Исключительные по ценности материалы дал древний могильник около дер. Фофаново, где еще в 1927 г. мною обнаружены разновременные захоронения с выразительным инвентарем эпохи неолита, бронзового и железного веков⁴.

⁴ См.: А. П. Окладников. Указ. соч.; его же. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях с. Кабанска. — «Бурятоведческий сборник». Иркутск, 1927, № 3.

В 1934 г. М. М. Герасимов раскопал у дер. Фофаново ряд большей частью нарушенных погребений с инвентарем глазковского типа⁵.

Работами 1948 г. установлено, что здесь находился обширный по прибайкальским масштабам могильник, содержащий захоронения различного возраста.

В 1948 г. нами было найдено погребение пока наиболее древней для низовьев Селенги стадии неолита, с превосходным инвентарем типично серовского характера. Покойник лежал вытянуто на спине; в могиле обнаружены украшения в виде целых клыков кабана, костяные гарпуны, такие же наконечники стрел и два больших плоских кинжала с вкладными лезвиями из двусторонне-ретушированных пластин.

Некоторые погребения Фофановской горы, к сожалению, разрушенные при сползании и развевании рыхлых песчано-глинистых толщ, по наличию красной охры могут быть условно отнесены к следующей китойской стадии. Но самая многочисленная группа фофановских погребений относится к глазковскому времени. В инвентаре их имеются нефритовые топоры, типичные для глазковской стадии (двусторонне-выпуклые, с суженным обушком), украшения из перламутра, мраморные кружки и характерные глазковские плоские ножи листовидной формы из меди или бронзы, а также другие изделия, обычные в погребениях глазковского типа на Ангаре и Лене.

Замечательной чертой в ритуале этих погребений является абсолютное преобладание костяков с подогнутыми ногами, чем они сильно отличаются от глазковских погребений на Ангаре и Лене, где скорченных костяков не так много.

Любопытно, что люди этого времени с особой заботливостью хоронили малолетних детей, наделяя их не менее богатым погребальным инвентарем, чем взрослых покойников.

Характерная особенность фофановских погребений глазковского времени — это наличие в них намеренно испорченных орудий. Почти все нефритовые топоры, найденные в этих погребениях, превосходной отделки и тщательно отшлифованы, но лезвия их грубо выломаны ударами какого-то тяжелого предмета.

Судя по аналогичным случаям, зарегистрированным при раскопках глазковских погребений Прибайкалья, здесь имело место стремление предохранить живых от опасности, грозившей им со стороны умерших сородичей. Не исключено, что с этими

⁵ См.: М. М. Герасимов. Реки Селенга и Белая.— «Археологические исследования в РСФСР», 1934—1936. Краткие отчеты и сведения. Под ред. В. В. Гольмстен. М.—Л., 1941.

представлениями связан был и обряд захоронения умерших в скорченном положении, т. е. связанными или с подогнутыми ногами.

Особенно интересно, что раскопки 1948 г. вскрыли на Фофановской горе, кроме погребений глазковского времени, и более поздние захоронения. Самое же интересное из них по ритуалу и наиболее обильное по сопровождающим вещам было детское погребение. Это был костяк ребенка 4—5 лет, положенный в сумку из бересты, густо окрашенной в темно-малиновый цвет, по-видимому, киноварью. Костяк был завернут в шкуру. Сверху его покрывали тщательно уложенные в ряд тонкие прутики, может быть, соединенные когда-то таким же способом, какой применен для скифских щитов из Пазырыкских курганов. При костяке младенца находился бронзовый или медный кинжал карасукского типа. Это одно из самых архаических изделий этого рода, известных в настоящее время, и вообще первый карасукский кинжал, найденный археологами в могилах Восточной Сибири. По всем признакам этот кинжал не может быть моложе XII—XIII вв. до н. э. Вместе с кинжалом столь же неожиданно оказались два миниатюрных топорика или, вернее, тесла из нефрита изумрудно-зеленого цвета. На костяке уцелели и украшения в виде обычных для Прибайкалья грушевидных бус из атрофированных клыков благородного оленя (марала).

К одному времени с этим погребением следует отнести остатки другого, сильно нарушенного, при котором обнаружены фрагменты сосуда совершенно нового типа — с узким уплощенным, а не яйцевидно-округлым днищем, обычным для более ранних сосудов глазковской стадии. Еще интереснее, что вся внешняя поверхность этого сосуда покрыта «шахматными», или «ложнотекстильными», оттисками, произведенными ударами лопаточки с врезанными линиями в виде шахматной сетки.

Особо следует отметить неожиданные находки в двух небольших пещерах на правом берегу р. Селенги, ниже с. Острог (бывший Итанцинский острог XVII—XVIII вв.).

В одной из них найдены фрагменты неолитической керамики, отщепы, кремневый нуклеус и заготовка для большого наконечника копья или ножа из черного шиферного сланца. В другой, более обширной пещере оказались остатки, по-видимому, сравнительно позднего погребения и более древние следы пребывания человека. В верхнем слое рыхлых пещерных отложений найдены изделия из кости, в том числе наконечники стрел скифского типа. Один из них был трехгранным наконечником со «спрятанной» втулкой, без шипов; остальные принадлежали к числу обычных в Сибири наконечников с расщепленным наса-

дом. К этому же времени следует отнести, очевидно, и костяной гребень, найденный в свое время Н. Д. Черским в Итанцинской пещере.

Вторая группа находок в Итанцинской пещере несравненно старше отмеченных костяных вещей. К ней относятся кремневые отщепы и превосходно выполненное крупное изображение рыбы из белого мелкозернистого мрамора; это — один из лучших образцов изделий такого рода, известных в Восточной Сибири. В нижней части отложений пещеры сохранились кости животных более древнего времени, чем остальные, в том числе находки второй группы — обломки рога быка, по-видимому, бизона.

В низовьях Селенги найдены также новые наскальные изображения, выполненные красной охрой, в одном случае в виде рисунков летящих птиц с луновидными крыльями, во втором — в виде фигур животных, а также стилизованное изображение, представляющее собой три вертикальные линии, соединенные посередине поперечной горизонтальной линией. Обращает на себя внимание, что совершенно аналогичные рисунки, выполненные такой же красной краской, имеются и на ленских скалах в пределах Якутии.

Исследованиями 1948 г. в долине Селенги, от г. Улан-Удэ до Кабанска, было, таким образом, в общих чертах завершено предварительное обследование археологических памятников на всем протяжении этой реки в пределах Бурят-Монгольской АССР, начатое в 1947 г.; установлены основные виды этих памятников и констатировано их своеобразие, отражающее особый конкретно-исторический процесс, протекавший здесь в течение ряда тысячелетий.

Дальнейшие детальные исследования археологических памятников в низовьях Селенги, несомненно, сделают существенный вклад в древнюю историю не только населения местного края, но и всей Восточной Сибири, так как судьба селенгинских племен всегда была тесно связана с судьбами населения других областей и стран, в том числе не только Монголии или соседних таежных районов, но и несравненно более отдаленных областей, расположенных к западу от Байкала.

РАБОТЫ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1947—1950 ГОДАХ¹

Бурят-Монгольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и Научно-исследовательского института культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР начала работать в 1947 г. Ее работы явились прямым продолжением работ экспедиции АН СССР 1928—1929 гг., которыми руководил Г. П. Сосновский. Они внесли много нового в понимание древнейшей истории Восточной Сибири и истории культуры ее населения, с палеолита и до конца XIII—XIV вв. н. э.

Полевые работы экспедиции 1947 г. начаты в долине р. Лены, вблизи д. Шишкино, с изучения многочисленных наскальных изображений различных эпох — от палеолита до времени прихода русских на Лену. Здесь были описаны и скалькированы сотни рисунков, выполненных красной краской, резных и затертых; обнаружены новые, ранее неизвестные рисунки и целые группы их.

Из вновь найденных рисунков особенно замечательны крупное изображение дикого быка — бизона и еще один (кроме найденного в 1941 г.) рисунок дикой лошади, которые относятся к палеолитическому времени. Не менее интересны столь же крупные рисунки лосей, по реалистическому совершенству не уступающие самым выдающимся скандинавским изображениям оленей эпохи мезолита и раннего неолита, и оригинальные антропоморфные фигуры, которые следует датировать концом неолита или эпохой бронзы.

В долине Селенги был обнаружен ряд новых палеолитических местонахождений, давших обильный инвентарь. Найденны поселения своеобразного местного неолитического типа; обследованы многочисленные могильники эпохи бронзы и раннего железа, в том числе погребения с остатками сложного лука и украшениями; обнаружены кочевнические погребения нового типа; открыты и изучены многочисленные наскальные рисунки,

¹ «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», вып. 45. М.—Л., 1952, стр. 40—47.

дающие представление об искусстве и мировоззрении древнего населения Забайкалья.

Одновременно были осуществлены разведочные работы в Аларском районе Иркутской области, где открыт ряд новых городищ курумчинского типа.

В 1948 г. экспедиция продолжила свои работы в долине р. Селенги, от г. Улан-Удэ до Кабанска. Тем самым в основном было завершено обследование всей этой долины в пределах Бурят-Монгольской АССР. В процессе работ обнаружен ряд новых поселений палеолитического и неолитического времени, в том числе несколько многослойных неолитических стоянок. Изучались пещерные стоянки, в одной из которых было найдено каменное изображение рыбы. Раскопан ряд богатых погребений эпохи неолита и ранней бронзы на Фофановской горе (против Кабанска), которые дали возможность по-новому осветить эти важные этапы ранней истории Забайкалья.

Затем была обследована долина р. Уды, от Еравнинских озер до г. Улан-Удэ. Здесь впервые обнаружены палеолитические памятники, изучены многочисленные наскальные изображения, выполненные красной охрой, в том числе на утесе Хотогой-Хабсагай, где оказались самые богатые и разнообразные по содержанию рисунки из числа всех известных за Байкалом.

Вблизи г. Улан-Удэ были произведены раскопки плиточных могил эпохи бронзы, давшие новый интересный материал: найдена пещера на Острой Сопке с писаницами, выполненными красной охрой; раскопаны «херексуры», оказавшиеся могилами тюркского времени, что раньше не было известно.

Кроме того, особый отряд экспедиции совместно с Кяхтинским музеем вел разведочные работы в долине Селенги, от Наушек до Селенгинска, обнаружив ряд новых памятников, в том числе писаниц нового типа.

В 1949 г. экспедиция начала систематические раскопки одного из самых значительных археологических памятников Бурят-Монгольской АССР — древнего городища вблизи устья Нижней Иволги, впадающей в Селенгу в 14 км к юго-западу от г. Улан-Удэ. Городище это является единственным известным нам укрепленным гуннским поселением.

Раскопки этого городища, которыми руководил В. П. Шилов, начальник Иволгинского отряда экспедиции, дали разнообразный вещественный материал, ярко рисующий культуру и образ жизни его обитателей. Городище расположено в 1,5 км к востоку от поселка Нур, на первой надпойменной террасе около бывшей старицы р. Селенги, высохшей в настоящее время. Оно имело прямоугольную в плане форму (348×208 м), но часть

его была смыта Селенгой. С севера, запада и юга городище окружено четырьмя валами (высотой около 1,5 м) и четырьмя рвами, заплывшими в настоящее время. Как показали раскопки, внутренний вал городища по гребню был укреплен камнями, а остальные — галькой и песком. Пространство внутри валов представляет ровную площадку, слегка повышающуюся к западу и северу, с небольшими, едва заметными возвышенностями, которые оказались остатками жилищ.

В центре городища находились два холмообразных возвышения (высота 1—1,5 м), господствовавшие над окружающей местностью.

Работы 1949 г. в основном проводились на территории небольших возвышений-жилищ. В результате раскопок девяти зданий выявилась техника их сооружений. Выкапывалась яма средней площадью 6×4 м и глубиной 0,3—0,4 м, вдоль северной и западных стенок котлована воздвигались стены из вертикально стоящих плит, размером 50×60 см, швы между которыми с внутренней стороны замазывались глиной. Между плитами и стеной котлована устраивался канал-дымоход, соединявшийся с очагом, располагавшимся, как правило, в северо-западном углу жилища; другой конец его подымался вверх в южной части западной стены. От очага, который был сооружен из четырех вертикально стоящих плит, перекрытых одной или двумя горизонтально лежащими большими плитами, дым поступал в дымоход, расположенный вдоль северной стены. Сверху канал перекрывался сырцевой стеной здания. В северо-западном углу помещения дымоход делал крутой поворот к югу и шел дальше вдоль западной стены, имея такое же устройство, как в северной. В южной стороне западной стенки дымоход вновь круто поворачивал, но уже кверху. Отсюда по каналу, расположенному внутри сырцевой кладки, дым выходил из помещения наружу. Такая система отопления широко применяется в настоящее время у амурских племен.

С южной стороны жилища располагался вход в помещение. Вследствие пожара городище погибло; хорошо сохранились остатки крыши, которую удалось почти полностью реконструировать. Во время пожара горящие деревянные части перекрытия провалились вовнутрь помещения и, не сгорев полностью, сохранились до настоящего времени в виде обугленных бревен и жердей, лежащих в определенном порядке. Крыша была плоская, она сооружалась из нетолстых бревен, клавшихся концами на длинные стены с промежутками в один метр, и коротких жердей, густо положенных сверху бревен в поперечном направлении. Любопытно, что по углам и в средних частях стен встре-

чались остатки деревянных столбов, которые служили для укрепления. Этот строительный прием употребляется еще и в настоящее время на территории Бурят-Монгольской АССР.

Внутри некоторых жилищ, а иногда и снаружи их, встречались открытые очаги-кострища, нередко помещенные в неглубокие ямы. Рядом с наружными очагами встречается обычно большое количество обломков горшков с закопченной поверхностью и расколотые трубчатые кости домашних животных. Очаги служили, очевидно, для приготовления пищи в летних условиях.

В жилищах найдены: глиняные сосуды с отверстиями на дне для изготовления сыра; пряслица для прядения шерсти; остатки металлургии (медные и железные шлаки). Кроме того, встречены предметы вооружения: железные, костяные и бронзовые наконечники стрел, костяные накладки для лука; предметы украшения: пронизки, бусы, застежки из различного материала, в том числе из полудрагоценных камней.

Кроме рядовых жилищ, был раскопан один из двух больших холмов, находящихся в центре городища, в результате чего выявился полностью план находившегося там дома. Он представлял собою большое прямоугольное помещение, размером 8×9 м, с глинобитными стенами, толщиной свыше одного метра, укрепленными деревянными столбами по углам и в середине. В северо-западном углу дома, как и в других жилищах, располагался очаг, отличающийся от описанных выше своими значительными размерами; дымоходы находились в северной и западной стенках. В южной стене помещения найден дверной проем, обрамленный вертикально стоящими четырьмя деревянными столбами (два — с внутренней стороны помещения, два — с внешней). Пространство между столбами было устлано циновкой из растительных волокон, переплетенных тальником. Внутри помещения была обнаружена яма с остатками пепла, битых горшков и костей домашних животных. На полу помещения, тщательно обмазанном глиной и обожженном вследствие пожара, от которого погибла постройка, были обнаружены остатки сгоревших деревянных нар и упавшее перекрытие, которое по конструкции, по-видимому, повторяло кровлю рядовых жилищ, но, в отличие от последних, потолок здесь был покрыт ровным слоем глиняной обмазки. В помещении найдены целые глиняные сосуды для изготовления сыра, хранения припасов и приготовления пищи. Некоторые из сосудов достигали высоты 70—80 см. Кроме того, здесь была найдена литая бронзовая чаша. Помимо сосудов, найдены предметы вооружения (костяные и бронзовые наконечники стрел, костяные накладки на лук),

а также украшения — костяные и бронзовые пряжки, бусы. Особенно следует отметить находку точильного камня, покрытого знаками иероглифического типа.

Центральное положение данного жилища на городище, его размеры и, наконец, обнаруженные в нем предметы позволяют предполагать, что здесь жило лицо, возглавлявшее поселение.

В том же 1949 г. были начаты раскопки древнего поселения в устье речки Нижней Березовки, в 8 км ниже г. Улан-Удэ, и произведены разведочные работы в районе Кяхты, по р. Джиде и в районе с. Бичуры, давшие новый обильный материал по наскальным изображениям, памятникам каменного и железного веков.

В 1950 г. по-прежнему продолжались раскопки гуннского городища на р. Нижней Иволге, где вскрыто еще несколько жилищ. При раскопках вновь обнаружены многочисленные образцы гуннской керамики, изделия из железа, бронзы и камня.

Среди керамических находок особый интерес представляют остатки тонкостенного глиняного сосуда, покрытого снаружи ложнотекстильным тисненым орнаментом в виде выпуклой шахматно-ромбической сетки. Обломки таких сосудов известны из поселений раннего железного века Прибайкалья на р. Иркуте вблизи Иркутска. Они свидетельствуют о связях обитателей гуннского городища с соседними лесными племенами. Из других находок, кроме халцедоновых широких колец и предметов в виде «запятой», изготовленных из того же материала и служивших, очевидно, поясными украшениями, должны быть особо отмечена изящно сделанная из белого камня (алебастр?) овальная чаша.

При раскопках 1950 г. на Нижне-Иволгинском городище были получены новые материалы, дополнительно освещающие образ жизни и хозяйство его обитателей. Так, в результате вскрытия второго большого холма выяснилось, что это были остатки не жилища, что можно было думать по аналогии с первым холмом, а сооружения производственного характера. В нем обнаружен превосходно сохранившийся железоплавильный горн. Отсюда следует, что городище вблизи нынешнего города Улан-Удэ было не только военно-административным центром, но, вероятно, и довольно крупным по тем временам центром металлургического производства.

Не менее интересно, что в одной из ям для запасов сохранились впервые найденные за Байкалом зерна проса столь раннего времени. Кроме того, на городище оказался железный наконечник мотыги, датирующий серию аналогичных изделий из рэйсна Кяхты и других мест Забайкалья.

Для истории этого уникального памятника интересно и то, что на том же самом холме обнаружено погребение, относящееся к железному веку. Погребение это, сопровождавшееся целым плоскодонным сосудином, может быть датировано временем около V—VI вв. н. э. В это время, следовательно, городище было полностью заброшено и остатки строения с железоплавильным горном имели такой же, как сейчас, вид невысокого расплывшегося бугра, который и был использован под захоронение.

В 1950 г. экспедиция продолжала также вести раскопки на Фофановской горе, где и на этот раз обнаружены древние погребения с каменными, костяными и металлическими изделиями, а также с остатками керамики. Как и в 1948 г., вновь найдены топоры из темно-зеленого нефрита, в том числе с намеренно изуродованным обивкой лезвием, кремневые и халцедоновые наконечники стрел, ножевидные пластины, скребки и отщепы.

Не менее характерны костяные изделия: кинжаловидные большие и малые острия, отжимники, игольники, украшенные характерным узором в виде тонких, глубоко врезаемых линейных поясков, наконечники стрел. Из украшений найдены, кроме обычных перламутровых круглых бляшек и грушевидных подвесок из клыков марала, миниатюрные «пастовые» бусы черного и белого цвета, а также морские раковины, происходящие из морей, омывающих Японские, Зондские и Молуккские острова.

Результаты раскопок Фофановского могильника существенно дополняются материалами многослойного поселения на Нижней Березовке. В нижнем слое Нижне-Березовской стоянки оказалась арханчская керамика, представленная остатками сосудов яйцевидной формы, а также каменными и костяными изделиями, аналогичными вещами из позднесеровских слоев стоянки Улан-Хада.

Среди этих вещей наиболее замечательны каменные стерженьки-грузики для рыболовных крючков составного типа и костяная ложка оригинальной формы. Из бытовых деталей наибольший интерес представляют очаги из камней и захоронения собак, свидетельствующие о важной роли собаки в жизни древних рыболовов и охотников Забайкалья.

В самом верхнем слое стоянки оказались фрагменты плоскодонных сосудов, совершенно такие же, как найденные при раскопках фофановского могильника, а среди подъемного материала — фрагменты трипода. Там же найдены литые предметы из бронзы, близкие по типу к карасукским, и кости домашних животных, в том числе лошади и рогатого скота.

Все это свидетельствует о том, что сначала древнее население Забайкалья было близко по культуре и образу жизни к населению соседнего Прибайкалья, а затем перешло к новым формам хозяйства — от преобладания охоты и рыбной ловли к скотоводству. Одновременно складываются и крепнут культурные связи племен Забайкалья с Дальним Востоком.

В 1950 г. экспедиция впервые охватила своими исследованиями также и Агинский национальный округ (Читинская область).

В Чите были обнаружены два палеолитических местонахождения. В с. Агинском раскопано интересное детское погребение гуннского времени — первое на этой территории. Костяк ребенка находился под своеобразным двойным гробом из камня и дерева. В головной части погребального сооружения под большими горизонтальными плитами компактной массой лежали отдельные кости головы, ног и позвонки двух баранов. Все они лежали между северной дощатой стенкой погребальной камеры и черепом погребенного, несколько выше черепа.

Возле правой плечевой кости погребенного найдено три наконечника стрел: бронзовый трехперый, плоский железный и костяной. Там же было и миниатюрное золотое колечко. По бокам, возле голеней скелета, обнаружены остатки от железных колец.

Основная масса вещей была сосредоточена в средней, поясной части скелета. Слева, на тазе, лежала большая железная пряжка, а также роговая пряжка «тюркского» типа. Все они, видимо, поясные. Сохранились и остатки пояса в виде сплошной ленты перламутровых нашивок, воспроизводящих раковину «каури». Эти оригинальные поделки лежали в два ряда над тазом и под ним, как бы опоясывая покойника. Ниже, с правой стороны, среди тазовых костей, находились железные удила с кольцами. На запястьях рук лежало по бронзовому кольцу. Левой ладонью покойник, как видно, обхватил большое ножевидное железное острие — клинок. Косточки пальцев руки располагались в анатомическом порядке на рукоятке ножа. Ножевидное изделие оказалось сильно изъеденным ржавчиной и рассыпалось от малейшего прикосновения. На нижней его поверхности хорошо видны остатки ткани и кожи. Под косточками левой кисти покойника найдены кедровые орехи, а слева, возле головы, лежало десять бараньих альчиков.

Не менее интересны результаты раскопок плиточных могил, в которых оказались украшения в виде цилиндрических бус из пиррофиллита, сердоликовых бус и золотых спиралевидных проносок. Там же, в плиточных могилах, обнаружены обломки гли-

няных сосудов — триподов древнекитайского типа, с полыми внутри ножками — резервуарами. При раскопках вблизи с. Агинского найден один большой полый сосуд такого рода, распавшийся в земле на множество кусков. Восстановленный в реставрационной мастерской ЛОИИМК Е. Б. Ивановой, сосуд этот впервые дал ясное представление о забайкальских триподах бронзового века, от которых до сих пор встречались только единичные фрагменты.

В долине Онона экспедиция исследовала два погребения железного века, в которых обнаружены роговые пластинки от лука тюрко-монгольского типа, железные пластинки от лат центральноазиатской формы, костяные и железные наконечники стрел с шариками-свистунками и керамика, поразительно близкая к амурской. Оба погребения по всем признакам относятся к тому времени в истории юго-восточного Забайкалья, которое предшествует годам возвышения Чингисхана и образования Монгольской империи.

Оказались здесь и памятники более раннего времени — неолитические стоянки, плиточные могилы бронзового века, и накопец, загадочные писаницы, выполненные красной охрой.

В районе Кондуйского городка обнаружены, кроме многочисленных плиточных могил, новые наскальные рисунки с изображением стилизованных человеческих фигур, животных и различных условных знаков. Были осмотрены церковь с. Кондуй, в стены которой замурованы в качестве архитектурных украшений «идолы», доставленные из Кондуйского городка, и знаменитое Кондуйское городище. На последнем произведен обмер развалин дворца, представляющих в плане курган крестовидной формы с сохранившимися кое-где гранитными базами колонн, и составлены планы двух жилых комплексов, состоящих из двух и трех зданий внутри отдельных оград-валов.

Работы в Агинском округе и соседних с ним районах подтвердили, таким образом, богатство их разнообразными археологическими памятниками и существенно дополнили наши представления о древнейшей истории Забайкалья.

Таковы вкратце результаты работ Бурят-Монгольской экспедиции 1947—1950 гг., которыми, как показано выше, охвачена центральная часть территории Бурят-Монгольской АССР, а также восточные районы Читинской области, а хронологически — ряд тысячелетий истории Забайкалья и Прибайкалья, с палеолита и до XIII—XIV вв. н. э.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛИИ¹

Территория Бурят-Монгольской АССР, а также соседних с ней районов Иркутской и Читинской областей РСФСР давно уже известна обилием разнообразных и разновременных археологических памятников. Памятники эти впервые были отмечены в русских правительственных документах в те времена, когда изучение Сибири еще только начиналось. Уже первые русские послы, направлявшиеся в Китай, отмечали в своих статейных списках и путевых донесениях правительству такие выразительные памятники прошлого, останавливавшие их внимание среди гор и степей Забайкалья, как древние укрепления и городища. Так, например, Николай Спафарий впервые отметил развалины древнего города, расположенного около «Далая озера», о котором ему рассказывали, что это «город великой каменной со всяким строением, и палаты в нем каменные белы, и говорят, что в том городе от мору люди все пропали и осталось имение все их там, и иноземцы в тот город иттить не смеют, а смотрят все издали, а иные говорят, что от войны запустело»².

Еще интереснее отмеченные Спафарием по личным наблюдениям следы древней земледельческой культуры на р. Шилке у речки Жернокопки.

В начале XVIII в. Г. Мессершмидт, направленный на Восток русским правительством для изучения природы, а также древностей Сибири — ее «антиквитетов», обратил внимание на мно-

---

¹ «Изв. АН СССР, серия истории и философии», т. 8, 1951, № 5, стр. 440—450 с илл.

² Н. Спафарий. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. — «Зап. Рус. геогр. о-ва по отд. этнографии», т. X, вып. 1. СПб., 1882. стр. 143.

гочисленные погребальные сооружения древних времен в забайкальских степях, на «скифские», как он выражался, могилы, рассеянные здесь повсеместно. Отмечены Мессершмидтом за Байкалом и руины древних укрепленных поселений, в том числе древний город на р. Урудюнгуй, вероятно, знаменитый Кондуйский, или Кыркиринский, городок³.

В свою очередь участники великой северной экспедиции в XVIII в. тоже не прошли мимо забайкальских древностей. Более того, они предприняли здесь первые научные археологические раскопки, которые должны были ответить на вопрос о древнем населении Забайкалья, о культуре и образе жизни его первоначального населения⁴.

В том же XVIII в. при эксплуатации горных богатств Забайкалья были обнаружены многочисленные следы древних рудных разработок и собраны любопытные сведения, обобщенные в известном сочинении В. де Геннина⁵.

В начале XIX в. археологическими памятниками Забайкалья стали интересоваться уже не только проезжие люди — ученые, но и местные жители, имевшие те или иные научные интересы. Один из них, М. Геденштром, известный также своими путешествиями в арктических районах Сибири, сделал не только ряд замечательных наблюдений относительно забайкальских древностей, но и пришел к важным общим выводам культурно-исторического характера. Опираясь на местные археологические находки, М. Геденштром самостоятельно установил, что на территории Забайкалья железному веку предшествовал медно-бронзовый век, а последнему — каменный век. Опубликовав эти выводы в своем сочинении «Отрывки о Сибири», которое вышло в свет в 1830 г., М. Геденштром предвосхитил, таким образом, выступление общепризнанного до сих пор основоположника теории о трех великих культурно-исторических периодах — В. Томсена⁶.

Конец XIX в. отмечен большим подъемом археологических исследований, в ходе которых были впервые затронуты основные группы археологических памятников и подняты связанные с ними вопросы о больших исторических эпохах отдаленного прошлого Восточной Сибири, в том числе Забайкалья.

³ «Nachricht von D. G. Messerschmidts siebenjährigen Reise in Sibirien». — «Neue nordische Beiträge», Bd. III, 1782, s. 131.

⁴ См.: В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3. СПб., стр. 81—87.

⁵ В. де Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937, стр. 601—603.

⁶ См.: М. Геденштром. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, стр. 63.

А. К. Кузнецов открывает поселения каменного века и более поздние памятники в бассейне р. Онон⁷.

Народный учитель А. П. Мостиц изучает каменный век в долине р. Селенги⁸.

Памятники бронзового века и эпохи раннего железа на юге Бурят-Монголии впервые подвергаются систематическим раскопкам усилиями выдающегося антрополога, долгое время работавшего в Кяхте, Ю. Д. Талько-Грынцевича. В результате многолетних упорных исследований Ю. Д. Талько-Грынцевичем был собран обширный и богатый материал, который впервые в совершенно новом свете показал культуру и жизнь древнего населения Забайкалья на одном из важнейших переломных этапов его истории — при переходе от первобытного, доклассового общественного строя к классовому, от первобытной родовой общины к государству⁹.

Приведенных немногих примеров достаточно для того, чтобы показать, насколько интересна и любопытна с научной точки зрения история археологического изучения Забайкалья, а вместе с тем как богаты были те возможности, которые ожидали здесь советских археологов.

Первой задачей в деле изучения многочисленных и разнообразных археологических памятников Забайкалья была необходимость разобраться в этих памятниках, определить их возраст, их хронологические взаимоотношения, распределить все разнообразие установленных фактов по определенным хронологическим ступеням. Такой источниковедческий анализ археологического материала должен был обеспечить в дальнейшем переход и к осуществлению второй, несравненно более важной и ответственной задачи — уже не источниковедческой, а чисто исторической, — к выявлению общего хода исторического процесса и конкретных судеб древнего населения Забайкалья, о которых молчат или недостаточно ясно и полно говорят письменные источники.

⁷ См.: А. К. Кузнецов. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья. — «Изв. Вост-Сиб. отд. РГО», т. XXIV, 1898, № 2, стр. 1—13; его же. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток, 1925.

⁸ См.: А. П. Мостиц. Археологические находки в окрестности слободы Усть-Кяхта. — «Протоколы Троицкосавско-Кяхт. отд. РГО», № 5, прил. 1, 1894; его же. Следы доисторического человека в долине р. Чикоя, там же, № 2—3, прил. 1, 1897, стр. 5—9; его же. Следы каменного века в долине р. Селенги, там же, № 1—2, прил. 1, 1896, стр. 5—7.

⁹ См.: Ю. Д. Талько-Грынцевич. Население древних могил и кладбищ забайкальских. — «Бурятияведение», 1925, № 1—3, стр. 91—105; его же. Древние памятники западного Забайкалья. — «Тр. XII Археол. съезда», т. I.

Наиболее плодотворную работу по выяснению возраста и взаимных отношений древнейших археологических памятников Забайкалья выполнил в 1920-х гг. Г. Ф. Дебеч. Он впервые типологически определил основные группы древних поселений и погребений Забайкалья, четко и определенно выделил из всей массы находок с каменными изделиями наиболее ранние комплексы и дал им наименование селенгинской культуры. Культура эта впоследствии была отнесена Г. П. Сосновским к концу палеолита. Вторая хронологическая группа объединяла в его классификации памятники неолитического возраста. В этой группе, пользуясь наглядными картограммами, Г. Ф. Дебеч впервые выделил особые территориальные комплексы вещей и локальные по их распространению типы изделий.

Тщательный учет форм каменных орудий и разновидностей керамических изделий, строгая и точная методика делают эту работу Г. Ф. Дебеча превосходным и до недавнего времени единственным для Сибири образцом историко-этнографического анализа памятников каменного века¹⁰.

В те же годы имели место новые археологические исследования на Севере Байкала, в районе Верхнеангарска (Е. И. Титов), на Ольхоне (П. П. Хороших), в низовьях Селенги у с. Кабанска и д. Фофаново (А. П. Окладников), в районе Посольска и дельты р. Селенги (Н. И. Веселов, О. И. Толстихина)¹¹.

Работы эти дали интересные новые материалы, существенно дополнившие археологические фонды музеев и археологическую карту Забайкалья. В частности, следует отметить открытие первых погребений каменного века в низовьях р. Селенги и интереснейшие находки бронзовых изделий. Одна из таких находок, котокельский бронзовый кинжал, послужила поводом к разоблачению постановки М. П. Грязновым вопроса о карасукском этапе древней металлургии в Сибири; тем самым образцовая типологическая сводка Г. Ф. Дебеча, посвященная анализу форм изделий каменного века, была дополнена точным и изящным по методике анализа исследованием, посвященным уже не каменному веку, а средней поре бронзового века Забайкалья¹².

В более широком, историко-культурном плане древности Забайкалья, в особенности памятники бронзового и железного ве-

¹⁰ См.: Г. Ф. Дебеч. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья.—Изв. Ассоциации науч.-исслед. ин-тов при физ.-мат. факультете И МГУ», т. III. М., 1930, № 2-а.

¹¹ См. соответствующие указания в справочнике П. П. Хороших и И. И. Михалкина «Опыт указателя литературы по археологии Забайкалья».—«Материалы Читинского краевого музея», вып. 1, 1929.

¹² См.: М. П. Грязнов. Бронзовый кинжал с оз. Котокель.—«Будителеведение». Верхнеудинск, 1929, 1—2 (9—10), стр. 136—141.

ков, были подвергнуты изучению Г. П. Сосновским. Возглавляя специальную археологическую экспедицию Академии наук СССР, Г. П. Сосновский в течение двух лет (1928—1929 гг.) провел большие систематические исследования в долине р. Селенги. Экспедиция эта обследовала ранее найденные и новые поселения каменного века в долине Селенги, произвела на редкость удачные раскопки могил бронзового века, копала хуннские могилы и кочевнические могильники первого тысячелетия нашей эры и последующего времени.

В ряде опубликованных работ Г. П. Сосновский охарактеризовал образ жизни и культуру древних племен Забайкалья по археологическим и отчасти письменным источникам, дал первую общую характеристику древнейшей истории Забайкалья¹³.

Само собой разумеется, что не все в этой характеристике выдержало испытание временем, что она во многом страдает схематичностью и неполнотой. Но это был большой и существенный вклад в дело освоения богатых археологических памятников Забайкалья как исторического источника.

Работы академической экспедиции 1928—1929 гг. явились, таким образом, поворотным пунктом в истории археологических исследований на территории Забайкалья. В дальнейшем работы академической экспедиции по изучению забайкальской археологии были прерваны и более не возобновлялись. Имели место лишь эпизодические исследования (главным образом местных музейных работников), весьма интересные результаты которых не получили отражения в научной литературе.

То же самое можно сказать о раскопках М. М. Герасимова, который в 1934 г. продолжил начатые автором данной статьи в 1927 г. раскопки древних погребений на Фофановской горе против с. Кабанска (по левому берегу р. Селенги)¹⁴.

Вполне своевременным и назревшим явилось поэтому решение Института культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР, поддержанное Республиканским и Кяхтинским краеведческими музеями, возобновить и усилить систематические исследования по археологии Бурят-Монгольской АССР и отчасти соседних с ней областей РСФСР, историческое прошлое которых тесно связано с историей предков бурят-монголов. Эта ини-

¹³ См.: Г. П. Сосновский. Итоги работы Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук в 1928—1929. — «Проблемы Бурят-Монгольской АССР», II. М.—Л., 1936.

¹⁴ См.: А. П. Окладников. Следы доисторических культур на Севере Селенгинской Даурии. — «Северная Азия», 1928, кн. 3, стр. 63—69; М. М. Герасимов. Реки Селенга и Белая. — «Археологические исследования в РСФСР», 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения. Под ред. В. В. Гольмстен. М.—Л., 1941.

циатива замечательна уже тем, что она исходила не из академического центра, как в 1928—1929 гг., а от местных научно-исследовательских учреждений республики. В ней отразились, таким образом, большие сдвиги в национально-культурном строительстве, огромный культурный рост Бурят-Монголии за годы пятилеток, неузнаваемо изменивших весь облик Забайкалья, вызвавших к жизни новые научные проблемы и исследования, в том числе в области древней истории и истории культуры.

Разумеется, Академия наук СССР, на этот раз в лице крупнейшего руководящего археологического учреждения — Института истории материальной культуры, как и прежде, не осталась в стороне от этого дела. В 1947 г. начаты были полевые работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Научно-исследовательского института культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР, к которым примкнули Республиканский и Кяхтинский музеи. В течение ряда лет экспедиция провела систематические исследования, результаты которых уже получили частичное освещение в печати. Собранный в процессе раскопок и обследований археологических памятников различного рода обильный вещественный материал дает теперь уже значительно более полное и глубокое представление об истории культуры и жизни древних обитателей республики, об историческом прошлом предшественников и предков современного ее населения.

Чтобы дать общее представление о результатах работы экспедиции, следует прежде всего указать, что ее работы проводились главным образом в наиболее важном с исторической точки зрения районе — вдоль р. Селенги. Долина Селенги, важнейшей водной артерии края, прорезающей его в меридиональном направлении, от границ с Монгольской Народной Республикой и до Байкала, представляет как бы переход от центральноазиатских степей к таежным областям севера. На юге ее издавна обитали степные скотоводы-кочевники, на севере — бродячие охотники и рыболовы. На юге рано возникли первые государственные образования степных племен, на севере веками держались отсталые общественно-экономические уклады лесных племен.

Такое разнообразие древних хозяйственно-культурных и общественных укладов, а вместе с тем этнических образований (тюрки, монголы, тунгусо-маньчжурские племена, может быть, палеоазиаты) в долине Селенги определило ее сложную многовековую историю, а вместе с тем обилие и разнообразие археологических памятников, представляющих богатое поле для исследований.

Полевые археологические исследования были проведены в 1947—1950 гг. также и на Верхней Лене и на Ангаре, в районе Балаганска, где издавна обитали предки бурят-монголов, на притоках Селенги — Уде и Джиде.

Наиболее древние археологические памятники, изученные экспедицией в этих районах, — палеолитические поселения, следы первоначальных этапов жизни человека за Байкалом.

В результате работ 1947, 1948, 1949, 1950 гг. общее число известных здесь теперь палеолитических поселений резко увеличилось, причем они обнаружены не только в долине Селенги и ее южных притоков, но и к востоку от Улан-Удэ — в долине р. Уды и на р. Джиде, к северу от Улан-Удэ по направлению к Байкалу. Это позволяет связать изолированный прежде палеолитический очаг Забайкалья с палеолитом Ангары и Лены. С другой стороны, новейшие находки палеолитических поселений в районе Улан-Батора и вблизи Эрдени-цзу на территории Монгольской Народной Республики дают возможность установить аналогичную связь палеолитической культуры Забайкалья с древнейшими культурами Центральной Азии.

Тщательные полевые наблюдения позволили впервые точно проследить стратиграфические условия залегания палеолитических культурных остатков (Усть-Кяхта, Фофаново, др. пункты). Обнаружена фауна, хотя и скудная, но, бесспорно, связанная с палеолитическими каменными изделиями.

Анализ материалов таких богатых находками палеолитических орудий поселений, как обширная стоянка к северу от разъезда Няньги на левом берегу Селенги, дает ясное представление о характерных чертах каменного инвентаря этой древнейшей за Байкалом культуры, о жизни древнейших обитателей долины р. Селенги. Как показывают эти находки, палеолитические обитатели долины Селенги, выделявшие свои каменные орудия преимущественно из местных речных галек черного лидита и зеленокаменных пород, уже широко и густо освоили территорию Забайкалья. Их поселения, как это ни удивительно на первый взгляд, даже гуще и многочисленнее, чем стоянки последующей стадии каменного века — неолитической.

Замечательно, что палеолитические находки в Забайкалье обнаруживают резко выраженное сходство с верхнепалеолитическими находками в других областях Сибири — в долине Енисея, на Алтае и даже в Якутии, на Лене, а также и на территории Монгольской Народной Республики.

Они свидетельствуют, таким образом, о глубоком культурном и, вероятно, этническом родстве населения этих областей

нашего континента, о значительной общности его культурно-исторического пути в столь отдаленные времена.

Среди памятников конечного этапа каменного века, неолита, наиболее древними на территории Забайкалья являются прежде всего некоторые поселения на берегах Селенги, а также древнейшее погребение неолитического времени, встреченное при раскопках Фофановского могильника вблизи Кабанска. В погребении этом, наряду с костяными накопечниками стрел или дротиков, а также украшениями, оказались два превосходно изготовленных костяных книжала с двухсторонне-ретушированными вкладными лезвиями из широких и длинных каменных пластин. Такие книжальцы характерны для одного из наиболее ранних этапов развития неолитической культуры в Прибайкалье — серовского, относящегося примерно к концу четвертого — началу третьего тысячелетия до нашей эры¹⁵. Остальные находки в данном погребении не противоречат такому выводу. Отсюда следует, что на ранних этапах неолитического времени население этой области находилось в связи с племенами лесного Прибайкалья, жило одной с ними жизнью и обладало одинаковой культурой.

Такое единообразие хозяйственно-бытового уклада и культуры, однако, продолжалось только до момента первоначального распространения металла, меди и бронзы, когда в жизни древнего населения Забайкалья произошли глубокие перемены, затронувшие все области его культуры.

Об этих сдвигах дают представление исследованные экспедицией археологические памятники ранних этапов местного бронзового века. Самые ранние памятники бронзового века за Байкалом были обнаружены на возвышенном мысу р. Селенги у д. Фофаново, где оказался обширный древний могильник.

Наиболее широкие по масштабу раскопки могильника на Фофановой горе, произведенные в 1948 г., снова дали серию погребений с характерным набором изделий из кости и камня, аналогичными в основе инвентарю глазковских погребений Прибайкалья, датируемых в пределах 1700—1300 гг. до нашей эры.

Особенно интересны здесь превосходно отшлифованные топоры из зеленого саянского нефрита, у которого намеренно обломаны и вызубрены лезвия, — должно быть, с целью предотвратить возможность употребления их мертвыми во вред живым. Как и следовало ожидать, здесь оказались также арханческие медные вещи — пластинчатые ножи листовидной формы.

¹⁵ См.: А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 18, 1950, стр. 191—351.

Исключительный интерес представляет погребение младенца, при котором обнаружен медный книжал карасукского типа, один из самых примитивных и древних по своей форме образцов изделий данного рода. Вместе с книжалом найдены также два миниатюрных топорика из зеленого нефрита.

Младенец был завернут, по-видимому, в собольи пеленки и затем в бересту. Береста сохранила следы первоначальной окраски в красный цвет. Как оказалось, это был не кровавик (красная охра), употреблявшийся прежде, в каменном веке, а киноварь. Киноварь, очевидно, была доставлена издалека.

В связи с отмеченным погребением следует поставить и некоторые другие погребения Фофановского могильника, где оказалась керамика совершенно нового вида и по общей форме сосудов, и по шахматной или «ложнотекстильной» орнаментации, произведенной ударами рубчатой лопаточки. К тому же времени, около 1300—1000 гг. до нашей эры, относятся и верхний слой древнего поселения на речке Нижней Березовке, в восьми километрах к северу от Улан-Удэ вниз по р. Селенге. При раскопках части этой стоянки, произведенных в 1949 г. под руководством В. Д. Запорожевой, среди многочисленных фрагментов богато орнаментированной керамики и каменных изделий высокого нередко совершенства оказались металлические вещи (обломки ножей, полусферовидные бляшки с перекрестием). Кости домашних животных, найденные на Березовском поселении, в том числе кости лошади и быка, свидетельствуют о том, что время существования этой стоянки было отмечено не только развитием обработки металла, но и важнейшим хозяйственным переломом — возникновением скотоводства в долине р. Селенги.

Таким образом, устанавливается, что уже задолго до начала нашей эры в степях и лесостепях Забайкалья произошло важнейшее историческое событие. Скотоводы выделились из массы неолитических охотников и рыболовов тайги и тундры.

Столь раннее появление скотоводства и другие прогрессивные перемены в образе жизни, в масштабах и характере культурных связей у степных или, вернее, лесостепных племен Забайкалья удовлетворительно объясняют столь сложную, развитую культуру последующего времени, т. е. позднего бронзового века Забайкалья. К сожалению, многочисленные «плиточные могилы», гробницы бронзового века Забайкалья, были слишком заметны благодаря своим эффектным сооружениям из вертикально поставленных на ребро громадных каменных плит. Кро-

ме того, костяки лежали в них на очень незначительной глубине, не более метра или около того¹⁶. Все это привело к тому, что нам неизвестно еще ни одной плиточной могилы, которая не была бы нарушена грабителями. Но даже и то немногое, что уцелело в ограбленных или даже неоднократно грабленых плиточных могилах, дает яркую характерную картину жизни древней скотоводческой народности бронзового века. Скотоводы эти разводили уже основные виды домашних животных — лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Они в совершенстве владели техникой литейного дела, их мастера отливали превосходные бронзовые вещи, украшенные часто своеобразным изящным орнаментом. Найденные в могилах украшения из полудрагоценных камней, раковины каури, белые цилиндрические бусы из пиррофиллита указывают на дальнейшее расширение масштабов культурных связей с Минусинской котловиной, Алтаем, Средней Азией и скифскими племенами Восточной Европы. Особенно выразительны в этом отношении монументальные каменные стелы — оленные камни, получившие свое наименование от своеобразно стилизованных фигур оленей, маралов. Причудливые изображения оленей на оленных камнях Забайкалья, при всем их своеобразии, обнаруживают ближайшее родство с изображениями оленей, характерными для архангелского скифского искусства. Но тем интереснее, что изучение немногочисленных пока еще черепов из плиточных могил привело Г. Ф. Дебеда к выводу об их принадлежности не европеоидам, как думали раньше, а представителям монголоидной расы, которые имели много общего с современными бурятами и другими народами степных областей Сибири.

Следующий большой культурно-исторический этап в истории Забайкалья представлен хуннскими памятниками. Особенно богатый и выразительный материал для понимания хуннского этапа — времени, когда в степях Центральной Азии возникают классовое общество и первое государственное образование степных кочевников, — дали в 1949 г. раскопки замечательного городища вблизи устья р. Нижней Иволги. Городище по своей площади занимает сейчас 72 380 м². Первоначально же это поселение было еще больше, так как часть его уничтожена Селенгой, подмывавшей здесь свой левый берег. Оно было окружено четырьмя валами высотой до 1,5 м и четырьмя рвами. Внутри укрепления размещались десятки малых строений и два больших. Малые дома имели углубленное в землю прямоугольное

---

¹⁶ См.: Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. — *Тр. отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа*, I, 1941, стр. 273—308.

основание и обогревались очагом, дым и горячий воздух из которого шли по специальным дымоходам вдоль стен, под нарами.

Внутри и снаружи жилищ встречены ямы для хранения запасов пищи. Пищу готовили обычно рядом с домом в небольших очагах, около которых встречается много фрагментов сосудов с закопченной огнем очагов поверхностью. Внутри жилищ найдена разнообразная домашняя утварь, в том числе сосуды с отверстиями на дне для приготовления сыра, а также следы металлургического дела (шлака). Впервые найдены в хуннских памятниках бронзовые сосуды. Большие строения, очевидно, были постройками общественного назначения. Они имели вид прямоугольника размером 8×9 м, окруженного глинобитными стенами толщиной более метра, с деревянными столбами по углам и в середине стен, как в современных постройках Монголии. Большой дом имел такой же очаг, как и малые, отличаясь от очагов малых домов только своими большими размерами. Как и в малых домах, вдоль стен большого дома шли каналы, служившие дымоходами. Внутри дома оказались целые глиняные сосуды для производства сыра, хранения запасов и приготовления пищи, литая бронзовая чаша, наконечники стрел, косяные накладки на концы лука.

Находки на Иволгинском хуннском городище замечательны не только тем, что оно вообще является первым подвергнутым систематическим археологическим исследованиям хуннским поселением, но и тем, что оно дает первоклассный материал для характеристики образа жизни и культуры хуннов, а также для выяснения их взаимоотношений с северными племенами. Как видно из раскопок на Иволге, кочевники хунны имели и укрепленные поселения. Кроме мяса, молока и сыра, они питались земледельческими продуктами. Исключительный интерес для истории земледелия за Байкалом представляют найденные на Иволгинском городище зерна проса и наконечник мотыги, который датирует целую серию таких вещей из случайных находок. Этим подтверждаются сведения китайских летописей, сообщающих, что хунны сеяли просо, обрабатывая землю руками пленных китайцев.

Но поселение на Нижней Иволге, оказавшееся на таком большом расстоянии от основной области распространения хуннских памятников, известных в районе Кяхты, по Джиде и в верхнем течении Селенги, а вместе с тем являющееся самым северным, известным сейчас, собственно хуннским памятником, интересно еще и тем, что его окружает необычайно мощная си-

стема оборонительных рвов и валов. Жившие в своем городке на берегу Селенги хунны отгородились от окружающего мира четырьмя мощными валами и четырьмя рвами. Ширина этого оборонительного пояса рвов и валов достигает 26 м! Все это дает право сделать вывод, что городок на Иволге был самым северным укрепленным форпостом хуннов в Забайкалье.

Временем наибольшей территориальной экспансии хуннов были годы правления их знаменитого шаньюя Модэ. Модэ захватил власть над хуннами в 209 г. до нашей эры и настойчиво проводил агрессивную политику по отношению к соседним странам. Китайские источники отмечают завоевательные походы Модэ не только на юг, но и на север. В это время, должно быть, и возникает хуннское укрепление на самой отдаленной северной окраине их владений. Столь резко выраженная забота жителей Иволгинского городища об укреплении его от нападения врагов ясно показывает, однако, что захватчикам хуннам жилось в низовьях Селенги далеко не спокойно. Коренное население северных районов Забайкалья, несомненно, находившееся еще в условиях первобытнообщинного строя, должно было ненавидеть представителей классового общества, как захватчиков, насильников и поработителей. От этой жгучей ненависти поработанных племен Севера, очевидно, и отгородились валами и рвами хунны, засевшие в своем укрепленном городке вблизи устья Иволги. Особый интерес в связи с этим приобретает то обстоятельство, что, как показали раскопки 1949 и 1950 гг., хуннское городище на Иволге стало жертвой пожара. Форпост завоевателей был, по-видимому, разгромлен и уничтожен восставшими местными племенами и более не возобновлялся.

Богатый и яркий дополнительный материал для характеристики хуннской культуры дал обнаруженный в 1949 г. на р. Джиде замечательный могильник. В погребениях этого могильника найдены различные металлические и каменные изделия, в том числе превосходные большие кольца и другие украшения из халцедона, сотни бус из полудрагоценных камней стекла, а также целые и разбитые глиняные сосуды. <...>

Дальнейший исторический этап до сих пор почти не был представлен в археологических памятниках Забайкалья. Важное значение имеет поэтому тот факт, что впервые осуществленные в 1947—1949 гг. систематические раскопки загадочных каменных насыпей-курганов, окруженных квадратной и круглой оградой и кольцеобразными выкладками, так называемых херексуров, установили их возраст и историко-культурное значение. Они оказались памятниками последующей эпохи, времени первых

тюркских государств — орхонских тюрков, кыргызов, уйгуров. В насыпях херексуров найдены обломки литых чугунных котлов, железные изделия, в том числе пластинки от составных лат восточноазиатского типа, а также характерная керамика двух типов — грубая туземная, очень архаического облика, и более совершенная по технике изготовления, серого цвета, аналогичная «кыргызским вазам» на Енисее и сосудам из тюркских могил Северной Монголии.

Херексуры оказались, таким образом, погребениями тюркских аристократов, могилами представителей социальной верхушки селенгинских племен, с которыми вели борьбу орхонские тюрки. Были подвергнуты раскопкам также и менее значительные по размерам, бедные инвентарем, рядовые могильные памятники кочевого населения Селенгинской долины, дающие представление о жизни социальных низов тюркских и монгольских племен до возвышения монголов.

К более позднему времени относятся захоронения в расщелинах скал с характерным инвентарем конных воинов и пастухов: наконечниками стрел, луками, седлами и конской сбруей. Исследования могильных памятников и поселений, охватывающих, как показано выше, ряд тысячелетий прошлого Забайкалья, от палеолита до XV—XVII вв., дополняются изучением многочисленных наскальных изображений.

Наиболее важные результаты дало специальное изучение замечательных наскальных изображений около деревни Шишкино, где выявлены наскальные рисунки, охватывающие историю Ленского края — палеолит, бронзовый и ранний железный век, первое тысячелетие нашей эры и последующие века, вплоть до XVII—XVIII в. нашей эры.

Писаницы шишкинских скал подготовлены теперь к изданию в виде специальной монографической публикации¹⁷.

За три года полевых исследований в долинах Селенги, Джиды и Уды обнаружено также много ранее неизвестных наскальных рисунков специфического для Забайкалья типа. Рисунки эти выполнены красной охрой — кровавиком и отличаются удивительным постоянством сюжетов и стилистических признаков. На них представлены обычно одни и те же символические изображения в виде кругов или прямоугольников, т. е. своего рода оград, внутри и около которых нанесены овальные пятна, летающие птицы, кресты, сильно стилизованные звериные и че-

---

¹⁷ «Шишкинские писаницы». (Памятник древней культуры Прибайкалья). Иркутск, кн. изд-во, 1959.

ловеческие фигуры, обыкновенно стоящие в ряд и взявшиеся за руки. Самые южные из таких писаниц известны в долине Толы вблизи Улан-Батора, самые северные — ниже Улан-Удэ, в долине Селенги. Дальше на Север, на территории Прибайкалья, они совершенно неизвестны.

В 1949 г. В. Д. Запорожской посчастливилось открыть на Джиде новый тип писаниц, тоже выполненных красной краской, но в совершенно иной, реалистической манере и совершенно другого содержания. Эти джидинские писаницы изображают всадников на богато украшенных конях, слегка напоминающих по своему облику курыканские рисунки лошадей и всадников на шишкинских скалах. Еще интереснее, что на Джиде оказались настоящие отпечатки человеческих ладоней, вымазанных красной охрой. До сих пор такие изображения были известны только в палеолите Западной Европы, если не считать резных грубых изображений «руки Фатмы» на поздних мусульманских культовых рисунках в Средней Азии.

Дальнейшее детальное изучение своеобразных писаниц Забайкалья, несомненно, даст много нового и ценного для понимания самой сложной и темной области культуры древнего населения этой страны — его мировоззрения, верований и искусства.

На особое место следует поставить обнаруженные Р. Ф. Туготовым наскальные изображения в местности Бага-Зара по левому берегу Селенги против Усть-Кяхты. Рисунки в Бага-Зара не выполнены краской, а выбиты «точечной ретушью» на глыбах базальта, отшлифованных в древности ветрами и покрытых густым скальным загаром. На них представлены горные козлы, олени, символические круги в виде колеса, пересеченные двумя поперечными линиями, реже — человеческие фигуры.

По технике, стилю и содержанию багазаринские писаницы не имеют ничего общего с остальными писаницами Восточной Сибири, но зато обнаруживают ближайшее родство с широко распространенными наскальными изображениями особого рода, которые встречаются в Центральной и Средней Азии, Афганистане, Передней Азии.

Оставляя в стороне вопрос о причинах и об историческом значении общности этих наскальных изображений на таких обширных пространствах, следует лишь подчеркнуть важность открытия их на Селенге. Бага-Зара является самым северным и пока единственным пунктом распространения таких петроглифов.

Таким образом, как видно из всего сказанного выше, архео-

логия Бурят-Монголии сделала за последние годы значительные шаги вперед.

Сейчас археология Забайкалья вступила в новый этап своего развития. Перед ней открываются новые, воодушевляющие и увлекательные перспективы дальнейшего творческого роста и новых успехов, особенно в области изучения сложения бурятских племен и образования бурят-монгольского народа, а также других народностей республики.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА АНГАРЕ И ЗА БАЙКАЛОМ¹

Исследования на Ангаре и за Байкалом в 1951 г. осуществлялись ИИМК АН СССР, как и в прошлые годы, совместно с Институтом культуры Бурят-Монгольской АССР, Иркутским и Бурят-Монгольским краеведческими музеями.

Работы по изучению памятников различных эпох велись на Ангаре, в верховьях р. Лены, в Тункинской долине, в районе г. Улан-Удэ и в Мухоршибирском районе Бурят-Монгольской АССР.

Наиболее древним является палеолитическое поселение, обнаруженное в окрестностях Улан-Удэ, в 14 км к СЗ от города, вниз по левому берегу р. Селенги, у дер. Ошурково. Следы палеолитического поселения связаны с отложениями древней речной террасы, вилотную примыкающей к склону возвышенности левого берега р. Селенги. Сверху здесь залегает слой дерна, глубже — пласт лессовидного суглинка палевого цвета. Под ним лежит отчетливо выраженный темный слой древней погребенной почвы мощностью около 20—25 см, в котором встречаются отдельные древесные угольки и остатки очажков. Под погребенной почвой залегает толща слонстой супеси, в верхней части которой и располагаются находки палеолитического времени, связанные с двумя хорошо выраженными очажными пятнами и довольно крупными камнями, возможно, относившимися к древнему жилищу наземного типа.

Каменные изделия представлены большим количеством отщепов, гальками-нуклеусами, грубыми пластинами, небольшими округлыми скребками и крупными овальными скребками, изготовленными из черного кремнистого сланца, служившего в палеолите Забайкалья обычным материалом для изготовления каменных орудий. Вместе с каменными орудиями в культурном слое оказались и предметы из кости, в том числе два крупных,

¹ «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», 51. М. Изд-во АН СССР, 1953, стр. 16—22.

плоских в сечении, наконечника. У обоих вдоль лезвий сделаны желобки, предназначавшиеся для вкладных каменных лезвий.

На Ошурковской стоянке, впервые для Забайкалья в ненарушенных стратиграфических условиях, вместе с палеолитическими орудиями оказались и остатки фауны, в том числе кости благородного оленя, лошади, бизона.

В области изучения палеолитических памятников наибольший интерес представляют результаты работ на Ангаре и на Верхней Лене.

В верховьях р. Лены, в с. Верхоленске, произведены обширные по площади раскопки древнего могильника, в результате которых выяснилось, что погребения относятся к двум культурно-историческим этапам.

Первый этап представлен захоронениями в грунтовых ямах, иногда с небольшими овальными кладками из плит красного песчаника. В большинстве случаев погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, с руками вдоль тела.

Захоронения обычно одиночные, но есть и коллективные. В одном случае рядом лежали три костяка, во втором — три костяка лежали непосредственно один над другим в одной и той же могильной яме. В следующей могиле найдено четыре костяка, расположенных в том же порядке — один над другим. Обнаружено захоронение, где костяк находился в скорченном положении, вероятно, погребенный был зашит в шкуру и положен на бок.

Все костяки в этой группе могил, за исключением одного, расположены перпендикулярно к реке и ориентированы головой на северо-восток. При них найден богатый и разнообразный погребальный инвентарь: превосходно сделанные орудия труда и предметы вооружения — шлифованные тесла из кремнистого сланца и зеленого нефрита, шилья, ножи, отжимники, десятки тщательно отделанных кремневых наконечников стрел, длинные костяные наконечники копий с вкладными лезвиями из кремня и халцедона, своеобразные рыболовные крючки, затейливой формы гарпуны из рога и кости, костяные рыбки-приманки. Найдена целая серия небольших глиняных сосудов с ушками для подвешивания. Обнаружены нагрудные и налобные украшения в виде бус из раковин и расщепленных кабаньих клыков. Предметы искусства представлены реалистически выполненными костяными фигурками рыб и двумя каменными изображениями рыб. Первое принадлежит к числу двухголовых «янусовидных» фигур, известных в неолите Прибайкалья; второе реалистически точно передает облик рыбы, похожей на сига. У рыбы

скульптурно оформлены плавники, жаберные дуги и хвост и весьма тщательно, тонкими резными линиями передана чешуя.

По форме каменных орудий и типам сосудов группа погребений Верхоленского могильника занимает промежуточное место между исаковскими погребениями и серовскими, являясь, таким образом, звеном, соединяющим эти два этапа неолитической эпохи Прибайкалья.

Поэтому новые неолитические находки на Верхней Лене очень важны для изучения древней истории Прибайкалья, так как до сих пор не было прямых указаний на наличие в долине р. Лены памятников исаковского типа или непосредственно связанных с ними. Наиболее ярким примером является погребение № 30 из раскопок в Верхоленске: при детском костяке оказались типично исаковские по форме и технике шлифованные тесла из кремнистого сланца, сопровождавшиеся архаичными по типу наконечниками стрел из кремня, глиняным сосудом и другими предметами.

Не меньший интерес представляет тот факт, что среди тесел Верхоленского могильника встречены тесла специфического типа, с отчетливо выделенными уступами (не цапфами и не ушками!) на обушке с передней и задней стороны. До сих пор такие тесла встречались только далеко на север от Верхоленска и Качуга, в районе Вилюя и у Якутска, в неолитических материалах Средней Лены. Наличие их в инвентаре весьма ранних, по байкальским масштабам, погребений в верховьях р. Лены впервые определенно указывает на древнейшие культурные связи населения Верхней Лены и Якутии. Вместе с тем эти новые находки окончательно подтверждают, что неолитическая культура Якутии действительно относится к очень древнему периоду и что прежние представления о позднем времени развития всех неолитических культур этой территории не соответствуют действительности, противоречат фактам.

Второй комплекс погребений Верхоленского могильника относится к глазковскому времени. Он отличается от более раннего прежде всего ориентировкой погребений параллельно берегу р. Лены, т. е. перпендикулярно длинной оси могил раннесеровских захоронений. Костяки лежали на спине, в вытянутом положении, под кладками из плит песчаника. Кладки в большинстве случаев удлиненные, лодкообразной формы (в виде челна). Среди глазковского комплекса захоронений замечен отдельный, строго выдержанный ряд из шести могил, отделенных одна от другой небольшими интервалами и расположенных по прямой линии, начиная от края берега и далес в глубь террасы.

В этих могилах обнаружены типично глазковские наконечники стрел из кости и камня, перламутровые бусины — кружочки, кружки из полупрозрачного белого камня и из зеленого нефрита, первоначально нашитые на одежду типа тунгусского «фрака».

В одном из погребений, каменная кладка которого отчасти перекрывала более древнее, раннесеровское захоронение, костяк сопровождался беспорядочно рассеянными в области грудной клетки костяными наконечниками стрел. Один из наконечников торчал в тазовой кости скелета. Он пробил ее с такой силой, что вошел в глубь кости на $\frac{2}{3}$ своей длины. Необходимо особо отметить находку своеобразного стилизованного изображения двух человечков с острыми головами и миниатюрными узкими глазками. Это, по-видимому, изображение близнецов или, что может быть более интересно, духов-покровителей семьи — мужа и жены.

Исследования погребений, давших обширный яркий материал для понимания своеобразной культуры прибайкальского неолита и раннего бронзового века, были существенно дополнены раскопками древних поселений в долине Ангары, между истоками р. Ангары и г. Иркутском.

Экспедицией произведены раскопки в трех местах: на Рогатке у с. Лиственичного, вблизи дер. Патроны и на о. Сосновом, в 8 км от Байкала.

Раскопки подтвердили правильность выделения на основании материалов из погребений нескольких культурно-исторических этапов в неолите Прибайкалья и дали новые разнообразные сведения для восстановления картины жизни неолитических обитателей долины Ангары.

На Рогатке обнаружен комплекс находок, совпадающих с инвентарем погребений серовского типа — керамика, шлифованные тесла, топоры с ушками, каменные стержни для рыболовных крючков, превосходно ретушированный листовидный клинок мужского ножа или наконечника копья и другие изделия. Особенности некоторых фрагментов глиняных сосудов позволяют сблизить этот комплекс находок с определенной группой серовских погребений (Усть-Долгая, 3). Поселение существовало, следовательно, сравнительно короткое время.

Раскопки близ дер. Патроны выявили почти несмешанный культурный слой, относящийся к китойскому времени. Найдены куски зеленого нефрита с желобками распила, показывающие, что здесь производилась обработка нефрита. Встречены характерные для китойского времени изделия из мыльного камня (жировика, агальматолита). Из жировика сделано уникальное

изделие в виде небольшой подвески или грузика, являвшееся приманкой для рыбы.

Такие приманки, широко применявшиеся древними алгонкинами в Северной Америке, в Сибири еще не встречались. Весьма интересна схематично выполненная ретушью в типично китайской манере фигурка животного из тонкой плитки аргиллита. При всей своей схематичности фигурка достаточно живо передает общие очертания кабана, клыки которого, как известно, служили излюбленным украшением китайского времени в Прибайкалье.

Находки, относящиеся к глазковскому времени, обнаружены на стоянке вблизи Большой Разводной; среди них оказался небольшой медный или бронзовый нож глазковского типа, показывающий, что металл, во всяком случае в конце глазковского времени, не был очень уж редким материалом для жителей Приангарья.

Раскопками на о. Сосновом вскрыт неожиданный по сложности пласт культурных отложений. По данным первых разведок 1927—1929 гг., на острове предполагалось существование остатков поселений бронзового и раннего железного веков, однако, здесь оказались также и более древние культурные слои — каменного века и глазковского времени.

В самом низу, в слое гальки с примесью бурого суглинки, встречались каменные наконечники стрел, пластины, отщепы, топоры с ушками и арханчская керамика с оттисками сетки-плетенки. Тут же обнаружен типично китайский каменный стержень для рыболовного крючка и плитка-палетка для растирания краски, аналогичная найденным Н. И. Витковским в погребениях у устья р. Китоя.

Выше прослежены находки, датируемые глазковским временем, в том числе характерная керамика с богатым желобчатостамповым орнаментом.

Над глазковским слоем залегает слой, относящийся к бронзовому веку. В нем встречены очаги из камней, большие рыболовные грузила, фрагменты бронзовых ножей, а также многочисленные обломки глиняных сосудов. Судя по ним, древние обитатели употребляли два вида глиняных сосудов: 1) арханчской формы, круглодонные; 2) с коническим поддоном, аналогичные по форме степным бронзовым сосудам «скифского типа».

Таким образом, находки на о. Сосновом впервые дают представление о бытовом укладе и культуре населения Прибайкалья в эпоху развитой бронзовой культуры, в I тысячелетии до н. э.; в частности, эти находки свидетельствуют о достаточно тесных взаимоотношениях лесных жителей Прибайкалья с соседними

степными племенами, строителями плиточных могил, жившими на противоположной стороне Байкала, к югу от Кабанска, вверх по р. Селенге.

Не менее важны находки, датируемые ранним железным веком, показывающие, что около начала н. э. на ангарских островах жили плавильщики железа, кузнецы, гончары, выделявавшие оригинальную керамику.

Их сосуды, покрытые тонким резным узором, напоминающим ветви и свисающие с них листья, имели узкое дно, нередко как бы образованное из примятого круглого днища.

Верхний слой культурных отложений на о. Сосновом содержит толстостенные черепки сосудов курыканского времени, с характерным грубым узором.

Следует отметить, что на донышке такого же в точности сосуда, найденного П. П. Хороших в одной из байкальских бухт, близости от с. Лиственичного, незадолго до наших раскопок на о. Сосновом, была замечена отчетливо выцарапанная древнетюркская руническая надпись. Находки на о. Сосновом, указывающие на генетическую связь культуры раннего железного века с курыканской, снова выдвигают большой и сложный вопрос о происхождении курыканов, их связи с якутами, бурятами, а также с древнейшими племенами раннего железного, может быть, и бронзового века.

Не исключено, что последние были родственны енисейским «палеоазнатам»: аринам, ассанам, коттам и кетам, зиниравшим, судя по данным топонимики, еще в сравнительно недавнее время территорию до устья р. Оки (притока Ангары).

Затем они, очевидно, подверглись воздействию тюркских племен, были ассимилированы ими и, утратив свой язык, стали пользоваться тюркской рунической письменностью и речью.

Дальнейшие исследования на Ангаре должны, несомненно, принести немало важных фактов для освещения этой интересной проблемы и многих других, связанных с археологическими памятниками Приангарья.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ Р. УДЫ ЛЕТОМ 1958 г.¹

(Предварительное сообщение)

В 1958 г. особый отряд Бурятской археологической экспедиции Института культуры осуществил разведочные археологические исследования по маршруту между г. Читой и г. Улан-Удэ.

В работах отряда принимали участие: А. П. Окладников, Н. Н. Забелина, В. Е. Ларичев, М. И. Рижский.

Проехать от Читы до Улан-Удэ и ознакомиться с археологическими памятниками этой части Забайкалья было моей старой мечтой. Правда, долина р. Уды не раз посещалась археологами. Здесь, особенно в Хоринском аймаке, бывал в 20-х годах Г. Ф. Дебец, которому принадлежит специальная статья о следах доисторического человека в долине р. Уды.

Позже в районе Хоринска работал Э. Р. Рыгдылон. Работали здесь и отряды Бурят-Монгольской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Института культуры БМАССР. Известно было, что в долине р. Уды, часто встречаются плиточные могилы, есть неолитические поселения, на которых, по словам Г. Ф. Дебца, встречаются «микролитические» по размерам каменные изделия. В долине Уды отмечались и наскальные рисунки. Но при всем том ясно было, что здесь археолога ожидает еще много интересного. Большой интерес представляла и та часть Забайкалья, которая находится между г. Читой и Сосново-Озерском; здесь еще не было систематических археологических исследований.

Работа 1958 г. подтвердила ожидания. Первым местом, где были осуществлены археологические наблюдения, была окрест-

---

¹ «Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, XXV. Улан-Удэ, 1958, стр. 204—207.

ность старого русского поселения на оз. Иргень, где когда-то стоял иргеньский монастырь. Отсюда были доставлены М. И. Рижским многочисленные предметы из камня, а также керамика. Как оказалось, в месте находок вдоль озера Иргень, неподалеку от р. Иргень и параллельно ей простирается останец древней террасы, сложенной песками и покрытой сверху нетолстым слоем черноземовидной супеси. Со стороны озера прослеживаются следы береговых валов, сложенных мелким галечником и дресвой. В разведанных котлованах и на распаханых участках террасы на большом протяжении в ряде мест встречаются отщепы, каменные изделия, а также керамика. Находки эти будут описаны особо, в отдельной статье. Здесь же следует сказать, что неолитические находки на оз. Иргень представляют собой очень хороший комплекс, характерный для всего района больших озер района Читы; можно сказать, что это — озерный неолит Забайкалья. Тем интереснее, что в них обнаруживаются черты, сближающие их с неолитом Якутии. Так, например, здесь имеется керамика с оттисками шерсти. В Якутии такая керамика обычна. Сходны и некоторые виды каменных орудий, в том числе — скребков. Отдельно следует отметить наличие в находках на Иргени «даурского» наконечника стрелы иволистных очертаний. Это — чисто забайкальский вид наконечников стрел.

Такой же озерный характер по своему распространению имеют и другие неолитические памятники, на этот раз найденные вдоль пути от Читы к д. Романовке на Витиме и далее на запад, по направлению к Сосново-Озерскому. Исключение составляет одно поселение, найденное на высокой террасе перед д. Романовкой.

В долине р. Уды наибольший интерес из находок 1958 г. представляет многослойное поселение на правом берегу р. Уды против с. Санный мыс, на горе, которая носит бурятское название Тапхар. Гора эта выходит к р. Уде невысоким скалистым мысом, вдоль которого расположены разрушающиеся и обваливающиеся в реку плиточные могилы и фигурные могилы огромных размеров. При расчистке края одной такой фигурной могилы под большими глыбами камня оказался поперек ее костяк без черепа, ориентированный головой на запад. Вещей при нем не оказалось. Но среди камней обнаружены обломки глиняного сосуда, покрытого снаружи ложно-текстильной шахматной или шашечной орнаментацией. Судя по этому, могила относится к весьма раннему времени и должна быть значительно старше соседних плиточных могил, огражденных вертикальными плитами.

Многослойное поселение, о котором сказано выше, связано с более высокой террасой, остаток которой сохранился рядом с этой, более низкой, террасой и примыкает к горе.

Первые находки встречены были у самой скалы. Они связаны были с гумусированной супесью, которая налегает на глыбы развалившейся скалы. Это — неолитические по облику отщепы из халцедона, трубчатые кости животных, раздробленные на мелкие осколки, один тщательно оформленный плоской ретушью клинок ножа или наконечник из кремнистой породы красноватобурого цвета. Находки такого рода следует отнести к неолитическому времени.

Глубже ясно прослеживается толща желтой супеси, по-видимому эолового происхождения, мощностью около одного метра. В толще этой находятся крупные глыбы гранита. С ней связаны, по-видимому, отдельные кости животных, в том числе зуб дикой лошади, каменные изделия. Среди этих каменных изделий есть скребла позднепалеолитического сибирского типа, с выпуклым широким лезвием.

Глубже прослеживается слой разрушенного гранита в виде отдельных камней, рассыпающихся на мелкие кусочки, щебенки и розовато-пепельного цвета песка. Этому слою соответствует тонкая прослойка черного цвета, содержащая кости животных, в том числе зубы носорога и каменные изделия: отщепы, пластины, скребки — второй снизу культурный слой палеолитического времени. Глубже прослеживается слой слоистой супеси желтого цвета, явно аллювиальный по ее происхождению. Слоистость в нем горизонтальная, спокойная. В слое аллювиальной супеси внизу имеются глыбы гранита, но иной сохранности по сравнению с камнями из верхнего слоя. Они окатаны и отшлифованы песком речного русла. На уровне этих камней снова встречены отдельные кости ископаемых животных и каменные изделия палеолитического времени, в том числе мелкие и правильные по форме ножевидные пластинки.

Описанное чередование слоев в разрезе Санного Мыса можно ориентировочно объяснить так:

1. Верхний слой неолитический и эпохи бронзы связаны с относительно влажным и теплым временем, когда усиленно накоплялся гумус, т. е. была хорошая растительность.

2. В сухое время, когда накоплялся эоловый песок, происходило усиленное развевание песчаных толщ.

В это время жил позднепалеолитический человек, выделявавший крупные скребла, характерные для позднего палеолита Сибири; в фауне этого времени есть лошадь.

3. Время, когда происходило усиленное выветривание гранита. Климат был, видимо, резко континентальный, морозный. В фауне отмечается носорог и слон (зуб, найденный в русле реки у подножия террасы). Обитает человек второго снизу палеолитического слоя.

4. Время, когда завершалось накопление аллювия древней террасы, с которой связаны эти остатки. Замечательно, что древние люди этого весьма раннего времени (первый снизу культурный горизонт) выделяли тонкие узкие пластины.

Таким образом, работами 1958 г. на р. Уде открыт второй после Ошурковского поселения в Забайкалье многослойный памятник палеолита с фаунистическими остатками. Поселение это замечательно тем, что для его нижних слоев характерна более древняя, по сравнению с Ошурковской, фауна: слон (может быть, слон-номадикус?) и носорог. Это, следовательно, самые древние из поддающихся датировке палеолитических памятников к востоку от Байкала.

Совершенно очевидно, что вновь открытое мною на р. Уде поселение заслуживает тщательного изучения с участием специалистов-геологов.

Кроме того, на р. Уде в 1958 г. обнаружены были в ряде пунктов своеобразные поселения, для которых характерны каменные изделия (преимущественно отщепы), а также очажки в виде скоплений обожженных булыжников, связанных с небольшими углублениями. Находки эти, на первый взгляд, производят впечатление неолитических. Но при разборке углистой земистой массы, заполнявшей один из очажков, в ней оказался небольшой кусочек бронзового предмета. Отсюда следует важный вывод, что в долине существовала неизвестная нам прежде культура начальной поры бронзового века, которую по времени и общему облику культуры можно ориентировочно сблизить с глазковской культурой Прибайкалья.

В ряде мест были изучены, описаны, скалькированы и сфотографированы также наскальные рисунки. Наиболее интересные из них оказались в глухой таежной долине на р. Шара-Тала. Рисунки со скалы Шара-Тала отличаются от обычных степных писаниц и, нужно думать, связаны были с другой этнической группой и с другими куктами.

Таковы, в общем, результаты работ Бурятской археологической экспедиции в 1958 г. на р. Уде. Они внесли, как показано выше, ряд новых неожиданных данных в археологию Бурятии и наглядно показали необходимость дальнейшего детального изучения этого района в археологическом отношении.

Р а з д е л IV

БРОНЗОВЫЙ И ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕКА В БУРЯТИИ

ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ С РЕКИ ИВОЛГИ¹

Во времена Геродота перед обитателями греческих городов на юге России простиралась необозримая страна, заселенная разноразличными племенами. За хорошо известными грекам соседними областями скифов лежали менее известные, а еще далее на север и восток от Черного моря — степные просторы, сведения о населении которых расплывались в тумане мифологических представлений и легенд.

Археологические исследования, развернутые в отдаленных степных районах Азиатской части Советского Союза, в том числе к востоку от Байкала, показали, что область распространения культуры, очень сходной по внешности со скифской, но принадлежавшей совсем другим по их этническому составу племенам, охватывала в первом тысячелетии до нашей эры и эти пространства.

Как оказалось, на степных пространствах от Байкала вплоть до реки Желтой находился целый мир степных скотоводов, образ жизни и культура которых в ряде характерных специфических деталей близко напоминали быт и культуру скифов Причерноморья.

Среди вещественных памятников, оставленных этими древними скотоводческими племенами в степях Внутренней Азии, особое место принадлежит оригинальным каменным изваяниям — оленным камням, издавна привлекавшим внимание исследователей своими монументальными размерами и оригинальными изображениями. Одному из таких изваяний и посвящена настоящая статья. Оно, как мы увидим, вполне заслуживает такого внимания, потому что позволяет раскрыть ряд любопытных черт самобытной культуры и своеобразного исторического пути, пройденного племенами бронзового века Забайкалья, строителями «плиточных могил» и современниками причерноморских скифов.

---

¹ «Советская археология», т. 19. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 207—220 с илл.

Почти сто лет назад известный исследователь древностей Забайкалья Д. П. Давыдов², член-сотрудник сибирского отдела Русского географического общества, обнаружил вблизи города Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ, столица Бурят-Монгольской АССР) замечательный памятник далекого прошлого Забайкальских степей.

Это была большая каменная плита, находившаяся между Иволгинской и Ключевской станциями по тракту из Верхнеудинска в Селенгинск, в 22 верстах к югу от Верхнеудинска³.

16 июня 1856 г. Д. П. Давыдов совершил специальную поездку к тому месту, где им была найдена эта плита, вместе с художником Сибирского отдела РГО Смирновым, который, должно быть, и зарисовал ее на месте. В пояснении к рисунку Смирнова Д. Давыдов сообщал, что «начертания на этой плите, сходные с теми, которые осмотрены мною на Санном мысе (о чем замечено ниже), и еще более то обстоятельство, что они нарезаны не только по обоим широким плоскостям, но и по самым ребрам, заставляет думать, что плита была предназначена к поставке на узкий нижний конец (подобно тому, что это сделано на Санном мысе), но почему-то работа не была исполнена, ибо нет вблизи никаких признаков необходимого для того укрепления»⁴.

Не ограничиваясь осмотром и зарисовкой плиты, Давыдов решил произвести на месте, где она лежала, раскопку: «Мы опрокинули плиту с большими усилиями. В углублении под нею разобран щебень и на пол-аршина от поверхности земли найден лошадиный остов без головы, вместо которой оставлено лишь несколько задних зубов. Никаких признаков сбрун здесь не найдено. Под остовом продолжали разрывать землю, чтобы удостовериться, нет ли чего ниже, и кончили работать когда

² Дмитрий Павлович Давыдов, сибиряк родом, был учителем в Якутске, Троицкосавске и Верхнеудинске. Известен своими метеорологическими и геотермическими исследованиями в Якутске, результаты которых были опубликованы А. Ф. Миддендорфом, а также этнографическими и археологическими работами. Ему принадлежит поэма «Волшебная скамеечка», сюжет которой навеян бурятским фольклором. См.: «Сибирская советская энциклопедия», т. 1, стр. 765; Ф. А. Кудрявцев. Забытый сибирский поэт Д. Давыдов.— «Сиб. лит. краевед. сб.». Иркутск, 1928; Я. Н. Ходукин. Верхнеудинский смотритель училищ Д. П. Давыдов как работник по ученой части.— «Сибирская летопись», 1917, № 1—2, стр. 35—38.

³ Д. Давыдов. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Верхнеудинского округа Забайкальской области.— «Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва», 1856, кн. 2, отд. 1, стр. 89—101.

⁴ Д. Давыдов. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Верхнеудинского округа Забайкальской области, стр. 89—101.

было слишком ясно, что далее почва не тронута. Можно думать, что остов лошади был основанием предполагавшегося к постройке маяка, почему-то неотделанного, тем более что самая засыпка остова как бы не окончена. Тут, вероятно, хотели поставить так наз. писаную плиту»⁵.

О дальнейшей судьбе плиты Давыдов ничего не сообщает. Однако в литературе имеются определенные указания на факт перевозки ее в Иркутск, где она была сдана в Иркутский музей, принадлежавший местному отделу РГО⁶.

Приложенный к статье Давыдова в «Записках» Сибирского отдела РГО рисунок верхнеудинской плиты, очевидно, и есть тот самый, который сделал на месте Смирнов в 1856 г. Несмотря на всю схематичность и условность, рисунок Смирнова не оставляет сомнения в том, что обнаруженная Давыдовым вблизи Иволги плита была настоящим «оленным камнем», и при этом тем самым, который действительно находится сейчас в садики Иркутского музея.

Кроме того, Д. Давыдов обнаружил и впервые описал еще один аналогичный по орнаментации камень, на этот раз в долине р. Уды, на Санном мысу. Ему, бесспорно, принадлежит, таким образом, честь открытия и первого научного описания оленных камней Забайкалья. Ему же, по-видимому, принадлежит и заслуга спасения для науки Иволгинского камня.

Доставленная в Иркутск плита с изображениями была затем издана вновь в 1912 г. Г. Аппельгреном-Кивало, который писал, что во дворе Иркутского музея стоит каменный столб, на котором изображено четыре благородных оленя, выполненных в иной технике и в другой стилистической манере, чем изданные в «Inscriptions de J'enissei» фигуры оленей с камня из Уюк-Аршана и с писаных скал в Сулеке. В то время как олени из Уюк-Аршана и из Сулека выбиты ямками и имеют более или менее реалистический характер, писал Аппельгрен-Кивало, фигуры оленей с камня из Иркутского музея гладкие и имеют сильно стилизованный облик: морды их чрезмерно длинные и узкие, ноги слишком коротки, а рога напоминают орнамент. Сближая иркутский камень с аналогичными памятниками из северо-западной Монголии, опубликованными Гранэ, Аппельгрен-Кивало видел в их стилистических особенностях влияние китайского «*Wolkenbandmotiv*» ханьского времени. Там же, в

---

⁵ Д. Давыдов. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Верхнеудинского округа Забайкальской области, стр. 89—101.

⁶ См.: А. К. Кузнецов. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г.— «Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО», т. XXIV. Иркутск, 1893, № 2, стр. 12.

китайских надгробных рельефах ханьского времени, он находил аналогию по техническому выполнению иркутскому камню, полагая, что развитая стилизация дает право датировать его примерно первыми веками нашей эры⁷.

Зарисовка (все же не точная) иркутского камня, изданная Appelgren-Kivalo, и все его соображения о стиле и возрасте этого памятника, не выдерживают критики в свете современного научного знания. Обратимся к самому оригиналу, который вполне заслуживает специальной публикации не только потому, что является, как сказано выше, одним из наиболее интересных памятников данного рода, но еще и потому, что ни один из оленных камней до сих пор не был издан и описан полностью. Нет также и соответствующей современным требованиям общей сводки, хотя оленные камни вполне ее заслуживают⁸.

Иволгинская плита, как лучше называть ее по первоначальному местонахождению, имеет в длину около 3,5 м. Из них на орнаментированную надземную ее часть приходится 2,9 м. Ширина ее равна в среднем 90 см, толщина — 19—20 см. Изготовлена она из одного куска мелкозернистого розового забайкальского гранита, а не из песчаника, как полагал Давыдов. Гранит этот очень тверд и прочен, что потребовало, несомненно, больших и длительных усилий для его обработки, но вместе с тем обеспечило редкую сохранность высеченного из него памятника. Имеющиеся на нем углубленные рисунки настолько отчетливы и ясны, что только единообразный цвет всей поверхности камня и степень ее выветренности говорят о глубоком возрасте этого памятника.

По своей форме камень представляет собою массивную плиту с характерно скошенной наискось, к одному краю вершиной. Благодаря этому он слегка напоминает саблю или даже грубо стилизованную плоскую фигуру гигантской рыбы. Сходство с рыбой, кстати, увеличивается наличием в самом углу вершины камня, с одной стороны его, большого высеченного круга, напоминающего глаз, а с другой стороны — широкой дуги, напоминающей жабры. Но такое сходство может быть случайным.

⁷ H. Appelgren-Kivalo. Vogelkopf und Hirsch als Ornamentismotive in der Vorzeit Sibiriens.—«Finnisch-ugrische Forschungen», т. XII, 1912. Appelgren-Kivalo опубликовал рисунок только одной, лицевой, стороны камня. Еще раз этот рисунок был повторен А. М. Тальгреном в его обзорной статье в наскальных изображениях Северной Азии (А. М. Tallgren. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures. ESA, VIII, 1933, стр. 191, рис. 24—27 (Тальгрен вслед за Appelgrenом ошибочно относит оленные камни к эпохе переселения народов (там же, стр. 194).

⁸ Составление подобной сводки для оленных камней потребует больших усилий, что объясняется их распространением в обширных степных пространствах.

Обе широкие плоскости Иволгинской каменной стелы, а также оба ее боковых ребра почти сплошь покрыты тщательно выбитыми, углубленными изображениями со сглаженной, лишь слегка шероховатой поверхностью, отчетливо выделяющимися на ровном возвышенном фоне камня. Глубина высекания на всех изображениях почти совершенно одинакова; она равна примерно 0,4—0,3 см. Техника высекания слегка напоминает тонкую точечную ретушь неолитического времени и, может быть, выполнена тем же способом.

Тщательность работы, уверенность рисунка и совершенство форм изображений ставят Иволгинскую стелу в ряд лучших художественных произведений среди археологических памятников Забайкалья.

На передней стороне плиты изображены три большие фигуры оленей, симметрично расположенные одна над другой в одинаковых позах (рис. 1 а). Все эти три фигуры располагаются

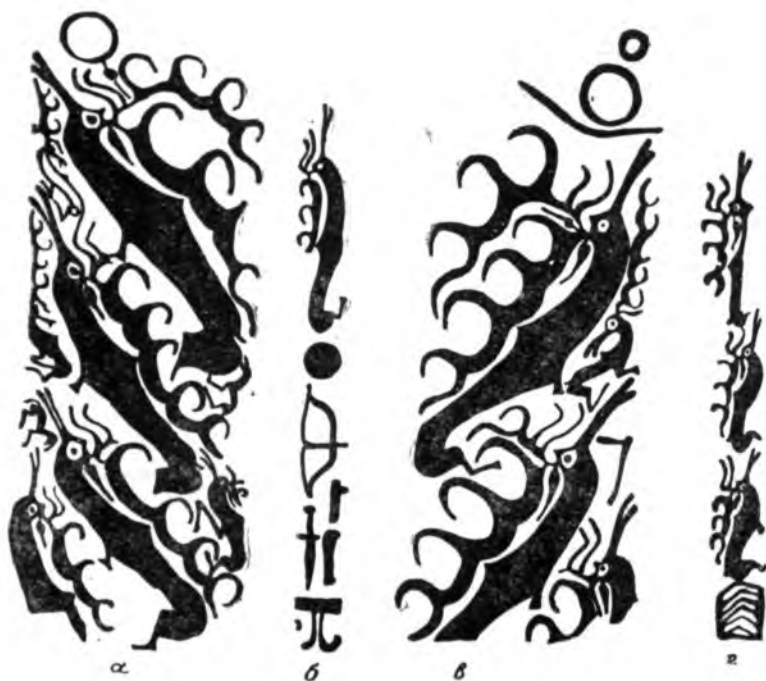

Рис. 1. Изображения на Иволгинском камне (а — передняя сторона плиты, б — правый бок плиты, в — задняя сторона плиты, г — левый бок плиты).

наискось поперек камня с вытянутой вверх головой и, соответственно, опущенной вниз нижней частью, как бы в позе полета. Трактованы они в общем тоже совершенно одинаково, хотя и отличаются друг от друга некоторыми незначительными деталями.

Самая крупная из трех фигур помещается в верхней части плиты. Олень изображен здесь в профиль, в своеобразной, стилизованной форме. У него длинное узкое туловище и такая же длинная, вытянутая вперед, плавно изогнутая шея. Она отделена от туловища оленя острым треугольным выступом на спине, условно изображающим характерный горб над лопатками. Зад животного округлый, из него торчит короткий типично олений хвостик.

На голове животного особенно резко и отчетливо выделяется непропорционально большой глаз, изображенный в виде миндалевидного углубления, окаймленного таким же миндалевидным валиком. Морда зверя поражает странной стилизацией. Чрезмерно узкая и длинная, раздвоенная почти во всю свою длину, она напоминает клюв какой-то фантастической птицы.

Зато рога у зверя — характерные олени, ветвистые и пышные. Их изображено на этой фигуре два, они как бы развернуты на плоскости камня рядом друг с другом. Один рог, круто поднимающийся над головой и телом животного, унизан сверху изящными завитками. Второй рог расположен под первым и доходит до конца спины. Острому выступу на спине животного соответствует изгиб рога, подчеркивающего очертания тела оленя. У первого, верхнего, рога впереди выступают два дугообразно изогнутых тонких отростка, больше всего напоминающих аналогичные отростки на рогах северного оленя (*Rangifer tarandus* L.). Под нижним рогом видно ухо животного, узкое и длинное, напоминающее по форме ивовый лист.

Внизу у фигуры имеются два выступа, условно изображающие ноги. Передний выступ почти треугольный, обращенный прямо срезанным широким основанием вниз. Сзади довольно реалистично изображены сильно выпуклое бедро и тонкая нога, слегка закинута назад.

Наиболее резкой отличительной особенностью этого изображения оленя является одна его деталь: у основания верхнего рога в передней его части выступает наклонно вверх узкий, расширенный в средней части стержень, заканчивающийся правильным, глубоко выбитым в камне контурным (желобчатым) кругом.

Второй олень, находящийся под первым, имеет только один рог; точно так же ветвистый, с пятью округлыми завитками.

Третий олень во всем повторяет второго, с той разницей, что задняя нога у него показана почти полностью.

Слева, в самом низу, под третьим оленем изображен еще один, четвертый, неполная фигура которого заканчивается на уровне плеча. У него имеется один волнисто изогнутый рог с завитками. Незаконченность этой фигуры объясняется, несомненно, тем, что она была предназначена заполнить оставшееся внизу свободным пространство.

Справа, на небольшом пространстве, также размещена фигура оленя, на этот раз с очень тщательно оформленными длинными, характерно подогнутыми ногами, напоминающими ноги известных «лежачих» скифских и скифско-сибирских оленей. Туловище оленя длинное, выгнутое кверху, с острым горбом над лопатками. Морда оленя трактована так же, как на больших фигурах; рога сделаны не полностью, так как для них не хватило места (они пришлись на самом краю плиты).

Слева и справа над каждой из этих дополнительных оленьих фигур по краям плиты помещено по одной небольшой фигуре животного, на этот раз уже не оленей, а стилизованных лошадок. Фигуры их тоже даны со свособразно подогнутыми ногами.

У обеих фигур изображены поднятые вверх дугообразные шеи и длинные, неуклюжие головы, раздвоенные на конце, подобно оленьим, но не узкие, а широкие. У одной фигурки хвост короткий, у другой длинный. В обоих случаях особо выделены выпуклые округлые бедра задних ног. Одна лошадка при этом обращена головой вверх, у второй (соответственно наличному пространству) голова опущена вниз.

Над последней фигурой с левой стороны плиты высечен пятый олень небольшого размера. В соответствии с наличным пространством животное изображено в необычной позе. Туловище его приподнято наискось вверх, ноги круто подогнуты и как бы вложены одна в другую. Голова обращена назад, потому что другого места для нее не осталось. Рога не закинута, как положено, на спину, а поднимаются по прямой линии вверх, причем их завитки тоже торчат кверху.

Почти в такой же позе изображена и шестая фигура оленя небольшого размера, расположенная слева на самом краю плиты между верхним и средним большими оленями. В отличие от всех остальных она не выбита сплошь, а сделана контурной желобчатой полосой. Ноги животного согнуты под прямым углом и направлены вперед, голова обращена назад, морда длинная, раздвоенная на конце. На голове отчетливо виден круглый глаз.

Рога оленя пышные, поднимаются кверху вдоль самого края плиты. Весь этот рисунок, несмотря на небольшие размеры, отличается от всех остальных до некоторой степени реалистичностью, — он не так резко стилизован. Эта его особенность наиболее четко видна в трактовке головы, более пропорционально очерченной, отчасти напоминающей реалистические скульптуры и рисунки неолитического времени.

На противоположной широкой плоскости плиты (см. рис. 1 в) в той же технике и манере изображены две большие фигуры оленей, еще более крупные, чем описанные выше, занимающие в целом столько же места, сколько занимают три фигуры на передней стороне плиты. Вверху изображен такой же олень с двумя ветвистыми и волнообразно изогнутыми рогами, как и верхний на передней стороне. Он отличается от последнего только более пышными рогами и отсутствием выступа с кругом в их основании, а также наличием второго уха, расположенного в промежутке между двумя рогами.

Детальнее оформлена здесь и задняя нога оленя, тогда как передняя стилизована в виде короткого выступа — трапеции. У нижней большой фигуры оленя здесь изображен только один рог, но зато вместо двух кривых острых выступов спереди изображен второй небольшой верхний рог с четырьмя выступами, для которого не хватило места под верхней фигурой. Нижняя часть туловища данной фигуры срезана, так как в этом месте начинается основание плиты, уходящее в землю, а потому и оставленное без изображений.

Справа, внизу, у края плиты имеется передняя часть фигуры оленя. Нижняя часть отсутствует по той же причине, как и соответственная часть большой нижней фигуры оленя.

Непосредственно над ней помещается изображение предмета в виде длинной, слегка искривленной рукоятки, из которой перпендикулярно выступает что-то вроде длинного клинка кельта или боевого топора. Клинком это изделие обращено к морде большого нижнего оленя. Вдоль шеи верхнего большого оленя размещена четвертая фигура оленя. Поза этого оленя в точности повторяет позу двух описанных выше аналогичных фигур, расположенных в левой части вдоль края противоположной широкой стороны плиты с тем различием, что этот рисунок выполнен более детально и крупнее.

Туловище животного изображено поднятым наискось вверх, голова повернута назад, морда раздвоена, как бы расщеплена почти во всю длину пополам. Задняя нога изогнута дважды — сначала в бедре, затем в колене; передняя согнута наружу. Над

головой оленя поднимается вверх длинный волнистый рог с отходящими от него пятью округлыми завитками.

В самом верху высечены глубоким и широким желобком два круга, малый сверху и большой внизу, окаймленные снизу такой же желобчатой линией в виде широкой дуги, похожей, как уже говорилось выше, на стилизованное изображение жаберной щели рыбы. Изображения на боковых гранях плиты, о которых упоминал в свое время Д. Давыдов, сохранились столь же отчетливо, как и все остальные. Они располагаются двумя узкими длинными полосами снизу вверх, от подножья до вершины камня. Вдоль короткой, т. е. правой грани плиты (если считать лицевой стороной ту ее плоскость, на которой изображены три большие фигуры оленя), размещены три оленя и пятиугольная фигура (рис. 1 г). Внутри пространство этой фигуры заполнено поперечными линиями в виде углов, повторяющих острый выступ наверху.

Все три оленя этой боковой грани Иволгинской плиты изображены одинаково. Фигуры их поставлены вертикально, одна над другой. Трактовка их в основном такая же, как на оленьих фигурах с широкими плоскостями плиты. У всех узкое изогнутое туловище с подчеркнутым выступом над лопатками, птицеобразная морда и рога с завитками, далеко закинутые над спиной животного. Самая верхняя фигура не вошла полностью на плоскость ребра; мастер не рассчитал размеров рисунка и слишком широко распределил рога. Поэтому он не смог изобразить ноги и всю нижнюю половину туловища оленя; точно так же не удалось ему изобразить и переднюю ногу среднего оленя, потому что в этом месте крутой выгиб шеи животного пришелся на краю ребра плиты.

На противоположной узкой грани плиты (рис. 1 б), в самом низу ее, изображен предмет в виде широкой поперечной полосы, от которой спускаются к полу два крючкообразных выступа.

Над этим предметом слева изображен кинжал с характерными выступами в виде шипов у эфеса и наверху в виде асимметричного округлого выступа.

Рядом с кинжалом виден предмет в виде вертикальной полосы, расширенной сверху и суженной внизу, но заканчивающейся небольшим расширением справа.

Еще выше, справа от рукоятки кинжала, изображен предмет, напоминающий топор с массивной рукоятью и коротким клинком, торчащим из рукоятки в виде выступа с округлым концом. Над кинжалом и «топором» имеется изображение лука со стрелой (рис. 2), а над ним — сплошь выдолбленный внутри диск правильной круглой формы.

Рис. 2. Предметы вооружения на Иволгинском камне.

Диск, очевидно, изображает круглое металлическое зеркало. Об этом свидетельствует как весь комплекс бытовых вещей, в связи с которым оно находится, так и сплошная выбивка всей поверхности изделия, подчеркивающая его отличие от символических кругов, имеющих в верхней части плиты и обозначенных условно только лишь простыми желобками.

В самом верху помещена фигура оленя, в том же положении, как и малые оленьи фигуры на противоположном ребре плиты, т. е. вертикально. Она отличается от них, однако, большим размером. Передняя нога оленя не изображена, рог с завитками лежит над спиной животного, но конец его отсутствует; мастер просто не закончил его.

* *
*

Иволгинский «оленный камень» — один из многих, которые широко распространены в степях Забайкалья (долина р. Селенги, бассейн р. Онона), а также в Тувинской автономной республике (в верховьях Енисея) и в Монгольской Народной Республике.

«Оленные камни» (хусээ-чоло или кошо-чило, т. е. «овечьи камни», как их называет местное население) неоднократно отмечались в литературе.

В трудах различных путешественников, преимущественно русских, имеются довольно многочисленные воспроизведения оленных камней, в том числе хорошие фотографии, дающие достаточно наглядное представление об их общей форме, а иногда и о некоторых существенных деталях.

Как видно из этих данных, оленные камни, т. е. одиночные камни с изображением оленей, или камни, так или иначе сближающиеся с ними по тем или иным характерным изображениям, могут быть условно, — если оставить в стороне многочисленные переходные образцы, — разделены на три группы.

В первую входят круглые в поперечном сечении, т. е. цилиндрические столбы. Во вторую входят столбы прямоугольные в

сечении, иногда с округленными гранями. В третью должны быть выделены широкие плиты, иногда с кося срезанной вершиной, о которых Г. Н. Потанин в свое время писал, что ими представлена довольно широко распространенная «бритвообразная, кверху расширяющаяся форма кошочило со скошенным верхом»⁹. Именно к этой последней группе и относится Иволгинский олений камень.

Имеющиеся на нем изображения обычны и традиционны для оленных камней Монголии и Забайкалья. Они повторяют при этом в отдельных своих стилистических чертах некоторые наскальные изображения. Таковы, например, замечательные рисунки на скалах в районе Ихэ-Алык и Нэмэхэ в Северной Монголии, где изображены олени с характерно подогнутыми ногами и рогами из пышных завитков¹⁰. Почти такие же фигуры оленей имеются и далеко на юге Монгольской Народной Республики, в районе Хобдо-Сомона¹¹.

В ряде случаев на скалах Монголии есть изображения оленей с двумя рогами, такие же, как самая крупная верхняя фигура оленя на лицевой стороне Иволгинского камня.

При всем том, однако, изображения оленей на писаницах трактованы обычно в более свободной манере, без той стилизации, которая отличает их на оленных камнях. С другой стороны, на писаницах Монголии часто встречаются фигуры оленей, близкие к изображениям на оленных камнях по своей позе, а также по трактовке рогов завитками, но в то же время и резко отличные от них благодаря наличию орнаментальных спиралей внутри туловища оленей.

Можно говорить, следовательно, только о каком-то общем совпадении изображений оленей на писаницах с такими же фигурами на оленных камнях, но не о полном их тождестве.

Стилизованные изображения лошадей на оленном камне с р. Иволги, в свою очередь, тоже обычны для памятников этого рода из других мест, причем их фигуры даны в совершенно одинаковом стилизованном виде, таком же в общем, как на Иволгинском камне¹².

⁹ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1867—1877 гг. по поручению Русского географического общества, вып. II. Материалы этнографические. СПб., 1881, стр. 71.

¹⁰ См.: «Северная Монголия», вып. II.—«Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г.» Л., 1927, табл. VIII, табл. IX, I.

¹¹ Наблюдения автора в 1949 г.

¹² См.: Г. Н. Потанин. Указ. соч., табл. XV; p. J. G. Gräno. Archaeologische Beobachtungen von meinen Reisen in der Nordlichen Grenzgegend—den in den Jahren 1906 und 1907.—«Memoires de la Societe

На оленных камнях повторяются и другие изображения, имеющиеся на Иволгинской стеле. Сюда в первую очередь следует причислить круги, высеченные на обеих широких плоскостях Иволгинского камня. Как и во всех других аналогичных случаях, эти круги изображены на самой верхней части камня.

При этом, однако, обращают на себя внимание два обстоятельства. На лицевой стороне нашего камня круг вырастает прямо и непосредственно из рогов оленя, и кроме того, стержень, на котором он изображен, напоминает боковую ручку зеркала, какие обычны в древностях нашего Причерноморья¹³. Зеркало на боковой длинной ручке было обнаружено и при раскопке Пазырыкских курганов в Горном Алтае¹⁴.

Не менее интересно, что на обратной стороне Иволгинского камня оказался не один круг, а целых два.

В некоторых случаях такие же два круга, один поменьше размером, а другой побольше, встречаются на оленных камнях в Монгольской Народной Республике, например, на столбах из Даган-Дэла и в Хангае¹⁵.

Широкая дуга под этими двумя кругами является вариантом обычных горизонтальных полос, как правило, отделяющих верхушку оленных камней с заключенными в ней кругами от всего остального покрытого орнаментом пространства. В некоторых случаях полосы эти имеют вид более или менее широких желобков, опоясывающих верхушку столба. Иногда же они бывают образованы тесно насаженными овальными углублениями, слегка напоминающими «жемчужный шнур». Таковы, например, пояски на оленном камне Кяхтинского музея, а также на камнях в Хангае¹⁶.

Обычной является также имеющаяся на Иволгинском камне загадочная фигура в виде пятиугольника, обращенного острием вверх и заполненного внутри поперечно расположенными линия-

Finno-Ougrienne», XXVI. Helsingfors, 1909, tabl. IX, fig. 30; его же. *Archaeologische Beobachtungen von meinen Reisen in Südsibirien und der Nord-West-Mongolei im Jahre 1909.*—*Journal de la Societe Finno-Ougrienne*, XXVIII. Helsingfors, 1910, tabl. XVII, fig. a; *Altaltaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. G. Aspelins Reise in Sibirien und der Mongolei 1877—1889*, herausgegeben von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Helsingfors, 1931, рис. 331, а, б.

¹³ Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, 1914, табл. X, рис. 4, 6, 8; табл. XI; табл. XIII, рис. 1, 4—7; табл. XIV, рис. 1—3.

¹⁴ См.: С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, табл. XXIII, рис. 1.

¹⁵ См.: J. G. Aspelin. *Archaeologische Beobachtungen... im Jahre 1909*, табл. XVII, рис. 3, а, с; табл. XIX, рис. 1, с.

¹⁶ См.: там же, табл. XVIII—XIX.

ми в виде углов. Этот рисунок на оленных камнях Монголии, так же как и на Иволгинской стеле, располагается обычно на узких боковых гранях, а не на широких поверхностях¹⁷.

Особого внимания заслуживают другие изображения на иволгинском камне, тоже в ряде случаев повторяющиеся на прочих оленных камнях.

Сюда, в первую очередь, относится рисунок кинжала. Кинжалы, близкие по общему облику к нашему, изображены на оленном камне, опубликованном Гранз¹⁸, а также на камнях, изданных В. В. Радловым в «Атласе древностей Монголии»¹⁹ и Апфельгреном-Кивало²⁰.

Тщательно сделанный рисунок кинжала имеется на оленном камне, хранящемся ныне в Кяхтинском краеведческом музее им. В. А. Обручева.

Во всех случаях здесь изображен кинжал определенного типа, такой же, как на Иволгинском камне, с широким двулезвийным клинком, отделанным крутыми плечиками, и перекрестием эфеса от рукояти, завершенной округлым или, скорее, полулунным выступом. Эти черты, наиболее резко выраженные на изображении кинжалов с эстампа, изданного В. В. Радловым, сближают их более всего не с кинжалами более поздних типов скифо-сарматского времени, т. е. не с настоящими акинаками, а с предшествующими им в Сибири карасукскими кинжалами или с непосредственно следующими после них кинжалами раннескифской поры.

Боевой топор, изображенный рядом с кинжалом на Иволгинской стеле, довольно близок в общем к топору, изображенному на рисунке, опубликованном В. В. Радловым, где он висит на ремешках или веревочках привязанный за середину²¹.

Загадочная фигура, изображенная в самом низу узкой грани Иволгинского камня в виде двух параллельных полос, дугообразно загнутых на конце, возможно, в условной форме повторяет реалистически выполненное изделие. Оно висит на отмеченном выше поясе, изображенном на оленном камне, изданном

¹⁷ См.: А. П. Позднеев. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию в 1892—1893 гг., т. I. Дневник и маршрут 1892 г. СПб., 1896, стр. 230; *Altaltaische Kunstdenkmäler...*, рис. 227, 328, а; J. Grāno. *Archaeologische Beobachtungen... in den Jahren 1909*, табл. XVIII, XIX; В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. 2. СПб., 1892, табл. XXII, № 4, б; то же, вып. 3; табл. XCVI, № 3.

¹⁸ J. Grāno. *Archaeologische Beobachtungen... im Jahre 1909*, табл. IX, рис. 1; табл. X, рис. 34, а.

¹⁹ См. вып. 2, табл. XXIII—I.

²⁰ *Altaltaische Kunstdenkmäler...*, рис. 324.

²¹ См.: «Атлас древностей Монголии», вып. 2, табл. XXIII—I.

во втором выпуске «Атласа древностей Монголии». Г. П. Сосновскому посчастливилось обнаружить металлический оригинал такого предмета в одной из плиточных могил на горе Тапхар вблизи г. Улан-Удэ²².

Второе изображение лука, если не считать опубликованного Гранэ наилучшим с торчащим из него верхним концом лука²³, имеется на Кяхтинском оленнем камне. Оба лука, с Иволгинского и Кяхтинского оленных камней, по форме аналогичны друг другу. Это короткие луки, с широкой дугой. У кяхтинского рисунка отчетливо виден специфический прогиб лука в средней его части, соответствующий сложному, а не какому-либо другому типу лука. Перед нами, следовательно, типичный сложный лук конных воинов, известный по сообщениям античных авторов, «сигмовидный» лук скифского образца.

Мне неизвестны прямые аналогии только двум предметам, изображенным на Иволгинском камне; первый из них — зеркало, рисунок которого находится над фигурой лука, второй — изделие с длинной рукоятью и длинным, слегка наискось посаженным в ней клинком, изображенное на «задней» стороне плиты. По всем признакам этот рисунок тоже изображает боевую секиру, а может быть, и кельт (хотя в последнем случае непонятен выступ рукоятью за клинком).

Как и все оленные камни, с которыми он сходен, Иволгинский камень характеризуется в стилистическом отношении особыми чертами. Черты эти проявляются, главным образом, в трактовке звериных фигур — оленьих и лошадиных. Иволгинский камень представляет собой памятник того своеобразного звериного стиля, который не без основания получил наименование «скифско-сибирского звериного стиля». Для него в полной мере характерно специфическое сочетание своеобразно переработанных реалистических элементов с такой же своеобразной декоративной стилизацией.

Налицо здесь и устойчивые приемы декоративной стилизации, типичные для «скифско-сибирского звериного стиля»: оленьи рога, заброшенные на спину, с многочисленными завитками на них; характерным образом подогнутые ноги животных, загнутые и обращенные назад головы, манерно очерченные изящные фигуры животных.

Существенна и своеобразна общая композиция изображений на оленных камнях. Древний мастер стремился заполнить всю

²² См.: Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья, ТОИПК, т. I. Л., 1941, стр. 307.

²³ См.: J. Gräno. Archäologische Beobachtungen... in den Jahren 1906 und 1907, табл. X, рис. 34.

без остатка полезную площадь камня своими рисунками. Изобразив на плоскости камня первую фигуру оленя (очевидно, сверху), он вплотную к ней набрасывал контуры второй такой фигуры, а затем третьей, как бы нанизывая их одну за другой.

Но и этого ему было недостаточно, так как кое-где еще оставались ничем не заполненные небольшие участки гладкого фона плиты. Обнаружив такие пустые места, где нельзя было поместить сколько-нибудь крупную фигуру, он снова заполнял их более мелкими изображениями, пока плоскость не оказывалась сплошь заполненной. При этом он с большой смелостью и находчивостью варьировал не только позы этих вставных малых фигур, но и самую их форму, то увеличивая, то сокращая их длину или ширину, произвольно видоизменяя их пропорции, вопреки природе, как того требовали размеры оставшегося незаполненным пространства.

Стремясь втиснуть в орнаментальное поле как можно больше рисунков, оформлявший Иволгинский камень древний мастер не останавливался и перед тем, что ему приходилось обрезать фигуру оленя пополам, вдоль или поперек, или даже повернуть ее головой в обратную сторону.

Эти характерные черты композиционного построения многофигурного рисунка оленных камней обнаруживают общие черты с композиционными приемами скифских мастеров Северного Причерноморья в архаическую эпоху, точно так же заполнявших свободные места рядом с большими фигурами животных или даже внутри их малыми фигурами, позы которых и самые формы иногда не только стилизованы, но и модифицированы или деформированы вопреки природе (ср. изображения оленя из Куль-Обы, рыб из Феттерсфельда).

В более развитом виде те же композиционные приемы представлены в искусстве алтайских племен IV—V вв. до н. э., известном нам по замечательным находкам в Пазырыкских курганах ²⁴.

Оленные камни Забайкалья и Монголии занимают здесь как бы промежуточное место. При всем том у них есть и резко специфические, глубоко своеобразные стилевые черты, своим посто-

---

²⁴ Следует отметить, что по вопросу о датировке Пазырыкских курганов есть две точки зрения. Одни исследователи, в том числе С. В. Киселев, сближают их по времени с гуннскими памятниками. С. В. Киселев относит Пазырыкские курганы к III в. до н. э. (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 391). С. И. Руденко не считает возможным относить самые поздние Пазырыкские курганы ко времени, более позднему, чем IV в. до н. э. Я лично склоняюсь к датировке, предложенной С. И. Руденко (С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 258).

яньством свидетельствующие о длительном местном развитии и определенной самобытной ступе в развитии степного «звериного» стиля в этом районе Азии. Таков, например, своеобразный прием стилизации морды оленя в виде раскрытого птичьего клюва, из-за которого А. К. Кузнецов считал фигуры на оленьих камнях юго-восточного Забайкалья не оленями, а «пигалицами». Такова манера подчеркнутой передачи горба над лопатками оленя острым выступом. Сюда же следует отнести специфический прием передачи ног треугольными и трапецевидными выступами, нигде в других местах не применявшийся.

Учитывая все сказанное, мы можем уверенно датировать Иволгинский олений камень временем около VII—V вв. до н. э. и синхронизировать его с ранними плиточными могилами Забайкалья, в инвентаре которых, несмотря на его скудность, имеются, бесспорно, карасукские пережиточные черты.

Таким образом, в соответствии с ранее высказанными Г. П. Сосновским взглядами на датировку оленьих камней и плиточных могил, Иволгинский олений камень следует отнести к числу памятников местного позднего бронзового века. Как известно, это время, первая половина первого тысячелетия до нашей эры, для Забайкалья и областей, расположенных по соседству с ним, было временем расцвета местной бронзовой культуры. Во всяком случае, если железо, может быть, изредка и проникало сюда в виде готовых изделий с запада, то оно еще не стало здесь основным материалом для изготовления орудий труда и вооружения, как это было в причерноморских степях. Даже в теснее связанной, очевидно, с западом Минусинской котловине появление железа сильно запаздывает по сравнению с Причерноморьем. С. В. Киселев пишет, что введение железа относится здесь ко времени появления бронзовых ромбических и ромбическо-шипастых втульчатых наконечников стрел²⁵.

Общезвестно и то, что высокая культура шан-иньского и чжоуского Китая была культурой не железного, а бронзового века.

* *

*

Иволгинский олений камень интересен не только как яркий памятник искусства древних племен Забайкалья и Монголии, но и как свидетель их социальной истории, как памятник древних общественных отношений и идеологий.

Оставляя в стороне вопрос о смысловом содержании изображений на оленьих камнях, в принципе правильно поставленный

---

²⁵ См.: С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 193.

в связи с толкованием значения оленьих фигур еще Г. Н. Потаниным, а за ним Гранэ, нельзя в этой связи не остановиться на предметах бытового характера, изображенных здесь полнее, чем на каком-либо другом оленьем камне.

На Иволгинской стеле, очевидно, почти полностью изображено личное снаряжение древнего степного воина: а) пояс со свисающим с него П-образным предметом; б) зеркало; в) лук со стрелами; г) колчан (?); д) два боевых топора; е) кинжал.

Весь этот набор показывает, что оленьий камень с р. Иволги имел значение могильного памятника или, во всяком случае, памятника, поставленного в честь определенного умершего лица.

Отсюда следует, что рисунки на камне как бы повторяли набор вещей, принадлежавших покойному и сопровождавших его в могиле. И действительно, имеющиеся в нашем распоряжении данные о плиточных могилах не противоречат такому предположению, а только подтверждают его.

В одной из могил около Улан-Удэ, меньше других пострадавшей от грабителей, уцелели кинжал, кельт, бронзовая трубка (оправа для древка копья?) и костяной наконечник стрелы. В другой могиле найдено бронзовое зеркало, в третьей — П-образный предмет, т. е. весь перечисленный выше набор вещей, изображенных на Иволгинском камне²⁶. Если бы не грабители, расхитившие содержимое плиточных могил, мы могли бы, вероятно, обнаружить, по крайней мере в некоторых из них, все эти вещи в качестве обязательного погребального ассортимента.

Но кто были эти древние воины, какое место занимали они в обществе, кем был, в частности, воин, в честь которого его соплеменники воздвигли вблизи нынешнего г. Улан-Удэ этот памятник, простоявший здесь, по крайней мере, две с половиной тысячи лет?

Мы знаем, что люди «эпохи плиточных могил» за Байкалом, в отличие от их предков и от лесных соседей, занимались скотоводством, а может быть, и земледелием.

Вряд ли можно сомневаться поэтому, что время первобытно-го равенства, время материнского рода в степных районах Забайкалья безвозвратно сменилось теперь временем патриархального рода, внутри рода появились богатые и знатные семьи, возникла родовая и племенная знать, выделились воины — аристократы степных племен.

Плиточные могилы, требовавшие для их сооружения затраты большого труда и значительного количества рабочей силы, построенные нередко из огромных плит, доставленных издалека

²⁶ См.: Г. П. Сосновский. Указ. соч., стр. 273—308.

ка, служили, по-видимому, кладбищами таких аристократических родов. Оленные же камни, в таком случае, должны были, очевидно, стоять при могилах наиболее выдающихся, самых влиятельных и сильных представителей знатных семейств.

Памятники бронзового века Забайкалья, таким образом, вплотную подводят исследователей к тому важнейшему, переломному в истории центральноазиатских племен моменту, когда на смену первобытнообщинному, доклассовому обществу приходит классовое общество, а вместе с ним и государство, каковым, с моей точки зрения, является государство гуннов.

БУРХОТУЙСКАЯ КУЛЬТУРА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЮГО-ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ¹

Юго-Западное Забайкалье — один из важных в историко-археологическом отношении районов Сибири. Находясь между Прибайкальем и бассейном Амура, оно граничит с Монголией, с ее степными культурами.

На этой территории издавна встречались различные племена и культуры. Здесь происходили события, влияние которых временами сказывалось далеко за пределами Сибири — на берегах Хуанхэ, Волги и Дуная. С этой частью Забайкалья неразрывно связана история загадочного народа, строившего плиточные могилы бронзовой эпохи. Здесь протекала история гуннов и сяньбийцев; отсюда, с берегов Онона и Керулена, вышли монгольские орды на завоевание мира.

Между тем история исследования древностей Забайкалья сложилась таким образом, что мы относительно хорошо знаем бассейн р. Селенги и почти ничего не знаем о других районах. В сущности говоря, основным вкладом в археологическое изучение Юго-Западного Забайкалья являются старые разведочные работы А. К. Кузнецова. Важным событием оказались поэтому раскопки Кондуйского городища и других позднесредневековых памятников, осуществляемые Монгольской археологической экспедицией ИИМК АН СССР под руководством С. В. Киселева.

Не меньший интерес для истории Забайкалья представляют и те памятники железного века, которые по времени занимают промежуточное место между памятниками XII—XIV вв. и плиточными могилами. С этими памятниками связаны такие большие проблемы истории Центральной Азии, как вопрос о происхождении монголов и их взаимоотношениях с древними тюрками; а еще раньше — о гуннах и сяньбичах. За последние годы обнаружен ряд таких памятников, которые дают новые материа-

¹ Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института, вып. 3. Улан-Удэ. Бурят. кн. изд-во, 1960, стр. 16—30 с илл.

лы для понимания истории забайкальских племен в это малоизученное время. Судя по ним, среди памятников железного века в Юго-Западном Забайкалье может быть выделена определенная группа погребений, которые обладают своеобразными чертами и резко отличаются от всех других, известных нам в настоящее время.

Погребения эти впервые были обнаружены в 1950 г. при исследованиях, осуществленных Агинским отрядом Бурят-Монгольской археологической экспедиции. Работы отряда имели разведочный характер и велись в трудных условиях, часто под проливным дождем, на протяжении 500 км. В них активно участвовал директор Агинской средней школы П. Б. Балданжапов и учитель этой школы Г. Н. Найданов. Отряд выехал из села Агинского на автомашине школы и проделал следующий маршрут: от села Агинского на юг через с. Судунтуй к деревне Будун, расположенной на р. Ононе, затем оттуда по северному, левому берегу Онона на восток к Чинданту, далее в том же направлении мимо Шерловой горы и железнодорожной станции Борзя к селу Кондуй, неподалеку от которого находятся знаменитые развалины средневекового города (т. н. «Кондуйский городок», описанный еще А. К. Кузнецовым). Возвращались другим путем, через станцию Оловянная (в северо-западном направлении от Кондуя) поездом до Читы.

Во время пребывания отряда в колхозе «Социализм» на р. Ононе было выяснено, что в местности Бурхотуй в 10 км от Будулана (центр колхоза «Социализм»), по дороге, идущей вверх по р. Онону, были найдены древние погребения. По рассказам очевидцев, они найдены были случайно, при добывании глины.

Бурхотуй, погребение 1

Первое погребение находилось на склоне оврага, обращенном к реке, в толще супеси.

Здесь был погребен человек без всяких надмогильных сооружений. Костяк лежал на спине. Руки были вытянуты вдоль тела. Головой костяк был ориентирован, по словам очевидцев, на СВ. На его черепе находилось железное кольцо с завитком. Возле правой руки лежали остатки кинжала из железа со стержнем для рукоятки. Там же, возле правой руки, находились железное шило длиной 7—8 см, железные и костяные наконечники стрел. Вместе с наконечниками стрел найдены и костяные втулки с шаровидным расширением в середине, предназначавшиеся для насаживания на древко стрелы под железным ромбическим на-

конечником. В одной из таких втулок сохранился остаток деревянного стержня. Там же лежали обрывки сосуда из бересты.

Как оказалось, древний могильник находится на высокой террасе, прорезанной глубоким оврагом. Терраса круто возвышается над низким густо поросшим смородиной левым берегом Онона.

Раскопки были произведены на этом же склоне оврага.

Здесь были раскопаны два бугра, отмеченные небольшими поверхностными скоплениями камней. Расстояние между буграми 8—10 м.

Бурхотуй, погребение 2

Под первым бугром сразу же очень близко к поверхности было найдено сильно потревоженное погребение. Кости покойного были разворочены и лежали беспорядочно. Среди костей погребенного человека найдены черепки глиняного сосуда и даже целый маленький сосудик, находившийся возле черепа, костяные ромбического сечения наконечники стрел, треугольной формы черешковые, один втульчатый наконечник, железные пластинки от лат и длинные роговые накладки на лук (рис. 1).

Бурхотуй, погребение 3

Другая могила была в лучшей сохранности, особенно ее головная северо-западная часть, тщательно перекрытая большими (до 90 см) каменными глыбами, уложенными в несколько слоев над головой и грудью покойника. Толща супеси с камнями достигала здесь 1 м, причем на глубине 60 см от поверхности камни прекращались и шла супесь. В той части могилы, где были ноги покойника, камней меньше, и покрывавшая ее толща супеси сильно оплыла вниз, так что кости ног покойника лежали совсем близко к поверхности, на глубине всего около 30 см.

Скелет был обнаружен лежащим на спине в вытянутом виде. Руки были вытянуты вдоль тела, череп лежал на правом боку.

Рис. 1. 1 — железная пряжка, 2 — сосуд, 3 — железный нож. Погр. № 2, ст. Оловянная.

Нижняя челюсть находилась справа от него. Костяк — хорошей сохранности. Ориентирован головой на ЗСЗ. Общая длина скелета 1,64 м. Слева от черепа стоял уже знакомого нам вида горшочек, целый и невредимый. В заполнении могилы под нагами найдены костяные наконечники стрел со стерженьком. Такой же наконечник вместе с прямоугольной железной пряжкой был найден среди костей таза.

Погребение с керамикой аналогичного типа обнаружено затем нами в 1953 г. на р. Шилке во время работ Дальневосточной археологической экспедиции в устье р. Урдюкан. Погребение было случайно обнаружено земляными работами. От костяка сохранилась только верхняя его часть: череп, кости рук и верхней части туловища. Костяк лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Головой он был ориентирован на северо-запад. Сосуд находился около черепа, от него сохранились только обломки.

Новые находки погребений этого рода относятся к 1958 г. Возвращаясь из Хабаровска в Читу в 1958 г., мы получили известие, что на ст. Оловянная местный житель П. А. Абросимов обнаружил разрушающееся погребение в том же месте, где ранее им были найдены остатки неолитического захоронения с каменными изделиями. Учитывая исключительный интерес новых находок и грозящую им опасность полного разрушения, мы выехали из Читы в Оловянную, где и произвели раскопки разрушающихся могил, как оказалось в ходе работ — железного века, типа ранее (1951 г.) обнаруженных нами и тоже разрушенных могил на р. Ононе в местности Бурхотуй. В раскопках 5—8 октября 1958 г. принимали участие: А. П. Окладников — начальник экспедиции, Н. Н. Забелина — зам. начальника экспедиции и лаборанты Н. Я. Ивочкина и М. И. Рижский, а также школьники старших классов железнодорожной школы.

Древний могильник расположен в 2—2,5 км от ст. Оловянная, к северо-западу от нее, за пределами поселка, и на расстоянии около километра к северо-востоку от известнякового завода, в местности, носящей название падь Соцел. Могилы № 1—7 расположены вдоль северного края глубокого сухого ручья, носящего название Известкового.

Могильник был обнаружен П. А. Абросимовым во время дождей, размывающих склоны пади, а вместе с ними и могилы. По его словам, в русле ручья на плитах сланца он неоднократно находил кости людей, а также обломки глиняных сосудов.

Погребение 1. Крайнее с запада. Сильно разрушено оврагом, уцелели только незначительные остатки каменной кладки. Под ней на глубине 1,2 м находились череп, часть костей туловища,

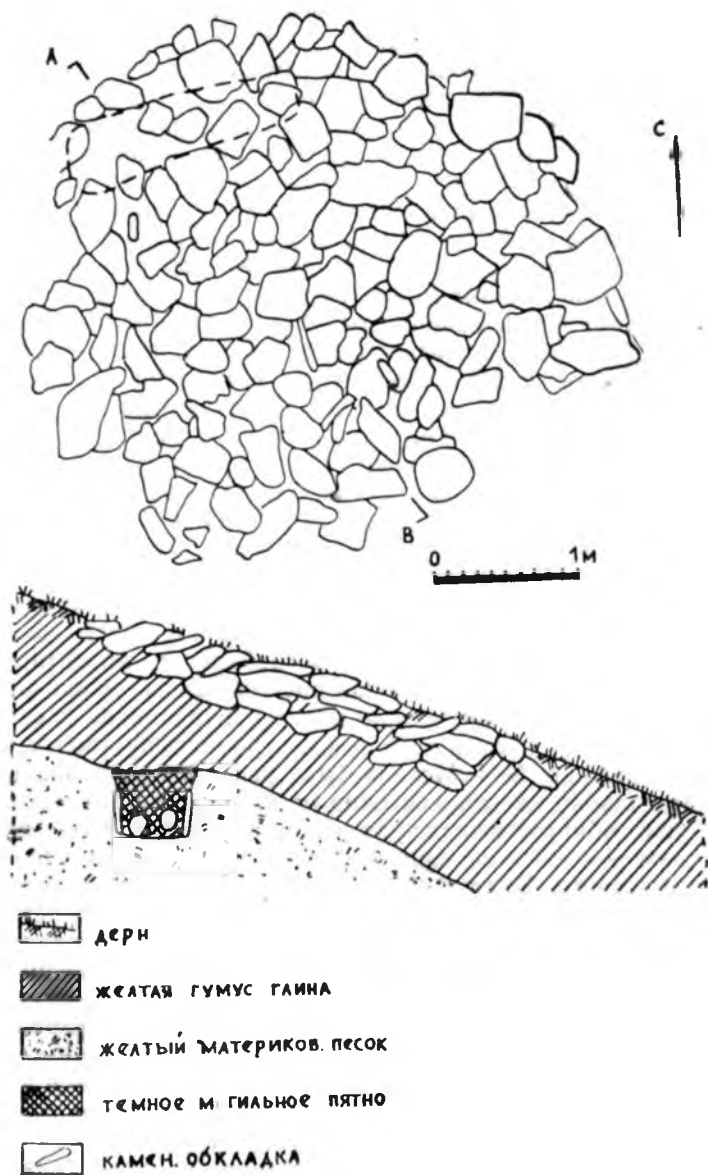

а также глиняный сосуд. Костяк лежал головой на запад, на спине. Положение рук установить не удалось, так как вся эта часть могилы была уничтожена размывом.

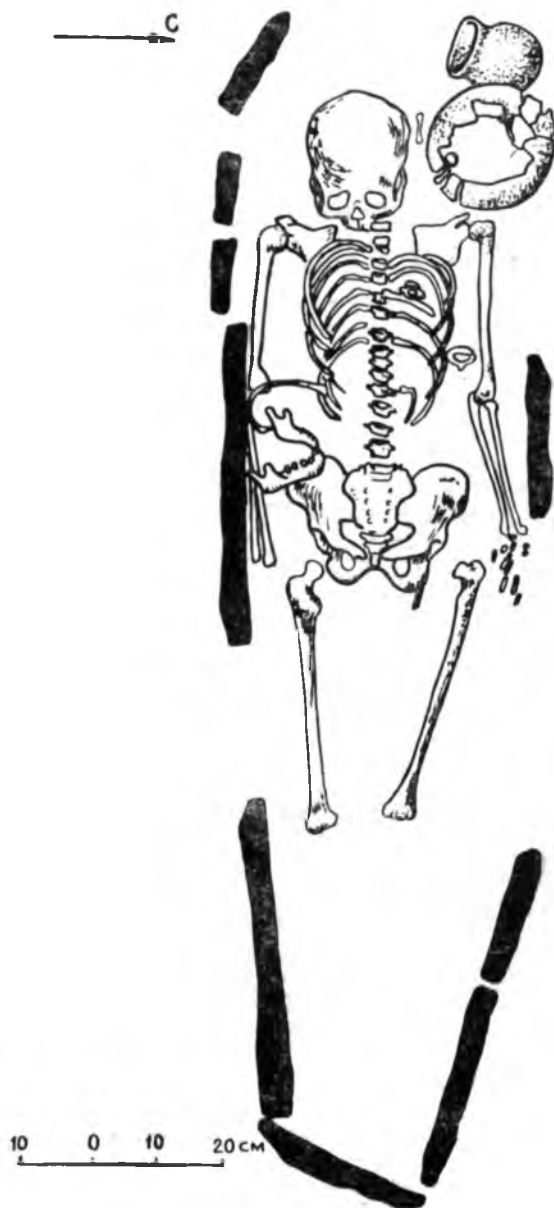
Погребение № 2. Расположено так же, как и первое, на самом краю оврага, в 4 м к северо-востоку от первого. Также разрушено оврагом. Уцелела западная половина погребения. В обрыве размыва хорошо видна была структура могилы: кладка состояла из нескольких рядов плоских каменных плит, лежащих плашмя толщиной от 35 до 40 см. Под кладкой на фоне светлого лесса видна была разрезанная поперек оврагом могильная яма, дно которой находилось на глубине 1,5 м от дневной поверхности. Ширина могильной ямы 60 см, стенки ее почти отвесные. От костяка сохранилась только верхняя часть — череп и часть грудной клетки. Он лежал на спине, головой на северо-запад, с черепом, повернутым вправо. Рядом с черепом справа, вплотную к нему, обнаружен целый сосуд с отогнутым венчиком и выпуклым валиком вокруг тулова. Около того места, где должен был находиться таз костяка, лежали две медные бляшки и железный нож. Третья такая же бляшка находилась над левой плечевой костью.

Погребения № 3 и 4, расположенные вдоль оврага далее к северо-востоку, разрушены еще больше, от них сохранились только остатки оплывших каменных плит. В них ничего не было найдено — ни костей, ни предметов погребального инвентаря.

Погребение № 5 (рис. 2) также располагалось около самого тальвега оврага, который в этом месте поворачивает к северу; погребение это находилось в 15 м к северо-востоку (почти к северу) от погребения № 4. Могила была расположена на пологом склоне. Могильная насыпь состояла из каменных плит, большей частью уже обнаруженных размывом от земли. Это — плиты гнейса размером 30 × 20 см, 40 × 20 — 25 см и т. д., уложенные друг на друга. Кладка была округлая в плане, диаметр ее 3,5 м. Плиты лежали наклонно к югу. Это скорее объясняется их оплыванием, чем конструкцией кладки. Кладка была толщиной около 40 см, под ней лежал слой желтой сильно гумусированной глины (лесса) толщиной до 60 см, который подстилался желтым материковым песком. В северо-западном секторе под кладкой, на глубине одного метра от поверхности почвы, было обнаружено пятно могильной ямы, узкое, расширяющееся в юго-западной, т. е. головной части. Размеры пятна строго соответствовали размерам могильной ямы, края которой были обложены небольшими тонкими плитами, поставленными вертикально, торцом. Длина могильной ямы 167 см, ширина в ногах 24 см, в головной части 25 см.

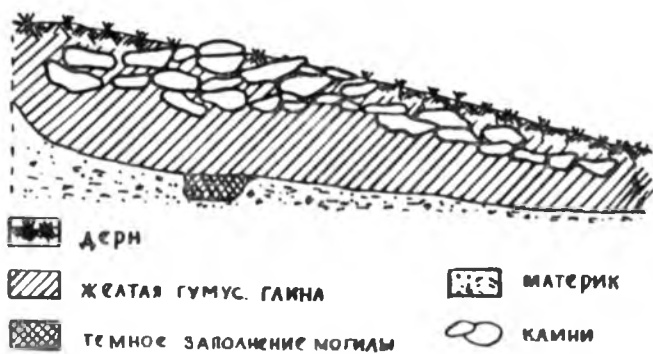
Р и с. 2. Погр. № 5. Ст. Оловянная.

Р и с. 3. Погр. № 5. Ст. Оловянная.

Р и с. 4. Погр. № 6. Ст. Оловянная.

Р и с. 5. Погр. № 6. Ст. Оловянная.

Глубина могильной ямы 54 см, высота могильной обкладки из плит 36 см. Могила вырыта была в желтом материковом грунте. Костяк лежал на спине, головой на юго-запад, в вытянутом положении (рис. 3). Руки вытянуты вдоль туловища. Нижняя часть ног (от колен) отсутствовала. Челюсть обнаружена у правого бедра. В головах, слева от черепа, находились два сосуда, один (поменьше), совершенно целый, лежал на боку, другой, раздавленный на несколько кусков, стоял вертикально, горловиной вверх. Под этим сосудом, около черепа, нашли небольшой перламутровый диск со сквозным отверстием в центре.

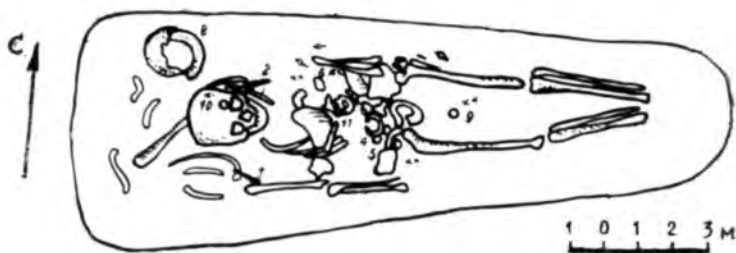
На правой тазовой кости находился изогнутый железный предмет, по-видимому, пряжка, слева — длинный, сильно разрушенный предмет, вероятно, нож, частично перекрытый левой тазовой костью. Больше ничего в могиле обнаружено не было. По определению Г. Ф. Дебеца, скелет принадлежал женщине.

Погребение № 6. Также расположено на пологом склоне, в 2,5 м от погребения № 5. Плиты лежали плашмя, частью наклонно к центру, в верхней части кладки плиты довольно крупные, но не толстые (5—10 см), в большинстве подквадратные: размером 60 × 40 см; 30 × 25 см; 30 × 30 см. Крайние плиты лежали, плотно образуя как бы ограждения, в середине плиты лежали, несколько наползая друг на друга; вероятно, они оползли по склону (рис. 4). Размеры кладки: 4 м с севера на юг и 4,2 м с востока на запад. Кладка по краям была скрыта под дерном. Толщина каменной кладки: от 30 до 40 см, непосредственно над могильной ямой — 60 см.

Могильная яма была обнаружена в северной части под каменной кладкой. Она имела темное заполнение, и очертания ее хорошо прослеживались на фоне светло-желтого чистого материкового песка (рис. 5). Очертания ямы были удлинено-овальной формы, размером 1,90 м в длину, 68 см ширины в головах и 35 см в ногах. Глубина могильной ямы по отношению к уровню материка, лежащего наклонно к югу (оврагу), была неодинакова: в северной части у головы покойника — 25 см, а в южной части — 12 см. Скелет лежал на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Сохранившиеся части рук вытянуты вдоль туловища.

Костяк был сильно потревожен в верхней своей части: ребра, лучевая кость левой руки, позвонки, лопатки и ключицы были в беспорядке. Череп, совершенно целый, обнаружен в центре этой груды костей. Справа и слева около него, среди костей, лежали два железных предмета (см. рис. 6, № 1 и № 2).

Предмет № 1 был, по-видимому, черешком от сломанного наконечника копья с остатками дерева на нем и находился с

Р и с. 6. Погр. № 6. Ст. Оловянная.

правой стороны у того места, где должно было быть плечо. Слева, симметрично ему, лежал неопределенный, совершенно разрушившийся кусочек железа. Над левым виском черепа найдено железное кольцо (№ 10) 2 см в диаметре. Три других железных кольца обнаружены в области таза (№ 4 и № 5) и одно между ногами (№ 9). В области же таза (также нарушенного), под костями, лежало еще несколько кусочков железа, из которых 3 куса были обломками кольца, а остальные неопределенные. Под позвонками находились куски железной пряжки (№ 11) и рядом вторая, сильно деформированная пряжка (?). Под локтевой кистью левой руки лежали железная пряжка и железный язычок от пояса (№ 6); около фаланг левой руки — кусочки какого-то совсем разрушенного предмета. На дне могильной ямы найдены были три костяных наконечника стрелы, два — в области таза с левой стороны и один — около левой ноги. С левой стороны в головах стоял целый глиняный сосуд. Только небольшая часть венчика сосуда была отбита. Венчик был отогнут наружу, по краю его имеется наlepной валик с насечками. Сосудик стоял несколько наклонно, на 5 см выше дна ямы и выступал из могильной ямы выше уровня материка.

По определению Г. Ф. Дебеца, покойник был мальчиком лет 14.

Погребение № 7 расположено было на одной линии с предыдущими погребениями, далее вниз по оврагу в 5 м от погребения № 6, по ближе к краю оврага, почти на самом склоне. Погребение это по общему облику инвентаря и ритуалу (ориентировка головой на СВ) отлично от всех других и потому здесь не описывается.

Погребение № 8 обнаружено в нескольких десятках метров к северу от описанных выше могил за подножием холма. Погребение оказалось сильно разрушенным грабителями. На месте

сохранился только череп младенца, лежавший в северо-западной части могилы на глубине 50 см. К западу от него, рядом с черепом лежал разбитый горшок; от скелета сохранились также две косточки, около которых лежала бронзовая подвеска — лунница. Судя по положению черепа, костяк был ориентирован головой на запад.

Погребение № 9, смежное с погребением № 8, к востоку от него. Кладка этого погребения вся оползла и разрушилась. Костяк принадлежал младенцу. Он лежал на глубине 60 см, вещей не было. Костяк был ориентирован на запад.

Инвентарь описанных погребений небольшой, но характерный и в целом очень своеобразный. Для описанных выше погребений характерна прежде всего керамика определенного облика. Это самая важная отличительная черта их инвентаря. Перед нами — плоскодонные сосуды в виде ваз с высоким и относительно широким туловом, у которых имеется обычно хорошо выраженная шейка, соответственно выпуклые плечики и расширенный, иногда сильно отогнутый наружу, венчик. Наружная поверхность сосудов почти всегда бывает лощеной. Цвет их серый или черный. Сосуды эти, все без исключения, изготовлены вручную. Они хрупкие и легко ломаются. Обычным украшением этих сосудов являются параллельные друг другу налепные валики, опоясывающие их в верхней части, под венчиком. Валиков бывает по одному, по два и по три. Нижний валик нередко разорван и концы его опускаются вниз. На сосуде из погребения № 2 в Оловянной опускающийся вниз конец валика изогнут в виде буквы Z (рис. 7).

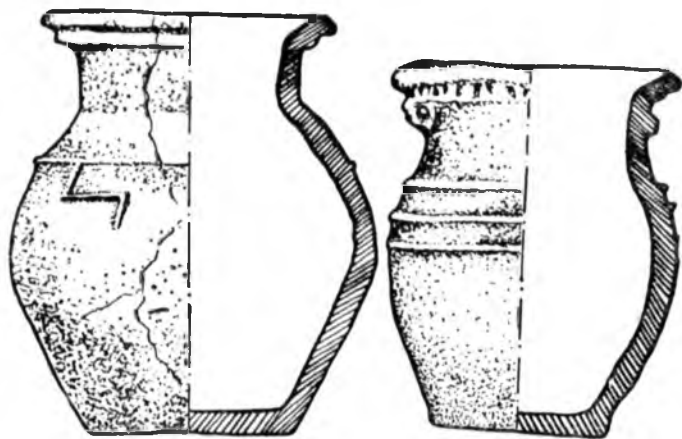

Рис. 7. Сосуды из погр. № 2 и № 5. Ст. Оловянная.

Венчик сосудов часто бывает украшен особенно заботливо. Он опоясан снизу валиком, сильно выступающим вперед и нависающим в виде карниза. Этот валик нередко рассечен, кроме того, орнаментальными поперечными насечками. На одном из сосудов сбоку под валиком находится небольшое ушко со сквозным отверстием.

Из костяных изделий имеются обломки накладных пластинок от луков сложного типа, а также наконечники стрел. Пластины от лука длинные и узкие, приближающиеся по виду к пластинкам луков из гуннских погребений Забайкалья. На одной из них имеется у края боковой вырез для тетивы. Наконечники стрел здесь характерной формы и состоят как бы из трех частей. На конце они массивные, трехгранные. Это — собственно тело наконечника.

Вторая часть наконечника представляет собою как бы втулку, обычно шестигранную, так как она образована срезами трех острых граней и тремя плоскостями тела наконечника.

Эта часть, в свою очередь, отделена крутым отчетливым уступом от третьей — черешка, крутого в поперечнике, заостренного на конце. В общем, наконечники такого рода представляют собой по форме как бы целый втульчатый наконечник стрелы, который насажен на особый черешок.

Особым вариантом таких наконечников являются наконечники с уплощенно-ромбическим поперечником. На некоторых наконечниках имеются четко вырезанные косые крестики. Такие знаки (тамги?) имеются на наконечниках из Бурхотуя.

В числе металлических предметов имеется один железный наконечник стрелы оригинальной формы: плоский, широкий и короткий, треугольных очертаний, с костяным шариком на черешке. Из железа выделявались также пряжки для ремней и сбрун в виде узких скоб с язычком посередине, небольшие колечки (для пояса, сбрун и украшений). Железные ножи из погребений в Оловянной простые, однолезвийные.

В Бурхотуе найдены были также тонкие железные пластинки, по-видимому, нашивавшиеся на одежду и служившие частью пластинчатых лат восточноазиатского типа. Одна из этих бляшек сохранилась целиком. Один конец ее округлен и отделен боковыми перехватами от противоположного прямоугольного конца. Вверху, на округлом конце имеется узкое отверстие для пришиваия к одежде. Из бронзы вылиты нашивные украшения — три бляшки, найденные в погребении № 2 около ст. Оловянной (рис. 8). Бляшки эти имеют своеобразную форму. Они представляют собою массивные пластины прямоугольной формы с

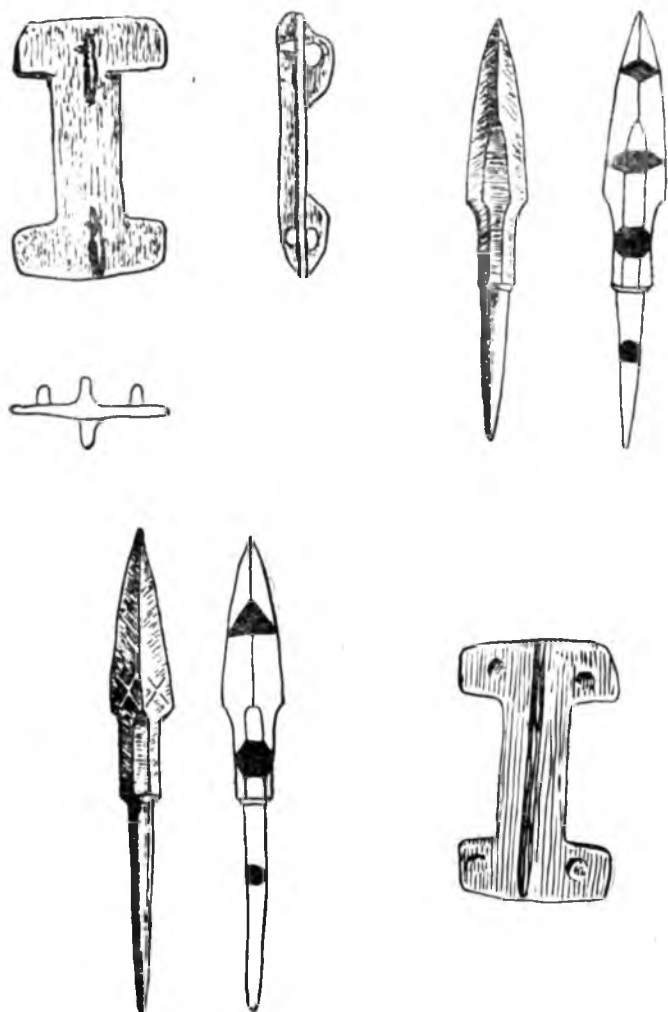

Рис. 8 . Предметы из погребений. Ст. Оловянная и Бурхотуй.

двумя поперечными выступами на концах. Вдоль пластины проходит высокое и массивное ребро. По обеим сторонам ребра на поперечных выступах размещены выпуклые шишечки. На обратной гладкой поверхности бляшек имеются ушки — по одному на каждом конце.

В детском погребении около ст. Оловянная оказалось украшение из тонкой бронзовой пластинки в виде лунницы или стрельчатой арки с отверстиями на концах для подвешивания или пришивания к одежде. В Бурхотуе найдено бронзовое массивное кольцо (диаметр 3,8 см). Кольцо в поперечнике круглое. На нем уцелели остатки кожи и ткани.

Из перламутра изготовлен кружок с отверстием посередине. Материалом для него послужила, судя по ее толщине и плотности, морская раковина. Кружок хорошо отшлифован. Он служил, несомненно, украшением и, скорее всего, находился первоначально на головном уборе (рис. 9).

Из перламутра изготовлена также миниатюрная подвеска, имитирующая морскую раковину каури, найденная в Бурхотуе.

Из стекла изготовлен единственный предмет — это миниатюрная бусинка-бисеринка зеленовато-голубого цвета.

Для датировки этих погребений важное значение имеет тот факт, что в погребении № 7 из могильника около ст. Оловянная, отличающемся от всех остальных ориентировкой, найдены костяные наконечники стрел более архаического облика, близкие к гуннским и более ранним наконечникам скифского типа. Отлична здесь и керамика. Таким образом, погребения бурхотуйской группы моложе погребения из окрестностей с. Агнинского, где найден бронзовый наконечник стрелы ханьского времени. Однако в инвентаре погребений бурхотуйского типа нет наконечников стрел поздних форм X—XII вв. и последующего времени. Костяные же наконечники, обнаруженные в них, по своим образным чертам их формы должны быть выделены в особую, бурхотуйскую группу изделий.

Сопоставляя все, что нам сейчас известно о погребениях бурхотуйского типа, можно сделать вывод, что они занимают место между памятниками гуннского и тюркского времени, т. е. в пределах II—VIII вв. н. э. Погребения эти, таким образом, относятся к темному периоду истории Забайкалья, следующему за падением гуннского племенного союза и возвышением орхонских тюрков.

Такой вывод подтверждается и тем, что в инвентаре погребений бурхотуйского типа железные наконечники стрел представляют большую редкость. В них абсолютно преобладают костяные наконечники. Важно поэтому упоминание китайских ис-

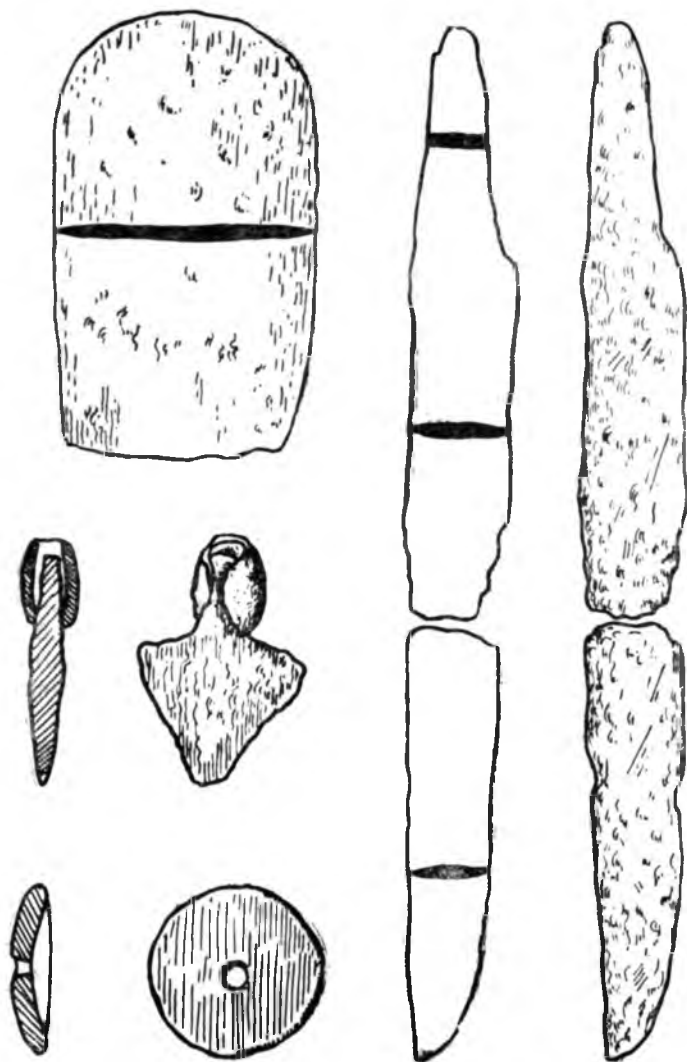

Рис. 9. Предметы из погребений. Ст. Оловянная и Бурхотуй.

точников о том, что в танское время и позже, до возникновения чжурчжэньского государства Цзинь, у отдаленных племен Монголии преобладала охота, а наконечники стрел делались из кости. Это объясняется тем, что своего железа в их стране не было; кидани же, хотя и вели с ними торговлю, не пропускали в землю татаней железо. Только после первых побед цзиньских императоров над китайцами, когда они овладели землями на восток от Хуанхэ, «железо и медь перешли к татаням и они наделали себе оружия»².

Интересно в связи с этим, что общий облик керамики из погребений бурхотуйского типа одинаково резко отличен как от гуннской керамики, так и от более поздней кочевнической глиняной посуды из погребений Забайкалья. Но эта керамика тоже определенно сближается с древней керамикой Приамурья и Приморья. Сосуды эти сближает, прежде всего, их общая форма и наличие украшений в виде валиков, а также характер оформления венчика в виде карниза с окаймляющим его внизу выпуклым валиком, имитирующим шнур. Такое оформление венчиков является обычным для дальневосточной керамики железного века, а истоки его могут быть прослежены в Приморье вплоть до конца неолитического времени. Таковы, например, сосуды из неолитического поселения в устье р. Тетюхе, где часто встречается наlepной валик около венчика сосуда или даже на самом венчике вдоль его края, являющийся как бы зачаточным карнизом, из которого позже развивается «фигурный карниз» сосудов железного века³. С дальневосточной керамикой сосуды из погребений около ст. Оловянная и Бурхотуя связывает и такая их черта, как лощение поверхности. Одинаков и характер глиняного «теста», из которого сделаны эти сосуды: они сходны по цвету и столь же хрупки.

Нужно думать, по-видимому, что в начале первого тысячелетия нашей эры население долины р. Онона находилось в определенных культурно-этнических связях с племенами Амурского края, а может быть было им родственно.

Заслуживает внимания и тот факт, что в отличие от чисто кочевнических, более поздних захоронений в могилах бурхотуйского типа не найдено костей домашних животных, например, костей ног или крестца овцы, которые являются обычной и

---

² В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. СПб., 1857, стр. 165.

³ См.: А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959, стр. 183—184.

обязательной принадлежностью могил кочевников VIII—X вв. и более позднего времени. Очевидно, в жизни бурхотуйского племени первое место занимали другие занятия, т. е. земледелие, а может быть и рыболовство, о важности которого для монгольских племен свидетельствуют письменные источники, относящиеся к позднему, раннемонгольскому времени.

Как свидетельствует Б. Я. Владимирцов, рыбная ловля занимала немаловажное место в экономике монгольских племен XII—XIII вв. Очень интересны в связи с этим сведения о так называемых «водяных» (речных) татарах, находящиеся в сочинениях западноевропейских путешественников XIII в. Плано Карпини и В. Рубрука, а также упоминания китайских источников о тех же самых, должно быть «речных татарах», «шуйдадэ».

По сообщению Плано Карпини, древние монголы делились на две группы: «Йека-монгал, то есть великие Монгалы», и «Су-монгал», то есть водяные Монгалы, сами же себя они именовали татарами от некой реки, которая течет через их страну и называется татар»⁴.

О водяных монголах упоминает и В. Рубрук, причем он подчеркивает, что основным занятием их, в отличие от собственно монголов Чингисхана, была охота и рыбная ловля.

По словам В. Рубрука, «от того места, где я нашел Мангу-хана, до Китая было 20 дней пути в направлении к юго-востоку, а до Онанкеруле, настоящей земли Моалов, где находится двор Хингиса, было 10 дней пути прямо на восток, и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы по имени Сумоал, т. е. маолы вод, ибо Су значит — вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких»⁵.

Принимая во внимание определенные указания Плано Карпини на отличие «водяных монголов» от настоящих, «великих» монголов, следует сделать вывод, что «речные монголы» принадлежали к особой этнической группе.

---

⁴ Иоанн де Плано Карпини. История Монголов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны, введение, перевод и примечания А. М. Маленна. СПб., 1911, стр. 16.

⁵ Вильгельм де Рубрук. Указ. соч., стр. 134.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВБЛИЗИ СТАНЦИИ ОЛОВЯННАЯ¹

В районе ст. Оловянная издавна известны были интересные памятники прошлого Забайкалья, в том числе могильники бронзового века, с характерными для них эффектными надмогильными сооружениями в виде оградок из вертикально поставленных каменных плит — плиточные могилы. Упоминались в специальной литературе и такие любопытные следы прошлого, как остатки древних горных разработок.

Однако до сих пор в этом районе, как и вообще в юго-восточном Забайкалье, не встречались и не подвергались специальному археологическому исследованию памятники времени, следующего за эпохой бронзы, за плиточными могилами, т. е. железного века, до появления здесь первых государств киданей и монголов.

Этот большой пробел в значительной мере заполняется теперь новыми находками.

История их такова.

Летом 1958 г. преподаватель Читинского пединститута М. И. Рижский получил из Оловянной от местного краеведа-любителя П. А. Абросимова сообщение о том, что в результате недавно прошедших ливней в находящейся неподалеку (приблизительно в 2 км) от ст. Оловянная пади Соцел обнаружили размытые древние погребения. Осенью этого же года местность была обследована авторами настоящей статьи. В указанном месте был обнаружен целый могильник, состоявший из восьми погребений, причем только два из них оказались размытыми, остальным же шести ливни не повредили, хотя им тоже угрожало разрушение оврагом.

Под руководством А. П. Окладникова были осуществлены раскопки этого могильника.

---

¹ «Ученые записки Читинского пединститута», вып. 4, 1959, стр. 110—116. (В соавторстве с М. И. Рижским).

Обобщая результаты исследований 1958 г. вместе с предшествующими находками, мы можем теперь в известной мере дать общую характеристику исследованных интереснейших памятников прошлого юго-восточного Забайкалья, относящихся к железному веку. Памятники эти распадаются на две группы.

Первая группа представлена всего лишь одним, но зато очень ярким и выразительным памятником. Таково погребение № 7. Погребение это было первоначально отмечено сверху каменной укладкой из довольно массивных плит гнейса или кристаллических сланцев. Кладка была сложена, по-видимому, в виде окружности диаметром около 3—3,5 м, толщина слоя плит достигала 0,5 м. Плиты лежали плашмя. Кладка была нарушена грабителями и сползла.

На глубине 1 м под плитами оказался каменный ящик из довольно массивных плит, поставленных на ребро. В плане ящик был прямоугольным; поперечные стенки его отсутствовали; их не было с самого начала. Длина ящика 1,75 м, ширина его 0,65 м. Ящик был ориентирован с северо-востока на юго-запад.

Каменный ящик первоначально был весь перерыв сверху каменными плитами, в виде крышки. Но впоследствии погребение было нарушено грабителем, который весьма аккуратно снял с головной его части покровные плиты и положил их сверху на плиты в нижней части ящика, т. е. в «ногах» могильного сооружения. Грабитель выкинул череп и потревожил всю верхнюю половину костяка — кости грудной клетки. Он сбросил в полном беспорядке часть этих костей в кучу в верхней части ящика, однако нижняя часть костяка уцелела полностью. Судя по расположению костей и остатков погребального инвентаря, костяк принадлежал подростку. Он был положен в нижней половине каменного ящика на спине, с руками, протянутыми вдоль туловища. Верхняя, северная часть каменного ящика служила местом для хранения запасов пищи, положенной с умершим, и сосудов. От пищи уцелели челюсть и кости ног барана. Из бытовой домашней утвари уцелело донышко берестяного сосуда (овальное по форме) и глиняный сосуд в виде высокого широкогорлого горшка с хорошо выраженными плечиками и шейкой. Орнамента на сосуде нет. Кроме того, при костяке найдены костяные наконечники стрел и обломки железных колец, служившие, вероятно, частью поясного набора. Костяные наконечники стрел имеют весьма характерную форму. Два из них втульчатые, один с черешком. Все эти наконечники, особенно втульчатые, обнаруживают резко выраженные архаические черты. По своим типологическим чертам они относятся к числу весьма древних образцов, датируемых гуниским временем и даже еще более

ранним временем: около IV—II вв. до нашей эры. Столь же архаичен и глиняный сосуд.

Таким образом, погребение № 7 может быть отнесено не позднее чем к гуннскому времени. В связи с этим интересно, что по своему инвентарю и устройству погребального сооружения это погребение резко отличается от обычных гуннских захоронений Забайкалья типа погребений в Дэрестуйском Култуке — в деревянных срубах и ящиках.

Керамика из гуннских погребений тоже не имеет ничего общего с сосудом, найденным в погребении № 7.

Отсюда следует, что оно принадлежало не гуннам, а их восточным соседям, культура которых была существенно отличной от гуннской. Погребение это, следовательно, первый луч света, осветивший совершенно неизвестную до сих пор историческую эпоху прошлого Юго-Восточного Забайкалья.

Не менее важны для археологии и ранней истории Забайкалья погребения второй группы, тоже относящиеся к железному веку, но существенно отличные от погребения № 7. Сюда относятся захоронения № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8.

Погребения эти имеют характерные для них общие черты погребального ритуала и инвентаря. Сразу же под дерновым покровом они отмечены такой же, в принципе, кладкой из плит гнейса, как и в погребении № 7. Кладка эта в двух не тронутых грабителями и уцелевших от разрушения водой могилах имеет в плане вид почти правильного круга диаметром около 4 м. Мощность пласта каменных плит кладки достигает 0,5—0,6 м, уложены они плотно и тщательно. Под каменной кладкой на глубине 1 м прослеживаются узкие могильные ямы, ориентированные иначе, чем в погребении № 7.

Ориентировка могильных ям и костяков — ЮЗЮ (головной частью). Костяки лежат на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела. Во всех погребениях около головы находились целые глиняные сосуды. Керамика очень характерна по форме сосудов и отделке их поверхности. Сосуды были узкогорлыми, с отогнутым наружу венчиком в виде «воротничка». Дно сосудов было во всех случаях плоским. У одного сосуда оказался невысокий поддон в виде ободка. Наружная поверхность сосуда гладкая, залощенная. Глиняная масса их рыхлая, ломкая, черного цвета.

На всех почти сосудах имеются украшающие их налепные валики, нередко в виде параллельных рядов, иногда разорванные, с опускающимися вниз концами. Общий облик керамики из всех могил резко отличен как от сосуда, найденного в погребении № 7, так и от сосудов из кочевнических погребений в долине Селенги. Керамика эта по всем основным ее чертам обнаруживает

ближайшее сходство с арханческой древней керамикой Амура и Приморья.

Из костяных наконечников в погребениях обнаружены образцы оригинальной формы: с отчетливо выделенными уступами насадом-черешком и трехгранным в сечении телом. На одном из них имеются вырезанные тонкими линиями знаки в виде креста. Железные изделия представлены ножами древнего типа — прямыми и узкими. Украшения немногочисленны: голубая стеклянная бусинка миниатюрного размера, плосковыпуклая бляшка из перламутра, служившая, видимо, украшением шапки, медная пластинчатая лунница, вероятно, нагрудное украшение.

Особо должны быть отмечены литые бронзовые бляшки Т-образной формы, украшенные выпуклыми шишечками и снабженные с обратной стороны скобочками для прикрепления к одежде или кожаному ремешку.

Погребения эти, несомненно, значительно старше не только древнемонгольских памятников XI—XIII вв., но и памятников эпохи государства киданей — Ляо (IX—XII вв.). Их, всего вероятнее, по форме наконечников стрел и керамики следует отнести к первым векам нашей эры. Учитывая известия китайских летописей о расселении и исторических судьбах древних племен Центральной и Средней Азии, памятники эти, обнаруженные в бассейне р. Онона, следует приписать с наибольшей вероятностью древним сяньби.

Первоначальным местом обитания сяньби были, по-видимому, южные районы Маньчжурии.

Из китайских летописей известно, что около середины II в. при хане Таньшихай сяньби объединились и перешли в наступление против своих соседей. В летописи Ганму указывается, что Таньшихай «на юге грабил пограничные места, на севере остановил динлинов, на востоке отразил фуйюй, на западе поразил усуней и завладел всеми землями, бывшими под державой гуннов»².

Можно считать, что в это время в состав державы Таньшихая вошло в Южное Забайкалье.

Позже около середины III в. нашей эры, эти ранее объединенные сяньби распались. Однако часть сяньбийских родов, в частности те, которых китайские летописцы называли «поколением Тоба» или «косоплетами» (так как они имели обыкновение заплетать волосы на голове в косы), остались в Забайкалье.

---

² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, стр. 154.

В той же летописи сообщается, что «поколения сяньбийских косоплетов из рода в род обитало в северных пустынях и на юге не имело сообщения со Срединным государством», но позже «...хан Туинь перешел на юг к большому озеру».

Сопоставив данные различных летописей, Н. Я. Бичурин приходит к определенному выводу, что «тобасские племена занимали Хинганский хребет в России по Онону», а затем оттуда перешли к озеру Дал-нор, по дороге, которая из Нерчинска идет на юг прямо на сие озеро»³.

В конце IV и первой половины V вв. эти племена сяньби — косоплетов настолько усилились, что подчинили себе другие сяньбийские племена, захватили территорию северного Китая и ряд других областей и образовали государство, которое в китайских летописях именуется Бэй-Бэй (Северо-Вэйское государство). Это государство просуществовало около 200 лет. Ему пришлось выдержать сильную борьбу с другими кочевыми племенами (жужанями). В результате победы над жужанями под властью сяньби оказалась огромная территория от большого Хинганского хребта на востоке до озера Балхаш на западе. Северная граница государства опять-таки, по-видимому, проходила где-то по южным районам Забайкалья.

Таким образом, из всех этих данных можно вполне сделать вывод, что в первых веках нашей эры сяньби действительно обитали где-то в районе нынешней ст. Оловянная. А если наши памятники принадлежат сяньби, то к скудным письменным данным о них китайских источников теперь могут быть добавлены драгоценные археологические данные, относящиеся к самим сяньби: их могилы, их утварь и вооружение, наконец, антропологический материал.

Из сказанного следует, что раскопки около ст. Оловянная освещают до сих пор темную страницу прошлого юго-восточного Забайкалья. Их, несомненно, следует продолжать в дальнейшем, и тогда история древних племен этого района, игравшего существенную роль в исторических событиях на протяжении ряда тысячелетий, станет значительно более ясной.

---

³ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 167—168.

Раздел V

ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК БУРЯТИИ И ЗАБАЙКАЛЬЯ

ПАЛЕОЛИТ ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

Общий очерк

Палеолит Забайкалья представляет собой, как известно, одну из больших региональных групп памятников палеолита Сибири, соответствующих основным речным системам — Оби, Енисею, Ангаре, Лены, Селенги.

Изучение палеолита Забайкалья имеет важное значение хотя бы уже потому, что эта область граничит с одной стороны с остальными районами сибирского палеолита, а с другой — с Центральной Азией, где известны древние своеобразные культуры палеолита, начиная с эпохи синантропа.

Палеолит Забайкалья представляет собою, следовательно, связующее звено между палеолитом Востока и Запада. То же самое относится к четвертичной фауне и геологии этого района. Мысля широко, любой исследователь палеолитического человека и современной ему природы Европы и Азии не может не интересоваться тем, что происходило тогда за Байкалом, в частности в долине Селенги, на территории современной Бурятской АССР.

Следы деятельности палеолитического человека на территории Забайкалья впервые были обнаружены в конце XIX в. в бассейне р. Селенги около Кяхты и далее вниз по течению этой реки по направлению с юга на север, от монгольской границы к Байкалу. Таковы сборы каменных орудий, произведенные в 80—90 гг. А. П. Мостицем, П. С. Михно, Ю. Д. Талько-Грынцевичем в окрестностях г. Кяхты, около с. Усть-Кяхты, а также в долине р. Савы и у д. Зарубино, в Дуренах на Чикое и в других местах. Эти сборы продолжались на Селенге и в других районах Забайкалья позднее тем же П. С. Михно, Г. Ф. Дебецем и другими исследователями.

Сначала местные археологи не отличали эту культуру от более поздней, неолитической. Но их сборами был открыт ряд

---

¹ «Археологический сборник», вып. 1. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1959, стр. 5—25 с илл.

местонахождений, давших обильный материал, пригодившийся в дальнейшем.

Г. Ф. Дебеч был первым, кто выделил особо палеолитические находки в Забайкалье, классифицировал их по типам, а также пришел к выводу о том, что эта «селенгинская культура» предшествует т. н. даурской культуре, т. е. неолиту степного и до-степного Забайкалья. Однако Г. Ф. Дебеч не решился датировать селенгинскую культуру палеолитическим временем, полагая, что «об этом говорить преждевременно»².

В 1928—1929 гг. изучением каменного века в долине р. Селенги и около Кяхты занялись сотрудники археологической экспедиции Академии наук СССР, работавшей под руководством Г. П. Сосновского. Г. П. Сосновский вместе с П. С. Михно организовал поиски новых местонахождений каменного века и впервые показал, что в Забайкалье существовала местная палеолитическая культура. Памятники этой культуры были прослежены им в долине р. Селенги, начиная от монгольской границы и до г. Селенгинска, а также на Чикое и по р. Саве — притокам Селенги. Здесь Г. П. Сосновский насчитывал семь бесспорных палеолитических поселений, а также еще три поселения, которые он считал возможным отнести «к числу древнейших в крае», т. е. всего десять пунктов. В Восточном Забайкалье палеолитические находки Г. П. Сосновским отмечены были на Ононе и Ингоде, по данным С. И. Руденко и А. К. Кузнецова.

Г. П. Сосновский детально описал в своих работах условия, в которых встречаются палеолитические орудия за Байкалом, материал, из которого они выделялись, и технику их изготовления. Он отметил сходство этих изделий с каменными орудиями, характерными для сибирского и северо-китайского (ордосского) палеолита³.

И все же В. И. Громов, подводя итоги всему, что нам было известно к 1947—1948 гг., когда он закончил и опубликовал свой капитальный труд о палеонтологическом и археологическом обосновании стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР, писал, что «палеолит бассейна р. Селенги известен нам еще очень мало, а изучением гео-

---

² Г. Ф. Дебеч. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья.—«Изв. АН СССР науч.-иссл. ин-тов при физ.-мат. фак. I МГУ, т. III, 1930, № 2-а, стр. 158—161.

³ См.: Г. П. Сосновский. О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии.—«Сообщ. ГАИМК», 1932, № 11—12; его же. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье.—«Тр. Ком. по изуч. четвертичного периода при Академии наук, 1934, № 3; «Палеолитические стоянки Северной Азии».—«Тр. II междунар. конф. Ассоц. по изуч. четвертичного периода Европы», вып. V, 1939, стр. 275—277.

логических условий его находений специально никто еще не занимался»⁴.

В 1947 г., после десятилетнего перерыва, изучение палеолита Забайкалья было продолжено Бурят-Монгольской археологической экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Института культуры Бурят-Монгольской АССР (ныне Бурятский комплексный институт СО АН СССР), работавший под руководством автора статьи. В результате было обнаружено более тридцати ранее неизвестных местонахождений палеолитического облика, в том числе в тех районах, где ранее палеолитические остатки были неизвестны: в долине Селенги от Селенгинска и до устья этой реки, а также в долинах рр. Джиды, Уды, Хилка и Чикоя. На этих местонахождениях был собран новый материал, значительно дополняющий представления о стратиграфии забайкальского палеолита, о характере этой палеолитической культуры и ее отношении к палеолитическим культурам других областей.

Особенно важно открытие первой на Селенге многослойной стоянки около д. Ошурково вблизи г. Улан-Удэ, давшей, кроме того, не только каменные, но и костяные изделия, а также фаунистические остатки, в том числе многочисленные кости рыб.

До этого, как известно, палеолитические культурные остатки встречались за Байкалом преимущественно на поверхности почвы, в котловинах выдувания и без очевидной стратиграфической связи с фаунистическими остатками.

Для изучения истории четвертичной фауны не менее важны палеонтологические находки на горе Тологой в 14 км выше гор. Улан-Удэ на левом берегу р. Селенги. Фаунистические остатки с Тологой и из Ошурково были изучены специалистами зоологами⁵, а геологические условия залегания костей животных и каменных орудий в Ошурково были изучены на месте Н. А. Флоренсовым⁶.

Подводя итоги, мы можем вместо ранее известных 7—10 местонахождений палеолитического облика отметить теперь за Байкалом, на территории БурАССР и в ближайшем соседстве с

⁴ В. И. Громов. Палеолитическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит).—«Тр. Ин-та геологических наук АН СССР», вып. 69, геол. серия, 1948, № 17, стр. 372.

⁵ См.: В. И. Бибилова, Н. К. Верещагин, В. Е. Гарутт и К. Б. Юрьев. Новые материалы по четвертичной фауне Забайкалья.—«МИА СССР», 1953, № 39, стр. 463—475.

⁶ См.: А. П. Окладников, Н. А. Флоренсов. Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья (находки на горе Тологой и у д. Ошурково), 1956, рукопись.

ней более 40 пунктов, где обнаружены изделия палеолитического облика, по времени предшествующие неолитическим памятникам⁷.

На крайнем юге БурАССР и на ближайшей части территории МНР сейчас известны следующие стоянки с находками палеолитического облика, описанные З. А. Абрамовой:

1. Алтан-Булак I. На территории МНР, к западу от поселка Алтан-Булак, на правом берегу р. Кяхты на обширных песчаных выдувах, П. С. Михно собрал 47 нуклеусов, 96 нуклеусов-скребков, 7 скребловидных орудий, 45 скребков, 3 ножа из пластин с ретушью по краю, 17 пластин, 35 ножевидных пластин.

2. Алтан-Булак II. М. В. Лисовским здесь собрано 15 нуклеусов, 27 нуклеусов-скребков, 9 скребков, 2 скребла, 3 пластины с ретушью, 2 пластины без ретуши, 7 сколов с нуклеусов, 1 отщеп, 1 проколка, 1 долотовидное орудие.

3. Пески за Дзаргучеевским озером. Найдены нуклеусы, нуклеусы-скребки, скребки из отщепов, призматические пластинки.

4. На правом берегу р. Кяхты, на выдувах около моста, найдены в 1925 г. нуклеусы, скребки, обломок крупного скребла, двухсторонне-обработанный клинок ножа или наконечника с обломанным основанием. Всего — 27 предметов.

5. Ботойская яма. В 18 км от г. Кяхты, в западной части Бургутуйского хребта. Найдено 26 каменных изделий, в том числе 3 нуклеуса и 8 нуклеусов-скребков, скребло, наконечник копья или нож листовидной формы, обработанный ретушью с обеих сторон. В том же месте в песках, но вне связи с каменными изделиями, найдены кости мамонта, шерстистого носорога и быка.

6. Падь Капчеранка, в 12 км к северо-востоку от Кяхты. Найдены 6 нуклеусов-скребков, скребло, нож из кварцита, 2 миннаторных скребка и 6 ножевидных пластин.

7. Кяхтинский обрыв. На левом берегу р. Кяхты на глубине 3,5—4 м от поверхности в песчаной толще с торфянистыми прослойками, в песке, найдены палеолитические изделия — скребла, нуклеусы, пластины. Вещи эти были смешаны с неолитическими предметами и даже с железными вещами первых веков нашей эры.

В долине р. Савы, правого притока р. Селенги, известны местонахождения палеолитических культурных остатков, где первые сборы сделаны были еще в 1887 г. А. П. Мостищем. Он нашел там нуклеусы, нуклеусы-скребки и пластины. Такие же из-

⁷ Детальное описание большинства этих местонахождений дано в рукописи З. А. Абрамовой «Первоначальное заселение человеком Забайкалья», 1951.

делия собраны были здесь П. С. Михно. В 1925 г. на левом берегу р. Савы С. А. Макарьев нашел нуклеусы, нуклеусы-скребки, скребки различных форм, отщепы и оббитые гальки.

В долине р. Селенги известно наибольшее число палеолитических местонахождений.

1. На правом берегу р. Селенги, на возвышенности у села Наушки, при раскопке плиточных могил в 1947 г. На глубине 25—40 см в слое суглинка БМАЭ были найдены оббитые гальки палеолитического облика.

2. Усть-Кяхта, пункт 1, выше пристани в обрыве 2-й надпойменной террасы 8—10 м высоты, в верхнем слое лессовидной супеси на глубине 10—20 см от поверхности найдено в 1947 г. БМАЭ скопление обработанного камня — 75 экземпляров. Это — отщепы, пластины, осколки, а также один нуклеус-скребок, галька-отбойник.

3. Усть-Кяхта, около пристани, в обрыве той же террасы, на 30—40 см (глубина) в лессовидной супеси. Здесь в 1947 г. (БМАЭ) оказались призматические и конические нуклеусы правильной огранки и их заготовки, узкие и правильные по огранке ножевидные пластины, 1 нуклеус-скребок, два концевых скребка из широких и довольно коротких пластин, один скребок овальной формы. Ножевидных пластин найдено 286, из них две имеют мелкую ретушь по краю; они служили, вероятно, вкладышами-лезвиями.

Усть-Кяхта, пункт 3, ниже пристани, на берегу Селенги. Здесь кроме отщепов и пластин в обнажении 2-й надпойменной террасы в 1947 и 1949 гг. (БМАЭ) обнаружено два очень характерных крупных и массивных скребловидных инструмента; одно — в виде диска, второе — в виде овала с одним слегка приостренным и суженным концом. Есть также массовый нуклеус грубо призматического вида. Там же, вместе с отщепами, на глубине 50—60 см оказались обломки костей животных.

Усть-Кяхта, пункт 4, около базы Нефтеснаба в 1949 г. БМАЭ на возвышенности коренного берега (высота 40 м над уровнем р. Селенги) найдены многочисленные отщепы и один отбойник из гальки, скребки и скребла, обломки нуклеусов, сколы с нуклеусов⁸.

Харанхой, пункт 1 в 12—15 км вверх от Усть-Кяхты, на правом берегу р. Селенги. А. П. Мостицем в 1887 г., работниками Кяхтинского музея в 1926 г., Г. П. Сосновским в 1928 г., в 1935 г. П. С. Михно и Н. П. Михно собрано много каменных из-

⁸ См.: З. А. Абрамова. Палеолитические находки в районе Кяхты. * МИА СССР, 1953, № 39, стр. 266—275.

делий. Вещи эти найдены были на выдувах высокой террасы (до 40 м над уровнем р. Селенги). Найдены нуклеусы, в том числе миниатюрные, нуклеусы-скребки, скребки из массивных пластин с крутым рабочим краем, трапецевидные по очертаниям, довольно крупные ножевидные пластины. Есть также скребловидное орудие из плоской гальки, крупный нуклеус-заготовка, полулунное скребло.

В песках и котловине выдувания найдены были в 1926 г. П. С. Михню кости носорога, лошади, джигетая. Там же были и каменные орудия. Однако взаимная связь их не установлена.

Харанхой II. В 1928 г. на склоне возвышенности найдены каменные изделия, в том числе нуклеусы, нуклеусы-скребки, пластины и т. д.

Херексурин-ури. В 3 км ниже урочища Харанхой на левом берегу р. Селенги, на высокой (25 м) террасе около древнего могильника обнаружено 16 изделий из камня; один миниатюрный призматический нуклеус, пять ножевидных пластин правильной огранки, две широкие пластины, а также отщепы.

Вниз по левому берегу р. Селенги, в 1 км к северу от Крижевского поста, на выдувах в 1947 г. БМАЭ собраны отщепы, скребло с выпуклым боковым лезвием, пластины, сколы с нуклеусов. В одном из останцов на глубине 1,4 м, в слое плотной лессовидной супеси, под слоем зольного песка оказались кости грызуна, лопатка животного, отщепы и нуклеус-скребок обычного для позднего палеолита вида.

Вниз по левому берегу от этого пункта, в 314 км за железнодорожным мостом, на пологом склоне небольшой долины между двумя типичными барханами серповидной формы обнаружены в 1947 г. БМАЭ нуклеус грубопризматический, скребло с боковым выпуклым лезвием, заготовки, пластины.

В трех километрах выше с. Усть-Кяхта на левом берегу р. Селенги в местности Ивашка в 1887 г. А. П. Мостиц нашел следы палеолита — 6 нуклеусов, в том числе нуклеусы конические и нуклеусы-скребки, а также 8 ножевидных пластин правильной формы.

Поселок Дюрбен на левом берегу р. Селенги, в 3 км ниже отмеченного пункта, напротив с. Усть-Кяхта, в 1887 г. А. П. Мостиц нашел 6 нуклеусов, в том числе конический нуклеус, нуклеус-скребок, весьма тщательно сделанный наконечник дротика (судя по массивности, не нож) двухсторонне-ретушированный, удлинненно-миндалевидных очертаний, обломок такого же наконечника, 22 ножевидные пластины, в том числе одна с ретушью по краю.

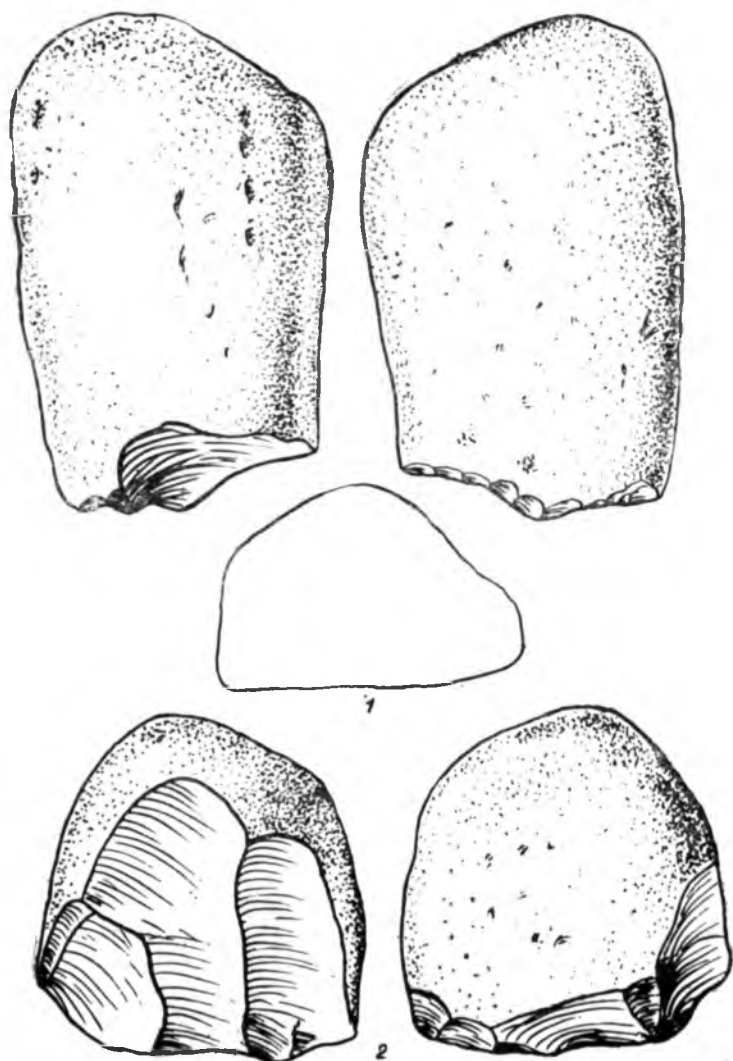

Рис. 1. 1 — галька, 2 — нуклеусы. Няньги.

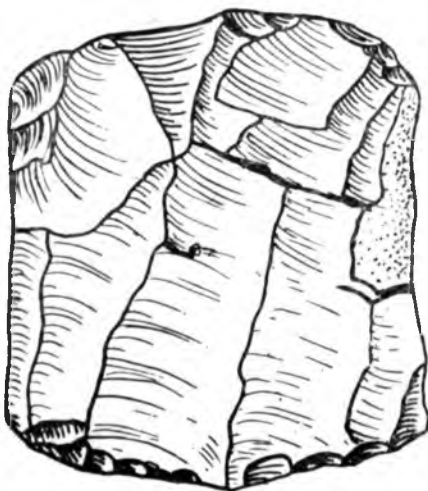
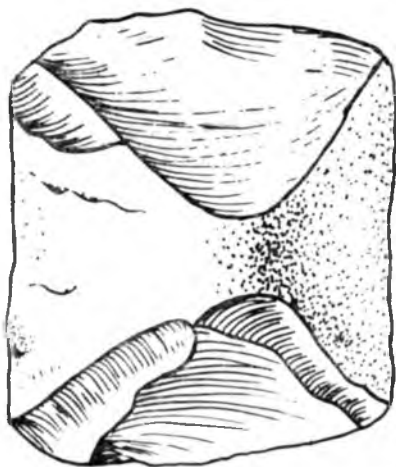

Рис. 2. Тесловидное орудие. Няньги.

Зарубино. Поселение найдено в 10 км ниже Усть-Кяхты на левом берегу р. Селенги А. П. Мостицем в 90-х гг.; затем оно исследовалось П. С. Михно в 1926 г. и Г. П. Сосновским. Последний в 1928 г., в 4 км выше с. Зарубино, на песчаных выдувах в одной котловине собрал кости джигетая, крупного оленя, горного барана, зайца, скорлупу яиц страуса, а также каменные изделия: 4 нуклеуса конической формы, много отщепов, 17 скребел, нуклеусы-скребки и нуклеусовидные изделия.

Против села Зарубино на правом берегу р. Селенги пункт I и II. В 1947 г. БМАЭ собраны на выдувах 23 изделия палеолитического облика: отщепы и пластины, скребки.

На правом берегу р. Селенги против водопоста Дудинского БМАЭ в 1947 г. собраны на высокой песчаной возвышенности (не менее 60 м) в котловинах выдувания: нуклеус, скребок концевое типа, пластины, отщепы.

Няньги. В 1947—1949 гг. в 1 км ниже ст. Няньги, в 196 км от Улан-Удэ на древней террасе левого берега

р. Селенги (терраса имеет скальный цоколь, высота ее около 20—15 м) собран БМАЭ обширный материал (около 400 предметов): в том числе: галек-заготовок — 5, нуклеусов (призматические, в том числе миниатюрные, пирамидальные, один — дисковидный) — 30, сколы с нуклеусов (9 экз.), крупные пластины

(28 экз.), скребел — 23, скребков — 61, нуклеусов-скребков — 11, оригинальных тесловидных инструментов и клиньев — 10; острокопечник, напоминающий мустьерские, обработанный с двух сторон.

Падь Ара-Цзокуй, вдали от Селенги. В 1926 г. следы палеолита открыты в песчаных котловинах П. С. Михно и С. А. Успенским. В 1928 г. здесь производил сборы Г. П. Сосновский. Найдены нуклеусы, скребла, скребки, ножевидные пластины. Обнаружена скорлупа яиц страуса.

В 12 км к юго-востоку от пади Ара-Цзокуй на песчаных выдувах у дер. Калинишной в Софроново П. С. Михно и Н. П. Смирнов в 1922, 1931 и 1935 гг. собрали 24 нуклеуса, в том числе миниатюрные и конические нуклеусы-скребки (19 экз.), скребки концевого типа (33 экз.), скребла (4 экз.), ножи из ретушированных широких пластин, один острокопечник, призматические пластины, 19 обломков скорлупы яиц страуса.

На левом берегу реки Селенги у полустанка № 187, пункт 1, против полустанка, на песчаных выдувах БМАЭ в 1947 г. собрано 25 каменных изделий: гальки-нуклеусы (2 экз.), нуклеовидные орудия, скребло и скребок концевого типа, а также пластины, сбитые с призматических нуклеусов, отщепы.

Там же, пункт II. Собрано 27 изделий из камня: отбойник, нуклеусы, в том числе нуклеовидные теслообразные изделия (3 экз.), скребла и скребки, остря, пластины и отщепы. Из пластин интересна одна с обработанными ретушью краем и концом, очевидно, служившая вкладным лезвием.

Сосновая падь (Ухаан-Эбер), на левом берегу р. Селенги, вдали от реки, в 12 км от Селендумы по Джидинскому тракту. В 1949 г. в замкнутой и безводной котловине БМАЭ собраны палеолитические изделия: нуклеусы, нуклеусы-скребки, массивные скребла с овально-выпуклым лезвием, небольшие скребки концевого типа, пластины, отщепы. Часть вещей обнаружена при раскопках в следующих стратиграфических условиях:

I. Гумусированный слой, 20—25 см.

II. Светло-серая супесь, обогащенная сверху мелкой галькой, 10—15 см.

III. Светло-палевая супесь, 20 см.

Номохоново. Пункт I. В 25 км выше г. Селенгинска на правом берегу р. Селенги. А. П. Мостиц в 1895 г. нашел здесь каменные изделия. В 1926 г. сборы были продолжены С. П. Михно и С. А. Успенским, которые нашли 27 каменных изделий и скорлупу яиц страуса. Найдены нуклеусы, нуклеусы-скребки, скребки, пластины. В 1928 г. в 2 км к юго-западу от с. Номохоново вел

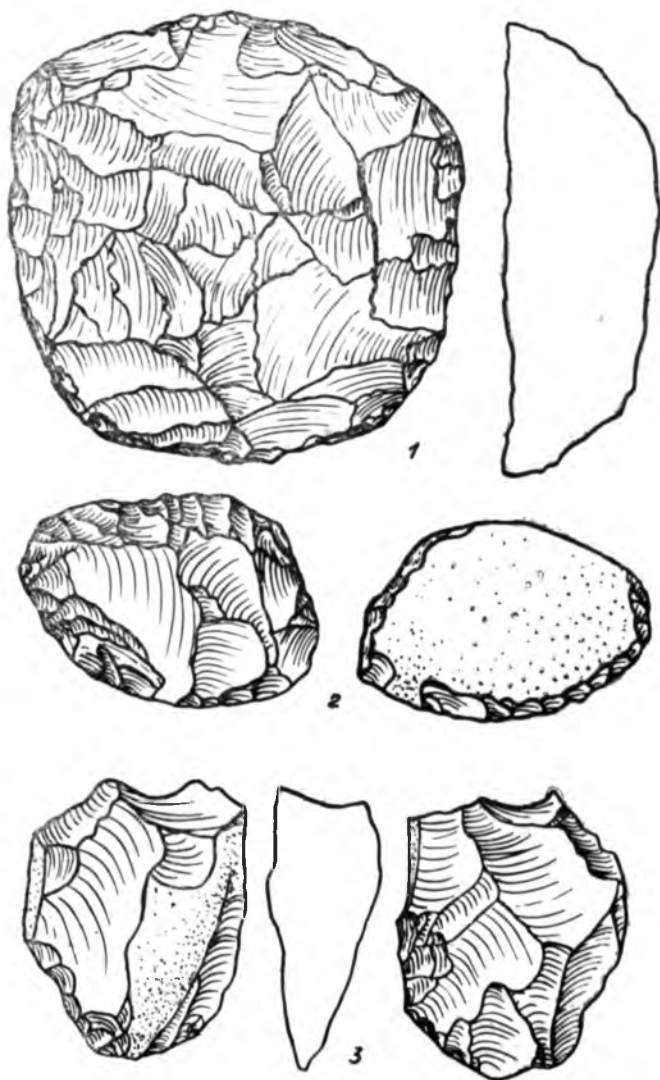
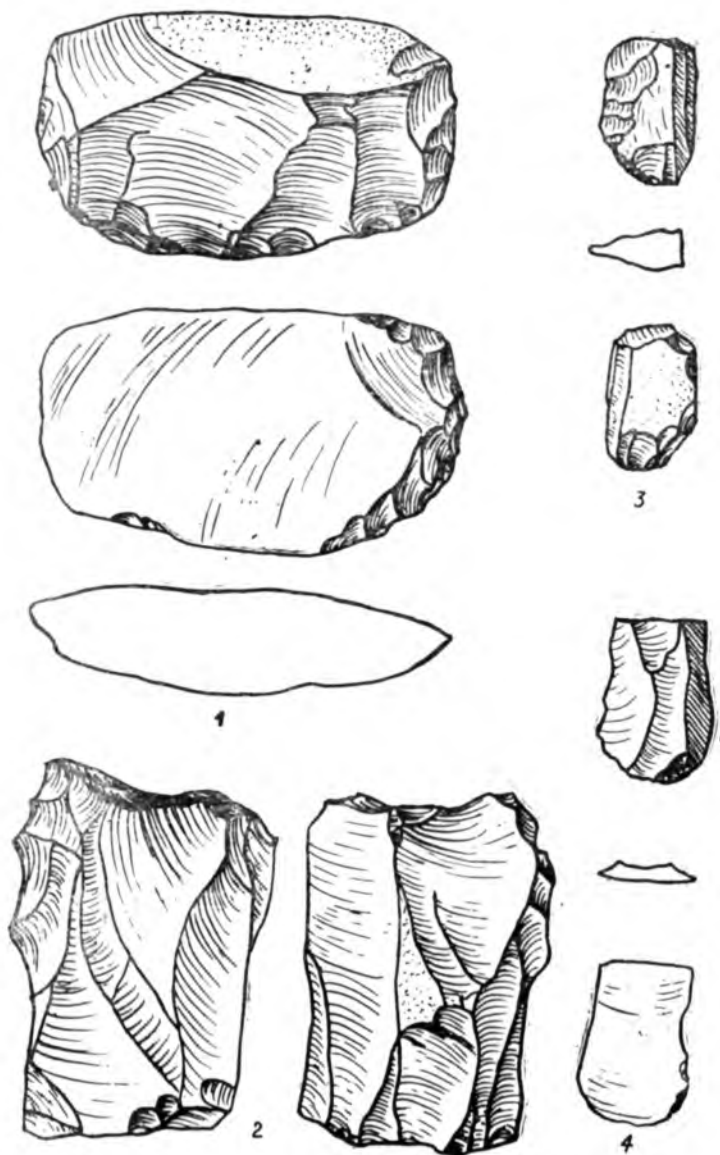

Рис. 3. 1 — дисковидное орудие типа скребла, 2 — скребло из гальки, 3 — заготовка нуклеуса. Няньги.

Р и с. 4. 1 — скребло, 2 — нуклеус призматического типа, 3, 4 —
пластинки (1 — из Ошурково, 2—4 — из Няньги).

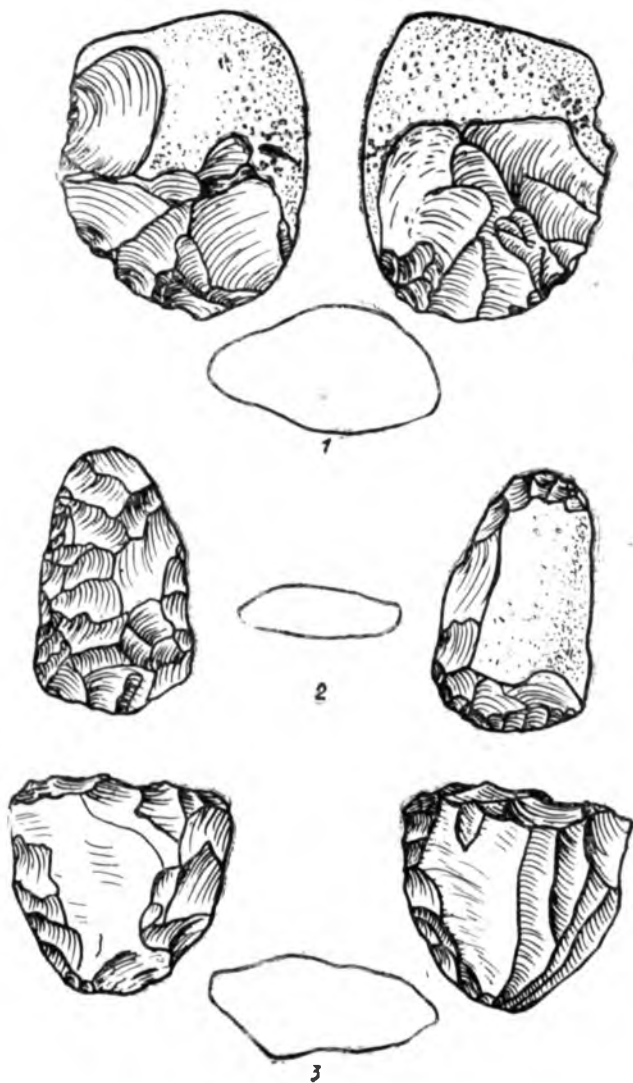

Рис. 5. 1, 2 — скребла из гальки, 3 — пуклеус-скребок. Няньги.

работы Г. П. Сосновский. В 1947 г. БМАЭ осуществлены сборы подъемного материала в двух пунктах: в пункте I и II.

Пункт II — выше деревни. Найдено шесть изделий: концевой скребок, 4 ножевидных пластины, обломок нуклеуса.

В первом пункте собрано 42 изделия: 2 призматических нуклеуса, 4 нуклевидных орудия, скребла, скребки, 29 ножевидных пластин, в том числе две с ретушью. Там же оказались 7 обломков скорлупы яиц страуса.

Селенгинск. Вдоль левого берега реки Селенги, ниже метеостанции, БМАЭ в 1947 г. зарегистрированы пункты с палеолитическими находками.

Пункт первый — у метеостанции. Найдены нуклевидное изделие с долотовидно-ретушированными концами, нуклевидное изделие, напоминающее скребло, проколка из отщепы.

Пункт второй — на террасе в поселке. Найдены нуклеус, оббитая галька, нуклевидное орудие, обломок ретушированной пластины.

Пункт третий — у подошвы скалистого мыса, на склоне горы. Найдены скребловидные орудия, нуклевидные изделия, пластина.

Пункт четвертый — во втором распадке за заимкой Бестужева (в 2—3 км ниже пристани) в обнажении береговой террасы высотой 3—4 м, в верхней части пролювиального слоя на глубине 30—40 см от поверхности найдены скребок, нуклеус-скребок, отщепы.

Пункт пятый — в том же распадке на противоположном мысу в тех же условиях найдены заготовки призматического нуклеуса, нуклевидное орудие, скол с нуклеуса и пластина.

Пункт шестой — в следующем распадке вниз по левому берегу Селенги найдены концевой скребок, пластины и отщепы.

С. Зуй. На высоком берегу Селенги ниже с. Зуй вблизи пещеры в 1949 г. БМАЭ найдены четыре нуклевидных изделия, два грубых остроконечника из широкой пластины, один — треугольный, другой — листовидных очертаний.

Гора Суслова, в 1,5—2 км ниже с. Зуй на правом берегу Селенги, в 1947 г. БМАЭ на первой надпойменной террасе собраны осколки галек и отщепы.

В 1,5 км ниже горы Сусловой, на вершине седловидной горы БМАЭ в 1947 г. найдены нуклевидное изделие, массивное скребло, массивная пластина.

В 1 км выше д. Караваново, на правом берегу р. Селенги, в 1947 г. БМАЭ собраны оббитые гальки, отщепы, в том числе с ретушью.

В полукилометре выше д. Караваново на том же правом берегу найдены отщепы, в том числе ретушированные, расколотые гальки, ретушированная пластина.

В 300 м ниже д. Караваново найдены нуклевидное изделие, скребок от отщепа, подпрямоугольных очертаний, ножевидные пластины.

Нижний Жирим. На правом берегу р. Селенги, в 3 км выше железнодорожной станции Ганзурино, на выдувах БМАЭ в 1947 г. обнаружено 39 каменных орудий. В том числе есть: отбойники (2 экз.); нуклеусы (5 экз.), нуклеус-скребок с доловидным концом, галечные орудия типа скребла с прямым лезвием (3 экз.); пластины (5 экз.), отщепы (13 экз.), оббитые гальки (8 экз.), отщепы и осколки.

Ошурково — многослойное верхнепалеолитическое поселение (о нем подробно в дальнейшем изложении).

Выше разъезда Мостового, в 1,5 км на левом берегу р. Селенги, в 29 км к северу от Улан-Удэ, на левом мысу распадка БМАЭ в 1948 г. на границе желтоватой супеси, мощностью около 20—30 см, и светло-желтой супеси обнаружены 28 изделий: три нуклеуса призматического типа, нуклевидное орудие с желобчатым лезвием на обоих концах; нуклевидные орудия, галечные (5 экз.) скребла, отбойники, пластины (3 экз.).

В 2 км ниже железнодорожного моста на правом берегу р. Селенги на песчаной террасе высотой около 30 м в 1948 г. БМАЭ обнаружена заготовка типично-палеолитического скребла.

В 1 км выше железнодорожного моста на левом берегу р. Селенги на террасовидном правом мысу небольшого распадка БМАЭ в 1948 г. собрано 22 изделия: призматический миниа-турный нуклеус, галька-отжимник, 13 ножевидных пластин, отщепы.

Д. Острог — в 3 км от д. Острог, на правом берегу р. Селенги, на высоте около 10—15 м по отношению к уровню реки в обресе песчаной террасы БМАЭ в 1948 г. обнаружено кострище. Под кострищем найдено нуклевидное изделие (2 экз.), нуклевидное орудие с теслообразно ретушированными концами, галечное скребло, отщеп.

В 5—6 км выше д. Фофаново, на правом берегу р. Селенги, на высокой древней террасе на глубине 1,5 м найден фрагмент остроконечника «мустьерского» облика и отщепы.

Фофаново. У д. Фофаново в обнажении сложенной сверху супесью террасы высотой около 15—20 м в 1926 г. А. П. Окладниковым, а затем в 1936 г. М. М. Герасимовым, в 1948 и 1950 гг. БМАЭ найдены призматические нуклеусы, отбойники, нуклевид-

ные орудия — скобели, оббитые гальки, пластины, дисковидный нуклеус, скребки, сколы с нуклеусов.

Фофаново, пункт второй. На вершине возвышенности, над неолитическим могильником, на развеейной песчаной поверхности БМАЭ в 1948 г. собрано 19 каменных изделий: большой призматический нуклеус, скребло, миниатюрный скребок, нуклеовидное орудие — типа скобеля, оббитые гальки, пластины и отщепы.

Фофаново, пункт третий, западнее описанного выше. Найдены скребок, отщепы, ножевидные пластины, скол с нуклеуса.

На 86 км вдоль железной дороги к северу от г. Улан-Удэ в 1948 г. БМАЭ на мысовидном выступе песчаной 20—25-метровой террасы в обнажении найдено 119 изделий из камня. Это были: 2 обломка нуклеусов (боковые сколы), три крупные пластины, снятые с призматического нуклеуса, 9 неправильных пластин, 2 узкие призматические пластины, осколки обработанных галек. Все эти изделия залегали под почвенным серым слоем на границе с нижележащим буро-коричневым слоем супеси. Глубже находился слоистый песок, а под ним — гранит. Весь комплекс находок относится, очевидно, к древней мастерской, где вчерне обрабатывался камень.

В долине Уды палеолитические культурные остатки обнаружены в устье р. Оны, правого притока р. Оны у подножия эффектного утеса Хотогой-Хабсагай, где находится много наскальных рисунков бронзового века.

На склоне возвышенности собрано 89 каменных изделий: 1 нуклеус пирамидальной формы, скребки, обломок острия, 42 пластины, в том числе 15 пластин с ретушью, отщепы и сколы с нуклеусов

Долина р. Чикоя:

Дурены, на левом берегу р. Чикоя, в 25 км к востоку от Кяхты на выдувах с 1890 по 1923 г. П. С. Михно собрал более 200 орудий из камня. Позже, в 1928 г., здесь работал Г. П. Соновский. Имеются нуклеусы призматической формы, нуклеусы-скребки, скребла, скребки концевое типа, миниатюрные скребочки, ножи из широких пластин с ретушью, наконечник копья двухсторонне-ретушированный.

Хара-Бусун. На правом берегу р. Чикоя, в 4—5 км от дер. Полкановой по тракту и в 3 км от улуса Хара-Бусун. На выдувах в 1928 г. П. С. Михно и Лисовский, в 1929 г. А. Н. Виноградова, в 1930 и 1935 гг. П. С. Михно собрали нуклеусы, нуклеусы-скребки, скребки, скребла, пластины.

Д. Береговая. А. П. Мостицем в 1896 г. на выдувах собраны

нуклеусы-скребки (3 экз.), 4 концевых скребка, пластины с резцовым сколом и ретушью, боковой скол с нуклеуса.

С. Евдай, в 10—12 км от д. Береговой, на правом берегу р. Топки. А. П. Мостиц в 1896 г. нашел 8 нуклеусов, 14 концевых скребков, 1 скребок из гальки, 24 ножевидные пластины.

Д. Мельникова, на правом берегу р. Чикоя. В 4 км ниже деревни А. П. Мостицем в 1896 г. найдены пластины и ножевидные пластинки, а также двухсторонне-ретушированный наконечник листовидной формы.

Д. Поворот, между рр. Селенгой и Чикоем. Найдены 6 нуклеусов, 4 концевых скребка, 11 узких ножевидных пластин. В устье р. Чикоя на левом берегу в 1949 г. БМАЭ на выдувах собрано 20 каменных изделий и один обломок скорлупы яйца страуса. Среди каменных орудий имеются массивные скребки, скребки, близкие к концевым, сколы с нуклеусов, расколотые гальки, отщепы, пластины.

Долина Хилка.

Между Цолгинскими увалами и с. Подлопатки в обширной котловине выдувания обнаружены обломки скорлупы яиц страуса и пять каменных изделий: заготовка нуклеуса, отбойник, скребок, отщепы.

Таким образом, на юге, в районе Кяхты сейчас известно 7 местонахождений. В долине р. Савы — 2. По Селенге от Наушек и до Селенгинска — 22. Ниже Селенгинска, на севере селенгинской долины — 22. В долине р. Уды — 1. На Чикое — 6 и на Хилке — 1. На Джиде — 1.

Кроме того, находки палеолитического облика, помимо ранее известных по сборам С. И. Руденко (Дурунгуи) и А. К. Кузнецова (Онон, Ингода), зарегистрированы у г. Читы (Титовская Сопка) и на Шилке (с. Шилкинский завод, д. Куларская). В Монгольской Народной Республике близкие памятники найдены по дороге из Кяхты в Улан-Батор, в районе г. Улан-Батора на р. Толе, на р. Орхоне вблизи монастыря Эрдени-Дзу, а также в Гоби в районе Далан-Дзадагада и, по-видимому, на Халхин-Голе (у горы Хере-ула).

Каковы же общие черты древней культуры Забайкалья и ее возраст? Начнем ее анализ с материала, который употреблялся палеолитическим населением Забайкалья для изготовления каменных орудий труда.

В коллекциях музеев Читы, Кяхты, Улан-Удэ, Иркутска, Ленинграда имеются сотни каменных изделий из палеолитических памятников Забайкалья. Судя по ним, наиболее характерной отличительной чертой этих изделий, резко выделяющей их на фоне более поздних, неолитических изделий на той же тер-

ритории является, прежде всего, материал, из которого они сделаны — темная, зеленовато-серая или совсем черная, плотная кремнистая порода, лидит, как называл ее Г. П. Сосновский. В неолите Забайкалья, наряду с этой породой, применявшейся преимущественно для изготовления крупных орудий при выделке стрел, мелких вещей, например, вкладышевых пластин или наконечников, употреблялся иной материал: халцедон, различные яшмовидные породы и кремнь, в том числе кремнь характерного для Забайкалья зеленого цвета.

В соседнем же Прибайкалье палеолитического времени главным материалом служили тоже другие породы: желтый аргиллит, белый кварцит или серый полосчатый кремнь из известняков кембрийского возраста.

Такое различие в материале каменных изделий настолько резко и определенно, что и на самых близких к Прибайкалью местонахождениях — в районе Фофаново и на 176 км, у самого Байкала, нет ничего, кроме изделий из черного лидита. И точно так же, стоит перейти Байкал и спуститься вниз по Ангаре до Иркутска, чтобы увидеть совершенно иной по цвету материал, из которого эти палеолитические орудия изготовлены, набор каменных вещей — желтых, серых или белых, но никогда не черных.

Во всяком случае, на прибайкальских поселениях палеолитического времени нет ни одного предмета, изготовленного из черного лидита.

Отсюда следует вывод о том, что в отличие от последующего, неолитического, времени палеолитические обитатели Забайкалья, по-видимому, не имели каких-либо определенных и постоянных связей друг с другом. Байкал разделял их как непродолимый естественный рубеж.

Но тем интереснее некоторые общие черты культуры палеолитического поселения Прибайкалья и Забайкалья, выраженные в единообразии приемов изготовления каменных орудий и их формы.

Черты эти свидетельствуют об исконном культурном единстве обеих групп древнейшего населения Восточной Сибири, а следовательно, и о их первоначальном родстве, о единстве их происхождения, или иначе, о том, что они принадлежали к одной этнической группе отдаленнейшего прошлого.

Как давно уже установлено, палеолит Забайкалья характеризуется, в основном, теми же типами каменных орудий, что и в Прибайкалье, а также на Енисее, в Якутии, на Алтае.

Кратко опишем каменные орудия забайкальского палеолита и приемы их изготовления.

Обработка камня производилась каменными отбойниками и отжимниками в виде галек, на концах которых уцелели характерные выбоины, образованные от ударов о твердый камень.

Встречаются также гальки-наковальни, о назначении которых свидетельствуют характерные метки от ударов на галечной гладкой корке камня, нередко образующие небольшие скопления в виде неглубоких впадин-выбоин.

Основным сырьем служили целые гальки, из которых выделялись крупные орудия и нуклеусы, в последних снимались пластины и отщепы. Нуклеусы делятся на два основных вида — призматического типа и дисковидные. Дисковидные нуклеусы встречаются редко, призматические обычны.

При этом сразу же нужно отметить характерное сочетание типичной для верхнего палеолита Запада техники изготовления каменных орудий из пластин, снятых с призматического нуклеуса с иной техникой, со способом изготовления их не из пластин, а из целых расколотых галек.

Характерно также сочетание вещей типично верхнепалеолитических по их облику и технике изготовления с иными вещами — архаического вида, напоминающими, правда, не ашельские или шелльские изделия, как думали раньше, а скорее — мустьерские.

Таковы, прежде всего, крупные скребловидные инструменты. Эти орудия обязательно встречаются на каждом сколько-нибудь обильном вещами палеолитическом поселении, в любой, сколько-нибудь крупной коллекции. Они известны десятками в одних и тех же формах. По очертаниям они обычно приближаются к овалу, причем лезвие их находится на одном длинном краю и выпукло, а противоположный длинный край служит рукоятью. Одна или обе широкие поверхности этих скребел оформлены широкими выравнивающими сколами, тогда как лезвие часто обработано более мелкой и крутой ретушью.

Второй архаический элемент в наших палеолитических коллекциях — острия, напоминающие по очертаниям мустьерские, иногда даже сделанные из пластин, очень близких к мустьерским, как длинным, узким, леваллуазским, так и широким, собственно мустьерским — массивным, коротких пропорций. Подобно мустьерским треугольным остроконечникам, они обработаны ретушью по самому краю, а иногда их поверхность тоже оформлена широкими поперечными сколами. К ним близки также и другие острия типа проколов, иногда с отчетливо выделенной рукоятью и узким верхним концом.

Третий архаический элемент в этих коллекциях — нуклеусы дисковидного типа.

Но все это выступает, как сказано, вместе с типичными для верхнего палеолита призматическими нуклеусами и снятыми с них пластинами.

Среди призматических нуклеусов часто встречаются широкие и крупные, с неправильными, параллельными, продольными и широкими фасетками, но есть и небольшие, узкие.

Перед пуском в дело одна сторона нуклеуса призматического типа или все их стороны обрабатывались и выравнивались поперечными плоскими сколами. Отбивной площадкой служила плоскость раскола камня. Иногда эти площадки выравнивались ретушью. Сработанные до предела нуклеусы часто имеют коническую форму или вид узких многогранных призм-цилиндров.

Особый вариант этих палеолитических нуклеусов представляют специфические нуклеусы-скребки. У этих нуклеусов обычно с одного массивного края имеются фасетки обычных продольных сколов, а противоположный край дугообразный, приостренный ретушью в виде лезвия. Второй вариант нуклеуса-скребка отличается тем, что на поперечном конце, противоположном ударной площадке, имеется желобчатое, прямое или даже вогнутое лезвие.

Снятые с призматических нуклеусов крупные пластины чаще бывают широкими с двумя гранями на спинке, т. е. треугольные в сечении, реже — с тремя гранями. Мелкие пластинки, напротив, узкие, часто с тремя параллельными гранями на спинке. Многие мелкие пластинки имеют ретушированные края — лезвия. Это были, очевидно, вкладные лезвия для деревянных или костяных вкладышевых орудий. Из крупных пластин делались ножи с характерной довольно крутой ретушью, вдоль одного или обоих краев. Из широких массивных пластин, обычно расщепленных поперек, выделялись скребки концевоего типа, иногда их длинные стороны тоже ретушировались.

Скребки выделялись также из отщепов. Обычно это широкие скребки с выпуклым лезвием на одном крае. Для таких скребков обычно характерна различная толщина лезвия, она толще с одного конца и тоньше с другого.

Часто встречаются скребки из отщепов удлинённых пропорций, расширенные в сторону лезвия и суженные к основанию — «языковидные». Есть скребки двухконечные. Изредка встречаются правильные дисковидные скребочки миниатюрных размеров.

Что касается наконечников, то здесь имеются изделия, близкие к сюльтрейским Европы. Это — листовидные массивные наконечники дротиков или клинки ножей. В поперечнике они имеют вид линзы, обе поверхности их тщательно обработаны

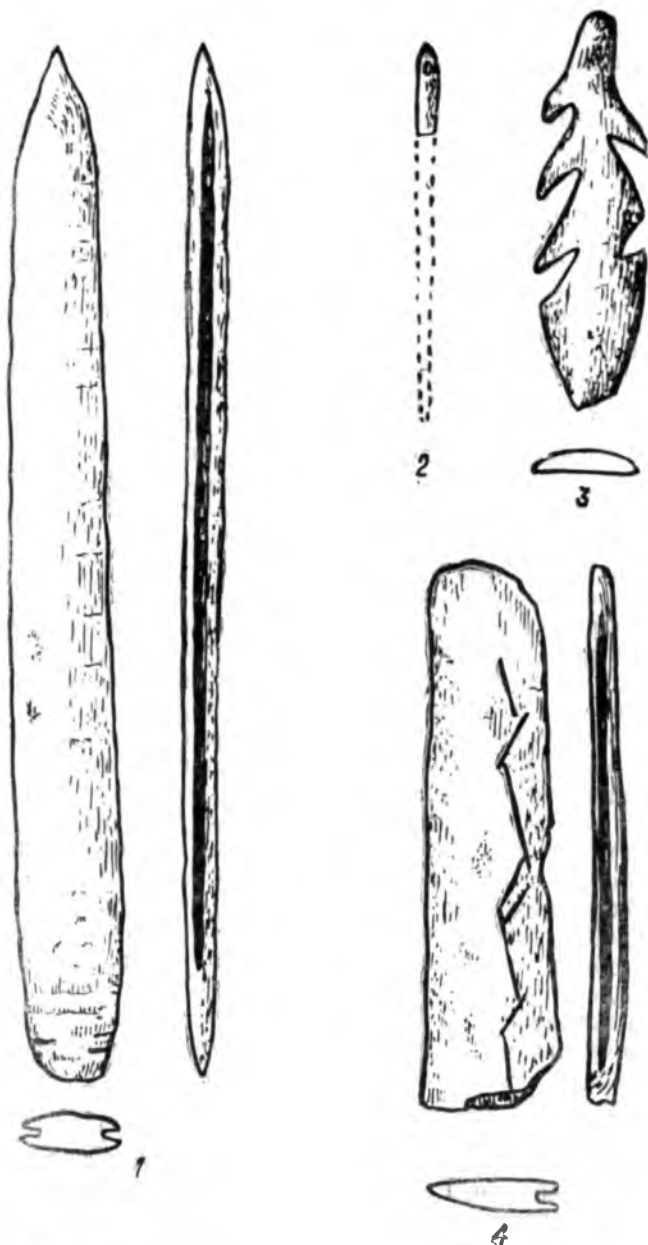

Рис. 6. 1, 4 — вкладышвые орудия, 2 — игла костяная, 3 — наконечник гарпуна. Ошурково.

выравнивающей ретушью. За Байкалом обычно эти наконечники сравнительно узкие и длинные, чем они отчасти и отличаются от плоских и широких наконечников Верхоленской горы и Ушканки у Иркутска на Ангаре.

Все эти вещи близки, в общем, к обычным в верхнем палеолите Запада.

Они естественным образом сопровождаются и хорошо сделанными костяными изделиями, орудиями труда и даже украшениями. Костяные изделия известны только со стоянки Ошурково. Там найдены три костяных вкладышевых орудия. Два из них представляют собой плоские клинки с узкими неглубокими пазами для вставных каменных лезвий. Пазы находятся вдоль обоих краев клинков. В нижней уплощенной части клинков заметны штрихи, способствовавшие, очевидно, более прочному закреплению клинка в древке. Судя по этой детали, такие клинки, скорее всего, могли употребляться как наконечники копий. Третий такой предмет — плоский клинок ножа, у которого паз имеется только с одной стороны. Таким образом, в Ошурково обнаружены оба типа вкладышевых клинков, которые затем становятся характерными для сибирского неолита: наконечники копий с двумя лезвиями и однолезвийные ножи.

Там же найдены небольшие поделки из кости и, что особенно интересно, гарпун. Гарпун этот вырезан был из рога оленя, он плоский с боковыми выемками для привязывания, «азильского» типа. По форме и технике изготовления он такой же, как широко известные в литературе гарпуны с Верхоленской горы.

Вместе с тем здесь имеются и такие вещи, которые столь же необычны для верхнего палеолита Запада, как и смешение архаических черт техники изготовления каменных орудий с верхнепалеолитическими приемами.

Таковы, прежде всего, крупные скребловидные орудия в виде массивных и тяжелых скребловидных инструментов, изготовленных столь же характерным, как и простым способом, упомянутым выше.

Для этого гальку подходящей формы разбивали пополам одним сильным поперечным ударом. Затем один конец оставляли без какой-либо обработки с тем, чтобы он служил рукоятью. Противоположный же конец, т. е. плоскость раскалывания затысывали рядом широких, крутых, иногда почти вертикальных, сколов и затем еще подправляли мелкой вторичной ретушью. Лезвие таких орудий было, как правило, слегка выпуклое или прямое, а иногда, но очень редко, вогнутое. Их можно назвать галечными скреблами, или точнее — скобелями. Иногда такие

скребла обрабатывались целиком сколами или даже выделялись из массивных отщепов и сколов, а не из целых галек, но и тогда они сохраняют свою характерную форму, свое полулунно-выпуклое дугообразное и массивное лезвие.

Наряду с ними отмечаются своеобразные орудия, тоже из целых галек, скорее типа тесла, чем скобеля. Эти тесла бывают с прямым или слегка вогнутым желобчатым лезвием, а иногда и двойным, т. е. оформленным на обоих противоположных концах гальки.

Особый вариант таких тесел представляют нуклевидные изделия, одна широкая поверхность которых оформлена широкими продольными фасетками, оставшимися от снятых широких пластин. Другая сторона сохраняет галечную корку или затесана сколами. Лезвие поперечное, ретушированное.

Еще один вариант орудий представляют нуклевидные орудия типа рабо с клиновидным лезвием. Лезвие это обработано продольными фасетками, направленными, однако, навстречу фасеткам рукоятки и имеющим в конце характерные защепы — резцового типа.

Эти последние вещи похожи на нуклевидные орудия Запада, известные уже в ориньяке. Но их отличает наличие нетронутой галечной корки, остающейся на конце, противоположном рабочему краю, на рукояти, подобно тому, как это мы видим на древнейших ручных рубилах Европы и Африки.

Все эти крупные вещи могут быть определены как орудия, предназначенные для обработки дерева. Овальными скреблами — скобелями, скорее всего, резали и скоблили дерево, вырезая и выглаживая древко копий и тому подобные изделия.

Остальные виды крупных каменных орудий служили, как сказано, скорее, теслами.

Таков, в общем, инвентарь забайкальских палеолитических поселений, сближающий их с сибирским палеолитом.

Но памятники последнего, как известно, делятся на различные культурно-хронологические группы.

Главных таких групп сейчас известно две: а) типа Мальты и Бурети, а также Военного госпиталя; солотрейско-мадленская по западным масштабам; б) стоянки типа Афонтовой горы и следующие за ними позднепалеолитические поселения, мадленско-азильские, как их иногда условно называют, сравнивая с палеолитом Европы.

В целом, как мы видели, все известные сейчас памятники забайкальского палеолита сближаются с той группой палеолитических памятников Сибири, которая на Ангаре хронологически

следует за поселениями типа Мальты и Бурети, а также Военного госпиталя.

Сюда же входит в целом и весь енисейский палеолит, поскольку на Енисее, как и за Байкалом, пока еще не обнаружено таких поселений, которые по культуре и возрасту можно бы сблизить с ангарскими поселениями типа Мальты и Бурети.

Памятники палеолита Енисея, тем не менее, как установлено В. И. Громовым, на основании геологических данных и фауны расчленяются на три хронологические группы.

На Селенге, пока, еще нельзя расчленить палеолит так отчетливо, но все же сейчас ясно, что памятники забайкальского палеолита и четвертичные отложения, с которыми они связаны, тоже хронологически неодновременны.

Очень важно для расчленения четвертичных отложений и периодизации четвертичной эпохи в Забайкалье выделение наиболее раннего, известного сейчас, фаунистического комплекса, ставшего известным по находкам на горе Тологой около г. Улан-Удэ.

По наблюдениям Н. А. Флоренсова, гора Тологой представляет собой «типичный останцевый массив между Иволгинско-Удинской котловиной и долиной Селенги и, несмотря на свое изолированное положение, несомненно, образует структурное целое с главной массой Ганзуринского крыжа, параллельно р. Селенге».

Вершина горы Тологой и ее коренные склоны, обращенные к Селенге, сложены массивными красными аплитовыми гранитами, образующими при выветривании мощные пластинчатые и матрацевидные отдельности.

С севера к гранитам горы Тологой примыкает рыхлая толща высокой (сорокапятиметровой) террасы, причем непосредственный контакт между ними не виден. Но, судя по расположению обнажений гранитов на западном склоне горы, рыхлая толща налегает на граниты по поверхности, довольно круто наклоненной на север.

Терраса сложена сверху рыхлыми лессовидными суглинками мощностью около 4—5 м, глубже залегают слои песков и супесей. Эта рыхлая толща, по мнению Н. А. Флоренсова, состоит из отложений чуждых реке Селенге. Состав и характер слоистости рыхлой толщи указывают на ее принадлежность не к речному, а к дельтовому или озерному типу.

Относительно происхождения этих отложений он пишет, что «район современного поворота Селенги к северу располагался в ледниковую эпоху на окраине перигляциальной области. Песчаные отложения, подобные тем, что примыкают с севера

к горе Тологой, могут рассматриваться как озерные, дельтовые и в отдельных случаях, как задровые, но подвергнутые перетолжению в озерных условиях».

Отложения эти близки, говорит Н. А. Флоренсов, к мощным межледниковым отложениям в Тункинской, Баргузинской и др. впадинах байкальского типа. Сама же озерная котловина, где отлагалась эта рыхлая толща, принадлежит, по его словам, к числу тех, которые возникли на краях и внутри древних депрессий — областей прогибания и куда сносились с окружающих хребтов продукты выветривания.

В основании террасы, в красном слое, найдены конкреции с костяками животных гиппарионовой фауны.

В верхней же части слоистых супесей и песков в этой 45-метровой террасе, на глубине около 8—10 м, мною обнаружены были костеносные линзы, располагавшиеся на одном уровне. В этих линзах залежали кости различных животных, образовавшие целые скопления площадью около 5—10 м². Здесь были найдены кости винторогой антилопы, мамонта, шерстистого носорога, первобытного зубра, большерогого оленя (мегалоцероса), северного оленя, лошади, крупного хищника — гиены. При этом кости одного и того же животного, главным образом конечности, нередко располагались в анатомической связи.

Среди костей этих животных встречались и целые черепа, в том числе шерстистого носорога и винторогой антилопы.

Здесь найдены были также обломки скорлупы яиц страуса и кости рыб.

Нам пока еще неизвестно за Байкалом следов человека, который мог бы стать современником этого весьма раннего фаунистического комплекса (среднеплейстоценового). Однако их следует искать, и очень вероятно, что они будут найдены — как в Китае. Следует вспомнить по этому поводу, что В. И. Громов отмечал в своих работах находку в Забайкалье на Селенге черепной коробки винторогой антилопы с роговым стержнем, срезыанным кремневым орудием⁹.

К последующему этапу четвертичного периода следует отнести некоторые фаунистические находки на древних террасах р. Селенги, в состав которых входят кости шерстистого носорога, лошади, джигетая (Харанхой, сборы П. С. Михно), крупного оленя, горного барана (в 4 км выше с. Зарубино, сборы П. С. Михно). Сюда же можно условно отнести археологические

---

⁹ См.: В. И. Громов. Элементы африкано-азиатской фауны в четвертичных отложениях Сибири. — «Бюлл. Инф. бюро ассоц. по изуч. четвертичных отложений Европы», № 2; его же: Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений, стр. 372, 435.

находки в Усть-Кяхте на пункте № 3 (1947—1949 гг., сборы БМАЭ).

На Ангаре с таким фаунистическим комплексом связаны поселения типа Мальты, Бурети и Военного госпиталя, соответствующие по европейским масштабам, примерно солютре и раннему мадлену.

На Селенге наиболее интересны в связи с этим отмеченные находки в Усть-Кяхте на пункте № 3. В них с первого же взгляда заметно сходство некоторых орудий с находками в нижних слоях Афонтовой горы на Енисее. Так, например, массивное дисковидное скребло из сборов 1947 г. и крупные скребла, сопровождавшие его.

Вещи эти аналогичны найденным на Афонтовой горе, в наиболее ранних ее культурных слоях. В более поздних поселениях на Енисее и Ангаре такие вещи отсутствуют.

Возможно, следовательно, выделить из палеолитических находок на Селенге комплекс находок, близких к древнейшим поселениям верхнего палеолита на Енисее. Для фауны этих поселений должны быть характерны: мамонт, носорог, а также джигетай, лошадь. Время их по схеме В. И. Громова — позднеледниковое (бурмское).

Следующий этап в истории верхнепалеолитического человека и его культуры за Байкалом представлен находками в Ошурково.

Стоянка Ошурково находится около дер. Ошурково вблизи нижнего по течению реки конца этой деревни. Деревня расположена вдоль левого берега реки Селенги, в 14 км к северо-западу от г. Улан-Удэ, на пологом восточном склоне невысокой сопки и в долине небольшой речки, ключа, носящего то же название, что и деревня. В этом месте прослеживается серия речных террас со сглаженным рельефом.

Первая из них пойменная терраса — луг, высота ее над рекой Селенгой — 1,5 м. Пойменная терраса покрыта ложбинками — следами протоков.

Около стоянки видна надпойменная терраса высотой около 1 м по отношению к пойменной.

Согласно описанию Н. А. Флоренсова, «находки остатков палеолитической культуры приурочены к тыловой части следующей, сравнительно узкой и низкой (6—8 м над урезом реки в малую воду) левобережной террасы р. Селенги, непосредственно примыкающей к коренному склону. Последний сложен мелкозернистыми аплитовидными гранитами, вероятно, докембрийского возраста».

У дер. Ошурково терраса сливается с конусом выноса одноименной широкой пади. Со стороны Селенги конус оформлен крутым уступом. Тотчас за северным концом села терраса суживается и далее к северу выклинивается, причленяясь к коренному склону. На участке раскопок терраса морфологически выражена недостаточно четко, так как часть ее уничтожена дорожной выемкой, а закраина замаскирована продуктами делювиального смыва с крутого склона. Схематический план и поперечные профили дают общее представление о морфологии этого участка.

Уже первый беглый осмотр местности искусственных размеров показывает, что ошурковская терраса, несущая в своих верхах остатки палеолита, представляет в основном делювиальное образование, или точнее, внутреннюю смешанную часть террасы р. Селенги, наружный собственно аллювиальный край которой в данном месте уничтожен рекой в современную стадию новейшего эрозийного цикла. Этот вывод подтверждается и разрезом террасы, составленным на участке археологических раскопок. В верхней части разреза мы видим преимущественно желтые известковые, частью лессовидные делювиальные супеси, содержащие примесь мелкого гранитного гравия, а также темного органического вещества, располагающегося то отдельными линзами, то в виде двух-трех горизонтов ископаемой почвы. С ними и связаны три культурных слоя. Ниже начинают встречаться тонкие, ясно обособленные прослойки зеленовато-серой вязкой глины, свидетельствующие о существовании заболоченных низин, заливов или стариц в период накопления осадков террасы. Переслаивание песков, глин и супесей по мере углубления становится частым и тонким. Вначале зеленовато-серые глины преобладают над песками, ниже, наоборот, доминируют пески, уже довольно однородные, чистые, вполне речного (руслового) типа. В основании разреза, гипсометрически отвечающем уровню современной высокой поймы р. Селенги, залегает разнородный, местами слабо косослоистый речной песок с галькой, типичный для Западного Забайкалья кристаллических пород.

Таким образом, нижняя часть разреза ошурковской террасы обнаруживает нормальную смену слоев аллювия различного состава (снизу вверх: галечники, пески, глинистые осадки); выше среди них появляются «языки» делювия, а верхняя закраинная часть террасы на участке раскопок прикрыта чехлом делювиальных супесей и песков. К этим покровным лессовидным образованиям приурочены горизонты погребенных почв и три культурных слоя. Последние заключены в вертикальном интервале около 1,3 м. Следовательно (как это и должно, конечно, быть), поверхность террасы стала обитаемой уже после завершения русловой

(пойменной) аккумуляции у левого склона долины Селенги, но смыв со склонов после этого еще долго продолжался и не закончился до сих пор.

В культурных слоях Ошурковской стоянки обнаружены вместе с типично палеолитическими изделиями кости следующих животных: зайца, первобытного зубра, благородного оленя, северного оленя, лося, кабана. Этот состав фауны, по мнению зоологов, изучавших кости животных, найденной в Ошурково, свидетельствует о сокращении в низовьях р. Селенги открытых пространств и распространении леса по сравнению с более ранним временем.

Культура обитателей стоянки оставалась, однако, несмотря на изменения в природе, типично палеолитической по технике изготовления орудий труда и по их составу.

Здесь обычны все характерные для палеолита Сибири предметы, в том числе галечные скребла, изготовленные из расколотых поперек галек.

Очень интересно вместе с тем появление вкладышевых орудий и гарпунов типа найденных на Верхоленской горе (в нижней части культурной толщи этой стоянки) и отсутствие таких массивных архаических орудий, как на стоянке в Усть-Кяхте.

Для характеристики образа жизни обитателей Ошурковской стоянки существенно обилие рыбных костей, которые густо заполняли очажные скопления. Судя по этому, рыбная ловля теперь впервые стала важным занятием и источником существования, наряду с охотой.

Помимо трех основных культурных слоев при дальнейших раскопках в Ошурково был прослежен и еще один, самый верхний, культурный горизонт. Принадлежащие к этому горизонту изделия были представлены отщепами, оббитыми гальками и ножевидными пластинками правильных очертаний. Эти вещи залегали в самой верхней части лессовидной супеси, под дерновым слоем. К тому же времени могут быть отнесены и некоторые другие древние поселения, например, в 2,5—3 км выше дер. Ошурково на том же левом берегу р. Селенги, а также Усть-Кяхта, пункты I и II, Херексурин-ури, Ивашка, Дюрбен и некоторые другие.

Их можно отнести уже к раннему неолиту. Самой характерной чертой является, с одной стороны, полное отсутствие или крайняя редкость древних форм каменных изделий в виде острокопечников мустьерского облика, крупных дисковидных или овальных скребловидных орудий, нуклевидных скобелей.

Вместо крупных скребел распространяются мелкие скребки правильных форм, часто концевые и дисковидные, близкие к

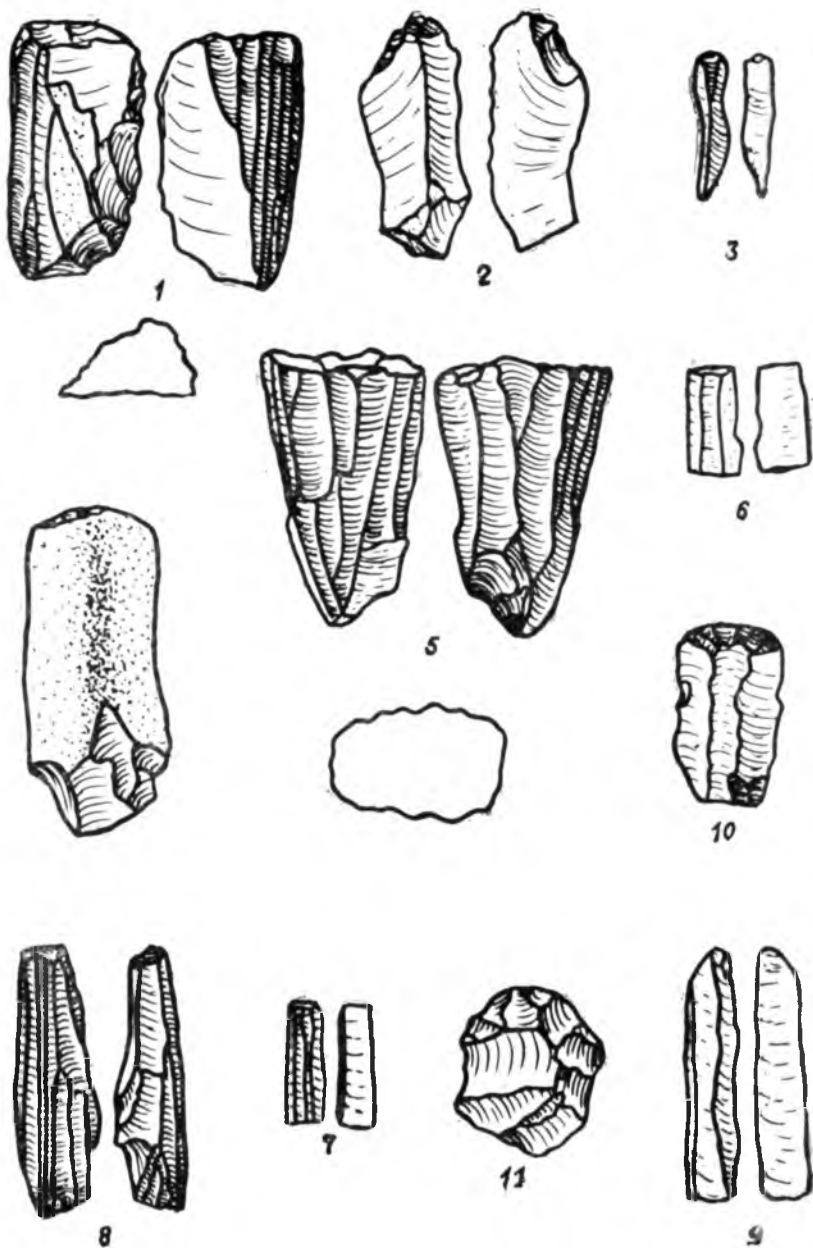

Рис. 7. 1, 5 — нуклеусы призматического типа, 2, 3, 6, 7, 8, 9 — ножевидные пластины (а — пластинчатый скол с гальки), 10, 11 — скребки. Пункты I и II в Усть-Кяхте.

неолитическим «даурской» культуры. Исчезают прежние крупные нуклеусы и пластины; господствуют зато широко изящные призматические нуклеусы и соответствующие им тонкие, узкие пластинки, симметрично ограниченные, со строго параллельными длинными фасетками.

Очень интересны также изредка встречающиеся на р. Селенге в подъемных сборах своеобразные наконечники с боковой выемкой у основания вдоль одного края.

Для техники оформления этих пластинчатых наконечников характерно то, что поверхность их остается без обработки ретушью, ретушируются только края, да и те отчасти. Ретушью оформляется только боковая выемка у основания. Ретушируется иногда кончик острия, но тоже только отчасти, с одной стороны, с брюшка пластины. Следует отметить противолежащий характер этой ретуши. В то время как кончик острия ретуширован со стороны брюшка, боковая выемка образована ретушью, нанесенной со стороны спинки пластины.

В этих наконечниках, изготовленных из черного кремнистого камня, следует видеть древнейшие наконечники стрел, аналогичные или близкие по времени раннеолитическим наконечникам из пади Хиньской на Ангаре¹⁰. Г. Ф. Дебеч насчитывает 5 таких изделий из долины р. Уды, 4 — из Баргузина, 7 — из долины Онона и Ингоды. Сюда же, по-видимому, относятся первые топоровидные или тесловидные орудия, уже напоминающие неолитические, но только оббитые. Я нашел их и в МНР, на поселениях палеолитического облика в окрестностях Улан-Удэ и на р. Орхоне против монастыря Эрдени-Дзу.

Таким образом, на всем протяжении своего длительного существования палеолитическая культура Забайкалья была весьма однообразной. В ней тысячелетиями продолжали существовать устойчивые традиции, определяющие ее общий облик. Традиции эти в основе были общими для всего палеолитического мира Северной Азии и, очевидно, имеют какие-то общие источники.

Мы сравнивали до сих пор палеолит Забайкалья с палеолитическими памятниками, известными к западу от Байкала, — палеолитом Ангары, Лены, Енисея, Оби. Однако, как свидетельствуют фаунистические данные, на что не раз указывал

¹⁰ См. наконечник этого рода, найденный Г. Ф. Дебечем в 1928 г. в 7 км от Усть-Кяхты в долине р. Савы (стоянка «Усть-Кяхта II»). Гос. музей антропологии МГУ, колл. 342—630; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА СССР, 1950, № 18, стр. 157—164; Г. Ф. Дебеч. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья, стр. 159, 168, табл. VII, рис. 7.

В. И. Громов, четвертичные отложения Забайкалья отличаются от четвертичных отложений остальной Сибири наличием таких видов животных, как страус и винторогая антилопа. А эти виды животных связаны с животным миром Северного Китая.

Относительно поздних верхнепалеолитических памятников за Байкалом, начиная с нижних слоев в Ошурково, следует сказать, что в них можно видеть дальнейшее и во многом своеобразное развитие тех культурно-технических традиций, которые исстари были свойственны палеолитическим обитателям Востока и чужды Западу, т. е. Европе, а также Передней Азии, Индии и Африке.

Но события палеолитической истории Восточной Сибири в целом, несомненно, были еще сложнее, еще богаче.

В них принимали участие, нужно думать, не одни только племена Востока, но и их западные современники. Такие поселения, как Мальта, Буреть, Военный госпиталь, свидетельствуют, что в очень ранние времена в контакт с восточными племенами, первоначальниками Центральной и Средней Азии, вступили иные, западные по их культурно-этнической принадлежности верхнепалеолитические племена, потомки и родичи солютрейцев и мадленцев Восточной Европы.

Еще интереснее, что в Казахстане и на Алтае обнаружены сейчас такие памятники верхнего палеолита, в которых видны еще более резкие, чем в остальной Сибири, черты мустьерской культуры, очень близкой и леваллуа-мустьерской культуре Средней Азии, в частности к новым находкам на Сыр-Дарье в районе Ленинабада и Науката. При этом здесь, в северном Казахстане, по-видимому, прослежена и определенная смена более примитивной культуры типа Каная, связанной как ордосские древнейшие находки с базальтовым галечником. Более же поздняя культура тоже целиком связывается с эпохой образования лесса. В фауне ее, судя по находкам в Усть-Канской пещере на Алтае, имеется та же винторогая антилопа, как и в Северном Китае.

Любопытно в связи с этим, что собственно мустьерские черты в палеолите Сибири как будто ослабевают по направлению на восток от Алтая. Во всяком случае, остроконечники мустьерских (или точнее, мустьерско-леваллуазских) форм за Байкалом встречаются гораздо реже, чем на Алтае и на Енисее, а формы их здесь не столь отчетливые. И в то же время за Байкалом столь же определенно усиливаются черты, связанные с техникой поперечного раскалывания галек.

Не исключено, следовательно, что именно на территории Средней Азии на основе местной архаической леваллуа-мустьер-

ской культуры зародились те черты техники обработки камня, которые затем приобрели новое развитие в верхнем палеолите Оби и Енисея, а также Ангары и Лены, где издавна сказывалось влияние с противоположной стороны, с далекого Востока, влияние культуры потомков синантропа.

Известно также и то, что в последующее неолитическое время в Восточной Азии длительно существуют, бок о бок друг с другом, два различных технических приема, две традиции в технике обработки камня.

На севере, начиная от Байкала и далее на восток — до Ордоса и Сунгари, была распространена техника отщепления ножевидных пластин от правильного призматического нуклеуса. И среди малых каменных изделий здесь есть такие, которые напоминают позднемезолитические и неолитические орудия Средней Азии и юга России. Сюда относятся: острия с боковыми выемками и иволистные, острия со скошенным концом, резцы, проколки, пластинки с зубчиками (но только не геометрические микролиты в собственном смысле этого слова, т. е. не мелкие орудия геометризованных форм; их нет за пределами Средней Азии и даже севернее Сыр-Дарьи).

Южнее, однако, призматические нуклеусы и пластины, а следовательно, и сделанные из них орудия почти совершенно отсутствуют. Сюда относится культура яншао и приморские культуры Азии, от Индокитая и до устья Амура, это те области неолита Азии, где долго живет техника изготовления скребел из целых галек, а со временем широко распространяются орудия из шифера, изготовленные способом шлифования.

Иным было здесь, разумеется, и все остальное, начиная с керамики и кончая образом жизни, хозяйством, искусством и религией.

В это время, следовательно, мы снова видим в Азии два больших культурных мира эпохи неолита, находившиеся в сложном взаимодействии друг с другом, но при этом всегда развивавшиеся по своим особым путям.

И в каждом из них корни последующего развития уходят так далеко вглубь местного палеолитического прошлого, насколько может сейчас проникнуть наш взор.

Таким образом, как мы видим, с изучением памятников каменного века Забайкалья связано много важных и больших вопросов древнейшей истории человечества — не только Востока, но и Запада.

Изучение этих памятников — одна из важнейших задач нашей археологической науки на востоке СССР.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В СОХАТИНО¹

(Титовская сопка)

Титовская сопка, на которой обнаружено новое палеолитическое поселение участниками археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова, находится недалеко от г. Читы, в месте впадения речки Читинки в реку Ингоду. Она омывается водами этих рек с трех сторон и представляет собой своеобразный полуостров. Столь выгодное географическое положение сопки дополняется наличием удобного для обработки камня — черного кремнистого сланца, известного в Забайкалье под названием лидита. Жилы этого камня на Титовской сопке выходят на поверхность в нескольких местах. Все это позволило человеку уже в глубокой древности выбрать ее местом поселения. Эти же причины, очевидно, побудили и исследователей сравнительно рано обратить внимание на Титовскую сопку. Пожалуй, одним из первых проводил исследование в районе сопки в 1924 г. учитель-краевед Е. И. Титов — ученик проф. Петри. По сообщению Е. И. Титова, он совместно с учениками «отработал четыре кубометра земли. Обнаружил два кострища, угольки, обгорелые комья глины, золу. Около угольков — осколки кремней, среди которых попались три скребка со следами ретуши и четыре грубо обделанных кремневых куска, один из них, может быть, является обломком кулачного топора». Е. И. Титов изучил сопку «вдоль и поперек по самой гриве. Вдоль сопки там и сям «гнездами» попадались в изобилии кремневые осколки»².

В 1928 г. район Титовской сопки исследовал сотрудник Читинского краеведческого музея А. И. Малахов. Он упоминает несколько древних стоянок, в том числе, судя по описанию, и ныне известную стоянку — мастерскую каменного века. Впоследствии она была забыта и лишь в 1958 г. ее вновь открыл

¹ «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР», вып. 2, 1968, № 6, стр. 111—114. (В соавторстве с И. И. Кирилловым).

² Е. И. Титов. Научные открытия учащихся школ. — «Вопр. просвещения на Дальнем Востоке», 1924, № 5

А. П. Окладников. Начиная с этого года и до 1962 г. здесь дважды проводились археологические раскопки.

В прошлом году Читинский отряд археологической экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР вновь произвел исследования Титовской сопки. На юго-восточном склоне ее, у подножия живописных Сохатинских скал, обнаружено палеолитическое поселение. Склон возвышенности здесь полого спускается к р. Ингоде. На нем, хотя и слабо, выделяются четыре надпойменные террасы. Границы между ними сглажены в результате выветривания и ежегодной раскопки. На границе второй и третьей террас на огромной поверхности около 5 тыс. км² рассеян разнообразный каменный инвентарь и очажные камни. На этой площади было заложено несколько шурфов для определения границ поселения и наиболее выгодного места раскопок. Местом раскопок выбрано начало третьей террасы. Здесь был заложен сравнительно небольшой раскоп площадью около 70 м². Это лишь незначительная часть поселения. Однако большая часть его была разрушена в результате указанных выше причин. Контрольная траншея, заложённая в начале работ, дала следующую стратиграфию: 1-й слой — светлогумусированная супесь мощностью до 25 см; 2-й слой — желтоватый песок мощностью до 2,5 м, он служит материковой подстилкой по отношению к культурному слою; 3-й слой — светлосерый песок с окатанной галькой.

Основная масса находок залегает на незначительной глубине около 15—30 см, преимущественно между первым и вторым слоями. Небольшая глубина залегания материала объясняется, очевидно, своеобразными условиями местности. Здесь за один год в результате сильных ветров переносятся десятки тонн почвы. Интенсивному выветриванию в значительной мере способствует и ежегодная распашка. Уже более полувека на этом месте сажают картофель.

Материал, обнаруженный в результате раскопок, представляет собой исключительно каменные изделия. Они сильно патинизированы. Пatina совершенно скрывает естественный черный цвет камня, придавая ему сероватый оттенок. Для изготовления орудий употреблялся местный материал — лидит. На поселении не обнаружено костей животных и костяных поделок. Не найдено и четко выраженных очагов, хотя следов их обнаружено много: очажные камни рассеяны на огромной площади. Всего в результате раскопок найдено 542 каменных предмета. Процентное и количественное соотношение находок выглядит следующим образом: отщепы — 216 штук, или 40%; осколки — 200 штук, или 36,8%; массивные сколы — 32 штуки, или 5,9%; пластины —

48 штук, или 8,7%; нуклеусы — 31 штука, или 5,7%; прочие орудия — 6 штук.

Нуклеусы представляют количественно самую обширную группу каменных изделий после отщепов и пластин. Среди них имеются грубые заготовки. Это большей частью подпрямоугольные или кубиковидные куски породы. Таков самый характерный из них, его размеры $7,5 \times 8,5 \times 6,5$ см. Это в сущности готовый обломок скалы, слегка подправленный по краям. У него одним поперечным сколом оформлена площадка и начато скалывание пластин. Поверхность желтовато-серая. Такой же цвет имеет и поверхность сколов, за исключением двух явно поздних. Среди остальных нуклеусов своими размерами и тщательностью отделки выделяется один нуклеус. Он явно еще не был в деле, с него не снято ни одной пластины, но форма его совершенно определенная — одноплощадочный леваллуазский нуклеус трехгранных очертаний. Нижняя сторона нуклеуса плоская. Она выровнена широкими сколами. Противоположная поверхность сильно выпуклая. Она и была предназначена для скалывания пластин. Вся эта поверхность тщательно отесана поперечными боковыми сколами.

Особенно тщательно оформлен краевой ретушью один боковой край нуклеуса. Ретушь нанесена с двух сторон. Край имеет вид массивного слегка зубчатого лезвия. Площадка нуклеуса сильно скошена под углом примерно 60 градусов к оси скалывания пластин. Размеры его $12,5 \times 10$ см (рис. 1).

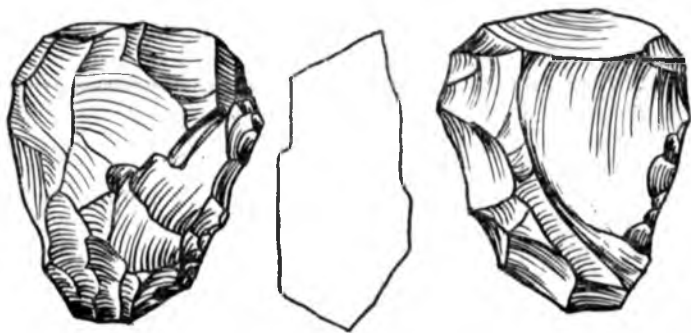

Рис. 1. Нуклеус леваллуазского типа.

К числу одноплощадочных нуклеусов типа леваллуа относятся еще четыре нуклеуса (рис. 2, 1). У всех этих нуклеусов одна сторона плоская, другая выпуклая. Площадки круто скошены. На двух из них сохранились остатки исходной корки, они

так же, как и первый, не были использованы в деле. Кроме того, имеется еще 9 нуклеусов и обломков их невыразительных форм.

К нуклеусам примыкают 3 массивных обломка, у которых ретушью оформлен крутой край, похожий на лезвие массивного скребла. Очень вероятно, что эти нуклевидные куски камня могли употребляться и в виде скребел, так как для нуклеусов они все-таки малы.

Пластин на поселении обнаружено 48 штук. В большинстве своем они двугранные, но есть и пластины с тремя гранями на спинке. Преобладают пластины относительно широкие и короткие—6,5 см. Очертания пластин в общем неправильные. Из них выделяется обломок пластины правильной треугольной формы. У него ретушью подправлено острие с одного края. Ударный бугорок сбит. В целом пластины имеют резко выраженный леваллуазский облик. Вероятно, как и классические леваллуазские пластины, они употреблялись без дополнительной подправки краев.

В особую группу выделяются орудия с боковыми выемками типа скобелей. Такие выемки имеются на пластинах и на отщепах. Есть такие выемки и на массивных нуклевидных кусках камня и на сколах с нуклеусов. Выемки обычно неглубоки, но вполне отчетливо выражены и тщательно оформлены ретушью. Они были очень удобны для выскабливания древков и деревянных стержней (рис. 3, 1, 4; 2, 3).

Из других орудий, обнаруженных на поселении, выделяются два скребла полуовальной формы с массивным выпуклым рабочим краем. Скребла обработаны с обеих сторон грубой ретушью,

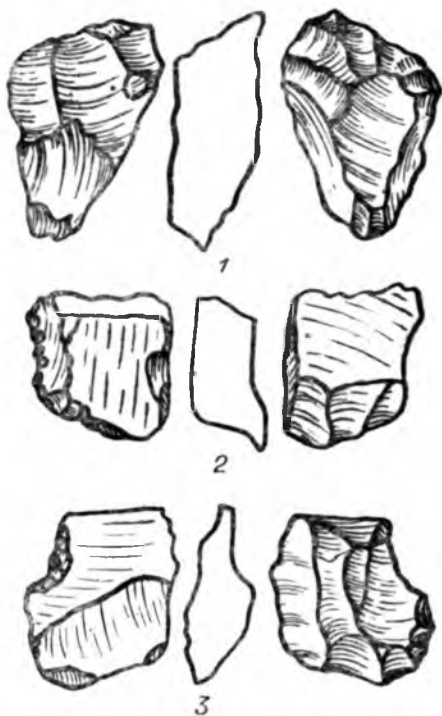

Рис. 2. 1 — нуклеус леваллуазского типа, 2 — скребло, 3 — пластинчатый отщеп с боковой выемкой — скобель.

а овальные лезвия имеют дополнительную подправку по краю (рис. 2, 3).

Два ножа подтреугольной формы отличаются между собой не только размерами, но и техникой обработки. Первый из них

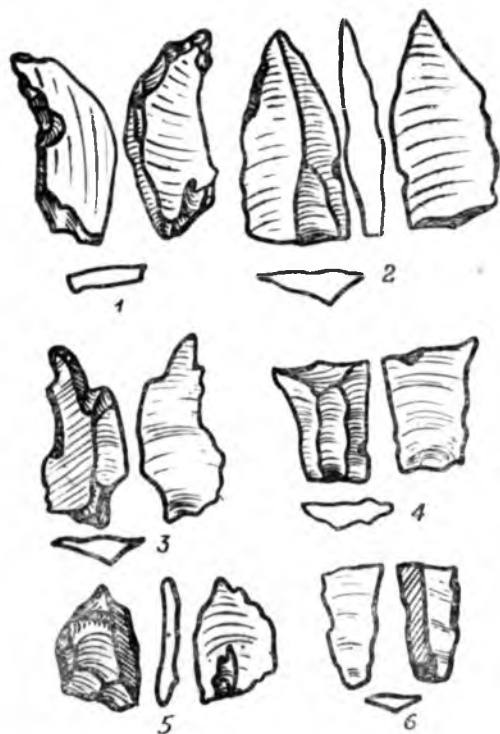

Рис. 3. 1, 3, 4 — пластинчатые отщепы с выемками, 2 — пластина с ретушированными краями, 5 — проколка, 6 — пластина с резцовым сколом на углу.

небольшой — $6 \times 3,5$ см — обработан противоположащей ретушью с обеих сторон и имеет слегка зубчатое обоюдоострое лезвие. Второй изготовлен из массивного скола. Одна его сторона не имеет следов обработки. Она сохраняет исходную поверхность гальки, противоположная же ей, выпуклая, обработана грубыми сколами. С одной стороны ее вдоль края идет дополнительная подправка, образующая довольно острое лезвие.

Проколка найдена одна. Это типичная проколка среднего типа. Она изготовлена из плоского треугольного отщепа и оформлена тщательной крутой ретушью. Острие ее короткое, клювовидное. Такие проколки известны в палеолите Си-

бири, в частности в материале стоянки Афонтово-4 (рис. 3, 5).

Резцов в настоящем смысле нет, но имеется одна пластина со сколами резцового типа на углу (рис. 3, 6).

Орудия для обработки камня представлены массивным желваком овальной формы, оббитым вдоль одного края. Край этот сбит и затуплен в результате употребления (нажимов и ударов по камню). Размеры его $18 \times 8,5$ см.

В целом инвентарь данного поселения имеет отчетливый леваллуазский облик. Он определяется характерными леваллуаз-

скими формами нуклеусов, в первую очередь одноплощадочных, подтреугольных. Им соответствуют широкие, в том числе подтреугольные пластины, снятые с таких нуклеусов.

Вторая специфическая особенность каменного инвентаря поселения — наличие отщепов и пластин с выемками. И та и другая черта связывают этот комплекс с палеолитом Монголии, а через нее и с палеолитом Средней Азии, тоже леваллуазским в основе. Вместе с тем прослеживается отличие от сибирского комплекса с типичными чопперами, скреблами и грубыми рубящими орудиями.

Находки на вновь открытом поселении в Сохатино подтверждают, таким образом, ранее сделанный вывод о том, что в Центральной Азии и в соседних с ней районах Сибири существовала определенная леваллуазская традиция обработки камня. Таковы, например, некоторые позднепалеолитические местонахождения Алтая с характерными для них леваллуазскими нуклеусами, а также снятыми с таких нуклеусов широкими и относительно правильными по пропорциям пластинами³. То же самое следует сказать и о некоторых палеолитических поселениях Забайкалья.

Не менее важно, что сохатинские находки позволяют дополнить наши представления о древней культуре, которая представлена замечательной мастерской — каменоломнями на Титовской сопке. В Сохатино, несомненно, жили те же люди, которые добывали и вчерне обрабатывали камень в этой мастерской.

---

³ См.: А. П. Окладников. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита. — «Материалы по древней истории Сибири. Древняя Сибирь (макет I тома «История Сибири»)». Улан-Удэ, 1964, стр. 90, 91

О ДРЕВНЕМ ПОСЕЛЕНИИ САННЫЙ МЫС¹

В 1968 г. Забайкальским отрядом Археологической экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР проводились стационарные работы в Бурятской АССР.

В работах участвовали:

А. П. Окладников — начальник экспедиции.

А. П. Деревянко — кандидат исторических наук.

Н. А. Флоренсов — член-корреспондент АН СССР.

Д. Б. Базаров — кандидат геолого-минералогических наук.

М. А. Ербаева (палеонтолог) — кандидат биологических наук.

И. И. Кириллов (преподаватель Читинского пединститута), непосредственный руководитель работ в отсутствие А. П. Окладникова.

Многослойное поселение каменного века Санный мыс расположено на правом берегу р. Уды, на высоком мысу, являющемся оконечностью отрогов хребта, носящего у местных жителей название Тапхар, в 35 км ниже по течению реки от поселка Хоринск — аймачного центра Бурятской АССР. Поселение было открыто А. П. Окладниковым в 1958 г.

Отроги хребта представляют собой гряду сопок со скальными обнажениями наверху. Они вытянуты с востока на запад. Сам мыс сильно вдается в сторону реки. Абсолютная его высота над уровнем реки — 17 м. Крутой склон, обращенный к реке, завален крупными гранитобазальтовыми глыбами разрушающейся скалы. Камни оползли, разрушив предполагаемую площадку. Часть этой площадки прорезана полевой дорогой, огибающей мыс параллельно реке. Река Уда делает в этом месте крутую петлю. Она течет вначале на северо-запад, затем круто поворачивает к югу и вновь возвращается к первоначальному

---

¹ Из статьи «Многослойное поселение Санный мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР», опубликованной в «Материалах полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции», вып. II. Новосибирск, 1971, стр. 7—83.

течению. В этом месте река протекает по широкой ровной долине реки, окаймленной с обеих сторон сопками. Местами долина достигает в поперечнике 5—6 км. Уда разбивается на рукава, местами образуя песчаные острова. Лишь у самого мыса скорость течения ее резко увеличивается. Это вызвано тем, что река перерезывает в этом месте возвышенность.

Сам мыс, расположенный на уровне второй надпойменной террасы, сложен мощными отложениями песчаных супесей, слабо отличающихся (внешне) друг от друга, делювиального и аллювиального происхождения. Делювиальные отложения имеют сравнительно небольшую мощность (местами до 1 м). Под делювием начинаются аллювиальные отложения. В отличие от делювиальных, они имеют горизонтальную слоистость и состоят из более или менее однородных песков с различной зернистостью и содержанием глины. В двух местах наблюдается криструбация. Ниже рыхлые отложения лежат на скальных выходах материковой породы, которые залегают с легким оползновением. Часть глыб замыва водой.

В начальной стадии работ на поселении площадь его (около 500 м²) была очищена от оползших вниз по склону крупных глыб камня. Камни увлекали за собой часть археологического материала, разрушая частично культурный слой. Небольшая часть слоя была разрушена дорогой. Известны многочисленные случаи, когда материал верхних слоев в результате развешивания и каменных оползней проникал вниз. Все это нужно учитывать при характеристике и классификации материала.

После очищения площадки раскопок от каменных глыб вглубь террасы были проложены две контрольные стратиграфические траншеи, которые позволили выяснить стратиграфию террасы:

1) до 25—30 см, слой — серые крупнозернистые пески с включением гравия и гальки;

2) до 75 см, слой — пески палевого оттенка, разнозернистые и слоистые, без четких границ между слоями от крупнозернистых к среднемелкозернистым полимиктового характера (содержит магнетит, шпат, кварц);

3) до 95 см — буро-серые глинистые, разнозернистые пески. В западной стенке траншеи 2-й слой выклинивается через 70 см в сторону уступа. Линзы состоят из валунических грубогравийного песка;

4) до 135 см — разнозернистые, серые коллювиальные глыбы;

5) до 135—270 см идут пески второго сверху слоя. В восточной траншее 2 на этом уровне прослеживаются прослойки сильноглинистых песков. В этом слое, в траншее 2, обнаружен очаг,

представляющий собой сравнительно тонкую прослойку (от 1 до 3 см мощностью) сильно прокаленной супеси с вкраплениями сажн. Он лежит прямо на крупных глыбах, оползших по склону. Размеры очажного заполнения: 70×54 см. Он имеет овальные в плане очертания;

б) вплоть до коренных пород идут горизонтально-слоистые чередующиеся прослойки сильноглинистых иловатых песков мощностью от 2 до 5 см и разнозернистых песков до 1,5 см мощностью. Ниже залегают материковые глыбы камня гранито-базальтовой породы.

После выяснения стратиграфии были заложены раскопы в следующей последовательности: раскоп 1 примыкает к траншее 1. Он был ориентирован своими углами по странам света. Площадь раскопа 1 равна 77 м². Затем в процессе работы он был продлен в сторону запада и соответственно увеличен к северу. Таким образом, общая площадь раскопа 1 достигла 210 м². Раскоп 2 примыкает к траншее 2.

От него отделен бровкой раскоп 3, служивший продолжением раскопа 2. Раскоп 3, таким образом, расположен между первыми двумя. Склон террасы несколько развернут. Поэтому раскоп 3 имеет трапцевидные в плане очертания. Площадь его равна 90 м². Общая площадь раскопок составила 398 м².

Однородная рыхлая песчаная масса, из которой сложена терраса, не позволяла строго фиксировать культурные слои. Единственным показателем их явились очаги, лежащие в разных горизонтах. Поэтому фиксация уровней производилась по уровням очагов и по высоте над уровнем реки. За абсолютную высоту (репер) было взято подножие скальной шапки мыса — 10 м 42 см над уровнем реки. Слои разбирались сверху зачистками в 15—20 см. Наличие очагов на всех трех раскопах, лежащих на разных уровнях — горизонтах, позволило выделить в общей сложности семь горизонтов. Нивелировка, произведенная по окончании работ, дала возможность сопоставить их на высоте по отношению к уровню реки.

Горизонт 1 — неолит (нивелировка по второму раскопу), 10 см — 970 см (он полностью сохранился в раскопе 1, частично — в раскопе 3, развеян совершенно в раскопе 2).

Горизонт 2, мезолит — 877 см (четко прослеживается на территории раскопов 1 и 3; частично в раскопе 2).

Горизонт 3, палеолит (поздний) — 827 см (четко прослеживается по всем трем раскопам).

Горизонт 4, палеолит — 771 см (в раскопе 1 слой частично разрушен, в раскопах 2 и 3 слой сохранился полностью).

Горизонт 5, палеолит — 658 см (в раскопе 1 — в значительной степени разрушен дорогой; в раскопе 3 — разрушен частично; в раскопе 2 — сохранился полностью).

Горизонт 6, палеолит — 511 см (сохранился полностью на всех трех раскопах). В раскопе 1 на этом уровне найдено палеолитическое жилище.

Горизонт 7, палеолит — 452 см (прослеживается в раскопе 3). В остальных раскопах на этом уровне находок не обнаружено.

Раскопки поселения Санний мыс показали, что это поселение многослойное. Несмотря на необычную стратиграфию памятника; крутой склон террасы, покрытый коллювиальным свалом глыб камня; разрушение некоторых горизонтов и переотложение материала — в значительной части горизонтов все же имеется возможность восстановить общий характер поселения, проследить условия жизни и развитие техники каменной индустрии на протяжении нескольких десятков тысячелетий. В этом отношении памятник Санний мыс — уникальный и пока единственный в Забайкалье. Он может служить эталоном в периодизации каменного века Забайкалья. Наиболее четко в этом отношении прослеживается неолитический горизонт. Это типичное для Забайкалья и некоторых районов Сибири поселение временного типа бродячих охотников эпохи развитого неолита. Оно одинаково близко к поселениям как неолитических племен лесного Прибайкалья, Забайкалья, так и Монголии — Гоби и Ордоса.

Каменный инвентарь вместе с керамикой, близкой к забайкальской керамике нижеберезовского типа и прибайкальской керамике китойского времени, является типичным для неолита перечисленных районов. Мелкие изделия из кремния и кремнистых пород, яшмы и халцедона, представленные различными способами: проколами, призматическими нуклеусами и нуклеусами-скребками, — встречаются постоянно на неолитических памятниках Забайкалья, Прибайкалья и Монголии, в слоях, датируемых китойским временем по прибайкальской периодизации (вторая половина 3 — начало 2 тыс. до н. э.).

Сравнительно четко прослеживается на Санном мысе и мезолитический горизонт, хотя в этом горизонте встречаются неолитические вещи, в том числе керамика. Это объясняется перечисленными выше причинами и особенностями стратиграфического положения поселения. Собственно мезолитический горизонт составляют здесь разнообразные нуклеусы-скребки гобийского типа, появляющиеся в Сибири в позднем палеолите и распространенные особенно широко в мезолитическую эпоху, резцы срединного типа из крупных сколов с нуклеуса, характерные также для позднепалеолитических и мезолитических

памятников Сибири типа Верхоленской горы, Красного яра и Усть-Белой. К этому времени относится часть острий даурского типа (проколки из ножевидных пластин, обработанные мельчайшей ретушью со стороны брюшка), вкладных лезвий на ножевидных пластинах и миниатюрных скребков. Впервые в этом слое появляются и крупные скребки сибирского типа из массивных отщепов, обработанных ударной ретушью по одному краю. Они имеют широкое, слегка выпуклое лезвие. Эти скребки также датируются мезолитическим временем (Ошурково, Няньги).

Значительно труднее проследить изменения палеолитических слоев. Здесь, исходя из своеобразных условий памятников, критерием их разделения, на наш взгляд, могут служить нуклеусы леваллуазского типа и пластины, снятые с них. Замечено, что подобные орудия встречаются на поселении только начиная с четвертого горизонта. Но в этом горизонте они представлены единичными экземплярами.

Для третьего же горизонта наиболее характерными являются крупные скребла сибирского типа, нуклеусы подпризматической формы (эпилеваллуазские), сравнительно часто встречаются и гобийские нуклеусы и сопровождающие их микропластины. Значительно реже здесь находились резцы на крупных сколах и пластинах. Наличие фауны шерстистого носорога позволяет датировать этот слой поздним палеолитом. Не противоречит этой датировке и каменный инвентарь.

Четвертый и пятый горизонты, выходящие на уровень дороги, характеризуются сильносмешанным материалом. Находят и гобийские нуклеусы, и нуклеусы конической формы, неолитические по облику, и даже черепки керамики. Здесь этот материал, на наш взгляд, переотложен и нетипичен для данных слоев. Оба слоя характеризуются фауной толстокожих и наличием техники леваллуазского нуклеуса, с типичными для нее крупными подтреугольными пластинами, из которых изготовлялись ножи и резцы срединного типа. По-прежнему встречаются здесь крупные сибирские скребла, в том числе — из расколотых вдоль галек. Характерными для этих слоев являются и эпилеваллуазские нуклеусы.

Шестой и, наконец, седьмой горизонты еще полнее характеризуются техникой леваллуа. Если в предыдущих слоях мы можем говорить об ее пережиточных формах, то в этом горизонте она представлена во всем своем блеске: массивные нуклеусы подтреугольных очертаний, крупные пластины длиной до 16 см, разнообразные орудия, изготовленные из этих пластин, ножи и, что особенно интересно, резцы среднего типа. Они изготавливались из фрагментов пластин с помощью двухсторонних резцо-

вых сколов. В этом отношении резцы являются прообразами резцов мезолитического горизонта. Наличие, бесспорно, датруемой фауны позволит дать относительную датировку этих слоев. В этом отношении интересны находки в кладке жилища рогов винторогой антилопы, животного, вымершего в начале верхнеплейстоценового времени.

Население палеолитических горизонтов вело полубродячий образ жизни, характерный и для неолитического населения Забайкалья. Бытовые комплексы — остатки очагов, в большинстве своем — в виде простых золистых пятен или обожженной супеси. Исключение составляет шестой горизонт раскопа, в котором было обнаружено своеобразное жилище. Это первая находка подобных сооружений в исследованных районах края.

Поэтому мы считаем важной проведенную работу по его консервации.

РАБОТЫ В ОШУРКОВО В 1958 ГОДУ¹

Палеолитическое поселение у дер. Ошурково открыто А. П. Окладниковым в 1951 г. Оно расположено в 16 км к северо-западу от Улан-Удэ на пологом восточном склоне невысокой сопки в долине небольшой речки, вернее ключа, одноименного с деревней. В этом месте прослеживается ряд террас р. Селенги со сглаженным рельефом. Первая из них, пойменная, представляет луг, покрытый ложбинками — следами проток. Высота террасы над р. Селенгой 1,5 м. Вторая терраса — около стоянки — надпойменная, выше первой на 1 м. Согласно описанию Н. А. Флоренсова, находки остатков палеолитической культуры приурочены к тыловой части следующей, сравнительно узкой и низкой (6—8 м над урезом реки в малую воду) левобережной террасы р. Селенги, непосредственно примыкающей к коренному склону.

Терраса эта, несущая в своих верхах остатки палеолита, представляет в основном делювиальное образование, точнее, внутреннюю смешанную часть террасы р. Селенги. Наружный, собственно аллювиальный, край ее в данном месте уничтожен рекой в современную стадию новейшего эрозийного цикла. В верхней части разреза имеются желтые известковые, частью лессовидные, делювиальные супеси, содержащие примесь мелкого гранитного гравия, а также темного органического вещества, располагающегося то отдельными линзами, то в виде двух-трех горизонтов ископаемой почвы. С ними связаны три культурных слоя.

Ниже начинают встречаться тонкие, ясно обособленные прослойки зеленовато-серой вязкой глины, свидетельствующие о существовании заболоченных низин заливов или стариц в период накопления осадков террасы. В основании разреза, гипсометрически отвечающем уровню современной высокой поймы р. Се-

---

¹ Материалы и исследования по истории и филологии Центральной Азии, вып. 2. Улан-Удэ, 1965, Бурят. кн.-изд-во, стр. 190—195. (В соавторстве с Е. А. Хамзиной).

ленги, залегает разнородный, местами слабо косослоистый речной песок с галькой типичных для Западного Забайкалья кристаллических пород.

В культурных слоях Ошурковской стоянки обнаружены вместе с типично палеолитическими изделиями кости зайца, первобытного быка-зубра, благородного оленя, северного оленя, лося, кабана².

В 1951 г. были сняты планы местности, проинвентаризовано местонахождение стоянки, выполнены чертежи разрезов вдоль шоссе и сделано детальное геологическое описание памятника (Н. А. Флоренсовым).

В 1958 г. в Ошурково были проведены под руководством А. П. Окладникова небольшие раскопки, вызванные необходимостью спасения культурного слоя, выступающего вдоль шоссе и подвергающегося уничтожению в результате ремонтных работ и непрерывного разрушения слоя смывом сверху. Работы производила научный сотрудник Республиканского музея Е. А. Хамзина с десятью рабочими. При осмотре поселения было выяснено, что край обреза террасы сильно разрушился и обвалился целыми кусками, осыпался и оплыл. В ряде мест в обнажении были подняты обработанные камни, отщепы и даже законченные орудия, обнаружены также остатки разрушенного палеолитического очага. Тогда же ступенями, параллельными шоссе, был зачищен склон до уровня дна кювета. Это должно было облегчить выявление стратиграфии и обеспечить систематические раскопки не «вслепую», а наверняка. При зачистке склона найдены были четыре отщепа, два обломка ножевидных пластинок и концевой скребок. Обнаружены также кости животных: расколотая трубчатая кость, зуб животного в комке супеси. На нижней ступени (уровень третьего культурного слоя) на квадрате 11 и 12-а в большом количестве встретились крупные отщепы. На кв. 16-а при зачистке в стенке обнажения оказались трубчатые кости животного, против кв. 17 найден хороший боковой скребок. В стенке обнажения на кв. 14 выявилось углубление. При вертикальной зачистке его края на уровне второго культурного слоя найдена разрушенная трубчатая кость, уходящая в стенку раскопа. В зачистке кв. 21 в большом количестве обнаружены были отщепы и полулунное скребло из серого сланца. В кв. 12-а и 11-а лежали отщепы, оббитые гальки типа «чопперов», концевой скребочек. Около камней в кв. 12 и 11-а найдена плоская галька со следами подправки ее ско-

---

² См.: В. И. Бибилова, Н. К. Верещагин и др. Новые материалы по четвертичной фауне Забайкалья.— «МИА СССР», 1953, № 39.

лами. На кв. 10-а около камней встречены кусочки графита и кость животного.

На уровне же второго слоя, на кв. 21—22 (на первом уступе) находки очень редки — это горелые мелкие косточки и отщепы. Тут же при зачистке склона на кв. 8—9 в большом количестве встречены отщепы и три чопперовидные гальки. На первом же уступе, в его основании (почти на втором горизонте), на кв. 3 найдена чопперовидная галька. В основании второго горизонта найден рог оленя со следами резания на одном конце. Орудий и отщепов около него не найдено.

На уровне третьего слоя, на кв. 10, 11 и 18 встречались отдельные отщепы.

На кв. 10, 11, 12 было обнаружено скопление камней. Эти камни оставлены *in situ* до момента вскрытия всей площади раскопа на этом уровне. Их уровень тоже соответствует третьему культурному слою. Около камней при зачистке пола было найдено полулунное скребло. На том же уровне, на кв. 1 найдено скребло. Техника изготовления его такова: сильным ударом галечка раскалывалась почти пополам, корка снималась с противоположной расколу стороны. В поперечном сечении эта галечка приобретала подтреугольную форму, верхний угол округлый. Кора оставлялась только на округлой части. Тремя-четырьмя ударами подправлялся рабочий край. Подобный скребок найден на том же уровне при зачистке кв. 10. В том же квадрате найдена крупная галька, рабочий край которой образован двухсторонней оббивкой, идущей из одной точки. Здесь же косточки животных и отдельные отщепы.

В стенке зачистки кв. 18 на уровне третьего культурного слоя найдена трубчатая кость, один ее конец сильно разрушен; то же — на кв. 16. В стенке зачистки против кв. 11 на уровне второго горизонта найдены чоппер и два отщепа. Ниже находок не было.

Нижний культурный слой (третий) находится на глубине 175—180 см от дневной поверхности склона (если брать его крайнюю внизу точку, постепенно склон повышается к падению).

По цвету и структуре он мало отличается от выше и ниже лежащих слоев. Это та же серовато-желтая супесь с примесью крупнозернистого песка. Отличается он только тем, что иногда в нем встречаются небольшие линзы чрезвычайно мелких, сильно разрушившихся угольков, которые очень трудно собрать, но они все же видны, особенно в свежем срезе. После зачистки была начата разборка дернового слоя на всей площади, наметенной к раскопке. Раскоп был заложен узкой полоской по краю

террасы с расчетом раскопать только ту часть, которая подверглась разрушению. Общая площадь раскопа размером 13×16 м; не принимается в расчет площадь откоса, защищенного уступами. В основании первого штыка под дерном, на кв. 10-д, встречены раздробленные кости животного. На кв. 12-е, на первом штыке, обнаружен невыразительный фрагмент сосуда. На кв. 13-в, сразу под дерном, — скопление костей. Оно было оставлено до полной зачистки всей площади. На кв. 17-г, на глубине первого штыка, найдены фрагменты керамики и кусочек расщепленного клыка кабана. Там же, на современной поверхности, слегка смытой дождем, найдены фрагменты керамики. Один — от венчика, со следами нагара на внутренней стороне, и два — от стенок сосуда. Керамика эта бронзового века. На кв. 15 найдена бабка и раздробленная трубчатая кость (два кусочка), по-видимому, дикого кабана. После снятия дерна и зачистки поверхности раскопа было установлено, что на кв. 14-в проступает углистое пятно, занимающее центральную часть квадрата. В центре пятна встречены мелкие косточки. Толщина пятна 1,5 см, косточки невыразительны.

Со второго штыка начинаются находки в гумусированной желтой супеси. Это — первый верхний слой, по стратиграфической шкале 1951 г. В нем, в стенке раскопа по линии Ж кв. 7, встречены кости, глубина их залегания от современной поверхности 19 см. На кв. 3-г найдены крупная оббитая галька и рядом с ней три отщепы. Они были на глубине 20 см от современной поверхности. На глубине третьего штыка на желтой поверхности супеси (3-д) проступает жженое пятно. Выше его отщепы. Несколько глубже, на кв. 3-д, рядом с жженым пятном найдены грубые оббитые гальки, крупные отщепы, конический нуклеус неолитического типа, одна ножевидная пластинка.

Глубже, на уровне пятого штыка, начинается уровень второго слоя. На кв. 10-г при зачистке пола раскопа на уровне костей оказались жжено-рыжие пятна с черными вкраплениями. Основное (крупное) пятно находится на кв. 6—7—8—9 у самой стенки. Оно имело округлую в плане форму. От него, как щупальцы, отходили пятна такого же цвета, как и центральное пятно. Толщина пятна от 0,5 до 20 см. Кости, обнаруженные на кв. 10-г, принадлежат оленю и лося. В соседнем кв. 9-г обнаружена пяточная кость и расколота пополам лучевая кость того же животного, что и в кв. 10-г (определение Л. Н. Иваньова). Около костей на кв. 9-г найдена оббитая галька.

Пятно нельзя связывать с культурным слоем, так как это остатки кротины.

На кв. 7-г на самой границе с кв. 6-г на уровне основания второго культурного слоя в темной прослойке найдены кости животного.

Глубже идет третий культурный слой. Здесь на кв. 12-а, около камней, найдено каменное орудие. Это была расколота пополам галька (по форме — удлиненный прямоугольник) с естественным стесом на рабочем конце и с легкими затесами, направленными по длинной плоскости гальки. Рабочий конец ее имеет характер режущего острия. Отсюда же галька округлой формы со следами двухстороннего сверления. На кв. 13-г найдена небольшая раздробленная трубчатая косточка оленя.

На глубине 180 см на границе кв. 6—7-в в слое супеси встречена крупная кость конечности животного. Орудий рядом с ней не было.

На границе кв. 11 и 12 найден эпифиз крупной кости конечности животного. Он лежал на глубине 175 см от дневной поверхности (по стенке раскопа). На кв. 6-г, в южном углу его, лежала галька со следами двухсторонней оббивки. На кв. 10-д, на глубине 180 см, — расколота крупная трубчатая кость. На кв. 12 и 13-е, на глубине 175—200 см, по западной стенке от поверхности встречена углистая линза в желтом крупнозернистом песке, а в ней — отщепы. Рядом, в той же линзе, были найдены плохо сохранившиеся мельчайшие косточки.

На кв. 13-б, на глубине примерно 170 см, по бровке северной стены найдены чопперовидное орудие, оббитая нуклевидная галечка и три отщепа. На границе между кв. 13 и 14-б лежала горелая кость. На кв. 6-б находился камень без следов обработки, рядом — горелая кость.

На кв. 14-г и 13-г в слое желтого песка — отщепы. В кв. 11-г — чопперовидное орудие. В северной части раскопа в кв. 12—13—14-е, в восточной стенке, на глубине 198 см (по третьей стенке раскопа — глубина 235 см) появилась угольная прослойка в песке. Угли идут не сплошным слоем, а узенькими прослойками, которые утолщаются, если в них находятся отщепы или кости. Толщина прослойки 20 см. Эта линза входит в северную стенку раскопа. В стенке кв. 14-д, на глубине 180 см (по бровке), встречена кость, уходящая в глубь стенки. Подобная же картина прослежена и на кв. 13—14-б-в-г. Угольных прослоек здесь нет, но встречаются небольшие угольные (горелые) пятна и вокруг них в большом количестве отщепы — до 30 шт. в одном пятне.

На кв. 9-а найдены отщепы, кусочки графита, сильно обкатанная галечка, без обработки, привлекающая внимание своей

янтарной окраской и прозрачностью. Слой здесь сильно насыщен мелкими угольками.

На кв. 13-в найдено орудие типа концевого скребка. На кв. 14-в — скребок полулунный.

Квадрат 9-а порадовал нас необычной находкой — подвеской. Она имеет форму равнобедренного треугольника с округлениями вместо углов. На сторонах треугольника — насечки, поверхность поцарапана с той и с другой стороны. В углу, образованном равными сторонами, — ответвление для подвешивания, би-конического сверления. Подвеска изготовлена из плоской гальечки яшмовидных пород темно-коричневатого цвета. Одна сторона носит следы заглаживания. Можно предполагать, что этой стороной подвеску носили к телу.

На кв. 12-г, в самом его центре, лежал эпифиз крупной трубчатой кости.

На кв. 10-а при зачистке оказалось, что в центре его имелся углистый слой значительной толщины, до 10 см. В нем имеются вкрапления угольков. Вокруг него — четыре камня. При разборе оказалось, что он сильно насыщен отщепами разных размеров. У южной стенки этого квадрата лежало полулунное скребло из плоской гальки. У гальки крупной ретушью скошен только один край. Углистое пятно продолжается и на следующих квадратах — 10-а и 9-а. Они как бы сплошь усыпаны отщепами, среди которых встречаются и орудия типа скребка (в кв. 9-а).

С самого края раскопа, еще при зачистке, в начале работ было обнаружено скопление крупных камней. Здесь прослеживается горелый слой, который проходит под камнями и вокруг них. Весь он насыщен отщепами разной величины. Это явно очаг.

На кв. 14-б найдено сильно разрушенное ребро крупного животного.

В самом начале (восточная стенка) на кв. 14-а — крупная кость и зубы жвачного животного. В кв. 13-а у северной стенки — скребочек из камня сиреневатого цвета; на кв. 13-а и 13-а₁ встречены своеобразные орудия: для их изготовления используются обычно крупные отщепы различной формы, у которых подправляется двумя-тремя мелкими сколами небольшой участок наиболее острого края отщепа. Пять подобных орудий найдено около группы камней в черной углистой прослойке. Здесь же собрано более 60 отщепов. На кв. 10-а найдены концевой скребочек и отщепы.

При разборке второго слоя на кв. 8-а обнаружена оббитая нуклеидная галька, лежавшая около камня. На границе кв. 10-г и 10-д найдена крупная лопатка, возможно, оленя или лося. У широкой части ее лежала оббитая галька.

На кв. 10-а, на поверхности темного углистого (очажного) пятна, собрано большое количество отщепов, две расколотые гальки, оббитая галька нуклевидной формы. У одного довольно толстого отщепа подтреугольной формы подправлен округлый край короткими фасетками. Здесь же найдены ребра и тонкие трубчатые кости какого-то животного, сильно разрушенные. На кв. 12-а, около камней — крупная чопперовидная галька, три оббитые нуклевидные гальки, 14 отщепов. На кв. 9-а найдена расколотая галька с подправкой одного края. Толщина углистого слоя в очажном пятне на кв. 10-а равна 10—20 см. На кв. 15-а, в слое желтого песка, оказались оббитые гальки, расколотая галька и отщепы. На кв. 14-б — расколотая крупная трубчатая кость животного со следами резания. В кв. 13-а около камня в тонкой угольной прослойке лежала кверху зубами челюсть крупного жвачного животного. Здесь же в очажном углистом слое — расколотая галька с как бы заточенным рабочим краем, скребло из небольшой плоской галечки. На кв. 12-а — расколотые трубчатые кости, отщепы и скребок, сделанный из крупного отщепа с подправкой на расколотой стороне.

При разборке углистой очажной прослойки, вокруг камней, на кв. 8—9—10—11—12—13—14-а₁, а собраны отщепы, раздробленные косточки и орудия. На кв. 9—10-а₁, а преобладают мелкие отщепы в количестве около 300 шт., среди которых есть маленькие концевые скребки. Все они — в саже. На кв. 12-а, при разборе углистого пятна, обнаружено 74 отщепа, среди которых есть боковые сколы с нуклеусов, ножевидные пластинки, две расщеленные гальки, скребло из плоской гальки, чопперовидная галька, маленький нуклеус и скребочек. На кв. 9-а — крупная оббитая галька, на границе с кв. 8-а, на самом краю раскопа. Там же имелись мелкие отщепы.

После снятия находок второго культурного слоя начали вскрывать третий культурный слой, на поверхности которого, на кв. 13-д, найдена расколотая трубчатая кость. На кв. 27-а обнаружена плохой сохранности, сильно деформированная часть черепа быка с рогом, подобного найденному здесь в 1951 г. Выше была галька без следов обработки.

На глубине 220 см в стенке кв. 12—13—14-е (по линии Ж) обнаружилась углистая прослойка, в которой находились отщепы, оббитые гальки, трубчатая расколотая кость. На уровне поверхности этой прослойки наблюдались жженные пятна: на кв. 13—14-г и ниже этих прослоек, тоже на уровне третьего культурного слоя, прослеживался углистый слой, в котором обнаружена лопатка животного и расколотая трубчатая кость. На кв. 4-а на уровне поверхности третьего культурного слоя встречены

ребра животных, сильно разрушенные, и отщепы; то же самое на кв. 3-а. На кв. 6-а найдена расколота трубочатая кость животного, здесь же в слое песка — вкрапления угольков, но они очень незначительны и взять их было невозможно. На кв. 7-а, на самом краю, лежала крупная галька со скошенным рабочим краем, в виде скобеля. На кв. 8-а, около камня, лежала крупная галька, оббитая с двух сторон. Она представляет собой крупное скобящее орудие. На кв. 14-а₁, при зачистке третьего культурного слоя, в самом начале квадрата обнаружены кости и более 100 отщепов, концевой скребок из горного хрусталя.

На кв. 11-а, около камня, оказались два крупных позвонка, расположенных в анатомическом порядке. Они были плотно прижаты к камню. Рядом, на кв. 10-а, около камня же найдена расколота галька со следами подправки. На кв. 14-д, у самой северной стенки, отщепы и оббитые гальки. На кв. 15-а найден скребочек. На кв. 12—13-г, д прослежено жженое пятно.

Угольков взять не удалось. Это была по существу сажа, смешанная с песком. В кв. 14-д найдены оббитая галька и скребло из плоской гальки. В самой стенке раскопа в этом же квадрате находилась расколота трубочатая кость животного. Ниже, ближе к границе кв. 14-д, прослежено жженое пятно с сохранившимися в нем очень мелкими угольками.

После завершения расчистки третьего слоя большие камни (очага) убраны не были. Их засыпали землей и оставили до следующего года, чтобы в таком виде при продолжении работ сохранилась полная картина раскрытой части этого культурного слоя.

Таким образом, работами 1958 г. была вскрыта вдоль шоссе полоса шириной в 6 м и длиной в 13 м, т. е. всего 78 м². Раскопки подтвердили наличие на поселении Ошурково, кроме остатков неолитических и бронзового века, связанных с дерном, трех культурных слоев, залегающих в сунесах и суглинках древней террасы. Верхний слой, вероятно мезолитический (раннеолитический), очень беден находками. Два нижних палеолитических слоя, второй и третий, дали фаунистические остатки, а также многочисленные отбросы производства — отщепы и готовые каменные изделия — и один предмет искусства — орнаментированную подвеску. В этих слоях обнаружены также очажные прослойки (углистые пятна и линзы) и скопления камней, связанные с очагами. Остатков жилищ, углубленных в землю, не прослежено.

Поселение заслуживает дальнейшего исследования, которое даст, несомненно, еще более обильный материал.

ВАРВАРИНА ГОРА — НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЛЕВАЛЛУАЗСКОГО ЭТАПА ПАЛЕОЛИТА ЗА БАЙКАЛОМ¹

Одним из важных достижений археологической науки в Сибири является выделение в общей серии палеолитических поселений памятников, характеризующихся чертами леваллуазской техники.

В 1973 г. к числу памятников такого рода прибавилось еще одно первоклассное местонахождение — Варварина гора (между Старой и Новой Брянью) в Заиграевском аймаке Бурятской АССР. Древнее поселение, первые сведения о котором получены от Д. Б. Базарова и Е. А. Хамзиной, замечательно уже по необычному своему расположению. Оно находится не на древней речной террасе, а на конусе выноса, в глубине долины, под прикрытием живописной скалистой возвышенности — Варваринной горы. Остатки древнего поселения перекрыты толщей чередующихся щебнистых слоев и супесей делювиально-пролювиального происхождения, что свидетельствует о неоднократной смене климатических условий. Здесь в условиях относительно влажного и холодного климата располагалось поселение охотников на посорогов, диких лошадей и оленей. Интересно, что подавляющая масса не только трубчатых костей, но даже эпифизов была расколота. Этот факт, судя по этнографическим параллелям, свидетельствует о том, что временами обитатели поселений испытывали голод и вынуждены были вываривать раздробленную кость (в берестяных сосудах раскаленными камнями?). Существенно также для палеографии ледникового периода в Сибири обилие остатков носорогов, что вообще характерно для Забайкалья, где именно носорог, а не мамонт был ведущим представителем фауны этого времени. Основную массу костей животных, обнаруженных при раскопках, составляют кости носорога и лошади. Раскопками вскрыта характерная картина палеолитического жилища. Кости животных и обработанный камень (нуклеусы, пластины, отщепы, скребловидные

¹ «Археологические открытия 1973 года.» М., «Наука», 1974, стр. 215—216.

инструменты) располагались в пределах четко ограниченной площадки, окаймленной выкладками из камней и вырытых древними обитателями этих мест ям.

Часть ям служила, вероятно, хранилищами-кладовками. Одна из таких кладовок имела выстланные камнями стенки и дно, а в заполнении оказался череп хищника и целые, не расщепленные, как это было в большинстве случаев, трубчатые кости лошади. По аналогии с находками в Костенках это было, очевидно, культовое захоронение головы хищника, сопровождаемое жертвенным приношением частей лошади.

Каменный инвентарь жилища на Варвариной горе характеризуется леваллуазскими чертами. Нуклеусы здесь галечные и самые лучшие — двухплощадные леваллуазские. Пластины правильных очертаний, широкие, как правило, массивные. В большинстве случаев они по краям оформлены ретушью. Здесь встретились типично мустьерский по форме и ретуши острокопечник треугольных очертаний, а также массивные скребловидные инструменты, в том числе один бифас. Изделия из кости представлены двумя небольшими шиловидными остриями. Судя по архаичности инвентаря со столь ярко выраженными леваллуазскими чертами, это поселение относится к числу древнейших в Восточной Сибири. Об этом свидетельствует и близость его инвентаря, а также фауны с находками нижних слоев известного поселения на Санном мысу в долине р. Уды. Последнее, по авторскому мнению геолога Д. Б. Базарова, относится к зырянской стадии четвертичного периода и, следовательно, предшествует палеолитическим памятникам Сибири времени Сартанского следенения.

Таким образом, раскопки на Варвариной горе вносят новый существенный вклад как в периодизацию палеолитических памятников Сибири, так и в наши представления о бытовом укладе и культуре палеолитического человека в Северной Азии.

Следует отметить также древнемонгольские (X—XII вв.) захоронения у подножия той же Варвариной горы и небольшой грот в живописных скалах в 3—4 км выше с. Старая Брянь, на стенах которого при входе обнаружены наскальные рисунки, характерные для эпохи бронзы и раннего железного века Забайкалья: скопления пятен (счетных знаков), стилизованные птицевидные человечки или птицы. Первая такая находка в данной местности.

Раздел VI

БОЛЬШАЯ СУДЬБА МИХЕЯ ЕРБАНОВА¹

Тургэн-хара, «Черномазый-Шустрый» — так ласково и метко называли старики в улусе Ехэ-Бахта (по-русски Большой Бахтай) в Приангарье этого мальчика. Должно быть, в детские годы отличался он живостью характера, любознательностью, стремлением ко всему новому и жаждой жизни. А жизнь эта кипела вокруг него, неудержимо мчалась вперед, со всеми ее стремлениями и водоворотами.

Вскоре из тихого своего улуса, над которым из шестигранных юрт по вечерам вился сизый дымок очага и звенели степные песни, принесенные когда-то из глубин Центральной Азии, из далеких кочевий по Онону и Керулену, он вышел в широкий, безграничный мир.

Большой мир этот начинался совсем близко, в маленьком уездном городке Балаганске, куда часто наезжали улусные буряты. Мир — противоречивый, сложный, но увлекательный уже потому, что он был сложен: так много здесь было пищи для юного ума, так много волнений для горячего сердца.

Под деревянными крышами старого Балаганска, города, который прожил долгую жизнь и хранил в памяти трехвековую историю, начиная с Якова и Ивана Похабовых, жили разные люди с разной судьбой. Балаганск был крупным по тем временам торговым центром. Сюда со всех концов тянулись крестьянские подводы. На них богатые мужики везли домотканые мешки с полновесным зерном, с лучшей в Сибири пшеницей, возвращенной на знаменитых красноцветных суглинках Ангаро-Ленского водораздела. По улицам старого Балаганска шли буряты в меховых тулупах, в мохнатых лисьих шапках, гнали жирных быков и овец на продажу.

Все это богатство: хлеб, зерно, мясо, шкуры, пушнина — оседало в закромах, превращалось в хрустящие ассигнации в казне торговцев и купцов. Их крепкие дома, огороженные высо-

---

¹ «Байкал», 1972, № 3, стр. 117—120; «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Иркутского обкома КПСС, 1972, № 10, стр. 26—32.

кими заплотами, охраняемые злыми псами, были крепостью торгового капитала. Здесь жили не только русские, но и бурятские капиталисты, одинаково бесцеремонно простиравшие свои жадные руки к чужому добру, к плодам чужого тяжкого труда, и в русские села, и в бурятские улусы. На глазах мальчика шел, говоря языком историка, процесс развития капитализма вширь, тот самый, который изучал в конце XIX в. в другом сибирском селе, на реке Енисее, Владимир Ильич Ленин.

Он мог бы, этот шустрый мальчик, стать приказчиком у какого-нибудь богатого купца. Мог бы увлечься процессом превращения мяса и хлеба в деньги. Мог бы стать, с его умом и энергией, хозяином большого дела. Построить такой же огромный дом, даже не из дерева, а из добротного кирпича под железной крышей. Одним словом, мог бы стать вторым Пирожковым или Бичаханом.

Однако судьба была к нему милостива. Милостива, конечно, не в обывательском смысле. Она привела его на другой путь, путь тяжелой брешь и лишений. Она, эта судьба, дала ему светлую и поистине героическую жизнь во имя народа и для народа. Это была жизнь революционера, передового бойца за лучшее будущее человечества. Жизнь большевика-коммуниста.

Судьба пришла к нему в улус Ехэ-Бахта в образе нищего русского старика с сумой и букварем, старика-«бичеши», писаря. Он учил бурятских детей искусству складывать слова из странных знаков — «а» — аз, «в» — веи, «б» — буки. Это было первым шагом мальчика на пути к приобщению к великой русской культуре, культуре русского народа, к магической красоте стихов Пушкина, Державина, к гениальной глубине «Войны и мира», наконец, к таланту Максима Горького. И то, что более всего повлияло на жизненный путь «Черномазого-Шустрого», это явилось и первым шагом на пути в революцию. Ведь к ней можно было прийти только при помощи русского языка и русского человека. Ведь в том же старом Балаганске, бок о бок с ленивым попом и чиновниками, с мироедами-купцами жили совсем другие русские люди.

Здесь находилось, во-первых, Балаганское городское училище. Простой сельский учитель, русский интеллигент конца XIX в.— начала XX в., как правило, был носителем светлых идеалов, которые воодушевляли поколения русских революционных демократов. Такой же бедняк, как и окрестные буряты и крестьяне, такой же пролетарий, как рабочий люд этого уездного города, не обремененный богатством — разной движимой и недвижимой собственностью, всеми этими паровыми мельни-

цами, домами и складами, он тихо и скромно делал свое большое дело, исторически важное дело просвещения народа.

В старом Балаганске, в городском училище были и такие люди, которые на рубеже двух столетий поднялись до революционного мировоззрения, пошли затем за большевиками. В Балаганском городском училище среди учителей трудились такие люди, как Аркадий Бажин, который работал впоследствии заместителем наркома просвещения в Советской Бурятии, продолжая на этом ответственном посту дело просвещения бурятских детей, начатое на Ангаре. Учительница Вера Ясенская кончила свою жизнь как герой, как мученик революции... Она пала в боях с кулаками-белобандитами осенью 1920 г. в селе Голуметь. Вместе с коренными сибиряками в этом училище работали политические ссыльные Семен Денисенко, А. Андреев, Д. Киселев, впоследствии советский дипломат. В их обличье судьба второй раз пришла к «Черномазому-Шустрому» и помогла окончательно, бесповоротно выбрать себе дорогу на всю жизнь, вместе с партией и народом.

О всем этом жизненном пути Михея Ербанова, о том, что произошло в дальнейшем, рассказывает небольшая книга в красном переплете со скупой и скромной надписью на обложке: «М. Н. Ербанов». Только и всего: одни только инициалы, одна только фамилия этого человека и ничего более. Вероятно, этого вполне достаточно, потому что имя Ербанова в Бурятии знает каждый взрослый человек, каждый ребенок, который умеет читать. Потому что с этим именем связана история революционного движения в Бурятии конца XIX — начала XX столетий, все строительство новой жизни вплоть до конца 30-х гг.

Авторы книги любовно и заботливо, по крупицам, собрали биографический материал Ербанова. Они широко использовали литературные источники — газеты, брошюры, извлекли из пыли архивов различные документы, так или иначе принадлежащие самому М. Н. Ербанову и связанные с его деятельностью: из фондов партийного архива Иркутского обкома КПСС, Новосибирского партийного архива, партархива Бурятского обкома партии.

В книге звучат живые голоса его соратников, русских и бурят, участников революционного движения и строительства новой Бурятии. Используются воспоминания таких людей, как Ф. Д. Ильиных, в нелегальном социал-демократическом кружке которого в свой барнаульский период М. Н. Ербанов изучал марксизм. «Ербанов,— пишет в 1961 г. Федор Ильиных,— занимался у меня в кружке с товарищами Байновым и Байковым А., был самым активным членом кружка. Не будучи членом партии

в те годы, он выполнял все наши поручения». Как пишет сам Ербанов в анкете, он в те годы (после 1913 г.) состоял в социал-демократической барнаульской группе и работал под характерной кличкой «Жнеой» (вспомним «шустрого» мальчика из улуса Ехэ-Бахта) Здесь его заметила охранка и столь же метко назвала «киргизенком». «Киргизенок» явно доставлял ей немало хлопот своей работой: он неустанно занимался революционной пропагандой и распространял нелегальные социал-демократические издания.

После Балаганска Томск — тогдашний центр научной и культурной жизни Сибири. Город и тогда студенческий. В нем существовал первый в Сибири университет. Затем — Барнаул, где еще в XVIII в. трудился замечательный русский изобретатель и ученый Ползунов. Наконец — родной Иркутск. Таковы вехи жизненного пути Ербанова перед революцией.

Иркутск, как справедливо говорится в книге, занимал особое место в тогдашней Сибири. Это был не только административно-политический центр Восточной Сибири. Отсюда шла дорога на Восток. Вспомним хотя бы Муравьева-Амурского и деревянную монументальную арку с гордой надписью на фронтоне: «Дорога к Великому Океану». Здесь жили купцы и золото-промышленники, с сибирским размахом ворочавшие миллионы. Имена Второвых, Шелкуновых, Сибиряковых гремели не только по всей Сибири, но и далеко за ее пределами. В Иркутске с половины XIX в. действовал замечательный научный центр на общественных, как сказали бы мы теперь, началах, каким был Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, ВСОРГО. Он был в то время прославлен именами А. Шапова, Н. Витковского, И. Черского, Д. Клеменца и других исследователей Сибири, пролагавших первые тропы в глубь Северной и Центральной Азии. И вполне закономерно, в Иркутске была ключом, по тогдашним масштабам, общественная жизнь. Шла напряженная идейно-политическая борьба между сторонниками различных политических направлений и партий.

В этой борьбе на долю М. И. Ербанова выпала особая роль, он занял в ней свое собственное место, прежде всего потому, что был бурятом, представителем молодой, но активной политически и в культурном плане бурятской интеллигенции. Это было время, когда с большой остротой встал вопрос о судьбе бурятского народа, о перспективах его дальнейшего развития, о его месте в политической жизни страны. Решение этого кардинального для интеллигенции вопроса, поставленного жизнью с гамлетовской остротой — «Быть или не быть», зависело от классо-

вого мировоззрения участников диалога. В конечном счете — от реального хода исторического процесса, от конкретной расстановки классовых сил как внутри бурятского общества, так и вне его, в тогдашней России.

Было бы глубочайшей ошибкой игнорировать давление этих сил на поведение тех или иных представителей бурятской интеллигенции. Давление той классовой идеологии, во власти которой они находились. Общеизвестно, что многие из популярных и авторитетных в то время лидеров бурятской интеллигенции выражали интересы вызревавшей крупной и тем более мелкой буржуазии своего народа, кулачества, купцов, промышленников. Тем важнее, что существовало и все более становилось реальной силой иное направление, сторонники которого вступили в конфликт с идеологами бурятской буржуазии, объявили им бескомпромиссную борьбу — войну буржуазному национализму.

Не вдаваясь в детали этой борьбы, можно вспомнить интереснейший рассказ об одном из первых выступлений М. Н. Ербанова против эсеров и буржуазных демократов, который приводят авторы книги. В ноябре 1916 г., — рассказывает в своих воспоминаниях Ф. Р. Коняев, активный участник этой борьбы, — юный еще Ербанов выступил с докладом для учащихся по острейшему в то время вопросу — «О происходящей войне, как войне империалистической». И тогда же бросил перчатку, по его собственному выражению, «бурятским тузам» Асалханову, Забанову, Холодову, Трубочеевой, стоявшим на позициях продолжения этой войны «до победного конца». Как вспоминает Коняев, «тузы были ошарашены тем, что какой-то никому не известный землемер оказался языкастым и весьма эрудированным».

Дальнейший ход событий, Февральская революция еще более усилили размежевание среди бурятской интеллигенции, обострили борьбу между прогрессивными течениями и реакционными группировками. После февраля происходит консолидация противоположных лагерей. На одной стороне находился сильный в то время лагерь буржуазной интеллигенции, нойонов, кулаков и лам. Возглавляемый организационно «Бурятским национальным комитетом», а затем «Бурятской Народной Думой», этот лагерь поддерживал Временное правительство, разделяя его внешнюю и внутреннюю политику. Идейной его платформой был буржуазный национализм, стремление обособиться от русского рабочего класса, закрепить и сохранить национальную обособленность, а вместе с ней свободу эксплуатации собственного трудового народа.

На другой стороне находился революционно-демократический лагерь, сторонники которого выражали в своих выступлениях чаяния трудовых масс бурятской народности, стремились опереться в своей борьбе на русский рабочий класс. В нем передовое место принадлежало тем, кто разделял идеи большевистской партии, кто боролся под лозунгом «Вся власть Советам». И одно из первых мест в нем принадлежало уже в то время М. Н. Ербанову. По словам А. А. Убугунова, он совершенно четко высказал свои убеждения о неизбежности закономерного перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, о неизбежности и закономерности победы власти Советов. В своей практической деятельности Ербанов последовательно и неизменно следовал по этому пути. Таково было, в частности, его отношение к Бурнацкому, где он активно боролся против бурятских буржуазных националистов, как пособников русской буржуазии.

В тяжелые времена колчаковщины, когда ночь опускалась над Сибирью, когда атаман Семенов зверствует за Байкалом, М. Н. Ербанов ведет работу в большевистском подполье. Здесь партиигодились профессиональные способности и квалификация землемера-чертежника Ербанова. Он ведет столь же опасную, как и ответственную, работу в подпольном «паспортном бюро», изготавливая паспорта и всяческие документы, необходимые для повседневной работы подпольщиков-коммунистов и для спасения товарищей, которым угрожал расстрел. Так были спасены революционеры, бежавшие из Александровского централа, которых колчаковцы намеревались отправить в Читу к атаману Семенову, чтобы он уничтожил их без суда и следствия в своих застенках.

Вместе с крупным партийным организатором И. В. Сурновым М. Н. Ербанов совершает рискованную, но важную по своим результатам «инспекторскую», как бы сейчас мы сказали, поездку в рабочее Черемхово, в Балаганск и по бурятским улусам. Так были установлены контакты с народом, с активистами большевистской партии и сочувствующими ей людьми. Контакты, которые имели большое значение для успеха работы в дальнейшем. В результате возникли нелегальные партийные группы, а затем образовались и партизанские отряды, которые внесли свой вклад в дело окончательного разгрома колчаковщины, в борьбу за Советскую власть.

М. Н. Ербанов в это время — член подпольного губкома РКП(б), он участвует как председатель губревкома при исполнении приговора Колчаку и Пепеляеву 7 февраля 1920 г.

Новый этап в жизни Ербанова наступает в период становления бурятской автономии, в то время, когда бурятский народ впервые в истории получает собственную государственность. Борьба за бурятскую автономию на основе ленинской национальной политики была борьбой на два фронта, против великодержавного шовинизма, выражавшего интересы разгромленной русской буржуазии и помещиков, и против буржуазного национализма, питавшегося идеологией эксплуататорских классов бурятского народа. В книге собран большой и яркий материал, рисующий остроту, а вместе с тем сложность этой борьбы.

В дальнейшем М. Н. Ербанов всей своей силой, страстью отдается строительству новой, социалистической Бурятии. Он, испытанный в своей верности делу партии руководитель бурятских большевиков, выдвигается на ответственный пост председателя ЦК бурят Восточной Сибири. Выступает с основными докладами на Учредительном съезде трудящихся бурят Российской Федерации. Съезд избирает Революционный комитет (Бурревком) во главе с М. Н. Ербановым. А 9 января 1922 г. ВЦИК издает историческое постановление об образовании Бурятской автономной области РСФСР, куда вошли районы, занимаемые ныне Усть-Ордынским округом, и левобережные аймаки Бурятской АССР. Чтобы представить масштабы начатой работы, ее трудности, ее перспективы, следует принять во внимание тяжелое положение экономики в то время. Последствием гражданской войны и разгула контрреволюции, бандитизма семеновщины была разруха в промышленности и сельском хозяйстве. Неурожай привел к голоду в ряде районов. Авторы приводят такие документы-факты, как письмо судьи первого участка Селенгинского аймака Мезенцева, который просил выдать ему на лето сапоги, а на зиму валенки. Судья этот вынужден был «за отсутствием лошадей» в рваной обуви ходить пешком за сто километров.

В республике насчитывалось 42 дацана, а в них действовало более десятка тысяч лам, висевших тяжелым грузом на экономике и активно работавших против Советской власти. Такой же реакционной силой среди русского населения были старообрядческие начетчики и уставщики. И эту труднейшую работу партия поручила возглавить М. Н. Ербанову. На первом съезде Советов Бурятии был организован Совет Народных Комиссаров. Председателем правительства Бурятии избрали М. Н. Ербанова, а его соратника М. И. Амагаева — председателем ЦИК Бурятской АССР.

Авторы книги обстоятельно рассказывают о неутомимой деятельности Ербанова на этом высоком и ответственном посту.

Они правы, когда пишут: «Трудно даже перечислить все большие и малые вопросы, которыми приходилось заниматься М. Н. Ербанову, как главе правительства Бурятии». Нужно, однако, отметить, что в ходе своей деятельности в Бурятии он вышел за ее пределы, за пределы своего родного края и является видным государственным деятелем нашей страны в целом. «Он,— пишет в своей вступительной статье к книге А. У. Модогов,— делегат ряда партийных съездов. Со Второго съезда Советов Ербанов бессменно член ЦИК СССР, кандидат в члены и член Президиума ЦИК СССР четвертого, пятого и седьмого созывов». Что не менее важно, как деятель ленинского типа, как берный ученик Ленина, всю свою практическую деятельность он строил на основе марксистской теории. Учился сам неустанно и учил других на своем огромном опыте революционной борьбы и строительства социалистического общества. И здесь его, как одного из видных деятелей в области национального строительства, как признанного лидера бурятского народа, характеризует внимание и живой интерес к проблемам национальной политики.

С самого начала в оценке сложных событий политической, культурной и экономической жизни, в оценке перспектив развития своего родного бурятского народа он исходил из марксистско-ленинской оценки расстановки классовых сил. Учение Маркса и Ленина о классах и классовой борьбе как движущей силой исторического процесса было для него верным и надежным компасом. И этот компас ни разу его не подвел. М. Н. Ербанов решительно и неустанно крепил дружбу русского и бурятского народов. Вся его деятельность как коммуниста, как революционера была пронизана стремлением к осуществлению ленинской национальной политики. Ербанов был последовательным и убежденным интернационалистом.

Когда перелистываешь страницы этой книги, где говорится о жизни М. Н. Ербанова, невольно вспоминается одно место из «Одиссеи» Гомера. Может быть, строгие читатели удивятся — причем здесь Гомер и Одиссей? Почему занесло Окладникова в древнегреческий эпос, когда речь идет о Ербанове? Скажу сразу — потому что Гомер был человеком и складывал свои поэмы о человеке и его судьбе, пел, перебирая струны своей кифары, для человека. А перед нами жизнь человека большой и необычной судьбы, интересной не только в политическом, но и в философском, общечеловеческом плане.

Значение этой книги, как и всех других таких книг о деятелях революции, еще и в том, что она учит другие поколения,

является призывом следовать их прекрасному примеру. Так же, как когда-то служили примером для юношей древней Греции сказания о ее героях.

Остается только сказать, что тираж книги слишком мал. Что ее можно было еще более обогатить материалом, в том числе воспоминаниями и иллюстрациями. Тем самым шире развернуть исторический фон.

ПРЕДИСЛОВИЕ ¹

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет.
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Так написал в свое время, в декабре 1883 г., А. А. Фет на книге стихотворений Ф. И. Тютчева.

В этих словах нашел свое художественное выражение, свою поэтическую формулу широко распространенный в прошлом взгляд на историю и культуру не только названных народностей, обитателей «сыртов» — бескрайних степей Средней и Центральной Азии, чукчей и зырян-коми, но и на множество других племен и народов, которые считались «неисторическими», якобы не имевшими культуры, представителями «примитивных», «низших рас». Такой взгляд, выражавший идеологию эксплуататорских классов, господствовал и в исторической науке. Именно так, высокомерно и презрительно, с высот «европейской культуры», а в действительности с расистских шовинистических позиций, рассматривали буржуазные историки и этнографы историческое прошлое множества народов колониальных и зависимых стран, в том числе коренных обитателей Сибири и Дальнего Востока.

Разумеется, издавна высказывались и противоположные взгляды. Звучали и другие голоса, принадлежавшие тем, кто искренне и глубоко верил в единство человеческого рода, кто с уважением и сочувствием относился ко всем представителям великой семьи человечества независимо от расовой принадлежности, от цвета их кожи или волос. Таков был еще в жестокие времена расцвета феодально-крепостнического государства русских помещиков голос А. Н. Радищева.

«Рабства враг и друг свободы», Радищев, сосланный в Сибирь, своими глазами видел, какую жизнь вели исконные сибир-

¹ В. Н. Увачан. Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере. (Исторический очерк). М., «Мысль», 1971, стр. I—VIII.

ские жители, соприкасался с ними, слышал их речь, чуждую и незнакомую. И там же, в далекой Сибири, он написал свое замечательное произведение, одно из первых исследований по истории этой страны. Это была повесть не о завоевании Сибири, а о «приобретении» ее русским народом для русского государства. В ней впервые речь шла не о деятельности царских воевод и самих царей, а о великом подвиге народа, о славных делах и трудах простого человека. В этом произведении Радищева дана сжатая, но четкая и впечатляющая картина предшествующих присоединению Сибири исторических событий далекого прошлого, начиная с каменного века, затем бронзового и железного веков, вплоть до времени монголов Чингисхана.

С тех пор шла, не утихая, борьба двух лагерей, двух направлений: демократически-прогрессивного и реакционного, гуманистического и шовинистического. И если уж зашла речь о поэзии, то, конечно, в памяти каждого из нас звучат слова другого поэта, величайшего из русских поэтов, Александра Пушкина, вырезанные на постаменте его памятника, слова, известные всему миру:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Это было завещание великого поэта, обращенное к грядущим поколениям, пронизанное чувством гуманизма и верой в светлое будущее его отечества, в высокое назначение человека на Земле.

Фет и Пушкин, Пушкин и Фет...

Всего лишь два четверостишия, но в каждом из них — целое мироздание! Два противоположных взгляда на историю человечества! И не случайно в «Памятнике» Пушкина упомянут «ныне дикой тунгуз».

А. С. Пушкина, как мы знаем, живо и глубоко волновали исторические судьбы его страны, судьбы ее многочисленных народов. Пушкин — историк и мыслитель, не раз обращался в своих исторических разысканиях о делах и думах народных к нашему Северу, к его обитателям. Известно, например, с каким интересом читал он бессмертное произведение солдатского сына и академика Степана Крашенинникова о земле Камчатской и ее обитателях, о чукчах, коряках, и камчадалах-ительменах. Труд Крашенинникова пронизан уважением и симпатией к этим племенам, к их жизнерадостной и поэтической, как в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, мифологии, к их по-детски

наивным верованиям, к их своеобразной культуре, к их упорной борьбе с суровой и враждебной природой.

Советской исторической науке, и в первую очередь археологии, принадлежит честь открытия глубоких исторических корней, истоков этих самобытных и по-своему высоких культур, созданных северными племенами, тех культур, без учета которых любая всемирная история культуры человечества была бы неполной, ущербной и, следовательно, искаженной.

Еще сто лет тому назад, в 1871 г., при земляных работах в городе Иркутске неожиданно была открыта в желтой земле вместе с костями ископаемой лошади и носорога коллекция художественных изделий, вырезанных из бивня мамонта кремневым резцом первобытного художника.

Позднее на скалах Ангары и Лены были найдены настоящие художественные галереи неолитических охотников на лосей и маралов.

И совсем уже недавно на диких пустынных берегах тундренной речки Пегтымель геологи нашли поражающие своей живостью и этнографической точностью наскальные изображения. Рукою древних художников выбиты на камне охота с лодок на плывущих северных оленей, люди, вооруженные гарпунами, мифические женщины, мухоморы из шаманских фантастических легенд и видений.

Пять, десять и двадцать тысяч лет тому назад в самых отдаленных уголках Сибири, в том числе на мерзлой чукотской земле, у бродячих племен тайги и тундры работали художники-реалисты, слагались эпические сказания и песни, зрели красочные мифы и легенды. Не они ли, безвестные поколения художников тундры, тайги и безбрежных сибирских степей, уходящих в глубь Центральной Азии, проложили здесь не только первые охотничьи тропы, но и создали подпочву для собственного чукотского «Анакреона» — Юрия Рытхэу, для своих Гомеров — сказителей олонхо и улигеров, красотой которых и эпическим богатырским размахом наслаждается весь образованный мир нашего века?

Среди народов Севера особое и видное место всегда занимали тунгусские племена с их своеобразной культурой. Тунгусы, широко рассеянные по просторам Северной Азии племена, большая часть которых известна теперь под собственными именами эвенков и эвенов, давно и заслуженно привлекают внимание исследователей — историков, археологов, антропологов, лингвистов, этнографов.

Тунгусы — один из древнейших народов азиатского материка. Археология выразительно свидетельствует об этом своим

ми памятниками. В древних захоронениях на берегах Ангары, Лены и Шилки найдены остатки типично тунгусской одежды, изумлявшей этнографов своим оригинальным покроем, неповторимым орнаментальным стилем ее украшений. Таковы блестящие перламутровые бусины и круги из полудрагоценного камня — нефрита, некогда унизывавшие характерно тунгусский легкий передник, «камзол» или «фрак», столь непохожий на мешковатые двуслойные одежды-комбинезоны арктических племен, на тяжелые шубы степняков — монголов и тюрков или на кухлянки самоедских племен.

Много тысячелетий тому назад, еще в каменном веке, тунгусы создали не только эту одежду, максимально приспособленную к подвижной беспокойной жизни в сибирской тайге и тундре, к жизни бродячих охотников, рыбаков и оленеводов. Они изобрели дымокур, позволивший им переносить яростные атаки комаров и мошки, таежного гнуса. Соорудили такое же идеальное в тех условиях существования легкое переносное жилище в виде конического шатра, крытого вываренной берестой или мягкой, выделанной, как бархат, замшей — ровдугой. Построили первую берестяную лодку, позволившую оседлать быстрые горные реки и пороги. Изобрели многое другое, без чего жизнь в тайге была бы невозможной и сама тайга осталась бы на тысячелетия безлюдной.

Со временем в их жизни произошло решающее событие. Когда наступило время перехода от первобытного присваивающего хозяйства охотников и рыболовов, собирателей дикорастущих съедобных растений к производящему хозяйству, тунгусы приручили дикое и пугливое животное — северного оленя. Домашний олень, по меткому выражению В. Г. Тан-Богораза, «окрылил» тунгуса и сделал его подлинным хозяином беспредельных пространств тайги от Ледовитого океана до Байкала и монгольских степей.

Тунгусские племена еще в той же глубокой древности внесли свой вклад и в бурные события политической истории, притом не только азиатской, но и самой Европы. На тунгусских языках говорили те, кто создал десять и более веков тому назад могущественные государства, славившиеся своей экономической, политической и культурной мощью, Бохай и Цзинь. И еще раньше того перед стенами гордого Рима под предводительством Аттилы — «божьего бича» — появились гунны, в могильниках которых обнаружены черепа палеосибирского типа, такие же, как у современных эвенков на берегах Байкала, считавшихся прежде народами без истории.

Тунгусские племена и народы прошли длительный и сложный исторический путь. Со временем они вошли в орбиту многонационального русского государства. Это событие явилось поворотным пунктом в их истории, так как, несмотря на гнет царизма и вопреки ему, они испытали множество прогрессивных перемен в процессе общения и взаимодействия с русским трудовым народом, с передовой русской культурой.

Но ни с чем не сравнимые перемены произошли в жизни наследников древней таежной культуры, под гнетом царизма находившихся на грани вымирания, этих вечных скитальцев, после Великой Октябрьской революции, когда они встали на новый жизненный путь, когда перед ними открылись невиданные ранее горизонты экономического, политического и культурного расцвета. И тут всему миру стало очевидно, что поэт был прав, пророчески предсказывая время, когда его имя вместе с «гордым внуком славян» назовет и «ныне дикой тунгуз».

На наших глазах торжествует Пушкин свою победу: в Арктике расцветают красочные цветы самобытной национальной литературы и поэзии. И Тютчев пришел и к зырянам, и к чукчам. Более того, настало время, когда у тунгусов появились не только читатели и поклонники произведений Пушкина, узнавшие их в переводах с русского на собственном родном языке, но и свои тунгусские поэты, и собственные ученые, чьи сердца волнуют исторические судьбы как своего народа, так и других братских народов нашей страны.

Одним из таких ученых, а вместе с тем и общественных деятелей, строителей нового социалистического мира является и автор этой книги Василий Николаевич Увачан. Чтобы яснее стало содержание и значение этой книги, следует сказать несколько слов о ее авторе, о его жизненном пути. Это тем более естественно, что книга эта, хотя и не является автобиографической, по сути своей имеет автобиографический подтекст — в широком смысле слова. В ней речь идет, конечно, не о самом авторе, но об историческом пути его собственного народа и народов, имеющих одну с ним судьбу. Все это неразрывно связано с ходом событий и общей исторической законсервированностью. Автор пишет об их судьбе как о своей собственной. Он видит события не извне, не издалека, а из самой глубины своего народа, не как посторонний наблюдатель, а как живой и непосредственный участник изучаемых событий.

Итак, перед нами Василий Увачан, сын своего народа и своего времени. Символично уже то, что он ровесник Октября. В 1917 г. в семье бедного охотника Николая Увачана в далеком селе Кресты северного Катангского района родился сын Васи-

лий. И если прежде ему было бы суждено от начала дней и до конца жизни знать только мир тайги, гнаться за быстроногими оленями, то теперь перед маленьким эвенком открылась широкая дорога в новую и удивительную жизнь.

В 1934 г. он становится во главе отряда своих еще более юных соотечественников, пионеров Катангского района. В 1935 г. способного эвенкийского паренька направляют на учебу в Ленинградский техникум Института народов Севера, в эту замечательную кузницу национальных кадров, давшую немало ценных работников, борцов за дело социализма. Потом он поступает в плановый институт, а в 1940 г. направляется в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). И оттуда, из Ленинграда и Москвы, Увачана снова притягивает, как магнит, родная тайга. Теперь он лектор Красноярского краевого комитета ВКП(б), а затем секретарь по агитации и пропаганде Эвенкийского окружкома партии.

Спустя несколько лет — снова учеба, снова работа в родной Эвенкии первым секретарем окружного комитета КПСС. Затем Академия общественных наук при ЦК КПСС, защита кандидатской диссертации и преподавание в Новосибирской партийной школе, в Сибирском технологическом институте в Красноярске. Сын неграмотного охотника-эвенка выступает с кафедры высшего учебного заведения! Если бы об этом могли услышать теперь те, кто считал тунгусов людьми низшего сорта, обреченными на вечную «дикость»...

В 1961 г. Василий Увачан — первый кандидат исторических наук и первый доцент из эвенков — избирается вновь первым секретарем Эвенкийского окружкома партии. В 1950, 1962, 1966 и 1970 гг. Василий Увачан представляет свой народ, своих избирателей в парламенте Советского Союза. Он депутат Верховного Совета СССР, а вместе с тем видный деятель нашей партии, делегат XXII, XXIII, XXIV съездов КПСС. На XXIII и XXIV съездах КПСС его избирают членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС. И все это время он сочетает активную государственную и партийную работу с научной и научно-общественной деятельностью: Увачан — член комиссии Академии наук СССР по проблемам национальных отношений, член Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

И новый большой шаг вперед: в мае 1970 г. сын катангского эвенка — опять-таки впервые в истории не только своего народа, но и других народов Севера — успешно защищает докторскую диссертацию, ему присваивают ученую степень доктора исторических наук. Таков насыщенный динамикой жизненный путь автора этой книги. Путь этот сам по себе служит одним

из ярких примеров, характеризующих содержание книги, иллюстрирующих путь к социализму угнетенных прежде и возрожденных к новой жизни ленинской национальной политикой народов.

На XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Одним из самых крупных завоеваний социализма является практическое осуществление партией ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы народов... Партия и впредь будет укреплять Союз Советских Социалистических Республик, последовательно осуществляя ленинский курс на расцвет социалистических наций и их постепенное сближение»².

Осуществление ленинской национальной политики является выдающимся достижением Коммунистической партии, обеспечившим ликвидацию фактического неравенства народов в экономическом и культурном отношениях, их переход к социализму, минуя капитализм.

«Путь народов Севера к социализму» — так и называется эта книга. Она посвящена не одному народу, не только сородичам автора — эвенкам-тунгусам, а обширной группе народностей, проживающих на колоссальных пространствах значительной части Северной Азии — Енисейского Севера. Здесь живут эвенки (тунгусы), ненцы (самоеды), энцы (енисейские самоеды), тюркоязычные долганы, нганасаны (тавгийцы, тавгийские самоеды), селькупы (остяко-самоеды), кеты (енисейские остяки, как их называли ранее) и якуты-саха.

Много лет своей жизни посвятил В. Н. Увачан изучению истории народов Севера. С большим удовлетворением рекомендуем его труд читателям.

---

² См.: Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта 1971 года. М., 1971, стр. 93.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

Раздел I

Прибайкалье и Забайкалье в VI—XVII вв.

Культурно-этнические связи тюркского Прибайкалья в VI—X вв. с Западом	13
Древняя тюркская культура в верховьях Лены	22
Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время	34
Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье	44
Буряты. Расселение и происхождение. Хозяйство	61
Об исторических истоках дружбы русского и бурятского народов (XVII в.)	102
Из истории русско-бурятских отношений в XVII в.	124

Раздел II

Древнее искусство Восточной Сибири и проблемы его связей с культурой бурят

На рубеже Востока и Запада	135
Бурятские легенды о хозяевах Лены и Шишкинские скалы	158
Конь и знамя на ленских писаницах	178
Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят	193
Позднейшие писаницы Шишкинских скал	199
Идейное содержание селенгинских писаниц	224

Раздел III

Из истории археологических исследований в Бурятии

Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья	255
Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях Кабанска.	276
Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии.	280
Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г.	287
Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР.	297

Археологические исследования в низовьях реки Селенги . . .	302
Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947— 1950 гг.	307
Археологические исследования в Бурят-Монголии	315
Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом	330
Археологические исследования в бассейне р. Уды летом 1958 г. . .	336

Раздел IV

Бронзовый и железный века в Бурятии

Олений камень с реки Иволги	343
Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном За- байкалье	361
Археологические исследования вблизи станции Оловянная . . .	378

Раздел V

Древнекаменный век Бурятии и Забайкалья

Палеолит Забайкалья. Общий очерк	385
Палеолитическое поселение в Солатино	416
О древнем поселении Санный мыс	422
Работы в Ошурково в 1958 г.	428
Варварина гора — новый памятник леваллуазского этапа палео- лита за Байкалом	436

Раздел VI

Большая судьба Михея Ербанова	441
Предисловие [к книге В. Н. Увачана «Путь народов Севера к социализму»]	450

Алексей Павлович Окладников

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БУРЯТИИ
[Бурятский филиал СО АН СССР]

Редакторы БФ СО АН СССР **Р. П. Монсеева,**
Л. Д. Шестакова.

Редактор издательства **П. Ф. Калашников**
Технический редактор **М. Д. Жигжитова**

Обложка художника **Д. Д. Гармаева**

Корректоры **Л. А. Адушеева, Е. И. Борисова,**
Ц. М. Гэндэнова

Сдано в набор 1/IV-1976 г. Подписано к печати 2/XI-1976 г.
Объем в усл. п. л. 26,74. Уч.-изд. л. 26,25. Формат 60×84^{1/16}
Бумага тип. № 1, сорт I. Тираж 1000. Заказ № К-100.
Н-02578. Цена 1 р. 86 коп.

© Бурятское книжное издательство, г. Улан-Удэ,
ул. Советская, 25.

Иркутская областная типография № 1 областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Иркутск ул. К. Маркса, 11.

1 р. 86 к.

